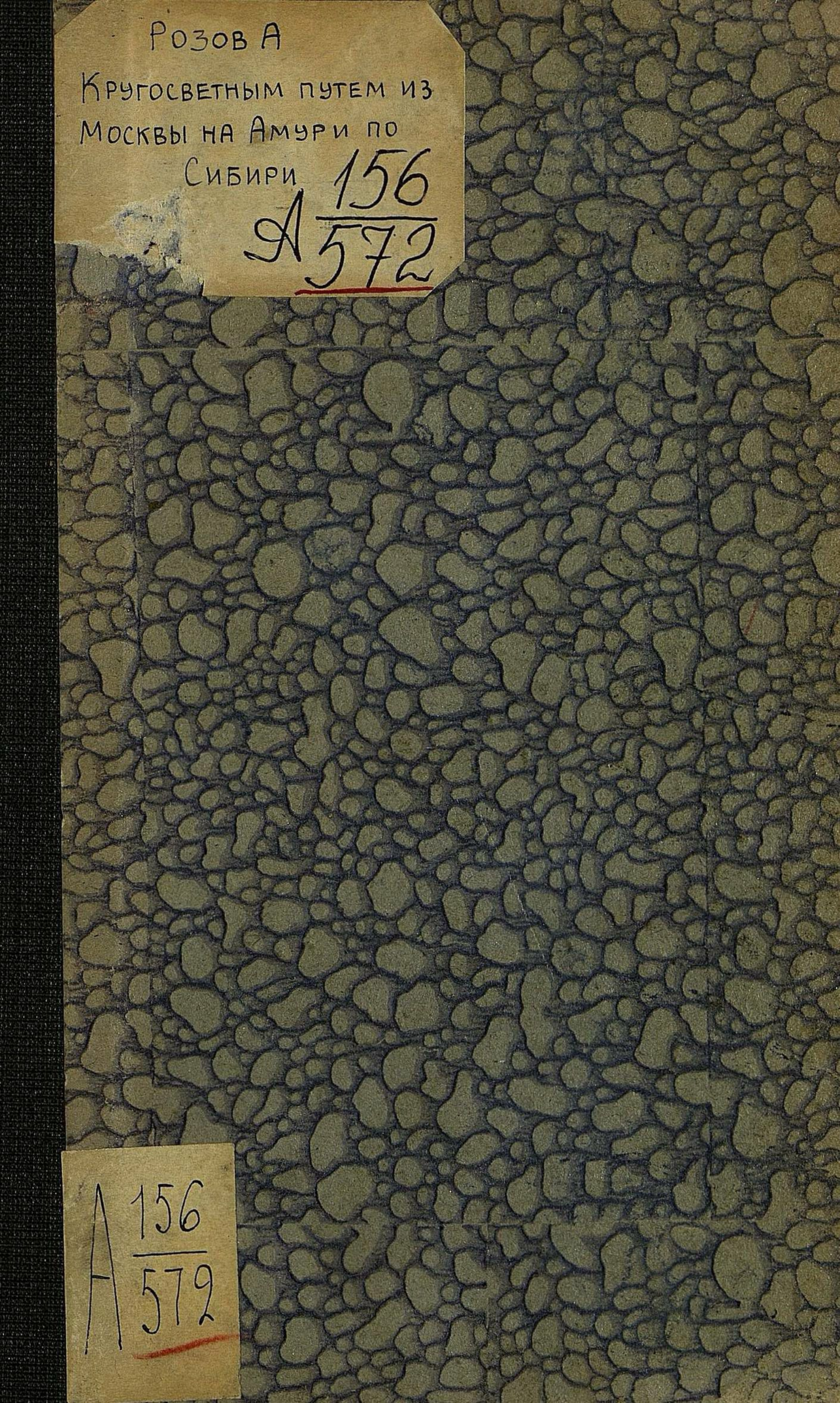
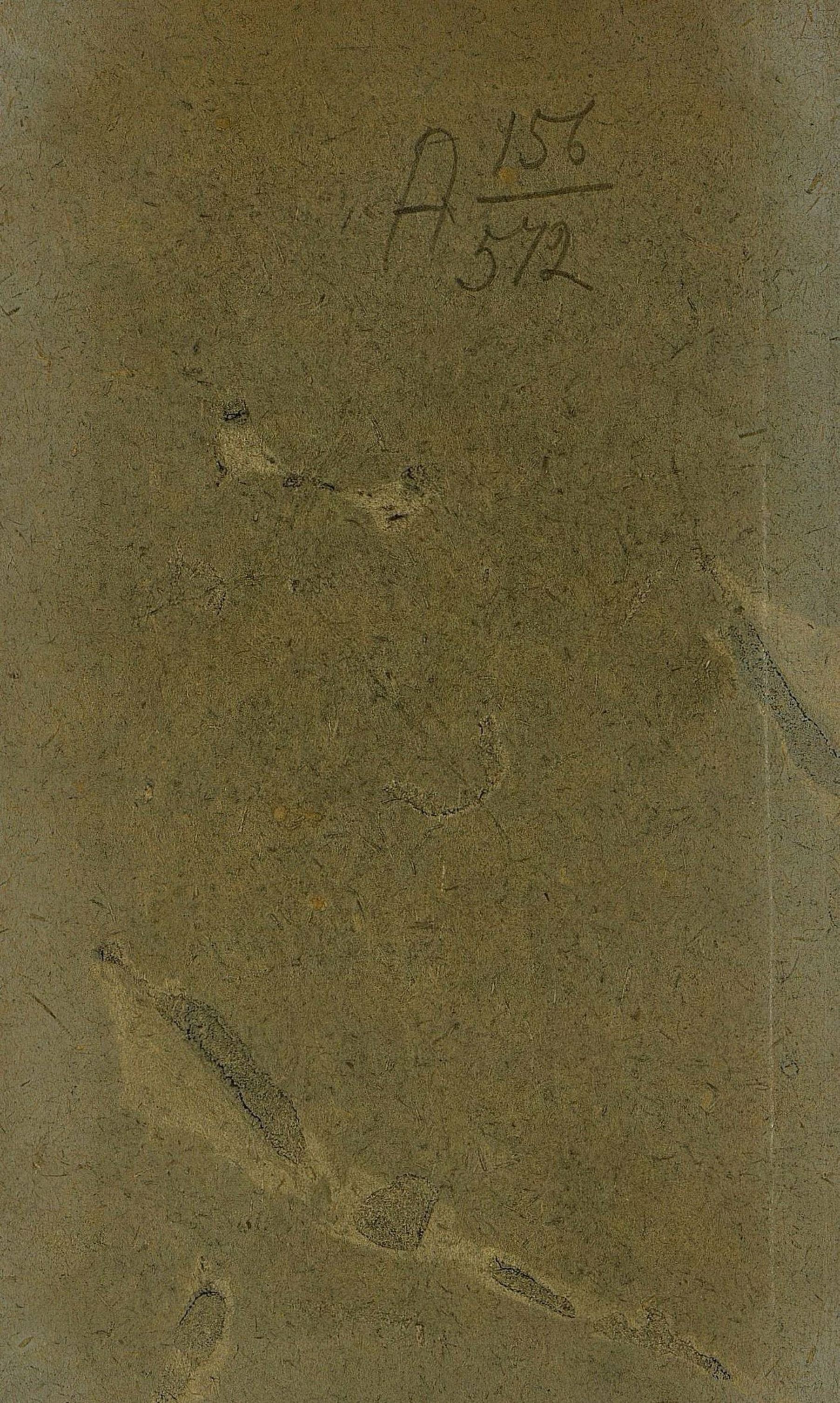

Розов А
Кругосветным путем из
Москвы на Амур и по
Сибири
156
А 572
А 156
572


A 156/572

Кругосвѣтнымъ путемъ

Изъ Москвы на Амуръ

и

по Сибири

дѣйствительнаго члена и корреспондента ученыхъ обществъ

А. И. Розова.

Содержаніе книги:

1. Изъ Москвы до Одессы, въ Одессѣ, въ Ялтѣ.— 2. Кругосвѣтнымъ путемъ на пароходѣ Добровольнаго Флота: въ Константинополѣ, въ Египтѣ, въ Индіи, въ Китаѣ, въ Японіи.— 3. На дальнемъ востокѣ.— 4. „Пьяный хлѣбъ", — о проявленіи дурнаго вреднаго хлѣбнаго зерна въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.— 5. Современное состояніе сельскаго хозяйства на дальнемъ востокѣ.— 6. Какъ воспользоваться богатствами Сибири,—къ переселенческому вопросу.— 7. Гужомъ.— 8. По „Сибирской Италіи". — 9. Приложенія и объявленія.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1889

Цѣна 1 руб. сер.

КРУГОСВѢТНЫМЪ ПУТЕМЪ

ИЗЪ МОСКВЫ НА АМУРЪ

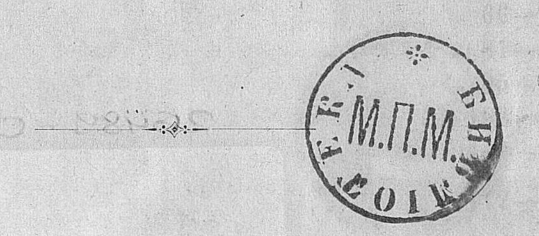
и

ПО СИБИРИ.

Популярно-научное изложеніе 31,000 верстъ кругосвѣтнаго путешествія, совершеннаго съ августа мѣсяца 1887 г. по іюль 1888 года.

Дѣйствительнаго члена и корреспондента Ученыхъ Обществъ

А. И. Розова.



МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

1889

Дозволено цензурой. Москва, 2 февраля 1889 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗЪ МОСКВЫ НА АМУРЪ

и

ПО СИБИРИ.

ГЛАВА I.

(Путевые наброски).

Изъ Москвы до Одессы.

Я выѣхалъ изъ Москвы 11 августа въ шесть часовъ вечера по Курской желѣзной дорогѣ, направляясь чрезъ Одессу морями на дальній востокъ, къ рѣкѣ Амуру. Желаніе побывать въ Сибири у меня было давно; путешествія—моя физическая необходимость. А почему я предпочитаю Азію Европѣ, почему не ѣду въ Парижъ, въ Лондонъ, въ Берлинъ, въ Италію наконецъ, а предпочитаю ѣхать въ Сибирь? Потому что не могу помириться съ направленіемъ жизни запада, съ ея системой культуры для единицъ въ ущербъ массѣ, съ ея наклонностями, нещадящими десятковъ, сотенъ тысячъ лицъ, которыхъ убиваютъ во время войнъ, или оставляютъ искалѣченными на всю жизнь. Я не могу признать за науку то, что предлагаютъ намъ якобы ученые подъ кличкой политической экономіи и разныхъ правъ. До тѣхъ поръ, пока ученые при своихъ изслѣдованіяхъ будутъ игнорировать жизнь болѣе древнихъ народовъ, чѣмъ европейцы, въ частности азіатскихъ народовъ Китая, Индіи, сартовъ и проч., до тѣхъ поръ выводы, предлагаемые европейскими учеными въ видѣ истинъ, будутъ преждевременны, не полны; современныхъ

людей европейской науки, по моему мнѣнію, достойно назвать лишь *начетчиками*, т. е. начитавшимися книгъ, писанныхъ западно-европейскими мнимо-учеными, какъ начитываются наши церковники-дьячки книгъ церковныхъ: закупорившись въ книгахъ, эти лица становятся куда глупѣе всякаго неграмотнаго старика-крестьянина, живущаго здравымъ смысломъ, и я, признаюсь, цѣню послѣдняго выше во сто кратъ разныхъ магистровъ и докторовъ. Почему Китай при небольшой сравнительно территоріи прогрессируетъ въ народонаселеніи такъ быстро? Почему китаецъ самый трудолюбивый народъ? Почему онъ такъ гуманенъ, что не хочетъ убивать людей, какъ европейцы, во время войнъ, почему у него процвѣтаетъ сельское хозяйство, садоводство? Я всегда полагаю, что ни одинъ европейскій ученый не знакомъ должнымъ образомъ съ этою страною. Вотъ, если угодно, предъ вами выступаетъ и естественникъ, медикъ; они заявляютъ, что *положительная* наука сдѣлала нѣсколько открытій ставшихъ аксіомами. Вы задаете этимъ ученымъ вопросъ: знакомы ли они съ Индіей, съ тѣми силами, о которыхъ повѣствуетъ Радда-Бай? Мнимо-ученый будетъ таращить на васъ глаза и категоричное *нѣтъ* вылетаетъ изъ его устъ; болѣе плутоватый изъ нихъ добавитъ, что эти вопросы только въ послѣднее время стали интересовать ученый міръ, и Парижская академія наукъ начинаетъ поднимать эти вопросы... А между тѣмъ отъ этого вопроса, отъ правильнаго разрѣшенія его, находятся въ полнѣйшей зависимости европейскія такъ называемыя науки—физіологія, психологія, философія, исторія... По крайней мѣрѣ таково мое мнѣніе, и вы теперь поймете, почему я предпочитаю азіатскія государства европейскимъ....

Читаю я какъ-то прошлой весной одну изъ московскихъ газетъ. Одинъ репортеръ на пятнадцати, двадцати строкахъ сообщаетъ, что московское и петербургское купечества предполагаютъ устроить болѣе оживленную и правильную торговлю на дальнемъ востокѣ, на Амурѣ, въ Китаѣ, Японіи и Кореѣ. Прочелъ я, задумался и рѣшилъ съѣздить въ эти мѣста. Беру бумагу и перо, и пишу въ Петербургъ, въ комитетъ Добровольнаго Флота, что такой-то корреспондентъ,

сотрудничающій едва не въ десяти органахъ печати (имярекъ съ указаніемъ), принадлежащій къ корпораціи такихъ-то и такихъ-то ученыхъ обществъ (съ указаніемъ прочтенныхъ въ обществахъ докладовъ), желаетъ проѣхать изъ Одессы во Владивостокъ и обратно безвозмездно, обѣщаясь прочесть о морскомъ пути докладъ въ одномъ изъ ученыхъ обществъ по возвращеніи своемъ изъ путешествія. Комитетъ Добровольнаго Флота былъ столько любезенъ, что выслалъ разрѣшеніе на безплатный проѣздъ. Прекрасно, думаю. Но гдѣ же деньги? Нужно же будетъ, что нибудь ѣсть, пить; нужна одежда, квартира. У меня, видите ли, есть одинъ принципъ, проходящій чрезъ всѣ мои поступки: я рѣшилъ однажды навсегда затрачивать на самого себя не болѣе 300 руб. въ годъ; по моему, и всякій гражданинъ долженъ тратить не болѣе этой суммы. Цифра эта, по моему, равняется общей по государству выручкѣ заработковъ, раздѣленныхъ на число рабочихъ силъ. Такимъ образомъ мои претензіи не велики.

Обратиться въ то или другое ученое общество за требуемымъ денежнымъ пособіемъ я запоздалъ; наступалъ іюнь мѣсяцъ; общества закрыли свои засѣданія до осени; а то очень можетъ быть и пособили бы. Обратиться къ кому либо изъ коммерсантовъ? Но къ кому? Иду прежде всего къ г. З., ведущему торговлю на дальнемъ востокѣ чаями и предложившему свою агентуру купечеству по сбыту товаровъ въ дальнихъ странахъ. Но московскій коммерсантъ и виду не подалъ, что для него будутъ представлять интересъ мои изслѣдованія объ условіяхъ торговли на дальнемъ востокѣ: мы-де двадцать лѣтъ ведемъ торговлю въ краѣ и знаемъ его. Я впрочемъ зналъ, что наше купечество слишкомъ первобытно относится къ предпріимчивости. Разсказываютъ такой анекдотъ. Одинъ изъ извѣстныхъ московскихъ коммерсантовъ М. отправилъ большую партію разнаго товара въ Китай, не изслѣдовавъ мѣстности, запроса жизни на сортъ и достоинство товара. Товаръ не шелъ съ рукъ и залежался. Въ то же время англичане, изслѣдовавъ мѣстность, закупивъ у того же М. самый худшій по качеству товаръ, сбыли его въ томъ же Китаѣ по прекрасной цѣнѣ... Вотъ какое важное значеніе имѣетъ спеціальное изслѣдованіе.

Встрѣтивъ у г. З. неудачу, подаю двѣ докладныя записки на имя высокопоставленныхъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ краю, куда я ѣду. Но проходитъ полмѣсяца, наконецъ, мѣсяцъ, отвѣта никакого; между прочимъ наступало время къ отплытію послѣдняго въ настоящій годъ парохода изъ Одессы во Владивостокъ. Можетъ быть на посланныя докладныя записки я со временемъ и получу благопріятный отвѣтъ, но вѣдь это современемъ, а теперь, упустивши время къ отъѣзду, я принужденъ буду дожидаться весенняго времени, т. е. прожить въ томительныхъ сборахъ ровно семь мѣсяцевъ. Нѣтъ, лучше ѣхать теперь, порѣшилъ я. Мало ли, что можетъ быть черезъ полгода; пожалуй и совсѣмъ за это время откажешься отъ поѣздки во всякомъ случаѣ трудной, тяжелой, но производительной.

Уже наступаютъ дни отъѣзда изъ Москвы. Въ карманѣ пустота. Иду однажды Никитской улицей. Выходитъ изъ дома извѣстнаго мнѣ коммерсанта человѣкъ въ красной рубахѣ, здоровенный, рослый дѣтина.

— Дома ли хозяинъ? спрашиваю.

— Дома-съ, пожалуйте, только онъ сейчасъ уѣзжаетъ на поѣздъ.

Вхожу. Г-нъ Б. встрѣчаетъ меня уже готовый къ отъѣзду.

— А, здравствуйте! Какъ поживаете? Съ чѣмъ пожаловали?

Разсказалъ ему свое положеніе, прося пособить, ссудить на дорогу деньгами въ размѣрѣ ста рублей.

— Надо пособить, надо пособить, проговорилъ онъ. Пожалуйста, придите ко мнѣ завтра часиковъ въ пять вечера: я сейчасъ тороплюсь на поѣздъ, а завтра къ этому времени буду дома.

На другой день въ моемъ кошелькѣ было сто рублей. Я былъ счастливъ, хотя эти сто рублей далъ слово возвратить черезъ полгода, самое большое черезъ годъ. И какъ я благодаренъ нашему коммерсанту, не однажды оказывавшему услуги людямъ науки, литературы и всякихъ добрыхъ предпріятій!

11 августа въ пять часовъ вечера я на вокзалѣ Курской желѣзной дороги. Въ это время проѣздомъ чрезъ Москву случился здѣсь г. министръ путей сообщенія. Онъ обходилъ

и осматривалъ вокзалъ. Вотъ онъ выходитъ къ подъѣзду и, ставъ на деревянныя подмостки со стороны уличнаго подъѣзда, осматриваетъ фасадъ вокзала. О, какъ я былъ радъ, что онъ вышелъ на эти деревянныя подмостки, подъ которыми цѣлая пропасть и которыя имѣютъ не одну, а нѣсколько дыръ, такъ что не мудрено иногда спотыкнуться и сломать себѣ ноги и шею. Положимъ, г. министръ, кажется, не обращаетъ на эти дыры вниманія, не распекаетъ желѣзнодорожное начальство, не приказываетъ немедленно починить подмостки, по крайней мѣрѣ я этого не замѣтилъ, но все же хорошо уже и то, что у мѣстнаго начальства, по всей вѣроятности, душа въ пятки ушла отъ испуга, что эти безпорядки, ведущіе иногда къ кукуевскимъ катастрофамъ, могутъ быть замѣчены высшимъ начальствомъ, и что они за свою безпечность въ одну интересную минуту могутъ остаться при печальномъ исходѣ отставки или штрафа.

На другой день подъѣзжаю къ г. Курску, стоящему на рѣкахъ Куръ, Тусна. Среди зелени садовъ возвышаются нѣсколько массивныхъ зданій и церквей. Отъ вокзала желѣзной дороги до города тянется на протяженіи пяти, приблизительно, верстъ соединительная вѣтвь, ведущая прямо въ городъ. Вокзалъ обновляютъ, оштукатуриваютъ; въ единственной залѣ стоятъ тѣснота и духота. Ѣду далѣе. На пути уже встрѣчаются хохлушки въ своихъ типичныхъ костюмахъ и хохлы въ большихъ шляпахъ. Пашутъ на волахъ. Деревеньки чистенькія, домики выбѣлены, всѣ подъ соломой. Разговорился я съ проѣзжими съ заработковъ казаками изъ Борзенскаго уѣзда. Они ранней весной, взявши изъ дома по двадцати рублей, отправились по Россіи и теперь возвращались изъ Новоузенскаго уѣзда, гдѣ косили и жали хлѣбъ.

— Каковъ нынѣ урожай хлѣбовъ въ Самарской губерніи? спрашиваю.

— Плохъ, очень плохъ. Въ былое время мы жали тамъ по 10, по 15 рублей за десятину, а иногда и по 20 руб., а нынѣ только по 4, по 5 рублей. Сѣнокосы тоже плохи,— засуха большая. Впрочемъ, все же копѣекъ по 50 на человѣка въ день зарабатывали. Теперь возвращаемся домой.

— Ну, а какъ вся-то ваша выручка велика будетъ?

— Да едва-ли сведемъ концы съ концами. Вотъ какъ плохо нынѣшній годъ!... Я такъ не привезу домой и того, что взялъ себѣ на дорогу. Всего только мѣсяца два работали какъ слѣдуетъ. Денегъ заработали немного, а расходы на проѣздъ большіе.

— А вы далеко ѣдете? спрашиваютъ меня.

— Я выѣзжаю на Амуръ на время. Скоро вернусь.

— У насъ то же много казачьихъ семействъ выѣхало на Амуръ. Тѣсно здѣсь стало жить; хлѣбъ плохо родится Стало тяжело и переселились. Я тоже хлопочу уже третій годъ, да все не пускаютъ.

— Почему же?

— Да требуютъ, чтобы я за уплатою всѣхъ повинностей внесъ капиталъ въ 600 руб. для обезпеченія своего хозяйства на Амурѣ, да припасъ по 100 руб. на каждую душу моей семьи, мужскую и женскую, для проѣзда на Амуръ. Губернаторъ безъ этого не выпускаетъ изъ общества, повсюду разослалъ по волостямъ бумаги — разъясненія. А гдѣ возьмешь 600 руб.? Деньги большія... Кто побогаче, то сколотилъ эту сумму, внесъ, и переѣхалъ. Говорятъ, тамъ хорошо жить.

— А каковъ у васъ здѣсь урожай?

— Нынѣшній годъ хорошій, самъ-шесть, пожалуй, будетъ; въ позапрошлые годы былъ хуже.

— Вотъ у васъ земля рожаетъ только самъ-шесть, а вы хотите переселяться. Отчего бы не довести полеводство и хлѣбопашество до самъ-20—30? А то самъ-шесть!...

— А какъ это вы доведете? Земли у насъ мало, скота держимъ поэтому немного, и удобрять землю нечѣмъ. Коли-бъ земли поболѣе, такъ мы бы и не подумали переселяться.

— Какъ мало земли? вмѣшалась въ разговоръ одна ѣдущая старушка-помѣщица. Мало ли земли въ нашей мѣстности у помѣщиковъ и вся она идетъ исполу крестьянамъ и казакамъ. Вотъ, напримѣръ, я всю свою землю отдаю исполу.

Я поинтересовался узнать, на какихъ условіяхъ.

— Да видите-ли, допустимъ, я отдаю двѣ крестьянамъ десятины. Они ихъ должны вспахать, взборонить, посѣять своими семенами, сжать и половину копъ свозить мнѣ на гумно,

а другой половиной сами могутъ пользоваться. При этомъ въ видѣ процента, въ благодарность, должны еще $^1/_2$ десятины вспахать и взборонить.

Начинаю разспрашивать, что стоитъ трудъ крестьянъ и сѣмена. Оказывается, что десятину вспахать и взборонить стоитъ 6 р.; восемь пудовъ сѣмянъ стоятъ 4 р.; жнитво— 3 р. десятина, возка—2 р. и $^1/_2$ десятины въ видѣ процента вспахать и взборонить стоитъ 3 р. Такимъ образомъ для крестьянъ всякая арендуемая у помѣщиковъ десятина обходится 17 р. въ лѣто. Это, по моему, страшно дорого. Говорятъ, что кто не работаетъ исполу, а снимаетъ земли на наличныя, тотъ можетъ пріобрѣтать ее вдвое дешевле. Да, при такой дороговизнѣ на землю, при плохихъ урожаяхъ, не мудрено, что крестьянство будетъ стремиться къ переселенію въ другія мѣста. „Вы пришлите мнѣ вѣсточку, какъ это мнѣ переѣхать на Амуръ", говорилъ мнѣ тотъ казакъ, который уже третій годъ хлопочетъ о переселеніи. „Пожалуйста, пришлите. Я не знаю, чтой-то губернаторъ не выпускаетъ меня. Я Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, Олишевской волости, селенія Серединки, казакъ Владиміръ Ивановъ Хвалько. Вы уже похлопочите, окажите божескую милость".

На сколько могъ, я далъ слово, довести объ этомъ желаніи до свѣдѣнія лицъ, отъ коихъ зависитъ отпускъ изъ Европейской Россіи въ Азіатскую и распростился съ казаками.

Близокъ Днѣпръ. Громадный желѣзный мостъ переброшенъ чрезъ величественную рѣку, по срединѣ которой близъ моста образовался большой песчаный островъ. Проѣзжая тихимъ ходомъ по мосту, не налюбуешься на красивую, живописную мѣстность. Важнѣе всего, возвышеннѣе и грандіознѣе Кіевопечерская Лавра съ золотыми главами своихъ церквей. Пониже видѣнъ *Подолъ*, часть города, расположенная по долу Днѣпра, на поверхности котораго живописно красуется рядъ маленькихъ, сравнительно съ волжскими, пароходовъ. Впрочемъ пароходы Днѣпра можно сравнить съ *Самолетскими* пароходами на Волгѣ, но только прежней конструкціи. Нанявъ извощика на вокзалѣ желѣзной дороги на два часа за семьдесятъ копѣекъ, я отправился осматривать городъ. Кіевъ

мнѣ своими постройками очень понравился. Улицы и тротуары широкіе, почти вдвое шире московскихъ; дома не высокіе, въ два, рѣдко въ три этажа; тротуары отъ улицъ отдѣляются рядомъ посаженныхъ деревьевъ. Масса зелени, много садовъ; особенно великъ Ботаническій, открытый для публики, университетскій садъ; хорошъ также Императорскій, гдѣ нынѣшнимъ лѣтомъ помѣщается Chateau des fleures. Побывалъ въ Софійскомъ соборѣ. Монахъ-путеводитель показалъ мнѣ рѣдкости: гробницу Ярослава мудраго, иконы мозаической работы, древнія знамена и проч. Новый строящійся храмъ Св. Владиміра снаружи уже совсѣмъ готовъ; онъ строится лѣтъ двадцать; говорятъ, на слѣдующій годъ предполагается освященіе. Улица Крещатикъ—самая лучшая улица въ Кіевѣ; это главное средоточеніе магазиновъ, лавокъ. Не смотря на то, что посрединѣ ея протекаетъ дождевая вода, какъ бы по жолобу, улица эта, не смотря на дождливое время, была очень оживлена; я ставлю ея выше московской Тверской улицы. Въ Кіевопечерской Лаврѣ—масса народа. Въ церкви шла вечерня, когда я подъѣхалъ къ Лаврѣ; народъ переполнялъ храмъ. Жаль, что хора пѣвчихъ въ это время не было: пѣли только тенора и басы; дѣтей съ ихъ нѣжными голосами не было. Въ чемъ кроется причина этого недостатка, не знаю, но убѣжденъ, что недостатка въ средствахъ Лавра ощущать не можетъ. На дворѣ Лавры страннопріимный домъ, столовая, гостинница для пріѣзжающихъ, гдѣ въ окнахъ можно видить разфранченныхъ дамъ. Впрочемъ, мнѣ пришлось видѣть и въ сѣнцахъ не гостинницы, а корпуса, красивую женщину, расчесывающую свои каштановые длинные волосы, что меня даже въ началѣ смутило, какъ человѣка незнакомаго съ условіями жизни въ Лаврѣ. Покои митрополита ничѣмъ особымъ не выдѣлялись; онъ живетъ въ двухъ-этажномъ домикѣ, занимая пять оконъ въ верхнемъ этажѣ. Противъ воротъ Лавры находится арсеналъ; далѣе широкій ровъ и земляной валъ. Не вдалекѣ ровное мѣсто съ пристройками для ипподрома. Зданія университета, гимназій, института, домъ генералъ-губернатора, какъ и остальные, не подавляютъ своею массивностью, многоэтажностію: они двухъ-этажны. Заѣхалъ я въ одинъ мага-

зинъ закупить кое-какихъ вещицъ, и что же? Цѣны оказываются очень умѣренныя, даже ниже столичныхъ московскихъ. Иду обѣдать, и тоже удивляюсь умѣренной, низкой цѣнѣ при порядочности стола. Вообще Кіевъ произвелъ на меня впечатлѣніе хорошее.

Урожай хлѣбовъ возлѣ Кіева — хорошій. Всѣ поля уставлены копами. Копа — это крестецъ съ большимъ числомъ сноповъ, чѣмъ у насъ подъ Москвой. Странно, что почти повсемѣстно по Россіи предпочитаютъ жать и косить хлѣбныя растенія, не въ прозелень, а когда они совершенно поспѣютъ, созрѣютъ; затѣмъ повсюду почти послѣ жатвы снопы складываютъ въ крестцы и копы, а не въ бабки, т. е. девять сноповъ стойкомъ, а десятымъ принакрыть конусообразно поставленные девять сноповъ. Отъ этого подчиненія рутинѣ въ уборкѣ хлѣба обыкновенно вмѣсто самъ-двадцати и двадцати-пяти у насъ снимаютъ только самъ-пять, самъ-шесть; остальной хлѣбъ утекаетъ, осыпается, растеривается.

На пути изъ Кіева къ Одессѣ мнѣ пришлось обидѣться на станціонное начальство. Просыпаюсь по утру, и на первой станціи выхожу, чтобы умыться. Ни въ вокзалахъ, ни въ особыхъ комнатахъ, ни на платформахъ воды не имѣется.

— Почему, спрашиваю, воды нѣтъ?

— Да мѣсяца три, какъ отправили чинить умывальники, до сихъ поръ еще не выслали.

Не могъ я видѣть также термометровъ, сколько не интересовался температурой южнаго утра.

Пшеница замѣняется здѣсь на поляхъ кукурузой, которая, впрочемъ, въ силу засухи нынѣшній годъ очень плоха: початки мелки, и ихъ не три, двѣ штуки, а по одной.

Утро 15 августа. Лѣса начинаютъ рѣдѣть. Поѣздъ близокъ къ Одессѣ. Надоѣлъ желѣзнодорожный путь. Чувствуется усталость. Хочется промяться, пройти нѣсколько верстъ пѣшкомъ. Голова тяжела, плохо спалось послѣднія три ночи. Разговоры надоскучили. Открываются окна вагона. Публика прильнула къ нимъ. Взоры всѣхъ устремились на одинъ пунктъ: показалась Одесса.

Съ вокзала желѣзной дороги я нанялъ извощика къ пристани пароходовъ Добровольнаго Флота за 70 коп., — такъ

далеко разстояніе. Я торопился, опасаясь запоздать къ отходу во Владивостокъ парохода. Въ Москвѣ мнѣ сообщили, что онъ идетъ не позднѣе 15 августа.

Широкія, чистыя, безъ пылинки, такъ сказать, улицы Одессы, вымощены крѣпкимъ дикимъ камнемъ въ формѣ шашекъ; широкія, вдвое-втрое шире московскихъ, тротуары, представляющіе изъ себя возвышенную на четверть отъ мощеной улицы площадку; зеленѣющія деревья, отдѣляющія ихъ отъ улицы, проѣзднаго пространства; чистенькіе двухъэтажные домики, расположенные по строгому плану, симметрично, — все подкупало въ пользу Одессы и ставило этотъ незначительный по величинѣ городъ куда выше даже Петербурга.

Вотъ мы на набережной. Открылась богатая картина морскаго прибрежья.

— Гони скорѣе, извощикъ, чтобы не запоздать на пароходъ, крикнулъ я.

Проѣхали воротами таможни, еще верста прибрежьемъ и мы на параходной пристани. Но гдѣ же пароходъ? Его нѣтъ уже! Не запоздалъ ли я? Иду, разспрашиваю, и о, счастье! — узнаю, что пароходъ отойдетъ во Владивостокъ не ранѣе какъ черезъ 10 дней, что онъ теперь находится въ Севастополѣ на починкѣ. Какъ не радоваться? У меня въ распоряженіи десять дней. Я могу осмотрѣть хорошо не только Одессу, но и побывать въ разныхъ мѣстахъ Крыма, съѣздить въ Севастополь, въ Ялту, въ Ливадію.

— Извощикъ, крикнулъ я, вези къ пароходу, который отправляется въ Ялту.

Близъ таможни, почти въ самыхъ воротахъ лошадь нашу берутъ подъ уздцы. — „Стой!“ кричатъ. „Кто, что везетъ?“ Показать багажъ требуется дежурному чиновнику. Напрасно извощикъ уговаривалъ таможенную стражу отпустить меня, напрасно заявлялъ, что везетъ меня съ вокзала желѣзной дороги; что мы не застали пароходъ, отправляющійся во Владивостокъ. Все было напрасно; лишь извощикъ навлекъ на себя выговоръ, что осмѣлился меня привезти къ пристани съ багажемъ, не показавъ его предварительно таможеннымъ чиновникамъ. Меня пригласили къ чиновнику, который не

вѣрилъ моимъ словамъ, моимъ документамъ, но вышелъ къ багажу и, осмотрѣвъ, отпустилъ меня.

Черезъ полчаса я былъ на пароходѣ Россійскаго Общества *В. Кн. Ольга*, который направлялся, спустя семь часовъ, черезъ Севастополь въ Ялту.

Въ Одессѣ.

Съ карантинной пристани, гдѣ находится пристань пароходовъ Добровольнаго Флота и другихъ пароходовъ, совершающихъ заграничное плаваніе, извощикъ повезъ меня къ военной пристани, гдѣ стояло нѣсколько военныхъ и торговыхъ пароходовъ и нѣсколько судовъ. Вдоль всей набережной по деревяннымъ подмосткамъ, высоко раскинутымъ на деревянныхъ столбахъ, положены рельсы, по коимъ движутся локомотивы съ вагонами, подвозя къ морской пристани разный хлѣбъ отъ вокзала желѣзной дороги. Почти параллельно проведена по грунту земли другая желѣзная дорога, и наконецъ есть рельсы для желѣзно-коннаго сообщенія. Возлѣ желѣзныхъ дорогъ стоятъ большіе, изъ гнутаго желѣза, амбары для склада товаровъ. Въ промежуткѣ между ними—маленькій двухъ-этажный, бѣленькій вокзальчикъ и невдалекѣ церковь морскаго вѣдомства во имя св. Николая. Проѣздной конный и проходной путь отдѣлены отъ линіи желѣзныхъ дорогъ тонкимъ, не высокимъ валомъ. По другую сторону дороги расположены сараи съ каменнымъ углемъ, котораго за послѣдній годъ болѣе доставляется изъ Россіи, съ Дона, нежели изъ Англіи. Далѣе зданіе съ теплыми морскими ваннами.

— Вотъ, баринъ, мостовая-то, лошадь болѣе года не можетъ выдержать ѣзды по городу, ломаетъ ноги: крѣпка и скользка мостовая наша.

И въ самомъ дѣлѣ чистая поверхность мостовой, выложенной изъ твердаго дикаго камня, выровненнаго и уложеннаго шашками, продолговатыми четырехъугольниками, тяжела для

лошадиныхъ ногъ. Очень часто подковы скользятъ по поверхности камня до линій пересѣченія шашекъ между собою.

По улицамъ города ни соринки, ни бумажки не замѣтно.

Противъ церкви святаго Николая, на набережный бульваръ ведетъ громадная лѣстница, въ десять приблизительно сажень ширины, въ двѣсти ступеней высоты; черезъ каждыя двадцать ступеней — широкій въ три сажени плацъ. Лѣстница изъ твердаго дикаго камня. Вверху близъ лѣстницы хорошенькая маленькая бесѣдка, въ которой помѣщается буфетъ. Проѣхавъ еще далѣе, противъ громаднаго дома, принадлежавшаго прежде князю Воронцову, мой извощикъ повернулъ лошадь, пересѣкъ полотно желѣзной дороги, проѣхалъ между столбовъ, поддерживающихъ полотно другой,— и мы на *военной* пристани. Налѣво отъ насъ видна была *Андросовская* пристань (которая иногда называется *соляною*), направо — *Новая*, *Платоновская* и *Карантинная*. Нѣсколько десятковъ пароходовъ и до сотни разныхъ судовъ съ дымящимися трубами и развѣвающимися флагами стояли по разнымъ пристанямъ въ бухтѣ, которая защищена отъ морскихъ волнъ тремя каменными стѣнами, на достаточномъ разстояніи отъ берега. Между стѣнъ—просвѣты, ворота для входа и выхода судовъ. Двѣ стѣны, по одному концу примыкаютъ къ берегу, третья, построенная лѣтъ пять — шесть назадъ занимаетъ между ними середину, не достигая своими концами двухъ другихъ, чрезъ что и образуются просвѣты—ворота. Народъ кишитъ, нагружая и разгружая пароходы. Вдали на горизонтѣ бѣлѣются паруса подходящихъ судовъ. На палубахъ живописно красуются лица разныхъ націй и въ разныхъ костюмахъ; одни меланхолически покуриваютъ душистый табакъ, другіе еще болѣе меланхолически отдаютъ разныя приказанія матросамъ. Мундиры и шляпы, зонтики и шляпки, разноцвѣтныя юбки и форменные картузы, пиджаки—все перепутывается, сплетается.

Было восемь часовъ утра. По пути извощикъ завозилъ меня, поднявшись въ гору по улицамъ, къ агенту Добровольнаго Флота, но послѣдній еще спалъ, я не могъ его видѣть, и меня пригласили придти часовъ въ десять. Подъѣхавъ къ пристани парохода Русскаго Общества—*Великая княгиня Ольга*,

который собирался отойти въ три часа дня въ Ялту и далѣе, я разсчиталъ извощика, и вмѣсто 70 коп., которыя долженъ былъ отдать за доставку съ вокзала до пристани парохода, отправлявшагося во Владивостокъ, принужденъ былъ отдать 1 руб. 70 к. Это приблизительно за два часа ѣзды...

— Вы должно быть ѣдете во второмъ классѣ, встрѣчая меня, сказалъ мнѣ помощникъ капитана. Отнесите вещи туда, распорядился онъ, обращаясь къ прислугѣ. А билетъ для проѣзда возьмете послѣ; часовъ въ десять откроется касса, — тамъ, на берегу, указывая пальцемъ, пояснилъ онъ мнѣ.

Я былъ очень радъ, что меня по костюму причислили къ пассажирамъ 2-го класса и поблагодарилъ помощника капитана. Радъ былъ тому участію, которое принимаютъ во мнѣ, человѣкѣ совершенно незнакомомъ съ морскими путешествіями. Взять мѣсто въ первомъ классѣ для меня слишкомъ дорого; въ 3-емъ можетъ быть очень неудобно; во второмъ классѣ — самое подходящее. Не осматривая парохода, я вышелъ на пристань и, пройдя набережную, поднялся по улицамъ въ городъ.

О, дивная, невиданная мною до сихъ поръ картина! Чистенькіе двухъ-этажные въ большинствѣ случаевъ домики, прекрасныя мостовыя; широчайшіе тратуары, едва уступающіе въ своемъ размѣрѣ нѣкоторымъ московскимъ переулкамъ; повсюду вдоль улицъ зелень; чистый, теплый, мягкій, нѣжный воздухъ, — все это приводило меня въ восторгъ. Ну, слава Богу, хоть одинъ городъ сумѣли мы построить, какъ слѣдуетъ. А впрочемъ, чортъ-ли въ этихъ прекрасныхъ сооруженіяхъ! Какая польза лично, положимъ, для меня, для милліонной толпы крестьянъ-земледѣльцевъ, живущихъ по селамъ, окружающимъ г. Одессу? Какая польза отъ этого прекраснаго городка для тѣхъ, кто кормитъ, одѣваетъ, обуваетъ, созидаетъ эти сооруженія для одесскихъ магнатовъ, коммерсантовъ, торгашей, грековъ, евреевъ, толсторожихъ обывателей? Какая польза отъ города нашему мужику? Да никакой... Паши и сѣй цѣлыя столѣтія; дѣлай кирпичъ, теши камень для устройства городовъ; припасай мѣха и кожи для одежды и обуви; словомъ, будь главнѣйшимъ производителемъ и поставщикомъ на городъ въ главнѣйшихъ его потребно-

стяхъ—пищи, одежды и жилища, и при томъ не смѣй пользоваться ничѣмъ изъ удобствъ городской жизни. Не вѣрьте, что мужикъ нашъ когда нибудь выбьется изъ своего положенія, облагообразитъ постройки своего селенія, будетъ пользоваться удобствами городской жизни. Этого не будетъ! Даже обратно. Возьмите брошюру одного изъ лучшихъ, старѣйшихъ статистиковъ нашихъ, В. И. Покровскаго, о Тверской губерніи, и вы увидите, что крестьянское хозяйство и благосостояніе за послѣднія столѣтія постепенно сокращается, падаетъ; крестьяне все болѣе и болѣе бѣднѣютъ... Нѣтъ, не восторгайтесъ тѣмъ, что городъ быстро ростетъ, число городовъ постепенно увеличивается. Но не печальтесь, есть примѣръ иной жизни. Возьмемъ жизнь народа, прожившаго десятки тысячъ лѣтъ историческою жизнью, посмотримъ на китайцевъ. Не удивляйтесь тому, что я въ примѣръ беру китайцевъ, церемоніи, обычаи и вообще жизнь которыхъ сдѣлалась какъ бы посмѣшищемъ у европейцевъ. Мы часто говоримъ: неподвиженъ какъ китаецъ; мы часто обзываемъ смѣшное, непонятное китайскими церемоніями... но мы дѣлаемъ это лишь по невниманію къ положенію ближняго. Посмотримъ на Китай. По тамошнимъ понятіямъ, городъ есть рынокъ сбыта сельскихъ продуктовъ и всевозможныхъ произведеній. Села и деревни представляютъ всѣ удобства въ жизни, въ нихъ наилучшія строенія, чистый воздухъ, прекрасныя растенія. Города же представляютъ крайнее неблагоустройство, тамъ царятъ грязь и вонь. Нужды нѣтъ, что нѣкоторые города съ милліоннымъ населеніемъ; они также безобразны, грязны и вонючи. Вотъ это жизнь, дѣйствительная ея постановка...

Однако десятый часъ. Мнѣ пора зайти къ агенту Добровольнаго Флота. Въ одномъ изъ хорошихъ домовъ, какихъ въ Одессѣ много, мраморная лѣстница ведетъ въ квартиру, гдѣ находится и канцелярія и жительство агента. Не смотря на воскресный день въ конторѣ были служащіе.

Агентъ не заставилъ себя долго дожидаться и любезно объяснилъ, что пароходъ послѣ починки муфты и пера въ винтѣ отправится въ плаваніе около 25 числа, запоздавъ такимъ образомъ около 12 дней. На пути онъ будетъ оста-

навливаться въ Константинополѣ, въ Портъ-Саидѣ, въ Аденѣ, на о. Цейлонѣ, въ Сингапурѣ, въ Нагасаки; въ Китай не зайдетъ: онъ бываетъ тамъ на обратномъ пути, забирая съ собою чай.

— Продолжительны ли будутъ остановки? спрашиваю.

— Нѣтъ, пароходъ главнымъ образомъ останавливается для заготовки свѣжей провизіи. Проволочки не будетъ. При благопріятныхъ условіяхъ онъ доставитъ васъ во Владивостокъ дней черезъ 35 и самое большое черезъ 45 дней. *Москва* прошлый рейсъ сдѣлала въ 33 дня.

— Это утѣшительно, сказалъ я. А у насъ въ Москвѣ сложилось мнѣніе, что пароходъ идетъ отъ Одессы до Владивостока около двухъ мѣсяцевъ. Лично для меня это, впрочемъ, мало представляетъ интереса; даже обратно: мнѣ бы очень хотѣлось поболѣе погостить на каждой пристани. Кстати, скажите, дорого обходится содержаніе во время пути?

— Для лицъ привиллегированной поѣздки, т. е. для 1-го и 2-го класса пассажировъ, весь путь обходится въ 180 или 185 руб. Для пассажировъ третьяго класса гораздо менѣе. А вы какъ думаете ѣхать?

— 180 руб. за 35 дней содержанія для меня слишкомъ дорого. Мнѣ бы хотѣлось имѣть мѣсто въ 1-мъ или 2-мъ классѣ, а столъ, содержаніе личное, независимое отъ васъ.

— Да вы въ столѣ отъ насъ нисколько не будете въ зависимости: вся сумма полностію поступаетъ къ бутафору; мы ему даже еще приплачиваемъ отъ Общества, а то не берутся содержать буфетъ, жалуются, что убыточно. Вы впрочемъ составляете исключеніе; у васъ отъ Комитета даровой проѣздъ. Вы знаете, что инспекторъ флота пріѣхалъ изъ Петербурга и теперь въ Одессѣ. Я вамъ совѣтую зайти къ нему посовѣтываться относительно стола.

Спросивъ адресъ инспектора и поблагодаривъ г. агента за разъясненія, я отправился на поиски по указанному адресу того лица, которому былъ почти исключительно обязанъ въ даровомъ проѣздѣ по морямъ.

Близъ набережной, противъ бульвара, невдалекѣ отъ буфета и громадной лѣстницы, ведущей по откосу внизъ, находится одна изъ чистыхъ, хорошихъ гостинницъ, именуемая

С.-Петербургской. Въ ней и помѣстился временно инспекторъ флота. Доложили о моемъ приходѣ. Минутъ пять пришлось подождать, пока хозяинъ одѣнется: я зашелъ утромъ. Разсыпавшись въ благодарности, на сколько было у меня умѣнья, я перешелъ къ интересующимъ меня вопросамъ.

— У насъ на каждаго пассажира полагается клади безплатно до 3 пудовъ. А вамъ можно взять до пяти. Что же касается стола, то онъ, конечно, не дешевъ, да и въ 3 классѣ у насъ взимается 47 коп. металлическихъ въ сутки, т. е. по курсу, кажется, около 72 коп. кредитными. Тоже не дешево. Если хотите, можно еще дешевле устроиться со столомъ— по частному соглашенію съ буфетчикомъ. Что же касается собственнаго содержанія, то его разрѣшить нельзя. Ну, что вы запасете — рыбы, колбасы? Да подъ тропиками это все испортится, пойдетъ въ каютахъ дурной запахъ. Мѣстъ и билетовъ для 1 класса у насъ нѣтъ; мы имѣемъ два отдѣленія: для привиллегированныхъ и простаго класса.

Мнѣ пришлось всецѣло съ нимъ согласиться и просить билетъ 2 класса.

— Я совѣтую вамъ зайти въ жандармское управленіе и взять заграничный паспортъ. На пристаняхъ вамъ придется выходить на берегъ и, можетъ быть, останавливаться.

Изъ дальнѣйшихъ разсужденій я узналъ, что пароходы Добровольнаго Флота единственные, совершающіе плаваніе до Владивостока изъ Одессы, что по самому уставу Общества, утвержденному правительствомъ, послѣднее всѣ свои грузы отправляетъ на пароходахъ этого флота.

Поиски квартиры жандармскихъ офицеровъ для разъясненія вопроса о заграничномъ паспортѣ были не такъ удачны. Незнакомый съ городомъ и не зная адреса, я долго бродилъ по указаніямъ городовыхъ по разнымъ улицамъ, прежде чѣмъ удалось отыскать жандармское управленіе, гдѣ мнѣ заявили, что для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ есть спеціально назначенный офицеръ. Иду къ нему.

— Требуется ли заграничный паспортъ для лицъ, ѣдущихъ изъ Одессы во Владивостокъ, въ нашъ же русскій портъ? спрашиваю.

— Обязательно.

— Почему же крестьяне-переселенцы переѣзжаютъ безъ заграничныхъ билетовъ? почему же офицеры военнаго вѣдомства, а также чиновники, ѣдутъ, не взявши заграничныхъ паспортовъ?

— Документы этихъ лицъ я самъ провѣряю по представленныхъ спискамъ. А вы—другое дѣло. Впрочемъ, справьтесь у г. градоначальника.

Справляться у градоначальника мнѣ пока было некогда, день былъ воскресный, неприсутственный, а вечеромъ я собирался выѣхать въ Севастополь и Ялту.

Жара стояла большая. Я былъ весь мокрый. Идя на пароходную пристань, купилъ было фунтъ винограда, но онъ оказался слишкомъ кислымъ. Оставалось пожалѣть, что нѣтъ распоряженія отъ полиціи, чтобы зеленый виноградъ не продавали.

Мнѣ предложили взять для проѣзда билетъ 2 класса, причемъ спросили, брезгливъ я, или нѣтъ?

— Для меня непонятенъ вашъ вопросъ.

— У насъ въ каютахъ нѣсколько коекъ въ два яруса. Если вы спокойный человѣкъ, я вамъ дамъ билетъ на нижнюю койку, въ противномъ случаѣ на верхнюю. Вы въ первый разъ ѣдете моремъ?

— Да, въ первый.

— Такъ вамъ надо дать мѣстечко возлѣ окошечка. Можетъ быть, будетъ качка, и тогда будетъ головокруженіе съ вами. Билетъ до Ялты со столомъ стоитъ 11 р. с.

Вхожу на пароходъ *В. Кн. Ольга.* Масса пассажировъ толпилась на палубѣ; еще болѣе стояло на берегу провожающихъ. Грузъ уже нагруженъ. Нѣсколько пассажировъ стоятъ близъ барьера борта и любуются чистымъ, прозрачнымъ, хотя и зеленоватымъ моремъ. Близъ парохода то и дѣло снуютъ маленькія лодки. Направо и налѣво другія морскія суда. Раздался послѣдній свистокъ, а за нимъ звонокъ. Стали прибирать канаты. Наконецъ повернулся близъ руля на кормѣ винтъ и забушевалъ, пѣня и будоража поверхность моря. Мы отчалили и, выйдя изъ бухты, понеслись по открытому морю, оставляя за собою живописно расположенную на берегу Одессу, бухту, уставленную судами всевозможныхъ флаговъ, и полосу всклокоченнаго моря.

Въ Ялтѣ.

Быстро несется пароходъ по южному берегу Крыма. Жадно впиваются своимъ взоромъ пассажиры его въ чудныя картины прекраснаго края. Одна мѣстность мѣняется другою, какъ въ панорамѣ. Вотъ дача Мальцева, его хрустальный дворецъ. Далѣе дачи магнатовъ, меценатовъ, графовъ, князей. Вотъ *Алупка*, за ней *Оріанда* — дача великаго князя Константина Николаевича; рядомъ *Ливадія* — Императорское имѣніе. Наконецъ, показалась и Ялта. Городъ стоитъ на самомъ берегу моря, въ глубинѣ широкаго залива, образуемаго Айтодорскимъ мысомъ съ одной стороны и Никитскимъ — съ другой, и раскинулся въ прекрасной долинѣ, у самаго подножія хребта Яйлы, который отлого спускается къ морю. Высокая Яйла защищаетъ Ялту съ сѣвера. Городъ и съ боковъ хорошо защищенъ высокими горами, образующими въ долинѣ глубокія ущелья, идущія къ морю. Хребетъ Яйла имѣетъ болѣе 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Вся долина покрыта густою зеленью. Близъ берега стоятъ на якорѣ пять-шесть шхунъ. Показалась и параходная пристань, но нашъ пароходъ, давъ свистокъ, бросилъ якорь противъ Ялты, не доѣзжая саженъ на сто, на двѣсти до пристани, на которой столпился народъ передъ приходомъ парохода.

Пассажиры десятками разсаживаются по шлюпкамъ и доставляются къ пристани. Доставка безплатная, только лишь стоитъ предъявить билеты изъ пароходнаго агенства. Сдавъ на пристани сторожу съ мѣдной бляхой за номеромъ свои вещи, я вышелъ на набережную и увидалъ цѣлый рядъ извощичьихъ экипажей. Всѣ экипажи парные въ дышло; каждый имѣетъ пять мѣстъ для пассажировъ, — четыре въ коляскѣ и пятое сзади для одного. Справившись съ адресомъ, нанимаю извощика, по таксѣ, на Морскую улицу за 30 коп. Цѣна умѣренная. Ѣду не широкой, но довольно привлекательной набережной. Направо щегольскія зданія, между которыми первое мѣсто занимаетъ роскошный домъ гостинницы *Россія*. Налѣво—берегъ моря; на немъ расположены пристань,

квартира пароходнаго агенства, купальни, буфетъ; все это на достаточномъ разстояніи одно отъ другаго. Третій или четвертый домъ на Морской улицѣ отъ набережной былъ тотъ, куда привезъ меня извощикъ. Улица узкая, едва два извощика могутъ разъѣхаться. Дома двухъэтажные съ балкончиками. Парадное крыльцо, лѣстница и входъ въ приличной чистотѣ и порядкѣ. Мнѣ указали квартиру, гдѣ я могу остановиться; это квартира моего пріятеля, котораго въ моментъ моего пріѣзда не было дома. Молодая дѣвушка, служанка, довольно миловидная босоножка, встрѣтила меня, и, указавъ на квартиру, перенесла вещи. Я вошелъ въ небольшую комнату въ два окна на улицу, съ мебелью хотя уютною и чистою, но не изысканною, и главное — въ ограниченномъ размѣрѣ. Стоимость этой комнаты 35 руб. въ мѣсяцъ, и то въ зимніе и весенніе мѣсяцы, а осенью требуютъ за нее вдвое дороже. Стѣны комнаты вымазаны, впрочемъ, довольно чистенько, кажется, охрой, и на окнахъ занавѣски. По сосѣдству двѣ маленькихъ комнатки снимаетъ одна изъ оперныхъ пѣвицъ; она, снимая помѣщеніе на сезонъ, платитъ по 70 руб. въ мѣсяцъ. Вотъ цѣны-то! Вдвое, втрое выше столичныхъ! Выхожу, въ ожиданіи своего пріятеля, на улицу и въ первой лавочкѣ прицѣняюсь къ винограду и другимъ фруктамъ. Цѣна винограда стоитъ отъ 10 до 18 коп. фунтъ; груша 15 — 20 коп. десятокъ. Вотъ вамъ и родина фруктовъ! Слыханное ли дѣло, чтобы виноградъ, груши и другіе фрукты юга, привозимые въ Москву, продавались въ послѣдней дешевле, чѣмъ въ Крыму, на родинѣ фруктовъ! Если мнѣ память не измѣняетъ, въ Кіевѣ и на ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ виноградъ я покупалъ по 6 к.; крупныя, прекрасныя груши — по 5 к. за десятокъ. Обидѣвшись на лавочниковъ за высокую цѣну на фрукты, зайдя кстати на набережную полюбоваться на бушующее море—поднимался сильный вѣтеръ и большія волны, — я вернулся обратно, но пріятеля все еще не было. Наконецъ, часовъ въ десять вечера онъ явился, и мы весело проболтали часа два. Онъ въ восторгѣ отъ Ялты и радъ-радешенекъ, что Господь Богъ привелъ, при его болѣзни, пристроиться въ такомъ великолѣпнымъ уголкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ оконъ квартиры видны живописныя горы,

вблизи роскошный садикъ съ южной растительностью, между другими растеніями горделиво стоитъ пирамидальный кипарисъ; изъ постоянно раскрытыхъ оконъ вѣчно свѣжій, чистый, здоровый воздухъ непрерывной струей стремится съ улицы въ комнаты; открытое море, изобиліе тепла,—все это подкупаетъ въ пользу Ялты. Предпринимая путешествіе, я сталъ вставать поутру вмѣстѣ съ восходомъ солнца, тогда какъ прежде всегда вставалъ по утру не ранѣе 8 часовъ. Не дожидаясь, пока поднимется съ постели мой пріятель, я вышелъ на улицу побродить по городу, по набережной.

Ялта дѣлится на двѣ части: на старый городъ и новый, смежный съ первымъ. Послѣдняя часть очень быстро обстраивается: кажется, нѣтъ такой улицы, которая не имѣла бы новой стройки. Вездѣ, то тутъ, то тамъ, воздвигаются причудливыя зданія. Повсюду улицы узкія, кривыя, какъ у азіатскихъ народовъ, что мнѣ крайне не нравится. Въ Ялтѣ одна церковь, стоящая на полугорѣ. Поднявшись выше ея, по дорогѣ къ могиламъ, и сравнявшись съ послѣдними, осмотритесь назадъ, бросьте взглядъ на всѣ стороны: какой прекрасный видъ! Хорошъ бы представился видъ и изъ ограды церкви, да какъ-то у насъ въ жизни все такъ устроено, что общественныя мѣста, зданія, какъ въ настоящемъ случаѣ ограда при церкви, не выполняютъ своего назначенія. Почему бы не обрубить вѣтокъ, не остричь деревья, находящіяся въ оградѣ, для того, чтобы послѣднія не застилали прекрасныхъ видовъ. Туристамъ, желающимъ осмотрѣть городъ съ этихъ высотъ, не совѣтую подниматься выше кладбищъ—на утесы и возвышенности.

Красота мѣстности, мягкій, умѣренно-теплый климатъ и, наконецъ, счастливое положеніе Ялты по срединѣ южнаго берега всегда привлекали въ нее массу посѣтителей въ лѣтнее время и особенно съ половины октября. Но тѣмъ не менѣе Ялта почти постоянно, послѣ кратковременнаго лѣтняго оживленія, погружалась въ какое-то мертвенное состояніе и жила вялою недѣйствительною жизнью, не способствовавшею ни развитію самаго города, ни благосостоянію его жителей. И жила она такъ въ теченіе довольно долгаго періода времени,—съ того дня, когда изъ довольно жалкой греко - татарской

деревушки преобразована была въ городъ. И только въ послѣднія нѣсколько лѣтъ Ялта начала быстро двигаться впередъ, такъ что кто не видалъ Ялты лѣтъ восемь — десять, навѣрное ее не узнаетъ теперь. Прежняя Ялта имѣла всего двѣ главныя улицы и рядъ небольшихъ дачъ и сельскихъ домиковъ, окружавшихъ ее на небольшомъ пространствѣ, такъ что старая Ялта вся видна, какъ на ладони, когда подходишь къ городу на пароходѣ. Одна изъ этихъ главныхъ улицъ—*Набережная*, на которой находятся лучшія постройки города, зданіе присутственныхъ мѣстъ, лучшіе магазины и лавки, пристань и бульваръ, состоящій изъ одной каштановой аллеи, обнесенной рѣшеткой. По этой набережной проходитъ южно-бережское шоссе, и оно составляетъ лучшее мѣсто для прогулокъ. А другая главная улица—*Внутренняя*, довольно грязная, гдѣ помѣщается базаръ, продаются рыба, зелень и проч., гдѣ находятся мясныя и другія лавки, пекарни, трактиры, заѣзжіе дворы. Затѣмъ вдоль шоссе, по направленію къ Масандрѣ, позднѣе образовалась еще одна улица, *Почтовая*, здѣсь постройки разбросаны и лѣпятся неправильно по скатамъ холма, гдѣ стоитъ церковь, образуя узкіе и крутые переулки и спускаясь по самому шоссе. Когда, въ 1874 году, по вновь утвержденному плану города Ялты, въ составъ города включено все пространство земли до самой Ливадіи, со всѣми существовавшими на ней дачными постройками и садами, — тогда здѣсь на западъ отъ обширнаго сада Мордвинова и отъ гостинницы *Россія* образовалась новая, обширная часть города. Ежегодно увеличивающаяся масса пріѣзжихъ въ Ялту произвела усиленный спросъ на квартиры. Въ настоящее время городъ занимаетъ около пятисотъ десятинъ, вмѣсто прежнихъ шести.

Князь М. С. Воронцовъ, въ заботахъ о возрожденіи Крыма и въ особенности южнаго берега, призналъ необходимымъ одно изъ южно-бережскихъ поселеній сдѣлать городомъ, и жребій палъ на Ялту. Нынѣшняя ялтинская церковь, заложенная въ 1835 году Гавріиломъ, архіепископомъ екатеринославскимъ, была освящена 17 сентября 1837 года. И въ этотъ же день императоръ Николай Павловичъ, по выходѣ изъ церкви, Высочайше наименовать соизволилъ мѣстечко Ялту—городомъ.

Оживленіе и серьезное развитіе Ялты началось однако съ того момента, когда Ливадія перешла въ Царское владѣніе и когда, съ 1861 года, Императорская фамилія начала посѣщать ее.

По улицамъ Ялты то и дѣло видишь какого-нибудь расфранченнаго Ахметку—татарина, кафтанъ и куртка котораго разукрашены мишурой. Часто эти ахметки гарцуютъ на конѣ, сопровождая ту или другую амазонку, „прожигающую" жизнь.

Магазиновъ и лавокъ достаточное количество, но цѣны на все стоятъ высокія.

Причудливы и очень даже причудливы жители Ялты. Большинство изъ нихъ стремится жить въ новой части, считая старую грязною и вонючею. Для нихъ даже присутствіе на улицахъ извощиковъ тяжело.

— Что ты, что ты, голубчикъ?! говорю я своему пріятелю. Ты ужъ, кажется, хватилъ немного черезъ мѣру, если думаешь, что извощики по улицамъ служатъ источникомъ разсады заразы.

— Да, говори ты мнѣ! Въ первый годъ я здѣсь живу, что-ли? Ступай-ка къ бульвару,—тамъ постоянно стоятъ извощики: моча, навозъ, потъ; не пройдешь, братецъ ты мой, отъ вони. Да побывай и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они останавливаются, тогда ты убѣдишься, что я говорю правду. Намъ, братъ, больнымъ, нуженъ чистый—свѣжій воздухъ, а не ахметки—кучера.

Я замолчалъ.

— Ну, а какъ ты на счетъ квартиры мнѣ скажешь? спрашиваю. Вотъ у васъ на каждой улицѣ имѣются свободные дома, квартиры, а цѣны всетаки стоятъ высокія. Это почему?

— Квартиръ стало много потому, что почти всѣмъ пріѣзжимъ совѣтуютъ не жить въ Ялтѣ, а гдѣ-нибудь подальше отъ нея, по дачамъ, по деревнямъ, верстъ за десять. Но, не смотря на это, хозяева домовъ пока еще дорожаться, не уменьшаютъ цѣнъ. Да имъ что? Они или сами капиталисты, или же лица, находящіяся въ зависимости отъ капиталистовъ. Вотъ, напримѣръ, Мордвиновъ, имѣющій въ Ялтѣ садъ занимающій громадное пространство. Онъ предлагаетъ снимать у него

землю для строенiй, на условiяхъ, чтобы всѣ постройки черезъ тридцать лѣтъ перешли къ нему, Мордвинову, въ полную собственность, и чтобы ежегодно ему уплачивали солидную сумму за квадратную сажень. Вотъ и вини послѣ этого домовладѣльца, когда землѣвладѣлецъ-то деретъ съ васъ косвеннымъ путемъ въ три-дорога.

По Ялтѣ пролегаютъ двѣ рѣчки — Учанъ-су и Ялта. При мнѣ онѣ не протекали: засуха была; рѣчки высохли и видны были ихъ русла. Но во время дождей, а также весною, эти рѣчки очень бурливы.

Возлѣ Ялты находятся деревни: Аутка, Ай-Василь и Дерекай. Всѣ эти три деревни находятся въ Ялтинской долинѣ, въ разстоянiи одной или полторы версты отъ города. Дорога къ нимъ ведетъ хорошая, и прогулку въ эти деревни можно сдѣлать пѣшкомъ всегда съ удовольствiемъ. Роскошная растительность, удивительно красивое мѣстоположенiе среди горъ, обилiе воды оставляютъ въ посѣтителѣ всегда отрадное впечатлѣнiе. Въ Ауткѣ есть двѣ православныя церкви; въ одной изъ церквей богослуженiе совершается по русски и по гречески. Ауткинскiе греки занимаются ловлею устрицъ, которыя водятся во всемъ набережьѣ и отличаются особымъ вкусомъ. Въ глубинѣ долины, между холмовъ, расположена и красивая татарская деревня Ай-Василь. Превосходные сады Ай-Василя и Дерекая даютъ Ялтѣ лучшiе фрукты: арабскiе персики, каштаны, фундуки, и проч. Всѣ эти растенiя перемѣшаны съ прекрасными ясенями и терпентинными деревьями. Поднявшись отъ Ай-Василя до извѣстныхъ пластовъ, примѣрно на 1,000 фут. высоты, встрѣчаешь лѣсъ таврической сосны, съ деревьями гигантскихъ размѣровъ; и футовъ на 700 выше начинаютъ преобладать букъ и грабъ. Въ татарскихъ домахъ Ай-Василя и Дерекая можно нанять на лѣто комнаты отъ 25 до 50 руб. въ мѣсяцъ, а также есть нѣсколько хорошенькихъ дачъ.

Сожалѣю, что за недостаткомъ времени не могъ побывать и полюбоваться водопадомъ Учанъ-Су и близъ него развалинами древняго замка... Всякiй туристъ считаетъ своею обязанностiю посмотрѣть на падающую воду на разстоянiи 300 фут. Не пришлось мнѣ побывать также на скалѣ Шишко,

находящейся на вершинѣ Ай-Петри и названной этимъ именемъ по желанію императора Александра II.

Въ одинъ изъ вечеровъ побывалъ я въ общественномъ маленькомъ, но хорошенькомъ садикѣ. Плата за входъ 20 коп. Постоянные жители имѣютъ сезонные билеты. Публики вечеромъ было очень много. Играли музыканты, человѣкъ двадцать, недурно. Въ садикѣ находится маленькая читальня, гдѣ всегда можно найти нѣсколько нумеровъ разныхъ столичныхъ газетъ. При входѣ въ садъ раскинутъ былъ прелестный цвѣтникъ съ вензелемъ изъ живыхъ цвѣтовъ, громадныхъ размѣровъ буквы Е, чѣмъ городъ Ялта чествуетъ память императрицы Екатерины.

Двухъ-этажныя маленькія зданія служатъ помѣщеніемъ для мужской и женской прогимназій. Учащихся въ нихъ немного: на каждаго преподавателя приходится не болѣе 6—8 учениковъ. Многіе изъ преподавателей, нуждаясь въ южномъ климатѣ и лѣченіи, пристроились по этимъ заведеніямъ. „Это наша богадѣльня", сказалъ мнѣ шутя одинъ изъ преподавателей. „И то дѣло",подумалъ я.

Вся новая часть города Ялты имѣетъ хорошенькую стройку, много зелени, садовъ, виноградниковъ.

— Ну, какъ у васъ городское самоуправленіе, спрашиваю.

— Да оно вездѣ одинаково. Вотъ, напримѣръ, ты проходилъ по убогому мѣстечку. Вся эта вонючая, грязная стройка, ты думаешь, кому принадлежитъ? Нашему члену городской управы! А потому попытки санитарной коммиссіи облагообразить мѣстность, очистить городъ отъ нечистоты, зловонія, снести крохотныя квартирки прачекъ и другаго чернорабочаго люда, не исключая и извощиковъ, — всѣ эти попытки разбиваются въ дребезги, какъ волна объ утесъ.

Прошелся я какъ-то извѣстнымъ громаднымъ садомъ Мордвинова. Тѣнистый садъ великолѣпенъ: множество разнообразныхъ деревъ и кустовъ, много фруктовъ и даже огородныхъ растеній. Широкія аллеи вьются по саду. Здѣсь въ первый разъ въ жизни я насмотрѣлся на растущій плющъ дикаго состоянія, вьющійся возлѣ высочайшихъ растеній и, какъ паразитное растеніе, впиваясь особыми отростками своего ствола въ дерево, губитъ, заглушаетъ листъ послѣдняго

и покрываетъ собою буквально все дерево, съ его отростками и вѣтвями. Стволикъ вьющагося плюща достигаетъ толщины въ палецъ. Говорятъ, что бывшій садовникъ, приведшій садъ въ прекрасное состояніе, всегда удостоивался особаго вниманія отъ покойнаго императора Александра Николаевича, который при посѣщеніяхъ сада всегда благосклонно, подавая руку садовнику, справлялся о его здоровьѣ и дѣлахъ.

Былъ на дачѣ генерала Графъ. Что за роскошь! Гордѣливо стоящіе, стройные кипарисы, симметрично расположенные, отличаютъ эту дачу отъ остальныхъ. Прекрасныя рѣдкія растенія юга, достигнувъ колоссальныхъ размѣровъ, сравнительно съ таковыми растеніями, содержимыми нами въ комнатныхъ банкахъ, положительно поражаютъ. Видъ съ раскошной террасы цѣнной, хорошей дачи на Ялту — одинъ изъ удобнѣйшихъ для обозрѣнія города въ его цѣломъ. Къ дачѣ приходится ѣхать той улицей, которая отличается чистотою воздуха и вся утопаетъ въ виноградникахъ. На дачу мы съ пріятелемъ пріѣхали въ обычной парной коляскѣ, заплативъ 30 к.,—такса, утвержденная городскою думою, очень умѣренная. Съ дачи отправились пѣшкомъ. Былъ довольно сильный вѣтеръ. Море бушевало и ревѣло. Ялтинскій рейдъ не защищенъ отъ вѣтровъ, особенно отъ восточныхъ. Идя къ берегу, мы предполагали, что пароходъ *Русскаго Общества параходства и торговли*, пароходы котораго трижды въ недѣлю идутъ къ Одессѣ и трижды къ Ѳеодосіи, на сегодня не остановится, не зайдетъ въ Ялту въ силу значительнаго морскаго движенія; и не потому, чтобы было мелко: нѣтъ, глубина рейда отъ 13 до 14 саженъ, грунтъ—илъ съ пескомъ, дно неровное. Нѣтъ, можно было предполагать, что пароходъ не подойдетъ къ берегу въ силу того, что море сильно бушевало, волны разгулялись по поверхности его, вѣтеръ не утихалъ, а увеличивался. Но мы ошиблись въ разсчетахъ. Пароходъ бросилъ якорь. На пристани собралось нѣсколько десятковъ человѣкъ публики. Шлюпка за шлюпкой, ныряя въ громадныхъ волнахъ, подвозили съ парохода публику. Мы жадно впивались своими взорами при ночной темнотѣ въ безпредѣльное пространство моря; мы отчетливо видѣли свѣтящіеся фонари на пароходѣ; мы

были свидѣтелями ловкости и неустрашимости моряковъ, переправлявшихъ при сильномъ волненіи моря въ маленькихъ шлюпкахъ пассажировъ.

Море съ часу на часъ становилось бурливѣе. Волны его, разбиваясь въ дребезги о каменную набережную, производили не только гулъ, но положительно ревъ. На набережной, близь купаленъ, волны, разбиваясь о столбы и пристѣнки послѣднихъ, съ большимъ шумомъ поднимались вверхъ, взвиваясь сажени на три выше кровли купаленъ, которая въ свою очередь стоитъ не ниже двухъ трехъ саженъ надъ поверхностію моря. Ближе къ набережной, собственно къ берегу, подойти не безопасно: можно быть окаченнымъ съ ногъ до головы. Особенно опасенъ одинъ изъ валовъ—девятый, десятый или одиннадцатый. Онъ вдвое выше, сильнѣе, опаснѣе другихъ валовъ. Прекрасную картину представляютъ также два встрѣчные вала. Это происходитъ такъ: одинъ изъ большихъ валовъ, подойдя къ набережной и стукнувшись объ нее, стремительно скатывается вновь отъ набережной къ морю. Отойдя отъ берега саженъ 5—10, этотъ обратный валъ встрѣчается съ новымъ, идущимъ по вѣтру девятымъ или десятымъ валомъ, происходитъ столкновеніе при сильномъ гулѣ и ревѣ; брызги калоссальныхъ столбовъ поднимаются вверхъ на нѣсколько саженъ и мелкими каплями разлетаются по разнымъ направленіямъ. Маленькія шлюпки, ныряя въ волнахъ, то скроются отъ глазъ наблюдателей, то поднимутся на высоту, едва вѣроятную для самаго смѣлаго воображенія. Шхуны, бросивъ якоря на большомъ разстояніи отъ берега, горделиво покачиваются съ боку на бокъ, то поднимаясь вверхъ носомъ, то кормой. Въ дни моего пребыванія въ Ялтѣ, 17 и 18 августа, буря была особенно сильна. Не устояла противъ страшнаго натиска ялтинская набережная, только что сооруженная, и въ трехъ мѣстахъ рухнула, сдѣлавъ пробоины въ стѣнахъ и большія промоины въ грунтѣ на улицѣ. Бѣдный, жалкій инженеръ, взявшійся за сооруженіе набережной, не измѣривъ силы напора морской волны! Бѣдные, жалкіе горожане, бросающіе зря десятки тысячъ рублей! Бѣдные, жалкіе людишки, намѣревающіеся тому же безразсудному инженеру поручить

постройку по берегу моря желѣзной дороги отъ г. Ялты къ Алупкѣ! Не удержалась на морѣ долго одна изъ шхунъ: бѣдняга стояла на одномъ якорѣ, сорвалась съ него и стремительно направилась къ берегу. Общее сожалѣіее по городу; всѣ глубоко убѣждены, что судно гибнетъ, разрушается. Узнавъ объ этомъ, иду и я посмотрѣть на умирающее въ борьбѣ со срашной стихіей судно. „Безумные, думалось мнѣ, что они лгутъ?!“ Судно прекрасно устроилось на тридцать, на сорокъ саженъ, стоитъ на твердомъ якорѣ желѣзной цѣпи. Хозяинъ судна и нѣсколько матросовъ стоятъ на суднѣ, ежеминутно готовые къ побѣгу съ него. Страшно качаясь изъ стороны въ сторону, судно все ближе и ближе прибивалось волной къ берегу, не смотря на якорь. Вотъ еще нѣсколько минутъ, — и его съ шумомъ и трескомъ выбросило громадной волной на берегъ. Судно сѣло на мель. Теперь оно не жилецъ! Оно погибнетъ! Только глубокое море спасаетъ судно во время бури; тамъ оно, покачиваясь и ныряя, внѣ опасности, какъ скорлупа въ чашѣ, съ громадной устойчивостію скользитъ по поверхности воды. Хозяинъ судна и матросы спрыгиваютъ съ шхуны, которая, всасываясь въ песчаный берегъ, изрѣдка покачилавась отъ удара большой волны. Явилась полиція и толпа зѣвакъ. Жалѣютъ, охаютъ, но и не задумываются принять мѣры, чтобы спасти хотя товаръ. — лѣсъ, которымъ была нагружена шхуна. А между тѣмъ послѣдняя уже потрескиваетъ; обшивка судна, доска за доской отрываются съ трескомъ, и вода наполняетъ внутренность судна. Погибло оно! Это не первый примѣръ у хозяина судна! Бѣденъ онъ, не имѣетъ достатка оснастить должнымъ образомъ свои суда. Не беретъ двухъ, трехъ цѣпей онъ желѣзныхъ. Сумашедшій, ѣдетъ при одномъ якорѣ, при одной цѣпи! И предъидущій урокъ судьбы не научилъ горемыку быть осторожнымъ!...

Побывавъ въ Ливадіи, Оріандѣ, Алупкѣ, полюбовавшись на дворецъ князя Воронцова и на раскошныя окрестности, я возвратился вновь въ Одессу, гдѣ уже былъ готовъ къ отходу на дальній востокъ пароходъ, починенный въ Севастопольскомъ докѣ.

ГЛАВА II.

(Путевые наброски).

Кругосвѣтнымъ путемъ отъ Одессы до Владивостока *).

26 августа. Изъ Одессы.

Сегодня нашъ пароходъ снялся съ якоря въ 5 часовъ вечера, направляясь къ Константинополю по Черному морю. Собравшаяся на проводы публика въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, покрывъ берегъ, долго выкрикивала *ура!* напутствуя насъ. Шапки летѣли вверхъ, бѣлые платки развѣвались, дамскіе зонтики колебались,—то поднимались вверхъ, то опускались внизъ; голоса однихъ покрывались другими. На сосѣднихъ судахъ и даже на лодкахъ повсюду раздается громкое *ура*, какъ бы говоря намъ послѣднее—прощай. Погода была тихая, теплая, 28° по термометру R. Нашъ пароходъ принялъ 35 пассажировъ и около 37,400 пудовъ разнаго груза. Говорятъ, что онъ отправляется на дальній востокъ самъ-себѣ въ убытокъ тысячъ на семьдесятъ рублей.

Добровольный Флотъ на своихъ пароходахъ не имѣетъ подраздѣленій для пассажировъ I и II классовъ, причисляя тѣхъ и другихъ къ каютнымъ и продовольствуя ихъ за однимъ общимъ столомъ. Не смотря на то, что всѣ мы, пассажиры, направлялись изъ русскаго порта, Одессы, въ русскій же портъ Владивостокъ, насъ заставили взять заграничные паспорты, и, вѣрный своему долгу, блюститель порядка, жандармскій офицеръ, до самаго отхода парохода находился на немъ и прикладывалъ печать къ нашимъ паспортамъ. Исклю-

*) Было читано публично въ г. Иркутскѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1888 года.

ченіе составляли лица военнаго вѣдомства: имъ позволялось ѣхать по свидѣтельству отъ своего начальства. Говорятъ, что безъ заграничныхъ же паспортовъ, по одному свидѣтельству, перевозятъ крестьянъ-переселенцевъ, стремящихся изъ предѣловъ Черниговской губерніи въ Южно-Уссурійскій край. Лица остальныхъ вѣдомствъ обязательно должны предъявлять заграничный паспортъ. Ѣхалъ съ нами одинъ іеромонахъ по назначенію Духовной консисторіи къ преосвященному Гурію въ Благовѣщенскъ, такъ и того не пощадили, заставили выхлопотать заграничный паспоръ, на что обыкновенно тратится около двухъ сутокъ и 10 руб. денегъ, а съ разными подачками, марками и двухсуточнымъ содержаніемъ и 25 руб. не отдѣлаешься. Не хотѣлось и мнѣ брать заграничнаго паспорта; я никакъ не могу и теперь помириться съ той мыслью, что, отправляясь изъ русскаго порта въ русскій же портъ, требуется брать заграничный паспортъ. Мнѣ кажется это абсолютнымъ абсурдомъ, парализующимъ частную предпріимчивость. Для капитана, командира парохода, конечно, заграничный паспортъ необходимъ; но съ насъ-то, съ пассажировъ, для чего требовать неприложимаго въ жизни заграничнаго паспорта? Положимъ, на пути семь, восемь разъ пароходъ будетъ останавливаться въ чужихъ, иноземныхъ странахъ. Но пассажиры безъ разрѣшенія командира на берегъ не выходятъ, — есть ли у нихъ заграничный паспортъ, или нѣтъ; безразлично при выходѣ на берегъ приходится спросить позволенія у командира: хочетъ онъ пустить, — пуститъ, не пожелаетъ,—не прогнѣвайтесь, сидите на пароходѣ; говорятъ, что таковы морскіе порядки: командиръ судна—царекъ. Что разумѣлъ Комитетъ Добровольнаго Флота при составленіи правилъ для пассажировъ, требуя заграничнаго паспорта,— ужъ Богъ его знаетъ. Администрація пароходная между прочимъ говоритъ, что съ проѣзжающимъ можетъ быть несчастіе во время пути, онъ можетъ заболѣтъ и его придется высадить въ чужой иноземной странѣ. Конечно, въ жизни все можетъ случиться, но только по справкамъ оказалось, что такихъ примѣровъ было мало, почти что ихъ не было; нѣтъ и это сказано мною легко, — были примѣры, но какъ разъ съ тѣми лицами, которыя ѣхали безъ заграничнаго паспорта,

съ тремя-четырьмя крестьянами-переселенцами. Однако же администрація парохода нашлась оставить ихъ за болѣзнею въ Портъ-Саидѣ? Да и какой трудъ, какое обремененіе командиру парохода выдать отъ себя свидѣтельство больному пассажиру, котораго всегда пріютитъ консулъ и даже выдастъ отъ себя и свидѣтельство для прожитія въ чужой странѣ! Воля ваша, читатель, но я рѣшительно не могу переварить того, какъ это коммерческій флотъ самъ себѣ руки связываетъ, останавливая частную предпріимчивость, обременяя выправкой ни къ чему ненужнаго заграничнаго паспорта. Вѣдь и угораздило же, съ лицъ, ѣдущихъ на русскомъ суднѣ изъ своего порта въ свой же портъ, требовать заграничный паспортъ! Ужъ вы мнѣ простите за откровенность: русскій здравый смыслъ не можетъ помириться съ такимъ нелѣпымъ требованіемъ. Кромѣ того, мы, русскіе, съ изстари привыкли къ уравненію требованій: если Комитетъ Добровольнаго Флота находитъ возможнымъ перевозить морями безъ заграничнаго паспорта лицъ военнаго вѣдомства и крестьянъ-переселенцевъ, то почему же требуется заграничный паспортъ для іеромонаха, для учителя, для акушерки, для купца, землевладѣльца? Можетъ быть, скажутъ, это требованіе предъявляется министерствами. Тогда,—почему же Комитетъ Добровольнаго Флота не ходатайствуетъ объ отмѣнѣ этого требованія?

Правила и тарифъ на перевозку пассажировъ на пароходахъ Добровольнаго Флота и уставъ Общества.

Прежде всего о пріемѣ пассажировъ. Пароходы Добровольнаго Флота совершаютъ рейсы по линіи Одесса-Владивостокъ и между портами приморской области по расписаніямъ, составляемымъ ежегодно. Пассажиры принимаются двухъ классовъ: каютные и палубные. Пассажирамъ каютнымъ отводятся помѣщенія въ каютахъ, а полубнымъ въ закрытыхъ полубахъ. Палубные пассажиры принимаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ закрытыхъ палубахъ будетъ свободное отъ груза помѣщеніе. За провозъ пассажировъ взимается плата согласно установленнымъ тарифамъ, которыхъ для линіи Одесса-Владивостокъ два: обыкновенный и уменьшен-

ный. По первому тарифу каютные пассажиры вносятъ 550 рублей, а палубные 120 рублей за весь путь, при чемъ въ этомъ счетѣ заключается и столовая сумма; по второму тарифу каютные пассажиры взносятъ 400 рублей, а палубные 100 рублей за весь путь со столомъ, при чемъ послѣдній для каютныхъ пассажировъ обходится въ 180 рублей, а для палубныхъ въ 20 рублей. Можно брать билеты и до ближайшихъ пристаней: до Константинополя, Суэца, Адена, Коломбо, Сингапура, Хонгъ-Конга, Шангая, Нагасаки и Ханькоу. Пассажирскіе билеты выдаются въ конечныхъ пунктахъ линіи—въ агентствахъ, а въ прочихъ портахъ—на пароходахъ. Пассажиры, ѣдущіе изъ Петербурга, могутъ запасаться временными билетами въ С.-Петербургѣ-же, въ канцеляріи Комитета флота. Пассажиры не могутъ считать свои мѣста обезпеченными прежде, чѣмъ ими будетъ внесена полная плата и получены билеты. Никогда не должно упускать изъ виду того, что пароходы не всегда заходятъ по всѣмъ пристанямъ; такъ нашъ пароходъ не зашелъ въ Аденъ и въ Шангай. Такимъ образомъ, лица, желающіе сѣсть на пароходъ въ этихъ пристаняхъ, ошиблись бы въ разсчетахъ и провели бы напрасно время въ ожиданіи парохода. Какъ извѣстно по изданіямъ календарей, можно предполагать, что пароходы Добровольнаго Флота имѣютъ помѣщенія для трехъ классовъ — перваго, втораго и третьяго, при чемъ выставляется даже и плата за провозъ пассажировъ—1-го класса—800 руб., 2-го класса—600 руб., 3-го класса—120 руб. Но, какъ я выше сказалъ, теперь подраздѣленіе поссажировъ и взимаема за провозъ сумма иныя.

Каждый пассажиръ, заплатившій за билетъ, имѣетъ право на одно мѣсто въ каютѣ. Пассажиру предоставляется занимать въ исключительное его пользованіе и болѣе одного мѣста или же всею 4 хъ мѣстную каюту, но съ приплатою 50% стоимости каждаго излишняго мѣста. Дѣти, моложе 2 хъ лѣтъ, перевозятся безплатно; съ дѣтей отъ 2-хъ до 10 лѣтъ взимается половина стоимости билета; дѣти, старше 10 лѣтъ, платятъ полную стоимость билета. Дѣти, перевозимыя безплатно, не получаютъ отдѣльной койки и должны помѣщаться вмѣстѣ съ родными; дѣти, платящія за ½ билета,

имѣютъ право на половину койки. Если по повѣркѣ билетовъ на пароходѣ окажется, что дѣтскіе билеты оплачены не по правилу, то за нихъ будетъ взята на пароходѣ плата по тарифу съ надбавкою 5%. Прислуга пассажировъ принимается какъ палубные пассажиры. Пассажиры, желающіе имѣть около своихъ дѣтей нянекъ или вообще прислугу въ каютахъ, платятъ за каждаго человѣка 50% стоимости билета занимаемаго ими класса по тарифу; но люди эти продовольствуются за особую плату, по соглашенію съ ресторатором. Продовольствіе каютные пассажиры имѣютъ за общимъ столомъ. Продовольствіе составляетъ: утромъ отъ 7 до 9 часовъ чай или кофе, въ 11 часовъ завтракъ, въ 5½ часовъ обѣдъ и отъ 8 до 9 часовъ вечерній чай. Палубные пассажиры получаютъ продовольствіе отъ командной артели— въ 7 часовъ завтракъ, въ 11½ часовъ—обѣдъ и въ 5½ часовъ дня—ужинъ; чай и сахаръ выдается на руки, а кипятокъ всегда къ услугамъ пассажировъ отъ 7 часовъ утра до 9 часовъ вечера. При отправкѣ большихъ партій палубныхъ пассажировъ провозная плата устанавливается по особому соглашенію.

Каждый пассажиръ имѣетъ право на безплатный провозъ багажа: каютные пассажиры—3 пудовъ и палубные—2 пуд. Дѣти, платящія за ½ билета, имѣютъ право на безплатный провозъ багажа въ половинномъ количествѣ. За излишнее количество багажа взимается однообразная плата, по 1 руб. 60 коп. съ пуда, за всякіе переѣзды, исключая переѣзда изъ одного порта въ слѣдующій ближайшій, когда взимается по 1 руб. съ пуда. Казеннослужащіе пользуются скидкою въ 25%. Пріемъ багажа, свыше 15 пудовъ на человѣка, для Добровольнаго Флота не обязателенъ. Никакіе предметы, могущіе повредить другіе грузы или подвергнуть опасности самый пароходъ, не принимаются ни какъ багажъ, ни какъ грузы. Несоблюденіе этого подвергаетъ пассажира отвѣтственности за всѣ могущія произойти послѣдствія, какъ лично для него, такъ и для Добровольнаго Флота; при чемъ предметы, провозъ коихъ въ видѣ багажа воспрещенъ, будутъ конфискованы въ пользу Добровольнаго Флота. Воспрещается перевозить предметы торговли подъ именемъ багажа.

Багажемъ называется только: бѣлье, платье, книги и вообще предметы обыкновеннаго употребленія пассажировъ. Пассажиры озабочиваются сами доставленіемъ своего багажа на пароходъ, равно какъ и свозомъ его съ парохода въ портѣ прибыванія. Въ крайнихъ пунктахъ отправки пароходовъ, наибольшая часть багажа должна быть доставлена на пароходъ наканунѣ отхода. Въ день отхода принимаются только мелкія ручныя вещи. Пассажиры могутъ отдавать свои цѣнныя вещи и деньги на храненіе командиру съ уплатою за это преміи по 1% со стоимости вещей. Добровольный Флотъ не отвѣчаетъ за багажъ, на который не было выдано квитанціи, а равно и за оваріи, какія багажъ можетъ потерпѣть. На параходахъ находится особо назначенное лицо, завѣдующее багажемъ, чрезъ него, въ опредѣленное командиромъ время, пассажиры могутъ получать свой багажъ изъ багажной каюты. Въ случаѣ, если по приходѣ къ мѣсту назначенія, какого-либо предмета багажа не окажется, то пассажиръ обязанъ немедленно сообщить объ этомъ агенту Добровольнаго Флота, представивъ письменно подробное описаніе предмета. За вещи, пропавшія такимъ образомъ и по винѣ Добровольнаго Флота, онъ уплачиваетъ по 40 руб. съ пуда. Уплата эта производится только въ томъ случаѣ, если заявленіе подано при предъявленіи квитанціи и немедленно по выдачѣ багажа.

Лошади, собаки и птицы перевозятся на верхней палубѣ по особому соглашенію, при чемъ Добровольный Флотъ не отвѣчаетъ за случайности, могущія произойти съ ними какъ при нагрузкѣ и выгрузкѣ, такъ и во время пути. Собаки должны быть въ клѣткахъ на верхней палубѣ, по указанію командира. Птицы принимаются также только въ клѣткахъ. Прокормъ животныхъ и птицъ и уходъ за ними во время пути лежитъ на заботливости владѣльцевъ.

Общія условія перевозки пассажировъ таковы. Добровольный Флотъ не отвѣчаетъ за потери и убытки, могущіе произойти какъ отъ случайностей на морѣ, такъ и отъ всѣхъ другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Въ случаѣ задержанія парохода въ карантинѣ, пассажиры продовольствуются на собственный счетъ, уплачивая за продовольствіе по раз-

счету по 8 франковъ въ день съ каютныхъ пассажировъ и по $1^3/_4$ франка—съ палубныхъ. Пассажирскіе билеты должны быть подписаны пассажирами и не могутъ быть передаваемы другому лицу иначе, какъ съ особаго разрѣшенія агента или командира. Пассажиры обязаны свои билеты предъявлять по требованію агента или командира. Пассажиры снабжаются отъ парохода постельнымъ бѣльемъ и всѣми каютными принадлежностями, но за утрату или умышленную порчу отвѣчаютъ по стоимости ихъ. Пассажирскіе билеты дѣйствительны только на тотъ рейсъ, на который взяты. Если пассажиръ по какимъ либо причинамъ не отправился на томъ пароходѣ, на который взятъ билетъ, то онъ получаетъ обратно только половину стоимости билета, а другая остается въ пользу Добровольнаго Флота; однако, если пассажиръ заявитъ въ агентство, не позже какъ за недѣлю до дня, назначеннаго для отхода парохода, о невозможности отправиться въ тотъ же рейсъ, то возвращается полная стоимость билета. Если пароходъ по какому либо случаю опоздаетъ отходомъ, то это не даетъ права пассажирамъ требовать обратно уплаченныя за билетъ деньги; только просрочка свыше одной недѣли даетъ имъ это право, при чемъ плата за билетъ возвращается сполна. Пассажиры, у которыхъ не окажется билета, обязаны уплатить за свои мѣста по обыкновенному тарифу съ надбавкою 5%. Пассажиры имѣютъ право занимать только тѣ мѣста, на которыя имѣютъ билеты, и не могутъ претендовать, если свободныя мѣста въ ихъ каютахъ будутъ заняты во время пути. Пассажирамъ разрѣшается переходить на пути изъ низшаго класса въ высшій или брать каюту въ исключительное пользованіе, уплативъ по тарифу причитающуюся разницу въ стоимости билета. Пассажиры умалишенные и тяжело больные, а равно больные прилипчивыми и такими болѣзнями, которыя другимъ пассажирамъ могутъ внушать отвращеніе,—или вовсе непринимаются на пароходъ, или въ крайнемъ случаѣ принимаются только, когда они могутъ быть помѣщены совершенно отдѣльно отъ прочихъ. При такихъ пассажирахъ должно быть по два проводника при каждомъ, а столомъ они пользуются въ своей каютѣ, не имѣя права ни входить въ общій залъ, ни выходить

на палубу. Больные припадками бѣшенства на пароходъ вовсе не принимаются. Если во время пути пассажиръ окажется больнымъ заразительной болѣзнью, то онъ въ случаѣ невозможности оставить его на пароходѣ, высаживается въ первомъ портѣ, съ возвратомъ ему изъ уплаченной за переѣздъ суммы той части, которая превышаетъ стоимость переѣзда до этого порта. Пассажиры отвѣчаютъ лично за нарушеніе ими портовыхъ правилъ въ мѣстахъ остановки пароходовъ, а въ случаѣ провоза контрабандъ или другихъ запрещенныхъ предметовъ — и за всѣ убытки и послѣдствія, могущія произойти отъ того для Добровольнаго Флота. Пассажиры обязаны озабочиваться сами своевременнымъ выполненіемъ всѣхъ таможенныхъ, карантинныхъ и полицейскихъ формальностей. Пассажиры, отправляющіеся и прибывающіе на пароходахъ Добровольнаго Флота, должны имѣть заграничные паспорты въ надлежащихъ учрежденіяхъ визированные. Никому изъ пассажировъ не разрѣшается имѣть при себѣ для употребленія во время пути вина или другія напитки. На пароходѣ напитки эти могутъ быть получаемы пассажирами отъ ресторатора, по установленному тарифу во всякое время съ 8 часовъ утра до 7 часовъ вечера, кромѣ времени отхода отъ 12 до 2 часовъ дня. Пассажирамъ строхо воспрещается имѣть съ собою порохъ или другіе опасные въ обращеніи предметы, могущіе быть причиною несчастнаго случая. Пассажиры занимаютъ свои мѣста въ день отхода парохода или, если пароходъ отходитъ рано утромъ, то наканунѣ вечеромъ. По прибытіи въ портъ назначенія, пассажиры оставляютъ пароходъ въ самый день прибытія, но могутъ по особому разрѣшенію командира оставаться и долѣе, продовольствуясь на собственный счетъ. По приходѣ въ каждый изъ промежуточныхъ портовъ, вывѣшиваются у выходныхъ трановъ доски, на которыхъ обозначается время отхода парохода изъ порта. Пассажиры, опоздавшіе возвратиться съ берега къ назначенному времени отхода парохода, не имѣютъ права ни заявлять какія-либо по этому поводу претензіи, ни требовать обратно уплаченныя ими за проѣздъ деньги. Къ услугамъ пассажировъ на пароходахъ имѣются докторъ и антека, есть также библіотека, піанино, ломберные столы

для карточной игры, шахматы, шашки, лото. Скажемъ, наконецъ, нѣсколько словъ объ особыхъ указанiтхъ. Если есть на пароходѣ дамская каюта и прилегающая къ ней уборная, то онѣ находятся въ исключительномъ пользованiи дамъ лишь въ продолженiе дня. Мужчинамъ входъ въ дамскую каюту воспрещается. Особая часть верхней палубы,—кормовая или иная, смотря по устройству парохода,—предназначается для каютныхъ пассажировъ. Палубные пассажриы, безъ особаго разрѣшенiя, въ эту часть не допускаются и могутъ располагать только частью палубы, имъ отведенной. Прислуга пассажировъ не имѣетъ права входа въ каюты или столовыя иначе, какъ для услуги своимъ господамъ и только на время дѣйствительной надобности. Прислуга, занимающая мѣсто въ каютахъ, за общимъ столомъ не обѣдаетъ. На пароходахъ строго воспрещается курить въ каютахъ, корридорахъ и другихъ закрытыхъ мѣстахъ. Разрѣшается курить только на верхней палубѣ. Послѣ 10 часовъ вечера, огни на пароходахъ тушатся, кромѣ лампъ и фонарей въ мѣстахъ, указанныхъ командиромъ. Въ случаѣ возникновенiя во время карточной игры ссоръ, командиръ въ правѣ будетъ прекратить игру на все остальное время рейса. Въ общихъ залахъ пассажирамъ не разрѣшается раздѣваться, курить и ложиться. Въ общихъ залахъ и на верхней палубѣ пассажиры не должны отступать отъ формы одежды, требуемой приличiями. О всѣхъ неудовольствiяхъ, или претензiяхъ, пассажиры заявляютъ непосредственно командиру или старшему его помощнику, а равно записываютъ въ установленную жалобную книгу, не входя ни въ какiя препирательства съ прислугою. Строго воспрещается пассажирамъ выносить на верхнюю палубу постели и постельныя вещи, а равно и спать на верху на общихъ скамейкахъ, отъ 6 часовъ утра до 10 часовъ вечера. За требуемое изъ буфета пассажиры обязаны производить разсчетъ, по возможности, ежедневно и во всякомъ случаѣ по первому востребованiю. Пассажиры, нарушающiе благочинiе настолько, что дальнѣйшiе пребыванiе ихъ на пароходѣ не можетъ быть терпимо, представляются въ первомъ портѣ въ распоряженiе консула, съ возвратомъ имъ излишка сверхъ слѣдующей до этого порта платы. Равнымъ образомъ сдаются въ распоря-

женіе консуловъ пассажиры, оказавшіеся безъ билетовъ и не уплатившіе затѣмъ слѣдуемой за проѣздъ суммы.

Пароходы Общества Добровольнаго Флота комплектуются преимущественно военно-морскими чинами, уволенными для службы на коммерческія суда, и лишь за недостаткомъ ихъ принимаются на службу вольнонаемные. Весь личный судовой составъ находится въ вѣдѣніи инспектора Общества. Всѣ служащіе на пароходѣ подчиняются командиру и обязаны исполнять его приказанія. По § 10 устава Общества пароходы Добровольнаго Флота имѣютъ въ мирное время своимъ назначеніемъ заниматься перевозкою грузовъ и пассажировъ и тѣмъ содѣйствовать развитію отечественной торговли и доставлять средства удобнаго сообщенія портамъ русскимъ между собою и съ заграничными; но какъ успѣхъ такого предпріятія зависитъ отъ степени довѣрія и расположенія къ нему публики, доставляющей пароходамъ Общества грузы и пассажировъ, безъ которыхъ оно не можетъ не только развиться, но и существовать, то главная обязанность капитановъ пароходовъ и ихъ помощниковъ, какъ непосредственныхъ представителей Общества предъ публикой, заключается въ томъ, чтобы они своею любезностію, обходительностію, вниманіемъ къ пассажирамъ и торговому сословію и уваженіемъ къ коммерческимъ требованіямъ, снискивали Обществу расположеніе и довѣріе публики. Служа подъ коммерческимъ флагомъ, они должны исполнять всѣ тѣ обязанности, которыя лежатъ на шкиперахъ коммерческихъ судовъ и ихъ помощниковъ; они должны понимать, что не публика зависитъ отъ пароходовъ, но существованіе самихъ пароходовъ зависитъ отъ публики, и что какъ бы ни былъ хорошъ въ морскомъ отношеніи капитанъ общественнаго парохода или его помощникъ, они будутъ вредны для Общества, если возбудятъ противъ себя справедливое неудовольствіе пассажировъ и торговаго сословія. Кромѣ того, капитанамъ общественныхъ пароходовъ ввѣряется честь Общества, ибо черезъ нихъ исполняются тѣ обязательства, которыя Общество принимаетъ на себя относительно пассажировъ и грузовъ. Слѣдовательно, капитаны не только по службѣ,

но и по долгу совѣсти, обязаны, съ одной стороны, входить во всѣ нужды своихъ пассажировъ, заботиться о доставленіи имъ всевозможныхъ удобствъ, наблюдать за хорошимъ ихъ продовольствіемъ, за чистотою каютъ, за опрятностью коекъ и за вежливостью и предусмотрительностью прислуги; а съ другой стороны, они должны вникать во всѣ подробности пріема, укладки, храненія и сдачи въ цѣлости грузовъ, доставленныхъ на ихъ пароходы, и должны стараться облегчать, сколько возможно, грузителей и получателей товаровъ. Вотъ каковъ десятый параграфъ устава Общества! Надѣюсь, читатель, что вы извините мнѣ ту брань, которую я намѣренъ расточать въ послѣдующемъ своемъ изложеніи по адресу администраціи парохода своего, и найдете ее всецѣло умѣстной и необходимой: невѣждъ и вредныхъ общественныхъ дѣятелей не только надо учить, но проучивать, т. е. низвергать съ пьедестала общественнаго довѣрія къ его дѣятельности, лишать его правъ, преимуществъ, получаемаго жалованья... Капитанъ обязанъ знать и исполнять правила, относящіяся до коммерческаго мореплаванія, установленныя сводомъ законовъ. Онъ отвѣчаетъ за всѣ безпорядки на пароходѣ, найденные администраціей Общества и не имъ самимъ заявленные.

У нашего командира четыре помощника изъ морскихъ офицеровъ. Старшій офицеръ, какъ первое лицо послѣ капитана, есть главный его сотрудникъ по управленію пароходомъ и въ то же время непосредственный блюститель судоваго порядка. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть непосредственный начальникъ команды. Подъ наблюденіемъ командира онъ слѣдитъ за поведеніемъ людей и ихъ нравственностью, заботится о пріобрѣтеніи ими свѣдѣній и пріемовъ, необходимыхъ хорошему матросу, объ ихъ чистоплотности и опрятности въ одеждѣ. Онъ внимательно долженъ слѣдить за приготовленіемъ пищи командѣ, качествомъ провизіи и воды, употребляемой въ пищу; обо всѣхъ замѣченныхъ недостаткахъ тотчасъ сообщаетъ командиру для ихъ устраненія. Кромѣ того, старшій помощникъ расписываетъ людей на вахты, къ шлюпкамъ, на случай пожара и пр., слѣдитъ за правильнымъ исполненіемъ людьми своихъ обязанностей и, по возможности, одина-

ковымъ распредѣленіемъ между ними труда. Старшій офицеръ чередуется вахтами съ прочими помощниками и долженъ находиться на верху при всѣхъ авральныхъ работахъ.

По табели комплекціи пароходовъ Общества Добровольнаго Флота на нашемъ пароходѣ должно быть: 1 командиръ, 4 помощника его, 4 механика, 1 врачъ, 1 боцманъ, 1 квартирмейстеръ; матросовъ 8 перваго класса, 14 втораго класса. 1 плотникъ; машинистовъ: перваго класса — 3, втораго класса—3; кочегаровъ: перваго класса—10, втораго класса—10; угольщиковъ — 12, *итого* 73 человѣка служащихъ на одномъ пароходѣ, который везетъ во Владивостокъ 25 каютныхъ пассажировъ и 10 палубныхъ, при 37,400 пудахъ разнаго груза! Всѣ служащіе на пароходѣ получаютъ очень солидное жалованье при готовомъ отъ Общества столѣ: командиру въ мѣсяцъ приходится около 400 руб.; его помощникамъ отъ 170 до 250 руб.; механики 140 до 250 руб., машинисты, матросы, кочегары, угольщики отъ 10 до 25 руб. Въ настоящее время штаты служащихъ измѣняются. Въ помощь офицерамъ на нашемъ пароходѣ находится: трое изъ учениковъ морскихъ училищъ и два механика-практиканта.

27 августа.

Ни домика, ни кустика, ни горъ высокихъ, ни суднышка даже,—ничего не видно, лишь одно море во всѣ четыре стороны, немного взбаламученная поверхность его—и болѣе ничего. Въ полдень вывѣшено было на особой доскѣ, привѣшенной къ дамской рубкѣ, сообщеніе отъ администраціи парохода, что мы проплыли моремъ отъ Одессы 205 морскихъ миль (какъ извѣстно, каждая миля равняется верстѣ и тремъ четвертямъ ея), а до Босфора оставалось еще плыть 123 мили. Измѣритель пройденнаго пространства, въ пути, механическій лагъ Унгена, прикрѣпленный къ кормовой части судна, волокъ тонкую веревку, въ родѣ вожжей, длиною въ полтора раза болѣе нашего парохода; на концѣ веревки находилась вьюшка — маленькій желѣзный винтъ, который волочась по поверхности моря, приводилъ во вращательное движеніе веревку, прикрѣпленную другимъ концомъ къ механизму. Черезъ каждую четверть мили пути получается въ механизмѣ

легкій ударъ—стукъ; стрѣлка на циферблатѣ указываетъ на число пройденныхъ миль. Весь механизмъ походитъ на маленькіе столовые часы, продаваемые въ столицахъ у насъ за 4—8 рублей. Кругъ на циферблатѣ подраздѣленъ на 100 дѣленій. Устанавливали механическій лагъ и наблюдали за нимъ по очереди ученики морскихъ училищъ, коихъ на нашемъ пароходѣ трое,—двое служатъ за жалованье, получая по 15 руб. въ мѣсяцъ золотомъ, а одинъ служитъ безъ жалованья, отбывая военную службу въ морскомъ министерствѣ. Всѣ ученики въ черной форменной одеждѣ и дежурятъ на палубѣ каждый дважды въ сутки, по 4 часа за каждый разъ. Стоятъ они на трапѣ вмѣстѣ съ рулевыми и командиромъ, или замѣняющимъ его офицеромъ.

Только около 12 ч. ночи подошли мы къ Босфору и должны были маневрировать по морю до 6 час. утра, не имѣя права и возможности войти въ проливъ. Два маяка на двухъ противоположныхъ сторонахъ Босфора освѣщали путь. Ночью температура была 17° R. Я не могу понять, не вижу практическаго смысла въ томъ, что пароходы Добровольнаго Флота выходятъ изъ Одессы въ такіе часы, что имъ приходится шесть часовъ непроизводительно маневрировать передъ Босфоромъ, тратить уголь и время пассажировъ. Выѣзжай мы на 7 часовъ ранѣе или на 7 часовъ позднѣе изъ Одессы, мы прибыли бы къ Босфору въ должное время.

28 августа. Въ Константинополѣ.

Я всталъ въ 5 часовъ утра. Ясно видны на право и на лѣво крѣпостныя сооруженія. При первомъ впечатлѣніи ширина и форма пролива напоминаютъ мнѣ нашу рѣку Волгу, гдѣ берега ея круты. Горы покрыты густой растительностью. Направо при входѣ въ Босфоръ, гдѣ маякъ, находится турецкое селеніе. На фортѣ выброшенъ красный флагъ. Пройдя проливомъ съ версту, мы поровнялись съ другой парой фортовъ, тоже съ флагами; еще далѣе, за версту разстоянія,—новая пара фортовъ, разставленныхъ по обоимъ берегамъ пролива. На каждомъ фортѣ видно не менѣе десяти большихъ пушекъ. Вотъ и четвертая пара фортовъ. Къ намъ подплылъ на лодкѣ турецкій лоцманъ и попросилъ спустить

лодку за „практикой", а тогда, говоритъ, я сяду на пароходъ, чтобы поставить его на то или другое мѣсто. Нашъ „ревизоръ", младшій офицеръ, отправился на лодкѣ съ шестью матросами, — требовалось взять оффиціальное разрѣшеніе на пропускъ нашего парохода. Турецкій лоцманъ сѣлъ къ намъ, взялся управлять пароходомъ вмѣсто командира, далъ телеграфный сигналъ машинисту и приказалъ выбросить красный флагъ. Былъ небольшой туманъ, который служилъ большою помѣхою пассажирамъ, стремившимся нетерпѣливо полюбоваться прекрасной картиной видовъ Константинополя. Подплываемъ къ пятому форту, который стоитъ на лѣвой сторонѣ, а на правой уже начинается Константинополь. Чуденъ городъ въ лѣтній день! Узкой полосой пролегаетъ онъ едва не повсему берегу пролива. Красивые дома, прекрасные дворцы, величественныя мечети, — все это утопаетъ въ зелени. Далѣе городъ расположенъ по двумъ берегамъ, по Европейскому и Азіатскому. Около 7 часовъ утра мы бросили якорь по срединѣ пролива. Была пятница — день, въ который султанъ выѣзжаетъ изъ дворца на монетный дворъ. Пассажиры парохода партіями собирались ѣхать въ Константиноноль. Я тоже собрался. Лодка за перевозъ отъ парохода къ берегу стоитъ два франка,—это около 1 руб. сер.; наши деньги кредитки цѣнятся низко, серебро рѣдко берутъ, а мѣдь вовсе не берутъ нигдѣ; для шести пассажировъ, сѣвшихъ въ лодку, эта плата не была чувствительна.

Улицы въ Константинополѣ узки и грязны; есть и желѣзноконная дорога. Кондукторъ постоянно трубитъ въ рожокъ, опасаясь задавить кого-нибудь; впереди лошадей бѣжитъ съ кнутомъ въ рукахъ туземецъ, приглашая публику сойти съ рельсъ. Въ вагонахъ два отдѣленія,—одно изъ нихъ для женщинъ — турчанокъ. Костюмъ послѣднихъ однообразнаго покроя,—юбка по щиколку ноги, и отъ нея капишонъ, идущій черезъ голову, лицо покрыто прозрачной вуалью. Торговля и помѣщенія для товара – восточнаго типа: крупной, капиталистической торговли вы незамѣтите; торговля мелкая, лавочки маленькія; какъ прямое слѣдствіе—большая конкурренція и низкія цѣны на товары, по крайней мѣрѣ, ниже тѣхъ цѣнъ, какія установились у насъ въ Европейской Россіи по

большимъ городамъ. Съ точки зрѣнія въ большей или меньшей степени равномѣрнаго распредѣленія богатствъ между гражданами азіатскіе народы куда какъ далеко опередили европейскія націи, и культурное развитіе первыхъ можетъ служить образцомъ для вторыхъ. Между изящными зданіями дворцовъ можно встрѣтить много построекъ обвѣтшалыхъ, деревянныхъ, съ разбитыми окнами, съ ободраной стѣной. Есть зданія, многоэтажныя, но они особо-характерныя, тонкія, узкія. Вообще строенія не подавляютъ своею грандіозностью, цѣнностію, и Константинополь въ своемъ центрѣ, если глядѣть на него съ улицъ, представляется немного схожимъ съ нашими губернскими и даже уѣздными городами, тогда какъ издали, съ пролива онъ величественъ, грандіозенъ, живописенъ. И въ этомъ отношеніи Константинополь, какъ городъ, заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія и подражанія. Къ чему такъ пялятся, щеголяютъ наши европейскія столицы? Для чего намъ по городамъ цѣнныя постройки? Простите, пожалуйста, что я не вижу причины, по которой нужно бы было упрекнуть Константинополь даже за то, что по улицамъ его валяется не мало дохлыхъ собакъ. Что же изъ того? Пусть будетъ побольше вони и грязи и всякаго неблагоустройства по городамъ, чтобы граждане побросали свои города и перебрались въ села и деревни, снискивая хлѣбъ себѣ собственнымъ трудомъ. Полагаю, что всякое государство только выигрываетъ отъ тото, что избавляется отъ *чужеяднаго* человѣчества. Идемъ по улицѣ города и видимъ, что народъ и полиція собирается возлѣ церкви св. Іоанна. Спрашиваемъ, что такое? Объяснили, что патріархъ будетъ скоро службу служить. Заходимъ въ православный храмъ. По бокамъ, возлѣ колоннъ, размѣщается цѣлый рядъ сидѣній, на нѣкоторыхъ сидитъ публика. Турки и въ церкви въ фескахъ; нѣкоторые и изъ христіанъ либеральничаютъ и заходя въ церковь не торопятся скинуть шляпу съ головы. Черезъ полчаса явился для служенія патріархъ, маститый старецъ съ выразительнымъ лицомъ крупнаго очертанія. По выходѣ изъ церкви намъ пришлось видѣть турецкое войско. Оно въ мундирахъ, по европейски, но находясь подъ вліяніемъ страшной жары, раскаленныхъ лучей палящаго солнца, войско кажется какимъ-то вялымъ, не-

бодрымъ, безъ строгой дисциплины. Музыка въ своей гармоничности тоже много уступаетъ нашимъ военнымъ хорамъ, хотя инструменты музыкальные тѣ же. Впереди роты шло нѣсколько солдатъ съ топориками въ рукахъ. Побывали въ софійской мечети, въ бывшемъ софійскомъ храмѣ. И что же? Вы думаете, что я возмущаюсь тѣмъ, что въ мечетѣ нѣтъ прекрасныхъ изображеній, золотыхъ и серебряныхъ вещей, цѣнной рѣзьбы и дорогихъ облаченій? О, не опасайтесь нисколько: вся эта внѣшняя сторона религіи, мнѣ набила оскомину въ Европѣ и, въ частности, у насъ въ Россіи. Посмотрите на замоскворѣцкаго купца. Обдеретъ бѣдныхъ крестьянъ, рабочихъ, спуститъ никуда негодный товаръ и стремится закупить едва не пудовую восковую свѣчу, лицемѣря и чрезъ то морочa бѣдный рабочій людъ. Не скажу поэтому я, чтобы простота восточнаго народа не имѣла ничего въ свою пользу. Нѣтъ, она говоритъ очень о многомъ, и въ этой простотѣ можно многому поучиться. Дворцы въ Константинополѣ красивѣйшія зданія. Извощиковъ въ экипажахъ мало. Верховыхъ лошадей было много, берутъ по 40 к. въ часъ за верховую лошадь. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы вернулись на пароходъ. Онъ стоялъ очень далеко отъ берега. Освѣщеніе его почему-то очень слабо сравнительно съ другими пароходами; въ Константинополѣ ихъ очень много; еще того болѣе простыхъ судовъ. А какія роскошныя есть лодки въ Константинополѣ!.. По длинѣ втрое длиннѣе нашихъ, по высотѣ и ширинѣ— таковыя же, съ прекраснымъ сидѣніемъ для троихъ. Лодка какъ бы лакирована. Весла, ближе къ рукояткѣ, не граненыя, а круглыя, болѣе удобныя и красивыя. Нѣтъ, лодку надо видѣть, въ ней надо покататься, тогда только можно судить объ ея изяществѣ, граціи, легкости. За переправу съ берега на пароходъ съ насъ взяли вновь 2 франка. Запасайтесь иностранной монетой, если хотите путешествовать!

29 августи.

Пройдя 61 милю отъ Костантинополя, мы плыли уже по Дарданелламъ, ближе къ лѣвой сторонѣ. Снялись съ якоря въ Константинополѣ въ 12 часовъ ночи. Шести часовъ было достаточно, чтобы проѣхать пространство почти что въ сто верстъ. Мы проспали Мраморное море. Да, впрочемъ, если

бы и бодрствовали, то за ночной темнотой врядъ ли, что либо можно бы было разсмотрѣть. Отдавъ „*практику*“ въ турецкой крѣпости, мы отправились по Архипелагу, по коему разбросано множество острововъ. Много изъ нихъ необитаемыхъ. Мы проходили близъ нихъ. Каменистая, песчаная, скалистая природа небольшихъ острововъ, съ малой, чахлой безъ поливки растительностью—дѣлаетъ острова необитаемыми, ни крупныхъ животныхъ, ни птицъ на нихъ не видать. Мы держали путь прямо къ Портъ-Саиду. Если бы мы предварительно пожелали побывать въ Іерусалимѣ, то намъ необходимо бы было держаться близь лѣваго берега по Архипелагу.

30 августа.

Сегодня большой русскій праздникъ, а мы на морѣ. Пассажиры принадлежали болѣе къ военному сословію; вышли изъ каютъ на палубу въ лѣтнихъ мундирахъ; дамы выглядывали какъ-то веселѣе обыкновеннаго. Между пассажирами былъ іеромонахъ, ѣхавшій въ Благовѣщенскъ въ распоряженіе тамошняго архіерея. Его попросили отслужить молебенъ, что онъ охотно исполнилъ. Пароходный докторъ исполнялъ роль причетника. Нѣсколько пассажировъ составили маленькій, впрочемъ, должно сказать, очень плохой хоръ. Къ началу молебна подошла команда и заняла свое мѣсто, ставъ въ ряды. Всей команды человѣкъ 60, изъ нихъ 25 матросовъ, остальная часть относится къ машинисту: кочегары, угольщики, масленщики и проч. Море было тихо, качки не было. Носовая часть парохода убрана флагами; поставлена икона; затеплили лампаду. Молебенъ прошелъ должнымъ образомъ въ присутствіи командира и четырехъ морскихъ офицеровъ, служащихъ на пароходѣ. Мы проходимъ между островами. Около 2-хъ часовъ дня былъ видѣнъ послѣдній островъ Родосъ: конецъ Архипелагу, — далѣе начинается Средиземное море. На дощечкѣ, что вывѣшивается на рубкѣ дамской,— прибито сообщеніе, что въ полдень мы прошли отъ Константинополя 411 миль, кстати старшій офицеръ добавлялъ метеорологическій бюллетень, G=36⁰—08′N, L=27⁰—17′O *).

---

*) G—N означаетъ географическую сѣверную широту, L—O восточную долготу; ⁰ означаетъ географическій градусъ, ′—минуту.

31 августа.

У меня растроился желудокъ: поносъ и желудочныя спазмы начались въ 10 час. утра. Въ двѣнадцать часовъ я пригласилъ доктора къ себѣ въ каюту и заявилъ ему, что немного нездоровъ, что, находясь на столѣ вмѣстѣ съ командой, я пищей доволенъ, но крайне возмущенъ грязью и вонью, которыя царятъ въ 3-мъ классѣ, куда я хожу изъ каюты обѣдать. Такъ, возлѣ стола, на которомъ пьютъ чай и ѣдятъ, поставлена сырая швабра; я прошу убрать ее; говорятъ, что не приказывали убирать. Бѣлье той каюты, гдѣ я находился, тоже все грязно. Докторъ нашелъ, что бѣлье дѣйствительно въ пятнахъ, которыя не отмываются, но что оно достаточно чисто. Я пригласилъ доктора къ себѣ въ каюту и собирался, признаться, черезъ него заявить, что я очень не доволенъ грязью и вонью и, заболѣвъ, желаю, требую, чтобы порядки на пароходѣ были измѣнены; но этого доктору не сказалъ. Спросилъ, между прочимъ, можно ли ѣсть и пить то, что прежде мною потреблялось. Докторъ нашелъ возможнымъ, а также одобрилъ мою мысль пить красное вино съ водою, что мнѣ было весьма желательно. Спрашиваю краснаго вина, самаго, признаться, дешеваго. Подаютъ бутылку и взяли 57 коп., спросивъ меня: „куда прикажете поставить — на палубу или въ каютѣ". Мнѣ хотѣлось сидѣть на палубѣ и я попросилъ подать вино и воду туда. Сажусь за столъ и пью. Гляжу, составляется тріо: докторъ, командиръ парохода и старшій офицеръ. Стоятъ и что-то толкуютъ. Черезъ двѣ три минуты подходитъ ко мнѣ командиръ и говоритъ: вы выражаете свое неудовольствіе; я попрошу васъ сойти съ парохода въ первой же пристани, въ Портъ-Саидѣ.

— Что такое командиръ? Я не выражаю своего неудовольствія, а заболѣвъ спрашивалъ доктора и говорилъ ему о причинахъ заболѣванія.

— Но вы говорили инспекторскимъ тономъ. Если теперь вы заявляете претензіи, то что будетъ дальше? Я вамъ выдамъ деньги въ Портъ-Саидѣ, вы и возвращайтесь обратно въ Одессу.

— Но вѣдь я говорилъ доктору по случаю своей болѣзни...

— Все равно. Вы не имѣете права выражать свои претензіи никому, кромѣ меня.

— Даже, когда я боленъ!

— Даже и тогда. Вотъ и теперь вы вышли пить вино и воду на палубу, хотя это возбраняется.

— Виноватъ, но я спрашивалъ—возможно ли пить на палубѣ, и мнѣ сказали, что возможно.

— Вы сами говорите, что выѣхали съ ученою цѣлію; еще напишите что-нибудь, не зная порядковъ нашихъ. И командиръ отошелъ отъ меня.

Вотъ тебѣ и разъ, подумалъ я. У меня желудокъ разстроился, не въ порядкѣ, и меня же высадятъ въ Портъ-Саидѣ... Это оригинально и вмѣстѣ съ тѣмъ для меня крайне неудобно. Дожидаться цѣлыхъ полгода отхода другаго парохода Добровольнаго Флота во Владивостокъ—времени потеряно будетъ не мало; возвращаться въ Одессу—не зачѣмъ. Какъ быть?!

На дощечкѣ вывѣшено, что въ полдень по обсерваторіи: G=32° 39′N, L=31° 16′O; суточное плаваніе 283 мили. До Портъ-Саида остается 99 миль.

Чрезъ нѣкоторое время подходитъ ко мнѣ командиръ съ однимъ офицеромъ. Я первый забрасываю удочку на счетъ примиренія.

— Извините, пожалуйста, командиръ въ томъ, что, я не зная вашихъ порядковъ, попался въ просакъ. Я не зналъ того, что, приглашая во время болѣзни къ себѣ врача, надо быть сдержаннымъ, неоткровеннымъ.

— Да, у насъ обязательно доносится все командиру. Я очень радъ, что все ,по крайней мѣрѣ, вышло на чистоту. Если васъ такъ стѣсняетъ столъ, то не хотите ли, я прикажу носить его къ вамъ, въ каюту.

— Весьма благодаренъ, командиръ Вы очень любезны и я не откажусь отъ вашего предложенія. Я радъ, что мнѣ не надо высаживаться въ Портъ-Саидѣ, не надо терять полгода времени въ ожиданіи движенія другаго парохода.

— И мнѣ то же отрадно, говоритъ командиръ, а то на нашу администрацію и безъ того много жалобъ. Однако надо пройтись немного, и командиръ пошелъ шагать по палубѣ.

Въ Портъ-Саидѣ.

На большое пространство кругомъ видно одно море и море. Прекрасный синелазуревый цвѣтъ его пріятенъ для глазъ. Многіе изъ пассажировъ любуются имъ. Наступаютъ сумерки. Издали уже виднѣется вертящійся маякъ. Возлѣ него надъ горизонтомъ особое освѣщеніе, какъ бы передъ восходомъ солнца,—то свѣтъ электрическаго фонаря. Подъѣзжая къ Портъ-Саиду, мы замѣтили ракету, пущенную вверхъ; черезъ небольшое время была пущена вторая ракета, и къ намъ подъѣхалъ встрѣчный пароходъ, который доставилъ намъ лоцмана, поставившаго нашъ пароходъ возлѣ берега порта. Мы бросили якорь. Портъ и пароходы освѣщены. Многимъ пассажирамъ хотѣлось побывать на берегу. Составилась большая компанія. Я то же принялъ участіе. Спросили позволенія у командира и отправились. За перевозъ на берегъ, саженъ за двадцать, тридцать, взялъ лодочникъ съ каждаго человѣка по $^1/_2$ франка. Переправшись на берегъ, мы взяли путеводителя-переводчика.

Высокія, трехъ-этажныя и двухъ-этажныя зданія, съ галлереями во 2-мъ и 3-мъ этажахъ и съ магазинами въ нижнихъ, составляли особенность порта. Зашли въ одну, въ другую, вь третью лавку, прицѣнились къ товару. Цѣны на все привозное почти вдвое выше противъ московскихъ. Прицѣнивались мы къ готовому платью, къ издѣліямъ изъ черепахи, къ фотографическимъ картинамъ, къ чайной посудѣ. къ золотымъ издѣліямъ и, наконецъ, зашли въ „*Eldorado*“, выпили по кружкѣ пива. За входъ въ *Eldorado* мы ничего не заплатили, хотя тамъ игралъ оркестръ музыкантовъ изъ десяти мущинъ и десяти дамъ, и пѣли двѣ француженки — пѣвицы и одинъ англичанинъ. Но за то кружка пива, стоящая въ Москвѣ 5 коп., цѣнится въ Портъ-Саидѣ въ 50 коп. Въ этотъ *teatre cafe*, за маленькими столиками, съ мраморными досками, сидѣли не только кавалеры разныхъ націй, возрастовъ, костюмовъ, но также дамы, иногда даже сь грудными дѣтьми, и дѣти отъ пяти до десятилѣтняго возраста. Эта пестрая толпа, доходящая до двухсотъ и болѣе лицъ,

сидя за кружкою пива, за рюмкою водки, или еще за какимъ либо другимъ напиткомъ, подпѣваетъ громогласно пѣвицѣ или пѣвцу, подстукивая тростями и каблуками. Но, между прочимъ, вы не замѣтите ни русской кабацкой брани, ни сальнаго пошиба нашихъ мѣстъ общественнаго гулянья. Жара и духота страшныя. Мы, русскіе, сидѣли скинувъ фуражки; привыкшій къ мѣстности посѣтитель Eldorado сидѣлъ кто въ шляпахъ, кто въ картузахъ. Въ сосѣдней комнатѣ играютъ человѣкъ тридцать въ рулетку. Франки десятками, сотнями переходятъ изъ кармана въ карманъ, счастье перелетаетъ отъ одного къ другому. Изъ нашихъ русскихъ человѣкъ пять пристали къ играющимъ, и, конечно, проиграли кто десятки, а кто и сотни франковъ. Часть нашихъ пассажиръ осталась играть въ рулетку, а часть отправилась осматривать арабскій *cafe-restorant*. Вчетверомъ взяли мы по верховому осленку, посадили на пятаго своего проводника— и маршъ по темнымъ улицамъ, неосвѣщеннымъ особыми фонарями, а пользующимися свѣтомъ лавокъ. Въ концѣ города стоитъ рядъ маленькихъ деревянныхъ пристроекъ. Мы посетили два *cafe*. Скверно въ нихъ, грязно какъ въ кабакахъ; поютъ плохо, пляшутъ отвратительно. Представьте себѣ деревянный балаганъ человѣкъ на пятьдесятъ, наполненный всевозможнымъ рабочимъ людомъ. Къ одному изъ угловъ приставлена стойка съ разнаго рода винами и водами, которыя, конечно, и въ ротъ не возьмешь. Въ другомъ углу на возвышеніи сидятъ семь пѣвцовъ, три мужчины съ инструментами музыкальными, у одного изъ нихъ гитара. Четыре толстогубыхъ, чернолицыхъ туземки, одѣтыя въ европейскіе костюмы, только поютъ и, по очереди обходя публику съ металлической тарелкой, собираютъ деньги. Въ другомъ *cafe* двѣ женщины плясали. Мнѣ пляска тоже не понравилась. У насъ, въ Европѣ, танцы и пляска имѣютъ свою прекрасную сторону, они могутъ замѣнить отчасти гимнастическія упражненія. Здѣсь не то. Женщина пляшетъ главнымъ образомъ животомъ, вертитъ и сучитъ имъ, какъ и мягкими задними частями тѣла, обливаясь потомъ такъ, что намъ жаль стало бѣдныхъ плясуній, въ рукахъ коихъ были особыя побрякушки. Болѣе двухъ, трехъ минутъ мы не могли вынести

такой картины и отправились обратно. На другой день я съ 8 до 11 часовъ утра вновь провелъ, гуляя по Портъ-Саиду. Консульскія зданія одни изъ лучшихъ; они трехъэтажныя, съ галлереями, съ большими окнами. На пристани стоялъ другой русскій пароходъ *Одесса*, принадлежащій Русскому Обществу. Я отвезъ на этотъ пароходъ нѣсколько писемъ, налѣпивъ на нихъ русскія марки, 7-ми копѣечнаго достоинства, и опустивъ въ почтовый ящикъ парохода. Пароходъ отходилъ отъ Портъ-Саида въ тотъ же день, въ четыре часа вечера. Фруктовый рядъ базара довольно оживленъ, цѣны низкія. Многіе изъ пассажировъ закупили себѣ бѣлые костюмы и бѣлыя, южныя шляпы съ двумя козырьками, на лобъ и затылокъ. Нашъ, какъ и другіе пароходы, нагружается въ Портъ-Саидѣ каменнымъ углемъ, привозимымъ сюда изъ Англіи. Мы нагружались съ утра до 2-хъ часовъ дня. Пароходъ обступили суда съ углемъ и чрезъ особыя отверстія въ бокахъ его пересыпали уголь. Черная пыль, страшная... Вездѣ, гдѣ только можно себѣ представить, она понабралась. Долго пришлось обмывать пархоодъ. Говорятъ, что мы запаслись провизіей и углемъ до Коломбо, на островѣ Цейлонѣ; Аденъ минуемъ, не заѣдемъ, и въ пути будемъ около 12—15 сутокъ.

1 сентября.

Пароходъ отправился изъ порта въ $2^1/_2$ часа дня, давъ намъ возможность и днемъ погулять по порту и отправить письма въ Одессу на русскомъ пароходѣ, стоявшемъ отъ насъ неподалеку. Пассажиры, не сходившіе съ парохода, могли кое-что закупить у маленькихъ торговцевъ, обязательно явившихся на пароходъ. Мы выѣхали заплативъ большую пошлину по суэзскому каналу, ширина коего около 20 саженъ, глубина отъ 7 до 8 саженъ.

Около 7 часовъ вечера мы остановились близъ ст. Gare limite Sud. Говорятъ, что мы должны будетъ ночевать, такъ какъ ночью неудобно идти—съ одной стороны, кромѣ того, идетъ навстрѣчу пароходъ. Насъ сопровождаетъ лоцманъ французъ изъ Портъ-Саида. Лѣвый берегъ канала представляетъ пустыню, изрѣдка покрытую солончаками и кочками, съ дикой растительностію. Правый берегъ узокъ; за нимъ

виденъ громадный разливъ воды съ множествомъ островковъ. По послѣднему берегу проходятъ два пути телеграфной проволоки; по одному пять проволокъ, по другому—двѣ. Станція, возлѣ которой мы остановились, представляетъ изъ себя одноэтажный, небольшой домикъ, крытый по-европейски, съ пристройками, сараемъ, заборомъ и прочими службами. Вблизи на столбѣ вывѣска. По низменности разбросанъ тросникъ. Послѣ обѣда нѣсколько лицъ съ разрѣшенія старшаго офицера парохода отправились на лодкѣ къ станціи. Съ ними — два ученика мореходныхъ классовъ, оказавшихъ свою крайнюю непрактичность: лодка долгое время не могла пристать къ пристани. Хотѣли было лодку поставить поперекъ канала, но, къ сожалѣнію, она не могла подойти къ берегу, было слишкомъ мелко возлѣ него. Наконецъ рѣшено было подъѣхать къ мосткамъ станціи. Я съ однимъ пассажиромъ, свѣдущимъ въ сельскомъ хозяйствѣ, пройдя по садику передъ домомъ и обогнувъ его, прошелъ къ той части, которая покрывается моремъ; поверхность земли отъ солнечныхъ лучей растрескалась и представляла какъ бы ровный паркетъ отъ легкихъ растрещинъ, симметрично расположенныхъ. Чѣмъ ближе мы подходили къ водѣ, являющейся въ видѣ заливовъ, озеръ отъ разлива рѣки Нила, тѣмъ ощутительнѣе было, что наши ноги начинаютъ вязнуть и, наконецъ, утопать въ илѣ. Мы остановились. Взяли на ощупь почву; она казалось мягкой, бархатистой, какъ лучшій европейскій черноземъ. Взяли на языкъ — немного солоноватая, но не настолько, чтобы лишить растительность жизни. Идемъ далѣе и встрѣчаемся съ маленькой плантаціей турецкаго камыша, высотою аршинъ въ пять и толщиною въ палецъ. По подсадкамъ можно было видѣть, что плантація только что развивается. Возвращаясь мимо станціи, мы были приглашены побесѣдовать и выпить стаканъ вина сидящими на террасѣ грекомъ съ женой и путешествующимъ священникомъ изъ Іерусалима. Мы отказались, но не могли отказать въ любезности дамѣ принять отъ нея по букету изъ мѣстныхъ васильковъ, эрани и другихъ растеній. Подойдя къ лицевой сторонѣ станціи, мы увидѣли, что съ нашего парохода прибыло еще нѣсколько пассажировъ съ дамами и хо-

дятъ на террасѣ начальника станціи, семейство котораго, повидимому, очень любезно. Но вотъ одинъ изъ простаковъ нашихъ пассажировъ, молодой, неопытный, сталъ предлагать монету франкъ, прося себѣ вина.

— Вонъ, гони, раздалось по русски, и прислуга принуждена была просить насъ выйти вонъ. Наши дамы въ претензіи, собираются на пароходъ, находя заявленіе начальника станціи дерзкимъ. Я и человѣкъ шесть еще изъ пассажировъ отправились къ тѣмъ сидящимъ на террасѣ лицамъ, которыя прежде приглашали насъ. Тамъ православные, тамъ радушный пріемъ: холодная вода, вино, чай съ ромомъ и букеты цвѣтовъ; ласковое слово, привѣтственная улыбка хозяевъ, умѣнье священника вести разговоръ на русскомъ языкѣ—все это насъ всецѣло обворожило. Да и кому это не понравится? Видѣть такую радушную встрѣчу на пустынныхъ берегахъ Азіи и Африки, въ глуши, близъ моря и притомъ съ русской рѣчью и радушіемъ!... Мы весело проболтали часа полтора, пока за нами не пріѣхали другіе пассажиры и не пригласили насъ возвратиться на пароходъ къ чаю, по распоряженію командира. Конечно, мы немедленно послѣдовали приглашенію, сдѣлавъ складчину и вознаградивъ добраго гостепріимнаго хозяина, хотя онъ отъ этого и отказывался. По возвращеніи на пароходъ, одинъ изъ гулякъ (служащій на пароходѣ) былъ арестованъ на двое сутокъ за свое поведеніе: онъ не имѣлъ права безъ особаго разрѣшенія пароходной администраціи выходить на берегъ, а тѣмъ болѣе давать поводы къ безпорядкамъ. Бѣднягу заперли въ прачечную комнату, гдѣ едва можно было повернуться. Мѣстная команда, посадивъ молодаго человѣка въ карцеръ, стала смѣяться надъ нимъ, что вотъ де изъ „департамента" (изъ канцелярской каюты) попалъ въ карцеръ,—таковы ужъ пріемы у команды.

2 сентября.

Рано утромъ мы снялись съ якоря и пошли болѣе скорымъ ходомъ. Направо и налѣво по берегамъ — песчаныя низменности, покрытыя мелкимъ кустарникомъ. Я взялъ въ первый разъ въ жизни морскую ванну, по утру, вставъ съ постели. Ночью было душно въ каютѣ, я спалъ даже безъ

бѣлья. Морская ванна понравилась мнѣ, она меня освѣжила. Тѣло было очень радо прохладной водѣ; я давно уже не мылся. Въ послѣдній разъ я былъ въ банѣ въ Одессѣ. То было во вторникъ. Общихъ дворянскихъ бань не топили, а были только маленькія номерки. Въ нихъ все мраморное: полы, ванны, скамейки. Взяли съ меня 20 коп. за баню, 15 коп. баньщикъ, 5 коп. бѣлье. Отдавъ 40 коп., я былъ очень недоволенъ банею: тѣсно, душно; нѣсколько человѣкъ, а иногда и больныхъ, моются въ одной комнатѣ, скверно... Не то представляетъ ванна на пароходѣ,—чистота, уютность, прохлада,—прелесть что такое, сравнительно съ баней. Вся ванна-комната съ кубическую сажень; полъ мозаичный; два стула и умывальникъ безукоризненной чистоты; на стѣнѣ маленькое зеркальце. Стоитъ открыть кранъ, какъ вода наполнитъ ванну, въ количествѣ по вашему усмотренію. Вода на вкусъ соленая: барахтаясь въ ваннѣ, невольно капли воды на губы стекаютъ, на языкъ. Съ какимъ удовольствіемъ сидишь въ водѣ! Какъ хочется продлить время! Но совѣстно: можетъ быть, другимъ пассажирамъ хочется тоже покупаться.

Время завтрака и чая, это около 8 часовъ утра. Въ помѣщеніи 3-го класса—грязь и нечистота, какую только можно себѣ представить. Послѣ вчерашней нагрузки угля весь пароходъ обмыли, даже парусиновое покрывало; вымыто стойло коровъ и телятъ, вымыты птичники. Но при этомъ совершенно игнорируютъ помѣщеніе 3-го класса: оно безъ ухода, безъ присмотра; никто половъ немететъ, не моетъ, стола и лавокъ не вытираетъ. Отвратительное отношеніе командира къ этому помѣщенію!... Нѣтъ, того, что сказано, мало. Представьте, было сдѣлано распоряженіе, чтобы возлѣ стола, который замѣнялся широкой толстой доской, положенной на деревянныя козла, была поставлена мокрая швабра, та самая швабра, которой моютъ грязный полъ даже подъ скотомъ. Можете представить себѣ, какъ это гигіенично вліяетъ на пассажировъ, на ихъ аппетитъ и состояніе желудка! Нѣтъ ничего мудренаго, что можно схватить и холеру... Я какъ то было заикнулся объ этой швабрѣ параходному доктору, когда у меня разстроился желудокъ. А тотъ по принятому обычаю

передалъ это заявленіе командиру. Тотъ въ претензіи, и помните? чѣмъ это было кончилось для меня.

Сейчасъ узналъ, что сидящій въ карцерѣ молодой человѣкъ переведенъ въ маякъ, въ металлическую узкую трубу, такъ какъ прачечная оказалась необходимой для купанья кочегарамъ.

Сегодня по утру въ тѣни возлѣ рубки подъ двумя парусинами, — дождевомъ и солнечномъ тентами, было 26° R. Около этого времени мы подплыли къ озеру Измаилу; вода въ немъ грязноватая, какъ и въ каналѣ. По срединѣ масса всевозможныхъ маяковъ; много островковъ. Направо оазисъ, съ прекрасною густою высокою растительностію. Видны мачты, строенія. Говорятъ, это резиденція бывшая, или дача, Измаила паши. Къ намъ на пароходикѣ подплылъ новый иностранный лоцманъ и смѣнилъ прежняго француза. Мы плыли очень медленно. По правому берегу канала видны тумбочки съ металлическими пластинками, чернаго и краснаго цвѣта — это приспобленія для нынѣ открывшагося электрическаго освѣщенія. Иногда видна растительность. Во время обѣда съ пассажирами палубными случился маленькій инцидентъ. Артельщикъ не хочетъ выдавать кушанья на малыя партіи и требуетъ, чтобы пассажиры соединялись партіями до двѣнадцати человѣкъ. Пришлось жаловаться старшему офицеру. Онъ распекъ артельщика, и намъ выдали порціи на партіи въ четыре человѣва. Въ половинѣ перваго часа было 27° R. въ тѣни. Берега то покрыты на аршинъ, на два растительностью, то пріубраны плетнемъ, чтобы не обсыпались и не засоряли канала. Но вотъ въѣжаемъ въ Меридово озеро. Цвѣтъ воды, какъ и въ каналѣ, грязновато-зеленый. Большое Горькое озеро по своимъ концамъ при началѣ канала имѣетъ маяки. Нашъ пароходъ идетъ полнымъ ходомъ. Берега направо представляютъ песчаныя низменности, налѣво, сравнительно, холмистыя возвышенности.

Во время вечерняго чая — опять инцидентъ. Палубные пассажиры выражали неудовольствіе на то, что въ трюмо, гдѣ они помѣщаются, никто не мететъ, не моетъ. Я спросилъ старшаго боцмана, есть ли такой приказъ со стороны командира парохода, чтобъ помѣщеніе палубныхъ пассажировъ не убиралось.

— У насъ, когда ѣдутъ военные, то сами убираютъ свои помѣщенія. Относительно же другихъ пассажировъ у насъ этого нѣтъ, и я не знаю.

— Но я думаю доложить объ этомъ командиру, говорю я.

— Погодите, отвѣтилъ боцманъ, я самъ спрошу объ этомъ. Спросилъ и нарвался: приказано было подмести и вымыть полъ для палубныхъ пассажировъ. Подмели и подмыли прекрасно. Слава Богу, но все же это первый разъ послѣ выхода изъ Одессы.

Въ половинѣ четвертаго часа мы вновь въѣхали въ каналъ и пошли тихимъ ходомъ. Мы проплыли уже отъ Портъ-Саида 75 миль. Берега канала теперь не то, что прежде: они круты, саженъ пять, шесть надъ уровнемъ воды. Мѣста краевъ, соприкосновенные съ водою, уложены камнемъ приблизительно аршина на два, на три по откосу. Есть мѣста, гдѣ берега на аршинъ высоты обиты досками, въ три доски.

— Проѣдемъ ли мы сегодня Суэцъ, спрашиваю?

— Врядъ ли, отвѣчаетъ офицеръ. Сейчасъ будетъ остановка, судно будемъ пропускать. Можетъ быть, здѣсь и ночуемъ. И дѣйствителъно ночевали, не доѣхавъ только миль 7 до Суэца, не смотря на то, что не было еще и 5 часовъ вечера, какъ пароходъ причалилъ къ берегу.

На этотъ разъ публика на берегъ не пошла; невдалекѣ, въ 20 — 30 саженяхъ остановился англійскій пароходъ, онъ причалилъ тоже на ночевку. Съ него публика выходила на берегъ, подходила къ нашему пароходу, осматривала станцію. По всей вѣроятности, нашъ капитанъ-командиръ не разсчитываетъ на скромность своихъ пассажировъ. Вечеромъ были у насъ танцы. Впрочемъ далеко не всѣ принимали въ нихъ участіе, кажется, четыре офицера—и только изъ кавалеровъ.

Пароходъ снялся отъ пристани при разсвѣтѣ. На палубѣ былъ лоцманъ французъ, ведущій нашъ пароходъ по каналу. Около 6 часовъ утра мы были около Суэца, расположеннаго у подошвы горы и при заливѣ. Растительность небольшая. Правый берегъ канала покрытъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мелкой растительностью, въ родѣ мха, и кочками;

лѣвый берегъ—песчаная равнина. Суэцъ какъ-бы подраздѣляется на двѣ половины. Дальная отъ моря болѣе населена. Видно нѣсколько двухъэтажныхъ и одноэтажныхъ домовъ, мечетей. Отъ города на растояніи версты или двухъ верстъ находится вторая половина—морская пристань, соединяющаяся съ городомъ линіей желѣзной дороги. Городъ небольшой, видно не болѣе 10—15 улицъ, около 5 мечетей. Вотъ конецъ насыпи, обложенной камнемъ, конецъ канала. Мы подъѣзжаемъ къ бухтѣ. Набережная покрыта зеленью въ родѣ бульвара. Зданій пять—шесть выходятъ на этотъ бульваръ. Отъ бухты—насыпь, по которой бѣжитъ отъ Суэца локомотивъ съ четырьмя вагонами. Направо бухты стоитъ трехъэтажное зданьице, напоминающее наши старые помѣщичьи дома. Маленькій пароходикъ подплылъ къ намъ, взялъ лоцмана и отчалилъ. Пошли и мы далѣе заливомъ Краснаго моря, цвѣтъ воды котораго свѣтловато-зеленый. Утренняя картина очаровательна. Восходящее солнце весело разсыпало свои золотистые лучи повсюду. Необъятная, покрытая туманомъ пустыня—съ одной стороны; высокія горы, съ холмами, съ утесами, отражали на своемъ склонѣ всевозможныхъ очертаній тѣни отъ тучъ; ровное открытое море съ нѣсколькими судами, впереди четырехъ-мачтовый пароходъ, колоссальныхъ размѣровъ, далѣе ряды лодокъ и, наконецъ, раскинутый по берегу городъ и бухта съ морскими судами. Красота и величіе природы гармонировали съ искусствомъ человѣка. Чудная картина!

— Здравствуйте, говоритъ мнѣ, подходя одинъ изъ учениковъ мореходныхъ классовъ, устанавливая на кормѣ парохода лагъ. Теперь уже будемъ считать количество пройденныхъ миль. Колесо лага быстро завертѣлось и онъ сталъ издавать обычные удары прохода каждые $^1/_4$ мили. Мы шли полнымъ ходомъ. Слава Богу, а то тащились каналомъ не болѣе пяти миль въ часъ; теперь же 12 —14 миль въ часъ. Поднялся попутный вѣтеръ. Мы раскинули паруса; говорятъ, на узелъ или полтора въ часъ быстрѣе пойдемъ отъ силы вѣтра.

4 сентября.

Знаете ли, какое пространство мнѣ предстоитъ проплыть отъ Одессы до Владивостока? — 11,477 морскихъ миль, т. е. 20,090 верстъ!... Если бы я вамъ сказалъ объ этомъ прежде, не находясь на пароходѣ и не плывуча по Красному морю, по тому самому морю, которое когда-то въ старину евреи перешли по дну,—то вы навѣрное мнѣ не повѣрили бы: такъ велико пространство, которое мнѣ предстоитъ проплыть... Жара большая, ночью 25° R. Говорятъ, что въ эту пору года Красное море самое жаркое мѣсто изъ всѣхъ предстоящихъ въ пути. Оно и понятно: съ одной стороны моря находятся раскаленныя земли Аравійской пустыни, съ другой—раскаленный воздухъ африканской Сахары...

Сегодня поутру въ первый разъ я замѣтилъ, что корридоры между каютами моются. Отвратительная, безобразная администрація парохода! О, какъ я ею возмущаюсь!... Грязь, вонь, непорядокъ, несвоевременное распоряженіе, дерзость. грубость — нѣтъ это изъ рукъ вонъ!... Не позабудьте, что таковые порядки на *Добровольномъ* Флотѣ, какихъ, говорятъ, ни въ одномъ государствѣ нѣтъ. Мы преимуществуемъ не количествомъ пароходовъ; нѣтъ, у насъ ихъ осталось только шесть: Россія, С.-Петербургъ, Москва, Нижній Новгородъ, Ярославль и Владивостокъ; седьмой злополучный пароходъ Кострома недавно погибъ, сѣлъ на мель. Дѣло въ томъ, что Добровольный Флотъ сооруженъ при средствахъ, собранныхъ по подпискѣ съ русскихъ гражданъ. Возьмемъ хотя настоящій воіяжъ. Между немногочисленными палубными пассажирами находятся двое, которые внесли, хотя и незначительныя, суммы на устройство флота: одинъ 50 руб., а другой 1½ руб. Взносы они дѣлали каждый по своимъ средствамъ. И какъ же они возмущаются, когда ихъ люкъ не подметаютъ, не моютъ, не убираютъ!... Возмутительно, говоритъ мнѣ одинъ изъ нихъ,—только имя русской націи грязнятъ.

5 сентября.

Поутру въ 7 часовъ было 26° R. въ тѣни. Полы между каютъ вновь мыли. Въ полдень по обсерваторіи было: G=21° 62′ N,

L=38° 19½′ O; суточное плаваніе 273 мили; температура въ тѣни 28° R. Съ пассажировъ потъ катитъ градомъ: рубахи, пиджаки, сюртуки, блузы, брюки—все въ поту, все мокрое.

6 сентября.

Сегодня собираюсь писать, беру записную книжку, чернильницу, карандашъ, но никакъ не могу найти ручки съ перомъ. Обшаривъ всѣ свои карманы, осмотрѣвъ каюту предполагая, что какъ-нибудь неосторожно выронилъ, но всѣ мои поиски были тщетны, ручка не нашлась. Иду на палубу и думаю спросить на время у кого-нибудь ручку съ перомъ. На лѣстницѣ рубки встрѣчаетъ меня одинъ изъ пассажировъ, молодой офицеръ, ѣдущій на службу въ пріамурское генералъ-губернаторство и заявляетъ, что чья-то ручка лежитъ на столѣ близъ кормы. Я былъ очень радъ, что ручка, къ которой я привыкъ, не разлучался съ ней цѣлый годъ,—нашлась. Особенно понравилось мнѣ то, что команда, убирая палубу и найдя мою ручку, не воспользовалась ею, не выбросила ее за бортъ. А вотъ другой примѣръ. По случаю большихъ жаровъ и духоты я ѣду въ блузѣ. У меня оторвалась одна изъ застежныхъ пуговицъ и я положилъ ее въ карманъ. Сегодня поутру вынимаю нитки и иглу, намѣреваясь пришить пуговицы, анъ не тутъ-то было, ея въ карманѣ не оказалось. Посмотрѣлъ въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ, и нѣтъ, а между тѣмъ пуговка нужна, путь еще далекій, — растрепаннымъ оборванцемъ ходить неудобно. Все это я говорю изъ благодарности къ командѣ, что она, найдя мою ручку, положила ее на столѣ до востребованія. Если вы, читатель, когда нибудь соберетесь въ дальній путь, то запасайтесь всегда двойнымъ количествомъ необходимыхъ предметовъ!..

Почему то сегодня стали чистить на палубѣ мѣдныя вещи, ручки, петли, столбики—до сихъ поръ они представляли, съ момента выхода изъ Одессы, видъ грязныхъ, засаленныхъ, непріятныхъ для глазъ вещей... Но, признаться, и это распоряженіе было приведено въ исполненіе не такъ, какъ слѣдуетъ. Стали чистить въ 9 часовъ утра, въ десятомъ, когда публика высыпала на палубу. Гдѣ же была администрація парохода прежде, почему не вычистили вещей своевременно

даже сегодня,—я такого отношенія администраціи не видалъ еще...

Температура въ 2 часа дня (въ тѣни) была 27⁰ R. Въ полдень по обсерваторіи G=16⁰ 52′N, L=40′ 41′O; суточное плаваніе 284 мили. Подъ бюллетенями постоянно подписывается старшій офицеръ.

Сегодня въ первый разъ я вышелъ на палубу въ рубахѣ съ малороссійской оторочкой. На мнѣ сверхъ того была накинута крылатка. Днемъ доходило до 28⁰ R. въ тѣни. Ночью спалъ на палубѣ при 25⁰ R. Это вторая ночь, которую я провелъ на палубѣ; третьяго дня я спалъ въ первый разъ, но только съ 12 часовъ ночи до 3-хъ часовъ; сильный вѣтеръ разбудилъ меня, я почувствовалъ насморкъ, и вставъ, отправился въ каюту, гдѣ и продолжалъ свой ночной сонъ до 6 часовъ утра. Днемъ жара и духота, — бѣлье и блузы мокрыя, пиджаки и брюки — тоже. Ежеминутно приходится прибѣгать то къ вѣеру, то къ платку, чтобы обтереть катящійся градомъ потъ. Ежедневно беру морскую ванну два—три раза. Морская, горькосоленая вода имѣетъ на нѣсколько градусовъ ниже температуру, сравнительно съ воздухомъ, днемъ она имѣетъ около 23⁰ R. Посидѣть въ ней, побарахтаться въ водѣ, пріятно. Тѣло немного разъѣдаетъ; иногда на немъ появляются маленькіе прыщи красноватаго цвѣта. Лицо, руки и шея дѣлаются какими-то клейкими, болѣе твердыми, нѣтъ прежней эластичности.

Вечеромъ подходитъ ко мнѣ артельщикъ и говоритъ, что старшій офицеръ три дня уже какъ заявилъ, что я буду брать къ себѣ въ каюту кушанья и чай. Для меня сдѣлали маленькое исключеніе: по уставу Общества этого не полагается. Артельщикъ это заявилъ, когда я сталъ разсказывать, что мнѣ командиръ разрѣшилъ пить чай и обѣдать въ каютѣ.

7 сентября.

Поутру были видны необитаемые острова Цукуръ, Абу-Аилъ и др. Около нихъ часто пароходы налетаютъ на мель. Мы видѣли до четырехъ погибшихъ пароходовъ, ставшихъ на мель. Около девяти часовъ намъ встрѣтился англійскій трехмачтовый, двухтрубный пароходъ, который прошелъ подъ

англійскимъ флагомъ, выброшеннымъ на кормѣ. Мы въ свою очередь выбросили тоже на кормѣ флагъ русскій и такимъ образомъ обмѣнялись привѣтствіями. Каждой націи соотвѣтствуетъ, какъ извѣстно, свой флагъ. Мы плыли подъ торговымъ флагомъ. Около 12 часовъ дня мы были уже почти на половинѣ Бабъ-Эль-Мандебскаго пролива, противъ города Мока. Я выпросилъ морской бинокль и разсматривалъ городъ. Около четырехъ часовъ мы находились въ самыхъ воротахъ пролива. Сразу, почти, температура воздуха и сила вѣтра измѣнились. Градусникъ R. показывалъ 25⁰ вмѣсто прежнихъ 28⁰. Сила вѣтра съ полудня постоянно увеличивалась, появились бѣляки, насъ уже покачивало. Говорятъ, что въ проливѣ постоянное волненіе, постоянные вѣтры. Я спалъ. Въ открытое окно каюты забрасывало мнѣ сильными движеніями большую струю воды. Приходитъ компаніонъ по каютѣ (пассажиры ѣхали по двое въ каютѣ), будитъ меня и говоритъ, что въѣхали въ ворота. Я выбѣгаю на палубу. Направо видѣнъ какъ бы въ туманѣ берегъ Африки съ множествомъ маленькихъ, но высокихъ островковъ. На болѣе выдающейся къ намъ части стоятъ маяки и нѣкоторые другіе строенія. Налѣво— прилегающая къ морю и воротамъ часть Азіи. На ней видны до десяти особыхъ маленькихъ возвышенностей, между которыми какъ-бы образовались заливы. На трехъ разныхъ ступеняхъ одной возвышенности стоятъ зданія бѣлыя, большія. При помощи бинокля можно было размотрѣть какъ зданія, такъ равно и вьющуюся дорогу по крутой горѣ, но полого, большими извилинами. Вдали видны покрытыя легкимъ туманомъ высокія горы береговъ, также причудливо возвышенныя съ разными очертаніями гребня.

Въ полдень по обсерваторіи: G=13⁰ 16′N, L=43⁰ ½′O; суточное плаваніе 265 миль. Механическій лагъ, стрѣлка его циферблата, указываетъ 6. Моряки не считаютъ сотенъ, т. е. сколько миль сдѣлали всего въ продолженіе дня или движенія по единицѣ пространства, а говорятъ только о тѣхъ миляхъ, которыя были пройдены сверхъ ста.

Сегодня стали счищать съ верхняго бревна барьера пароходной палубы прежнюю окраску, придаютъ дереву его прежній, натуральный видъ, предполагая покрыть все вновь лакомъ.

Я очень этому радъ: все же меньше грязи. Рабочіе, счищая прежнюю окраску, говорятъ, что они покрываютъ верхнее бревно барьера лакомъ каждый вояжъ.

Въ половинѣ пятаго часа солнце стало скрываться въ перистыя облака,—это послѣ Константинополя еще въ первый разъ. На палубѣ сильный вѣтеръ едва не вырываетъ листы книги и тетрадей изъ рукъ. Это очень отрадно. По крайней мѣрѣ, не прѣешь отъ выпота. Однако посмотримъ, не упала-ли еще температура; ужъ очень что-то стало пріятно, освѣжительно.

Вечеромъ подсаживается ко мнѣ одинъ изъ морскихъ офицеровъ, нашъ ревизоръ.

— Скажите, пожалуйста, спрашиваю, много ли мы потеряли отъ того, что не зайдемъ въ г. Аденъ, какъ это требуется росписаніемъ?

— О, очень немного. Это плохая пустынная мѣстность; никакой хорошей растительности; въ родѣ тѣхъ острововъ, которые мы только что прошли, только что миновали. Жизни тоже никакой. Воды свѣжей, годной для питья, добиваются на вѣсъ золота. Она получается отъ двухъ—трехъ дождей, выпадающихъ въ продолженіе года, и сбирается въ особыхъ, громадныхъ размѣровъ, бакахъ Ничего еще особаго, оригинальнаго нѣтъ.

— А что—это не муссонъ дуетъ? спрашиваю.

— Можетъ быть и муссончикъ. Хорошо, что температура воздуха нѣсколько понизилась, а то уже на тѣлѣ появилась сыпь отъ жары. Прошлую ночь спать почти что нельзя было: лежалъ мокрый какъ поросенокъ.

— Скоро-ли будемъ въ Коломбо, говорю?

— Дней черезъ семь. Какая прелестная тамъ природа!... Прекрасный уголокъ, съ богатѣйшей растительностію; англійскій городокъ, хорошо, чисто обставленный. Многіе пароходы не заходятъ въ Коломбо, а въ другую гавань на югѣ острова Цейлона; такимъ образомъ не дѣлаютъ крюкъ, а ѣдутъ прямо и въ экономіи у нихъ остается нѣсколько часовъ, нѣсколько миль ѣзды. Хороша будетъ мѣстность въ Хонгъконгѣ; хорошая станція въ Сингапурѣ, въ этомъ всемірномъ рынкѣ, и прекрасная живописная мѣстность предстоитъ въ Японіи въ Нагасакахъ.

8 сентября.

Вчера не могъ заснуть до 2 часовъ ночи: разсуждалъ съ однимъ офицеромъ о разныхъ матеріяхъ философскихъ. Спалъ на палубѣ; было прекрасно, вѣтерокъ обдувалъ. Признаюсь, я прошлую ночь спалъ не въ костюмѣ, а въ бѣльѣ, хотя въ разстояніи сажени отъ меня, на другой скамьѣ помѣщалась „барышня", молоденькая лѣтъ 17 дѣвушка. Что дѣлать?! Удобства и здоровье прежде всего... къ чему тутъ ложный стыдъ? Всталъ по утру, какъ и всегда, при восходѣ солнца. Ночью температура воздуха не измѣнилась: было тоже 24° R.

Сегодня пассажиры пачкали руки и платье о планцырь на барьерѣ, который думаютъ покрыть лакомъ. Странно, что, взявшись вчера за очистку, лоцманъ оставилъ все пространство на кормѣ вымазаннымъ какою то мазью, особымъ составомъ, который не былъ счищенъ на ночь. Пассажиры, въ томъ числѣ и я, перепачкали руки и костюмы, не думая того, что барьеръ пачкается.

Подхожу по утру къ командиру парохода, который одѣтъ въ фланелевую куртку и такіе же панталоны, въ бѣлой фуражкѣ съ кокардой, здороваюсь съ нимъ и съ пассажирами. Рѣчь завязалась какъ-то о тараканахъ, которые довольно сильно плодятся на пароходахъ, иногда объѣдая обувь, крахмальное бѣлье и проч. На пароходы тараканы заносятся, по всей вѣроятности, съ разнымъ имуществомъ. Вчера, напримѣръ, въ общей залѣ каютныхъ пассажировъ, на одной изъ дамъ ползаетъ, во время обѣда, тараканъ. Сосѣдъ пассажиръ предупреждаетъ свою сосѣдку, что тараканъ намѣревается попасть къ ней за пазуху. Та испуганно обороняется и сбрасываетъ таракана. И это при цѣнномъ, роскошномъ столѣ каютныхъ пассажировъ?!.. Много также на пароходѣ крысъ, свободно гуляющихъ по каютамъ. Пассажиры уже не однажды говорили о появленіи ихъ. Даже собакъ, крысоловокъ, стали приводить въ каюты для защиты отъ крысъ.

Нынѣ поутру, какъ и каждый день, я бралъ ванну. Вчера ее починяли. Прибили четыре вѣшалки. Но къ порядку команда совершенно не пріучена: мелкія тряпочки и мелкій му-

соръ остались не убранными, разбросанными на полу. Все какъ-то дѣлается въ полумѣру. Вотъ, напримѣръ, относительно стола. Командиръ распорядился давненько, чтобы столъ мнѣ отпускался въ каюту; это было 1-го числа. Старшій офицеръ немедленно заявилъ объ этомъ артельщику. Но я до настоящаго времени столуюсь въ помѣщеніи палубныхъ пассажировъ, хотя это крайне неудобно: слишкомъ тамъ грязно.

Съ 9 до 11 часовъ утра сегодня спалъ на койкѣ въ каютѣ,— почему-то очень хотѣлось спать.

Въ полдень по обсерваторіи было: G=12° 15′N, L=47° 01′O; суточное плаваніе 267 милл.; температура 28 R.

Нынѣ въ первый разъ спрыснули двойной тентъ водою. То было около 2-хъ часовъ дня. Палуба каютныхъ пассажировъ покрыта двухъ родовъ тентами: двойнымъ на кормѣ и одинарнымъ къ рубкѣ, на машинѣ. Между двухъ полотенъ двойнаго тента—пустое пространство вершка въ три. Тамъ, гдѣ двойной тентъ, прохладно, гдѣ одинарный — жарко. Вѣтеръ пріутихъ.

9 сентября.

Сегодня довольно большая качка, съ уклономъ судна на 10—15°. Предъидущую ночь я спалъ въ каютѣ. Нынѣ съ койки не вставалъ: голова кружится, грудобрюшная преграда не въ порядкѣ и болѣзнь поясницы проявляется. Пошелъ поутру пить чай въ помѣщеніе палубныхъ пассажировъ, но убѣжалъ изъ ихъ отдѣленія, голова закружилась. Прибѣгъ въ каюту и легъ на койку. Около 12 часовъ одинъ изъ проѣзжихъ офицеровъ далъ мнѣ капель Иноземцева: меня тошнило. Пассажиры всѣ блѣдные, больные. Это первый день качки. Я сегодня и чая не пилъ, и не завтракалъ, и не обѣдалъ; не бралъ также ванны: мелкая сыпь значительно стала уменьшаться. Погожу и завтра купаться,—можетъ быть, сыпь совершенно пропадетъ. Думаю, что сыпь выступила не столько отъ жары, сколько отъ разъѣдающей, соленой морской воды. Качка началась, хотя мы еще въ Аденскомъ заливѣ, а не въ Индѣйскомъ океанѣ. Что-то будетъ, когда мы поплывемъ по нему? Капитанъ заявилъ, что дней черезъ 8 будемъ въ Коломбо,—тамъ и письма въ почтовый ящикъ можно будетъ опустить. Бюллетень дня таковъ: G=12° 43′N, L=52°10′O; су-

точное плаваніе 287 миль. Дамы сегодня всѣ болѣли; многія не были у завтрака; нѣкоторые изъ мужчинъ тоже заболѣли. Въ 3-мъ классѣ, между палубными,—женщину-старушку, женщину-молодуху и дѣвочку—всѣхъ укачало; изъ восьми мужчинъ—трое больныхъ. Вечеромъ часовъ въ восемь я вышелъ на палубу, сдѣлалъ нѣсколько сотъ шаговъ, быстро шагая, и даже ходилъ пить чай.

10 сентября.

Бюллетень дня: G=12° 43′N, L=56°57′O; суточное плаваніе 293 мили; температура 22° R. Со мною дурно, непріятно, я боленъ. Сегодня какъ и вчера—безъ завтрака, безъ обѣда и ужина, даже чай не пилъ; вчера хоть вечеромъ пилъ чай, а нынѣ—нѣтъ, не могу. Въ десятомъ часу вечера, минутъ тридцать просидѣвъ въ общей каютѣ и вмѣстѣ съ другими пассажирами слушалъ игру на піанино: одинъ изъ морскихъ офицеровъ сносный игрокъ и хорошій куплетистъ. Пассажиры начинаютъ скучать, со многими, кромѣ головокруженія, открылся поносъ; многіе уже претендуютъ на плохое качество стола: масло горькое и проч.

11 сентября.

Всталъ поутру въ 6 часовъ. Качка уменьшилась. Термометръ показывалъ 21° R. Пошелъ дождь минутъ на 5 и освѣжилъ воздухъ. На палубѣ только двое спятъ, остальные по каютамъ. Волны бѣляки прекратились, хотя массовое движеніе воды отъ вчерашняго вѣтра еще не пріостановилось. Въ два часа дня было 23½° R. Качка уменьшалась. Всѣ паруса были распущены, что уменьшало качку. Бюллетень дня: G=11° 40′N, L=62° 12′O; суточное плаваніе 316 миль.

12 сентября.

Поутру было 22° R. Вѣтеръ постепенно пріутихалъ. Насъ понемногу попріукачивало. Паруса были раскинуты, ихъ не убирали со вчерашняго дня. Кругомъ море, море и море. Пассажиры почти всѣ уткнули носы въ книги; уже не знаю, съ какимъ вниманіемъ относились они къ тому, что читали. Съ вечера дамы наши немного начинали заигрывать: таково вліяніе качки; каждая изъ дамъ занимаетъ отдѣльную каюту съ болѣе удобной, широкой койкой.

Какая грязь даже въ костюмахъ матросовъ: какъ угольщики какіе ходятъ всѣ выпачканными! Почему такая мерзость? Какая нахальная развязность со стороны иногда офицеровъ. Сижу я въ первомъ часу дня въ общей каютѣ. Одинъ изъ морскихъ офицеровъ, будучи дежурнымъ и завтракая поэтому одинъ, требуетъ отъ бутафора, чтобы тотъ привѣсилъ занавѣски къ двери и окнамъ его каюты. И что же? Тотъ приноситъ въ общую залу разнаго рода грязныя занавѣски и, выкладавая ихъ предъ офицеромъ, начинаетъ развертывать. Въ общей залѣ по угламъ сидѣло человѣка три кромѣ меня. Признаюсь — такого отношенія даже въ обычной жизни не пріятно видѣть, тѣмъ болѣе въ общей залѣ. Сегодня мастеръ привинчиваетъ стеклянные стаканчи для электрическаго освѣщенія по системѣ Шукерта. Въ полдень по обсерваторіи было: G=10° 20′N, L=66° 51′0; суточное плаваніе 286 миль; термометръ R. показывалъ 22°.

13 сентября.

Поутру взялъ вновь морскую ванну послѣ трехъ сутокъ остановки. Сыпь на тѣлѣ и головѣ уже прошла. Аппетитъ возвратился: я ѣмъ, завтракаю, обѣдаю и ужинаю прекрасно. Ночью спалъ въ каютѣ, хотя было 21½° R. Часовъ въ 9 утра стали чистить компасъ и рулевое колесо. Какъ это все дѣлается не во время: вонь отъ чистки, хоть уходи съ палубы. Извольте-ка писать въ то время, когда подъ носомъ производится чистка и несетъ какимъ-то вонючимъ масломъ.

14 сентября.

Сегодня я былъ въ рубкѣ у старшаго офицера, предварительно съ вечера испросивъ у него на это разрѣшеніе. На столѣ рубки, помѣщающейся съ задней стороны рулевыхъ лоцмановъ, разложена морская карта англійскаго тисненія, инструменты, линейки, циркули, а также инструменты обсерваціоннаго наблюденія. Черезъ каждые 3—4 часа наносится на карту, опредѣляясь предварительно, путь. Времени для опредѣленія мѣста, въ которомъ находится пароходъ, требуется около 2-хъ часовъ для нашего старшаго офицера. Механическій лагъ, часы, небо, трубы, компасъ, разныя таблицы вычисленія — вотъ-то, чѣмъ пользуются при опредѣленіи мѣста.

Говорятъ, что Красное море и Индѣйскій океанъ прекрасно въ своемъ пути изслѣдованы благодаря англичанамъ, хотя, впрочемъ, бываютъ страшныя катастрофы и при этомъ. Такъ, проходя близъ Адена, между островами, мы видѣли сѣвшіе на мель пароходы, несмотря на то, что они шли по пути давно изслѣдованному и извѣстному. Наши владѣнія при Амурѣ куда какъ менѣе изслѣдованы и говорятъ, что иногда на морскихъ картахъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ требуется обозначить заливъ, начерченъ мысъ или другая несообразность и извращенія. Немудрено потому, что нашъ пароходъ „Кострома" налетѣлъ на мель... Обсерваціонное наблюденіе производится тѣмъ чаще ежедневно, чѣмъ ближе къ островамъ или материку плывемъ мы.

Сегодня на пароходѣ у насъ была обѣденка. Пассажиръ іероманахъ отслужилъ намъ ее при пѣніи импровизованнаго хора. Вся команда и пассажиры собрались на церковную службу. Пѣли: „Кресту Твоему покланяемся, Владыко" и проч.

Въ первый разъ мнѣ пришлось любоваться игрою въ морѣ рыбъ: большія рыбы загнали въ одно мѣсто цѣлое стадо мелкихъ рыбокъ. Тѣснота между послѣдними изумительная. Скользящая по верху стада рыбъ вода кажется бѣлою отъ клокотанія, отъ пѣны, образуемой отъ разсѣченной поверхности воды натискомъ мелкой рыбки. Говорятъ, что бываютъ случаи, когда пароходъ наскакиваетъ на загнанное такимъ образомъ стадо мелкой рыбы и оно съ громаднымъ шумомъ отбрасывается въ стороны отъ парохода.

На палубѣ носовой части собралось нѣсколько матросовъ и пассажировъ.

— У меня скоро очень обувь носится, говоритъ одинъ. Купилъ въ Одессѣ штиблеты, заплатилъ за нихъ 7 руб. и вотъ черезъ 20 дней онѣ уже худы.

— А я предполагалъ, что только у меня у одного скоро такъ износились башмаки, говоря я. Купилъ на пути въ Константинополѣ и уже худы. Я предполагалъ было, что меня обманули.

— Это тоже, конечно, можетъ быть. Но на морѣ, не смотря на то, что приходится постоянно ходить по деревянной палубѣ, обувь скоро очень носится. Здѣсь постоянное соприко-

сновеніе съ соленой водой и при томъ на вѣтрѣ, а чистки обуви мало. Выгоднѣе всего пріобрѣтать башмаки и штиблеты изъ полотняной матеріи: тѣ могутъ выдержать цѣлый вояжъ.

Въ полдень по обсерваторіи было: G=7° 32′N, L=75° 58′O; суточное плаваніе 290 миль; осталось до Коломбо 232 мили. Температура воздуха въ три часа дня 21½° R. Пассажиры сѣли писать письма: завтра въ 8 часовъ утра мы въ Коломбо.

Сегодня сажусь пить чай съ пассажирами. Предложили пить чай на палубѣ. Выходимъ изъ трюмо. Всѣ присаживаются при выходѣ на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы, которая ведетъ на палубу изъ трюмо, въ которомъ помѣщаются пассажиры.

— Что-же вы не садитесь, говорятъ мнѣ?

— Боюсь испачкать костюмъ, только что вымыли его. Вы знаете, какъ это здѣсь дорого; мыть некому, а у васъ здѣсь грязно. И въ самомъ дѣлѣ, на пароходѣ съ трудомъ можно было уговорить выстирать бѣлье одну женщину, проѣзжающую во Владивостокъ. Спасибо ей! Хоть плоховато, очень плоховато, но вымыла и взяла за стирку не дорого: крупныя вещи платья и бѣлье по 10 коп., мелочь по 3 коп. Спасибо и за это!

— Завтра, говорю я, мы будемъ въ Коломбо; мнѣ хочется выйти въ городъ въ бѣломъ костюмѣ.

— Отчего бы не устроить хотя немного столовъ и лавокъ для команды и палубныхъ пассажировъ. А то, смѣхъ сказать, на палубѣ ни одного стола, ни одной скамьи! А каманды болѣе 60 человѣкъ. Ну, порядки!.. Грязь и вонь какихъ въ рѣдкость... — Вотъ смотрите, хоть бы эта лужа грязи, сказалъ одинъ изъ пассажировъ, указывая на издающую зловоніе грязь.

15 сентября. Въ Коломбо.

Около 6 часовъ утра термометръ R. показывалъ 21°. Въ это время налѣво была видна масса разбросанныхъ лодочекъ, которыя издали казались какъ-бы вѣхами, разстанавливаемыми въ зимнее время по снѣжной дорогѣ. Небо было покрыто тучами. Кстати нѣсколько словъ о тучахъ на Индѣйскомъ океанѣ. Глядя на тучи, такъ и хочется сказать, что

Индѣйскій океанъ есть родина ихъ. Всѣ онѣ густыя, толстыя, жирныя — если можно такъ сказать, такъ какъ тучи, приносимыя къ намъ въ Европейскую Россію, уже не имѣютъ своей полноты, тучности. Кромѣ того, тучи океана не велики, не массивны, а какъ-бы состоятъ изъ только что образовавшихся облочковъ, тучъ, похожихъ на какіе-то оторванные отъ матеріи клочля.

Справа виденъ не только островъ, но и городъ Коломбо; видна гавань, суда, маякъ, двухъэтажныя и трехъэтажныя зданія. По всему острову, насколько глазъ могъ видѣть, прекрасная густая растительность. Уже видны отлогіе берега, иногда съ громадными булыжниками. Морскія волны, разбиваясь съ силой о камни, поднимаются высоко, высоко, разбиваясь въ мельчайшія дребезги.

Мы бросили якорь на мѣстѣ, указанномъ лоцманомъ, между десяткомъ пароходовъ и другихъ судовъ разныхъ флаговъ, разныхъ націй. Предъ нами раскинулась картина, достойная пера. Налѣво росли пальмы, не „три гордыя", не десятки, не сотни, а тысячи пальмъ. Направо прекрасныя высокія зданія. По низкому берегу цѣлый рядъ одноэтажныхъ домиковъ съ высокими крутыми черепичными кровьями. Мы обыкновенно привыкли предполагать жилыя строенія на югѣ съ плоскими кровлями, но эта постройка восточныхъ народовъ; европейцы же и на югѣ строятъ крутыя кровли. Изъ-за крышъ зданій виденъ католическій костелъ. Возлѣ домовъ во многихъ мѣстахъ разбросаны то одни, то другія растенія. На берегъ выходятъ цѣлый рядъ сараевъ, до 11, съ каменнымъ углемъ. Нашъ пароходъ окружило нѣсколько лодокъ съ индѣйцами, жидами и проч. Въ первый разъ на всемъ пути пришлось видѣть особо-оригинально устроенныя лодки, узкія, такъ что по длинѣ ихъ можетъ сѣсть человѣкъ десять, а по ширинѣ только по одному. Лодки своимъ бортомъ возвышаются на аршинъ отъ поверхности воды. Чтобы придать имъ большую устойчивость, на двухъ гнутыхъ жердяхъ съ боку прикрѣпляется пловучее бревно, сажени въ полторы или двѣ длиною, съ заостренными концами въ видѣ лодки-челночка. Туземцы лодочники съ голыми ногами и руками, съ открытыми спиной и грудью. Головы ихъ наполовину

бритыя, наполовину имѣютъ косу; на нѣкоторыхъ видны особыя индѣйскія тюбитейки, въ родѣ шапочки Гарибальди; на другихъ эти шапочки—иныя, поднимаясь кверху вершка на четыре, на пять; у третьихъ на головахъ видны чалмы. Голыя части тѣла—смуглы, черны, грязноваты. Вскорѣ палуба нашего парохода была запружена туземцами. Кто привезъ драгоцѣнныхъ камней и цѣнныхъ вещей изъ золота и серебра, и, разложившись на палубѣ парохода предлагаетъ пассажирамъ, запрашивая съ нихъ въ три-дорога; кто предлагаетъ трости и разныя подѣлки изъ дерева, слоновой кости и перьевъ дикообраза; тамъ разложены ананасы, бананы; здѣсь апельсины, кокосы и проч. По каютамъ, по корридорамъ, а также и по палубѣ снуютъ туземцы-прачки, предлагая въ одинъ день вымыть бѣлье; за 12 штукъ большаго и малаго размѣра бѣлья просятъ одинъ мѣстный рубль, что составляетъ около 80 нашихъ копѣекъ.

Пассажиры группами стали собираться на берегъ. Къ нашему пароходу подъѣзжаютъ маленькіе паровые катеры. Вотъ отправляется на берегъ одна партія, за нею другая, а съ третьей отправляюсь и я. Быстро бѣжитъ катеръ по гладкой, родной поверхности воды прекрасной гавани. На пристани съ насъ потребовали плату. Мнѣ пришлось отдать около 30 коп. и не потому, что путь перевозный такъ цѣнится дорого; нѣтъ, просто наша не умѣлость держаться въ неизвѣстныхъ намъ странахъ.

На берегу насъ обступили *проводники* и мѣстные экипажи. Нѣтъ ничего болѣе навязчиваго, чѣмъ мѣстные проводники. Вы ему отказывайте, просите отойти отъ себя, а онъ все свое—пристаетъ къ вамъ съ предложеніями своихъ услогъ. Вы бранитесь, замахиваетесь тросточкой или зонтикомъ,—не тутъ-то было, навязчивый проводникъ не отстаетъ. Наконецъ, вы взбѣшены и, не находя другаго выхода, нанимаете проводника. Я пригласилъ за 20 коп. Онъ говоритъ немного по французски. Одѣтъ прилично: въ юбкѣ по щиколку, въ бѣломъ пиджакѣ, конечно, босой; голова его не бритая, но подстрижена въ кружокъ, почти какъ по-русски. Цвѣтъ лица и рукъ темнокрасный, губы толстыя, зубы бѣлыя. Извощики въ прекрасныхъ колясках просили по 80 коп. за первый

часъ ѣзды и по 20 коп. за остальные часы. Но я предпочелъ идти пѣшкомъ.

Первое зданіе, въ которое я вошелъ для обозрѣнія, былъ отель. Большое, двухъэтажное каменное зданіе, съ большимъ, хорошо устроеннымъ съ колоннами входомъ. Въ громадной залѣ разставлено нѣсколько большихъ прелестно сервированныхъ столовъ, уставленныхъ по англійски всевозможными кушаньями. На желѣзномъ валикѣ; переброшенномъ черезъ всю залу, приводится въ движеніе большой вѣеръ, производя дуновеніе по всей залѣ. Чистота н опрятность безукоризненные. Перейдя зало, изъ корридора я полюбовался прелестнѣйшимъ садомъ, какихъ вы, читатель, врядъ-ли вообразить можете; удобство, роскошь, чистота, великолѣпіе южной природы—изумительны.

Былъ на почтамтѣ. Подаю почтовому чиновнику два письма и нашу русскую трехрублевую бумажку. Взвѣсили письма, объявили цѣну, но нашей трехрублевой кридитки не взяли. По счастію, подбѣжалъ ко мнѣ мѣняла и далъ взамѣнъ моей бумажки три туземныхъ рубля, взявъ за промѣнъ 20%. Одно письмо, въ редакцію, обошлось мнѣ въ 1 руб. 50 коп.; другое не тяжеловѣстное—въ 25 коп. Впослѣдствіи спрашиваю своего морскаго офицера-ревизора,—обязана ли администрація парохода посѣщать почтамты и забирать письма? Онъ говоритъ, что нѣтъ и что мои письма будутъ отправлены на почтовомъ французскомъ или германскомъ пароходѣ. Нашъ командиръ тоже какъ то говорилъ однажды, что письма и бумаги только иногда даются для доставленія ихъ во Владивостокъ.

По пути было расположено мѣстное туземное училище. Строеніе ничего типичнаго сравнительно съ другими не представляло. Также одноэтажно, покрыто черепицей; кругомъ зданія галлерея на столбахъ. Внутренность представляетъ громадный сарай, какъ манежъ, уставленный школьными столами въ шесть, или семь группъ. Въ каждой группѣ отъ 8 до 12 учениковъ, при одномъ учителѣ. Каждый учитель, занимаясь съ своей группой, нисколько не мѣшаетъ занятію въ другой группѣ. Насколько замѣтить я могъ, ученье было наглядное, предметное. Маленькіе туземцы, отъ 8 лѣтняго

возраста, внимательны, прилежны и высматриваютъ бойко, разумно. Они всѣ въ европейскихъ костюмахъ, т. е. въ маленькихъ юбкахъ и пиджакахъ. Здѣсь европейцы рѣдко иначе ходятъ. Учителя любезный народъ; мнѣ, незнакомцу, протянули для пожатія руку и позволили минутъ 15 провести у нихъ въ школѣ.

Въ городѣ, въ одномъ мѣстѣ, есть нѣсколько европейскихъ магазиновъ, въ коихъ можно встрѣтить все, что вамъ угодно. Говорятъ, что каждый магазинъ, повидимому, не слишкомъ обширный, можетъ продать товаръ и оптомъ,—въ одну минуту, какъ изъ-подъ земли, является товаръ въ большомъ количествѣ. Въ магазинѣ, какъ и въ отелѣ, одинъ изъ туземцевъ раскачиваетъ большой, во всю длину магазина, вѣеръ, производя дуновеніе. Европейскіе магазины занимаютъ небольшое пространство въ городѣ. Громадное же большинство лавокъ носятъ туземный характеръ: онѣ маленькія, сѣренькія, безъ всякой подавляющей чопорности, точь въ точь, какъ въ Константинополѣ, въ городахъ Туркестанскаго края, и вообще носятъ характеръ азіятскихъ лавокъ. Былъ на рынкѣ продажи фруктовъ. Чего чего тамъ нѣтъ!... Вотъ прелестные ананасы, рядомъ огурцы, далѣе бананы, мангустаны, кокосы, апельсины, лимоны, арбузы и проч. и проч. Встрѣтилъ на этомъ рынкѣ партію русскихъ съ нашего парохода. Они лакомились ананасами, угостили, понятно, и меня. Какой роскошный вкусъ и ароматъ! Какая дешевизна во всемъ!

Пройдя нѣсколько улицъ и возвращаясь опять къ отелю, я при городовомъ разсчиталъ своего путеводителя, которымъ, признаться, былъ не совсѣмъ доволенъ, — онъ настаивалъ, чтобы я нанялъ карету для обозрѣнія города, а мнѣ этого не хотѣлось. Получивъ отъ меня условленныя $^1/_4$ туземнаго рубля, туземецъ состроилъ гримассу, я же сдѣлалъ ему прощальный знакъ, поднесши два пальца подъ козырекъ картуза, быстро отошелъ въ сторону и отправился обозрѣвать городъ одинъ.

Долго и много ходилъ я одинъ по рѣдкостному, чудному городу. Роскошь природы, удачное мѣстоположеніе близъ моря, прекрасныя постройки! Городъ весь состоитъ изъ роскошныхъ дачъ, обсаженныхъ цѣнными растеніями, среди

которыхъ помѣщаются одноэтажныя зданія съ террасами и колоннами. Много въ городѣ прудовъ обширныхъ, съ каменными набережными. По нимъ ходятъ маленькіе пароходики и перевозятъ съ одного берега на другой то однихъ, то другихъ пассажировъ. Улицы узкія; по нимъ стоятъ фонари; освѣщеніе газовое; по среди улицъ иногда встрѣчаются небольшія чугунныя тумбы съ кранами, — это водопроводныя трубы: стоитъ дотронуться до крана, и вода побѣжитъ своей свѣжей струей. Въ иныхъ мѣстахъ текутъ араки. Это *не тѣ* араки, что можно, напримѣръ, видѣть по улицамъ городовъ Туркестанскаго края. Нѣтъ. Это выложенныя камнемъ, ровнымъ, тесанымъ—канавки, въ коихъ чистота, ни сориночки. Уличное шоссе покрыто краснымъ пескомъ, изумительно хорошо; у насъ въ Россіи развѣ только возлѣ дворцовъ роскошнѣйшихъ дачъ можно встрѣтить такое шоссе. Каменныя стѣны, отдѣляющія дачи отъ улицъ, невысоки, аршина въ полтора; верхъ этихъ стѣнъ усыпанъ мелкимъ битымъ стекломъ отъ бутылей и другой посуды. Стекло стоитъ прочно, будучи приклѣено цементомъ. Но гордость, украшеніе города—это богатѣйшая южная растительность, находящаяся по всѣмъ улицамъ, въ каждой дачѣ. Я не берусь описывать ни бананъ, ни пальмъ, ни бамбуковъ и другихъ растеній; скажу только, что самая роскошнѣйшая оранжерея нашихъ столицъ, самая изящная декорація на сценѣ императорскихъ театровъ не могутъ дать и сотой доли представленій о дѣйствительности богатѣйшей растительности города Каломбо, мѣстности, считаемой многими за земной рай. Отнимите эту растительность у города, и онъ теряетъ почти всю свою привлекательность... Пробовалъ туземныя кушанья и лакомства, разное печенье и сласти. Все это походитъ на то, что встрѣчается въ городахъ нашего Туркестанскаго края, а также и другихъ азіятскихъ.

Усталъ я ходить по улицамъ. Туземецъ предлагаетъ хорошенькую, маленькую, крытую арбу, запряженную горбатымъ воломъ. Я охотно его нанялъ за 20 коп. на три часа и изъѣздилъ едва не весь городъ. Въ городѣ установился обычай ѣздить и на индѣйцахъ: въ маленькій, двухколесный экипажъ съ откиднымъ верхомъ садится англичанинъ или

другой европеецъ; туземецъ берется за маленькія оглобли и бѣжитъ бѣгомъ, увлекая за собою и экипажъ. Есть и кареты, устроенныя по-европейски, съ удобствомъ. На ослахъ ѣздятъ рѣдко: во всемъ городѣ я встрѣтилъ только одного такого наѣздника. На одной изъ улицъ мнѣ попалось на встрѣчу туземное стадо,—рогатый скотъ мелокъ, мѣстный скотъ черный, почти что голый; шкура его походитъ на шкуру носорога, но только безъ складокъ. Лошади тоже изъ мелкихъ, хотя и есть привезенныя изъ Европы. Изъ птицъ массы обычныхъ галокъ, какихъ у насъ въ Россіи множество, но только цейлонская галка покрупнѣе и имѣетъ болѣе продолговатый и толстый клювъ.

Въ день нашего пріѣзда у индѣйцевъ былъ праздникъ. По улицамъ ходило много комедіантовъ. Они обыкновенно ходятъ по двое. Тѣло и лица ихъ раскрашены разными красками. Между ними есть взрослые, есть и дѣти. Представленія ихъ заключаются въ разныхъ тѣлодвиженіяхъ, уподобляющихъ комедіантовъ воинственнымъ индѣйцамъ... Всѣ ихъ прыжки и разныя движенія происходятъ подъ игру двухъ музыкантовъ, держащихъ въ рукахъ инструменты въ родѣ бубна.

Около 2-хъ часовъ дня возница подвезъ меня къ музею, воздвигнутому принцемъ Уэльскимъ въ 1876 году и сдѣлавшемуся доступнымъ для публики въ 1877 году. Музей хорошее каменное двухъэтажное зданіе. Въ верхнемъ этажѣ въ трехъ комнатахъ размѣщены чучелы мѣстныхъ птицъ, рыбъ, черепахъ, насѣкомыхъ и другихъ животныхъ. Въ нижнемъ этажѣ — библіотека и канцелярія, разныя древности и образцы издѣлій. Ботаническій садъ вокругъ музея только еще разводится. Чтобы сказать о грандіозности мѣстныхъ растеній, скажу, что стручекъ мѣстной акаціи достигаетъ двухъ съ половиною четвертей длины и полутора вершка ширины. Допустите такое же пропорціональное отношеніе своихъ частей всѣхъ растеній, и вы тогда до нѣкоторой степени можете себѣ представить растительность Каломбо.

Когда я выѣхалъ изъ музея, меня окружили дѣти туземцевъ и охотно болтали со мною на французскомъ языкѣ. Они рвали на пути разныя растенія и цвѣты и приносили

ко мнѣ на арбу; предлагали купить разныхъ жуковъ и проч. Около 4-хъ часовъ дня я отпустилъ своего возницу, уплативъ ему 20 коп.

На возвратномъ пути къ набережной я посѣтилъ зданіе суда. Судья сидѣлъ на особомъ возвышенномъ мѣстѣ въ своемъ характерно-англійскомъ костюмѣ, въ бѣломъ съ крупными клѣтками. Онъ курилъ сигару. Внизу—два полисмена, канцелярія и подсудимый; далѣе, за рѣшеткой—масса публики индѣйцевъ.

Возвратился на пароходъ въ 8 часовъ вечера. За перевозъ на лодкѣ съ берега на пароходъ взяли 30 к. Ѣхалъ одинъ. Поднимаясь съ лодки вверхъ на пароходъ по лѣстницѣ, я перепачкалъ себѣ руки и костюмъ: пароходъ покрылся слоемъ каменноугольной пыли. Я страшно усталъ. Каюта моя была заперта: боятся, чтобы шатающіеся индѣйцы что либо не украли. Найдя компаніона, я взялъ у него ключъ отъ каюты и вскорѣ, переодѣвшись, предпочелъ лечь и уснуть. Спалъ на палубѣ, но было ночью очень сыро. Уголь грузили до 11 часовъ ночи.

16 сентября.

Ночью въ Коломбо пришелъ изъ Владивостока нашъ пароходъ Добровольнаго Флота. Говорятъ онъ простоитъ сутокъ четверо, нагружаясь разными произведеніями южной растительности. Съ нашего парохода одного кочегара отправляютъ обратно въ Одессу на этотъ пароходѣ. Посылаются также многими письма частнымъ образомъ.

Сегодня на палубѣ былъ индѣецъ, укротитель змѣй. Фокусы его далеко не изъ замѣчательныхъ. Въ 11 часовъ на бухтѣ плыла шлюпка съ кіостомъ индѣйскаго божества и съ священнымъ къ нему отношеніемъ. Передъ позлащеннымъ кіостомъ большихъ размѣровъ съ нѣсколькими изображеніями ихъ святыхъ танцуютъ, пляшутъ нѣсколько лицъ, служащихъ по религіи, помахивая кинжалами въ воздухѣ. Вотъ причина, почему вчера было на улицахъ много камедіантовъ: у индѣйцевъ праздникъ.

Прибывшіе на лодкахъ къ намъ на пароходъ индѣйцы предлагаютъ ананасы по франку за четыре ананаса. Цѣны сильно падаютъ: сравнительно со вчерашнимъ днемъ уже

вдвое дешевле. Кокосы покупаютъ по полуфранку за 5 штукъ. Я мимикою даю знать индѣйцу, находящемуся на своей нагруженной товарами лодкѣ, чтобы онъ мнѣ бросилъ часть кокосоваго орѣха. Онъ охотно согласился. Съѣвъ прекрасный орѣхъ, я прошу маленькій туземный лимонъ. Индѣецъ тоже охотно соглашается и при этомъ оказываетъ большую ловкость: брошенное имъ кверху, на палубу, попадаетъ прямо въ мои руки.

Нашъ пароходъ почему-то подкрашиваютъ черной и красной краской. Очевидно это бываетъ не всегда. Мнѣ припоминается,—я какъ то однажды не модъ безъ презрѣнія смотрѣть на корпусъ судна,—оно было все грязно.

Противъ насъ стоитъ пароходъ особой англійской компаніи, акціи которой разошлись между прислугой. Говорятъ, что охотно принимаются акціонеры и изъ чужихъ странъ. Русскіе, поставленные почему либо покинуть родину, иногда находятъ тамъ себѣ пріютъ. Въ часъ добрый, недовольные, разочарованные, преслѣдуемые... Пароходикъ небольшой по величинѣ, но ихъ считаютъ въ компаніи много, компанія—одна изъ всемірно выдающихся. По внѣшности пароходикъ—игрушка, чистенькій, удобный. Невдалекѣ стоятъ два громадныхъ размѣровъ французскихъ парохода компаніи Messageri. Говорятъ, что этой компаніи пароходовъ плаваетъ болѣе пятидесяти.

Къ нашему пароходу частенько подъѣзжаютъ дѣти туземцевъ — нырцовъ. Имъ бросаютъ въ море монеты и они ныряя ловятъ деньги. Одинъ изъ этихъ мальцовъ даже осмѣлился и прыгнулъ съ нашего тента, на высотѣ, приблизительно, 3-хъ саженъ.

За общимъ столомъ командира не было; онъ, встрѣтивъ товарищей съ другаго парохода, по всей вѣроятности, гдѣ нибудь съ ними находится. Говорятъ, что и пароходъ поэтому снимется съ якоря не въ 5 часовъ, какъ значится въ росписаніи, на черной доскѣ, а въ 7-мь. Дѣйствительно, когда къ намъ сѣлъ англійскій лоцманъ, то въ 7 часовъ мы снялись съ якоря. Другой пароходъ Добровольнаго Флота намъ устроилъ сюрпризы: когда мы проходили въ гавани мимо него, тамъ показалась прекрасная иллюминація, зажгли бенгальскіе огни. Командиръ нашего парохода отвѣ-

тилъ тѣмъ же,—нашъ пароходъ освѣтили тоже бенгальскими огнями. Затѣмъ послышалось громкое, дружное „ура"; мы замахали фуражками и платками и отвѣтили тѣмъ же. Одно изъ иностранныхъ суденъ то же сопровождало насъ дружественнымъ „ура". Выйдя изъ гавани мы долго держали путь по прямому направленію на западъ, дальше отъ берега, при яркомъ освѣщеніи маяковъ. Наступила ночь; я вскорѣ отправился въ каюту и легъ спать; морская качка располагала ко сну и началась, лишъ только мы выѣхали за мысъ изъ гавани.

17 сентября.

Поутру температура 21° R. Вдали, верстъ, примѣрно, за пятьдесятъ, виднѣются съ лѣвой стороны нашего парохода довольно высокія горы, укутанныя густымъ туманомъ. Я вначалѣ было и незамѣтилъ, да мой компаніонъ, подойдя, обратилъ на нихъ мое вниманіе. Значитъ, мы плывемъ на югъ острова Цейлона. На небѣ небольшія тучи; вѣтеръ незначительный; солнца не видно; качка отъ мертвой зыби небольшая. Пассажиры послѣ утомительныхъ прогулокъ по городу не торопятся вставать съ своихъ постелей,

Мы на палубѣ парохода держимся довольно свободно. Одинъ изъ офицеровъ, напримѣръ, сѣлъ на свое плетеное кресло, задираетъ, ноги кверху въ присутствіи дамъ. Черезъ нѣкоторое время приносятъ другое „морское" кресло для дамъ, поуже перваго, но съ удобной подставкой для дамскихъ ножекъ. „Полковница" (кажется супругъ ея въ такомъ чинѣ) любезно садится рядомъ съ офицеромъ въ принесенное кресло. Это мнѣ очень нравится!... Для меня кажется нѣсколько странной щепетильность одного изъ корресподентовъ Кр—го, который почему то слишкомъ уже претендовалъ на нѣмцевъ за то, что тѣ позволяли себѣ свободно сидѣть при дамахъ. Помните его произведеніе: въ дальнихъ водахъ и странахъ? Но вотъ вышелъ часа въ три самъ командиръ парохода, который сѣлъ въ кресло, также задравъ ноги кверху, несмотря на то, что рядомъ съ нимъ сидѣла таже дама „полковница" на другомъ дамскомъ креслѣ. Командиръ говоритъ, что на обратномъ пути въ Коломбо предстоитъ взять грузъ 800 тоннъ на 10 т. рублей. Это, добавилъ онъ, едва

ли окупитъ только каменный уголь. Впрочемъ, можетъ быть, будетъ грузъ въ Нагасаки, въ Сингапурѣ. Въ Хонгъ-конгѣ пароходъ будетъ теперь, а при обратномъ слѣдованіи не будетъ туда заходить. У командира почему то заболѣла нога, что то случилось съ сухожиліемъ лѣвой ноги повыше колѣна. Онъ лежитъ въ креслѣ и извиняется, что не можетъ встать, когда я подошелъ къ нему здороваться.

Въ полдень былъ вывѣшенъ бюллетень: отъ Коломбо прошли 186 миль, G=5° 37¼'N, L=81° 36½'O; температура 21° R.

Сегодня не могъ ужинать. Пришолъ было въ люкъ, принесли миску съ супомъ, но при первой же ложкѣ у меня закружилась голова, я оставилъ ложку съ кускомъ мяса и бѣгомъ побѣжалъ къ себѣ въ каюту.

18 сентября.

Нынѣ до вечера просидѣлъ у себѣ въ каютѣ, писалъ. Къ обѣду запоздалъ, пришелъ къ артели, оставалась только часть каши; за то ужиналъ сполна. Бюллетень дня: G=5° 43½'N, L=86° 50½'O; суточное плаваніо 318 миль. Со вчерашняго дня мы идемъ подъ парусами, — отъ того то такъ много миль и прошли. Качка судна не слишкомъ велика.

Вечеръ. Закатъ солнца. Прелестныя тучи Индѣйскаго океана. Тотъ, кто не бывалъ въ этихъ странахъ, тотъ не можетъ представить себѣ прелѣстнѣйшихъ, живописныхъ тучъ. Вечеръ начинается съ 6 часовъ и ночь оканчивается тоже приблизительно около 6 часовъ утра.

Сегодня сѣлъ за піанино тотъ пассажиръ, который предполагалъ было ѣхать во Владивостокъ на пароходѣ французской компаніи. Взявши нѣсколько аккордовъ, онъ только головой покачалъ, когда раздались разстроенные звуки піанино. Въ самомъ дѣлѣ: попробовалъ и я взять нѣсколько аккордовъ, и можно сказать, что все піанино разстроено. А путь лежитъ намъ въ 40 дней. Легко сказать 40 дней изолированнаго положенія!.. Отчего бы не позаботиться о порядочности піанино. Вотъ въ этомъ отношеніи нельзя, вновь морской пароходъ Добровольнаго Флота, сравнивать съ рѣчнымъ, напримѣръ, волжскимъ, компаніи Зевеке, гдѣ на каждомъ пароходѣ вы встрѣтите очень порядочный и хорошо настроенный піанино.

19 сентября.

Ночью спалъ плохо. Часа въ два ночи вставалъ, писалъ немного, и опять легъ спать. По утру ходилъ къ артельщику за завтракомъ и кстати взялъ сахару: тотъ, который былъ выданъ прежде въ количествѣ 5 фунтовъ, уже весь вышелъ. Взялъ вновь фунта полтора. Вчера вечеромъ просилъ старшаго офицера сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы мнѣ приносили кушанья въ каюту. Сегодня около 12 часовъ дня приноситъ мнѣ обѣдъ въ каюту по распоряженію артельщика самъ поваръ. У меня кружилась голова отъ качки, я лежалъ въ койкѣ. Немного изъ принесеннаго обѣда я поѣлъ, особенно мнѣ нравился борщъ кисловатый. Спасибо компаніону по каютѣ, онъ закупилъ въ Каломбо бананъ, ананасовъ, апельсинъ и кокосовъ,—угощалъ меня этими фруктами, и я съ удовольствіемъ ѣлъ, особенно бананы. Сегодня весь день не выходилъ изъ каюты, большую часть дня пролежалъ въ койкѣ. Изъ окна любовался морскими волнами. И что же? Приглядываясь къ поверхности океана, а также къ качкѣ парохода, пришлось убѣдиться, что поверхность воды имѣетъ нѣсколько разныхъ валовъ. Одни на большомъ растояніи другъ отъ друга, приблизительно, около версты, и сами валы тоже длинные; между валами образуется какъ бы долина, а сами они представляютъ изъ себя рядъ холмовъ. Другіе валы на разстояніи приблизительно сотни саженъ и сами валы въ длину тоже такой величины. Третьи — на разстояніи десяти саженъ, и наконецъ самые маленькіе валы на разстояніи сажени — двухъ одинъ отъ другаго. Эти послѣдніе валы преимущественно производятъ такъ называемые бѣляки. Пароходъ нашъ то опустится внизъ, какъ бы въ долину, при чемъ поле горизонта съуживается до версты, приблизительно, — то поднимется вверхъ на гребень вала — и тогда горизонтъ его расширяется на нѣсколько десятковъ верстъ. Мелкая летучая рыбка, напуганная движеніемъ парохода, выныриваетъ изъ океана, поднимается надъ поверхностью воды и, пролетѣвъ нѣсколько саженъ, опускается вновь. Сегодня летучихъ рыбокъ особенно много видно. Онѣ под-

нимаются цѣлыми стадами, уподобляясь въ своемъ полетѣ птицѣ—ласточкѣ и по величинѣ издали походятъ на нее.

По обсерваторіи значилось: G=5° 52′N, L=21° 52′O; суточное плаваніе 304 мили. Температура поутру въ 7 часовъ была 22° R; въ половинѣ пятаго пополудни—такова же.

Ужиналъ у себя въ каютѣ, хотя ѣлъ только одинъ бульонъ.

20 сентября.

Поутру около 7 часовъ открываю глаза, лежа въ постели, и вижу, что мой компаніонъ по койкѣ разсматриваетъ что-то въ окно. Я окликнулъ. Оказалось, что плывемъ около острова, покрытаго густою растительностію. Я быстро встаю съ постели, одѣваюсь и выбѣгаю на палубу. Было 21° тепла по R. Какіе мы счастливцы! Шелъ небольшой дождь, умѣрявшій воздухъ; особенно много его падало по холмистой поверхности острова, который своими берегами то вдается въ море, то далеко отъ насъ уходитъ вдаль, стоя какъ бы укутанный дымкой. Парусовъ на пароходѣ раскинутыхъ не было: ихъ убрали еще третьяго дня.

Около 11 часовъ утра было 23°R. Направо видно два парохода; налѣво—корабликъ, несущійся на всѣхъ парусахъ, коихъ мы насчитали до 24-хъ. Виденъ былъ также живописный берегъ острова Суматра, возлѣ котораго мы будемъ плыть до глубокаго вечера.

Нынѣ воскресенье, у насъ обѣденка. Иду на молитву и встрѣчаю командира; онъ съ клюкой, еще хромаетъ; у него, какъ я говорилъ, растяженіе жилъ. Спрашиваю: когда будемъ въ Сингапурѣ? Онъ справляется—какой сегодня день. Я говорю, что воскресенье. Тогда въ Сингапурѣ будемъ во вторникъ рано утромъ, т. е. 22 сентября. А по росписанію, составленному на 9 узловъ хода, а не на 12, которыми мы идемъ, мы должны быть въ Сингапурѣ 27 числа. Такимъ образомъ изъ 45 сутокъ, предназначенныхъ для движенія, мы съэкономничаемъ около 5 сутокъ. Это отрадно! Однообразіе начинаетъ не только надоѣдать, но буквально обезличиваетъ личность. Одинъ изъ морскихъ офицеровъ заявилъ какъ то, что къ концу одного изъ предъидущихъ плаваній вся команда

и пассажиры стали говорить не на своемъ нарѣчіи, а на ломаномъ еврейскомъ языкѣ! Не мудрено...

Бюллетень дня: G=5° 44′N, L=96° 12½′O; суточное плаваніе 269 миль. Въ часъ дня было 26°R; около 5 часовъ температура понизилась — было только 23°R. Мы плывемъ не вдалекѣ отъ острова Суматры. Небо весь день было покрыто тучами,—все же не такъ жарко было.

Вчера и третьяго дня я мало ѣлъ, лишь одинъ бульонъ. Нынѣ же при хорошемъ аппетитѣ съѣлъ весь обѣдъ. И какъ же больно мнѣ стало теперь черезъ три часа послѣ обѣда животъ! Компаніонъ, впрочемъ, говоритъ, что это можетъ быть отъ тѣхъ трехъ банановъ, которыми онъ меня сегодня угостилъ. Спасибо ему въ такомъ случаѣ за угощеніе.... впрочемъ, я не раздѣляю его мнѣнія.

Сегодня бралъ вновь морскую ванну послѣ 5 дней перерыва. Сыпь, распространявшаяся по всѣму тѣлу, уже прошла. Я не бралъ ванны даже послѣ того, какъ гулялъ по г. Коломбо, гдѣ порядочно понабрался пыли. Сегодня приходится тоже оттѣлить маленькій непорядокъ администраціи парохода. Въ ваннахъ, — ихъ три, двѣ для пассажировъ и одна для офицеровъ и вообще для администраціи парохода, есть умывальники, очевидно устроенные для того, чтобы всякій. взявшій ванну, могъ умыть себѣ лицо и руки прѣсной водой, — морская слишкомъ клейкая. Но эти умывальники у насъ всегда пусты...

Со встрѣтившимся корабликомъ мы сегодня переговаривались при помощи флаговъ. Онъ выбросилъ намъ нѣсколько флаговъ, которые по азбукѣ моряковъ означали, что онъ проситъ передать въ Сингапурѣ что-то объ немъ. Нашъ пароходъ отвѣтилъ тоже флагами, что мы понимаемъ сигналъ; тотъ вновь выбросилъ нѣсколько флаговъ. Мы тоже отвѣтили, что понимаемъ. Насъ благодарятъ. У моряковъ есть особая книга, разъясняющая, какъ требуется объясняться при помощи флаговъ.

Ночью былъ дождь, перепугавшій многихъ пассажировъ, расположившихся спать на палубѣ, особенно дамъ. Около полночи, въ половинѣ перваго часа температура была 22°R. Легъ спать, но почему то не спалось; въ три часа вставалъ

вновь. Взглянулъ въ окно каюты и прельстился видомъ облаковъ съ южной стороны. Наскоро одѣваюсь и выбѣгаю на палубу. Прелестная картина формаціи облаковъ!... не легкихъ облаковъ, какія вы, читатель, можете иногда замѣтить и въ другихъ мѣстахъ; нѣтъ, величественныхъ, толстыхъ, жирныхъ, густыхъ облаковъ, близость которыхъ даетъ возможность съ палубы парохода смотрѣть на нихъ какъ-будто съ высоты надъ тучами, надъ ихъ поверхностію. И что за причудливое, барельефное изображеніе поверхности!... Вотъ возвышается кристаллообразная призма; рядомъ горка; далѣе скала горы съ обрывомъ, фигура животнаго, растенія,— все это напоминаетъ рядъ гребней нашихъ сѣвернымъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ. И все это вотъ-вотъ въ близи, какъ будто полверсты и никакъ уже не болѣе версты отъ парохода. А далѣе за тучали, сквозь нихъ проглядываетъ темная гора береговъ Суматры. То было въ четвертомъ часу ночи. Произведу наблюденія еще когда нибудь и, по всей вѣроятности, не ошибусь, заявивъ, что формація облаковъ происходитъ, приблизительно, отъ 3 до 4 часовъ утра и близъ береговъ, близъ суши. Въ половинѣ четвертаго часа тучи какъ будто оторвались отъ поверхности воды и стали подниматься всѣ равномѣрно, на одинаковомъ разстояніи отъ поверхности моря. Вотъ они становятся все выше и выше и, наконецъ, принимаютъ окончательно видъ обычныхъ облаковъ.

21 сентября.

Я всталъ съ постели около 7 часовъ утра. Море было спокойно настолько, что только въ Суэзскомъ каналѣ приходилось наблюдать таковое спокойствіе поверхности воды. Мы шли Малакскимъ проливомъ. Небо покрыто тучами, температура поутру 22⁰R, въ 12 часовъ дня 23⁰R. Какъ видите, разница температуры дня и ночи весьма незначительна. Я сегодня писалъ и обѣдалъ вполнѣ какъ нормальный здоровый человѣкъ.

Бюллетень дня: G=3⁰ 35½′N, L=100⁰ 11′O; суточное плаваніе 276 миль; до Сингапура оставалось 278 миль.

За ужиномъ нынѣ подавали тухлое масло.

Вечеромъ разстроенное піанино находилось подъ управле-

ніемъ четырехъ искусныхъ ручекъ — подполковницы и полковницы... Вечеромъ же мы подошли къ полуострову Малакѣ и шли возлѣ берега.

22 сентября. Въ Сингапуръ.

Около 7 часовъ утра мы плыли между небольшими островами, покрытыми густою растительностью. Температура была 22° R. Небо покрыто тучами. Отъ вѣтра ли сквознаго, или отъ другихъ причинъ у меня распухла правая щека, заболѣлъ зубъ. Сегодня опухоль стала очень замѣтной. Вотъ и утверждайте послѣ этого, что сквозняки не вліяютъ на здоровье! Часовъ въ 9 къ намъ подплылъ на катерѣ сингапурскій лоцманъ и принялъ пароходъ подъ свое управленіе. Онъ почему-то присталъ къ намъ не тамъ, гдѣ была спущена для него лѣстница съ парохода, а ближе къ носу. Говорятъ, что осталось еще плыть около часу до Сингапура. Мѣстность имѣетъ много мѣлей, трудна для движенія. Города еще не было видно. Но, можетъ быть, это происходитъ отъ тумана,—воздухъ на югѣ въ ночное время пресыщенъ парами, поутру всегда бываютъ большіе туманы.

У насъ стали приспособлять лѣстницы для выхода съ парохода на пристань. При этомъ завѣдывающій этимъ дѣломъ лоцманъ принялся окрашивать желѣзные столбики особымъ черным лакомъ.

— Кто распорядился, спрашиваю я, окраскою столбиковъ именно теперь, когда мы скоро уже подъѣдемъ къ Сингапуру?

— Это дѣлаетъ тотъ, кто наблюдаетъ за лѣстницей: лакъ этотъ скоро высохнетъ,—и лоцманъ, въ доказательство своего заявленія, дотронулся рукою до окрашенныхъ столбиковъ.

Положимъ, окрашенные столбики и скоро высохнутъ, а все-же удобнѣе окрашивать ихъ въ свое время, подумалъ я,—по крайней мѣрѣ, въ моментъ окраски на площадкѣ лѣстницы стоялъ пассажиръ въ бѣломъ костюмѣ и, конечно, могъ выпачкаться, и если не самъ, то вертящіяся около него дѣти.

Въ проливѣ видны пловучіе маяки; мы встрѣтили въ первый разъ на всемъ пути желѣзный пловучій маякъ большихъ размѣровъ. Онъ выкрашенъ красной и бѣлой красками, большими, широкими полосами съ большимъ шаромъ сверху, на подобіе аэростата, аршина въ два въ діаметрѣ.

Налѣво отъ насъ большой берегъ острова Сингапура, покрытый густою растительностью высокихъ пальмъ и другихъ деревьевъ. Направо маленькіе островки — тоже съ хорошей растительностью. Поверхность берега и острововъ весьма причудливы. Мы въѣхали въ мѣстность между десятками острововъ, утопающихъ въ зелени и благоухающихъ на далекое разстояніе. Наше вниманіе въ благоухающей растительности юга было обращено еще вчера командиромъ, когда мы стали подъѣзжать къ полуострову Малаки—запахъ жасмина, корицы, гвоздики и другихъ, такъ называемыхъ, пряныхъ растеній, далеко распространялся и достигалъ насъ. Впрочемъ, я не обладаю остротою обонянія, а чувствую только въ воздухѣ, что пріятно, нѣжно. Показались по берегу дачи—одна другая, третья... Въ проливѣ много маленькихъ рыбачьихъ лодокъ съ раскинутыми, низкими парусами. Былъ небольшой вѣтерокъ, на морѣ волненіе, приводящее лодочки въ особое состояніе—ныряніе по волнамъ.

Вотъ мы на разстояніи 100—50 саженъ отъ берега. Показался городъ. Мы въ живописнѣйшей, неподдающейся перу мѣстности: ни одна декорація театровъ не давала мнѣ такихъ картинъ. Рядъ мысовъ всевозможнѣйшей возвышенности, покрытыхъ роскошкой растительностію; чудныя картины обрывистыхъ береговъ разноцвѣтнаго грунта, рядъ причудливыхъ построекъ,—нѣтъ это—рай, рай, рай!... Вотъ вновь плантація ананасовъ, а сюда посмотришь — высокія вѣерообразныя пальмы; въ одномъ мѣстѣ видны дачи, въ другомъ—пароходы, нагружающіеся каменнымъ углемъ; далѣе—цѣлый рядъ сараевъ съ углемъ, много другихъ пароходовъ и другихъ судовъ. Повсюду причудливыя строенія, двухъ и трехэтажныя съ террасами, съ колоннами. Мы, наконецъ, проплыли узкое мѣсто, въѣзжаемъ въ болѣе открытое море. Направо рядъ небольшихъ острововъ, налѣво городъ съ большой флотиліей. По мели вколочена масса кольевъ: говорятъ, что рыбаки этимъ хорошо пользуются. Пароходъ нашъ идетъ тихимъ ходомъ; онъ останавливается. Съ одной стороны находится корабль, съ другой—военный мониторъ, весь бѣлый, съ желтой трубою. Было 11 часовъ утра. Термометръ показывалъ 23° R. Пароходъ съ осторожностію сталъ завер-

тывать, маневрируя и дѣлая то задній ходъ, то подвигаясь впередъ. Мы повертываемся, чтобы стоять носомъ противъ вѣтра. Наконецъ на разстояніи двухъ верстъ отъ города мы бросаемъ якорь.

Вскорѣ нашъ пароходъ окружили туземныя лодки съ разными торговцами и произведеніями; одна или двѣ минуты— и товаръ разложенъ по палубѣ парохода. Множество, различнаго вида и величины, раковинъ; на одинъ долларъ можно было закупить до десяти штукъ; появились шелковые платки и шали съ кушаками: носовые шелконые платочки можно было купить по 50 коп. за штуку, полотенца—по франку,— въ Москвѣ копѣекъ на 20 подороже; далѣе разложены были костюмы, а вотъ, наконецъ, доставлены и фрукты,—ананасы продаютъ по франку за десятокъ. Да какіе ананасы!... крупные, желтые...

На пароходѣ появились коммиссіонеры и другой туземный людъ; пассажиры стали запирать свои каюты. Поговариваютъ о берегѣ. Первымъ отправился пароходный бутафоръ за покупкою съѣстныхъ припасовъ, коммисіонеръ уже приплылъ къ нему и увезъ его на берегъ. Пассажиры тоже собираются и рѣшили выѣхать въ часъ дня, послѣ завтрака каютныхъ пассажировъ и обѣда палубныхъ. Мнѣ тоже хотѣлась выѣхать поскорѣе на берегъ. Стали собираться и одѣваться. Одѣлся и я, скинувъ свои дорожные башмаки, купленные въ Константинополѣ и уже прорвавшіеся, и надѣвъ свои сапоги съ длинными голенищами при бѣломъ костюмѣ. Выхожу на палубу.

— Вы, батюшка мой, напрасно надѣваете сапоги съ такими голенищами; за нами по городу будутъ бѣгать дѣтишки, увидавъ васъ съ черными ногами.—Что было дѣлать? Уступилъ и переобулся, хотя находилъ, что мнѣ не было бы слишкомъ жарко и въ болотныхъ, охотничьихъ сапогахъ.

Маленькій паровой катеръ, человѣкъ на 12, былъ для насъ даровой, хозяинъ его находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ нашихъ командиромъ и предложилъ катеръ для перевозки безвозмездно. Насъ съ дѣтьми отправилось десять человѣкъ. Насколько далеко мы остановились отъ города, отъ берега Сингапура, можно судить отчасти потому, что нашъ катеръ

быстрымъ ходомъ шелъ около 20 минутъ. Пристань пароходная возлѣ мѣстнаго почтамта. Мы по рекомандаціи зашли въ одинъ магазинъ, гдѣ и вдали свои письма для опредѣленія вѣса и стоимости пересылки.

При первомъ впечатлѣніи городъ поражаетъ своею чистотою, опрятностью и не подавляетъ многоэтажностію зданій. Мы взяли двѣ кареты, запряженныя по одной маленькой лошадкѣ. Кареты на югѣ нѣсколько иныя, чѣмъ у насъ. Онѣ четырехмѣстныя; крыша ихъ лежитъ на стѣнкахъ не вплотную, а на столбикахъ; съ боковъ нѣсколько подъемныхъ рамъ. Кареты съ прекраснымъ ходомъ и на рессорахъ. Для кучера особое маленькое мѣстечко. Лошади бѣгутъ быстро. Мы поѣхали осматривать ботаническій общественный садъ.

Не менѣе получаса намъ пришлось ѣхать между домами и садами. По улицамъ повсюду видны китайцы. Головы ихъ бриты, лишь одни затылки покрыты густыми черными волосами, хорошо заплетенными въ длинную лоснящуюся косу. Китаянокъ видно мало. Нижніе этажи домовъ заняты маленькими азіатскими лавками. Улицы средней величины, т. е., я хотѣлъ сказать, ширины, но прекрасно шоссированныя,—ѣдете и васъ не шелохнетъ. Видны фонари для ночнаго газоваго освѣщенія. Иногда видны водопроводныя трубы, тумбы, какъ въ Коломбо: подойди, дотронься рукой до запорки, и вода хлынетъ. За европейскими улицами дорога въ садъ шла между богатѣйшей южной растительностію.

Сингапурскій общественный ботаническій садъ для всѣхъ доступенъ. Онъ обширенъ настолько, что въ день его не осмотришь. Возлѣ каждаго дерева, возлѣ каждаго кустика — дощечка съ надписью наименованія растенія. Онъ расположенъ на холмистой возвышенности и не подавляетъ своею густотою, такъ что легко въ немъ оріентироваться. На искусственныхъ прудахъ плавали черные и бѣлые лебеди. Возлѣ прекрасной оранжереи южныхъ тепличныхъ растеній помѣщались птичники съ птицами туземныхъ породъ: павлины, орлы, попугаи, цицарки и др. По аллеямъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разставлены скамьи.

На разстояніи 15 минутъ ѣзды отъ ботаническаго сада находился садъ и дача Вампоа—того самаго, о которомъ го-

ворить Гончаровъ въ своемъ произведеніи „*Фрегатъ Паллада*“. Вампоа уже нѣтъ въ живыхъ около семи лѣтъ, тѣмъ не менѣе дача его посещается публикой; заѣхали и мы. Раствоpенныя ворота какъ-бы гостепріимно приглашали ко входу. Въ саду — ни души изъ прислуги; спросить некого. Идемъ мы, русскіе, партіей, человѣкъ въ десять, по аллеямъ причудливаго, симметрично и съ толкомъ устроеннаго сада, который по величинѣ, конечно, уступалъ очень много общественному, ботаническому. Изъ каждаго цвѣта—растенія въ банкахъ подѣланы изъ листьевъ и вѣтвей разныя изображенія животныхъ; есть и изображенія людей, при чемъ головки и ручки, сдѣланныя изъ фарфора или выкрашенной глины, выдѣляясь изъ зелени, придавали растенію видъ статуи. Роскошный, китайскій домъ, стоящій по срединѣ сада, весь былъ обставленъ такими растеніями въ банкахъ. Осмотрѣть этотъ домикъ намъ неудалось, двери были заперты, прислуги не видно было.

Осмотрѣвъ и этотъ садъ, мы отправились къ пристани и остановились возлѣ того магазина, гдѣ сдали свои письма. Каждый извощикъ взялъ съ насъ по 3 руб. за три часа,— это очень дорого. Письмо, посланное въ редакцію, обошлось мнѣ очень дешево, всего 16 коп., тогда какъ въ Коломбо я принужденъ былъ заплатить 1 руб. 50 коп., или что-то въ родѣ этого. Заплативъ за почтовыя марки деньги, мы отправились въ почтамтъ и опустили въ ящикъ письма. Затѣмъ направились къ мѣнялѣ размѣнять русскія кредитныя бумажки: за десятирублевую бумажку намъ предложили по пяти долларовъ. Волей-неволей мы должны были согласиться и размѣняли, кто сколько хотѣлъ, свои деньги. Наступало время обѣда, мы поспѣшили на катеръ и къ обѣду на свой пароходъ.

Часовъ около семи вечера командиръ собирался вмѣстѣ съ другими въ городъ, предполагали посѣтить театръ.

— Позвольте, командиръ, просить васъ взять и меня съ собою, говорю я.

— Съ собою взять не могу, а катеръ къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ командиръ.

Мнѣ, признаться, самому очень хотѣлось побывать въ те-

атрѣ: соскучился на пароходѣ, однообразіе впечатлѣній надоѣдаетъ.

Переправились на берегъ на томъ же катерѣ и также безплатно. До начала театральныхъ представленій оставалось еще много времени, мы пожелали воспользоваться имъ и направились въ „*Отель Европа*“. Кто сѣлъ тамъ пиво пить и лимонадъ; кто, взявъ кіи, началъ партію въ *пирамидку*, я же направился осматривать аппартаменты „Отеля“. По сосѣдству съ билліардной просторная комната — читальный залъ. Тамъ находилось до 40 періодическихъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ изданій на англійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, но ни одной газеты русской. Далѣе при одной общей террасѣ расположенъ цѣлый рядъ столовыхъ, какъ бы въ отдѣльныхъ одноэтажныхъ корпусахъ. Заглядываю въ одну изъ такихъ комнатъ, и вижу сидящими за столомъ механика нашего парохода и одного изъ офицеровъ—пассажировъ, который, угостивъ меня холоднымъ виномъ, съ водою и льдомъ, заявилъ мнѣ, что въ отелѣ очень дорого берутъ, сравнительно, конечно, за обѣдъ: онъ не стоитъ доллара, который приходится уплатить.

Вскорѣ мы поѣхали въ индѣйскій театръ, гдѣ за долларъ каждый изъ насъ получилъ мѣсто въ первомъ ряду креселъ. Двѣнадцать газовыхъ лампъ передъ занавѣсою освѣщали театръ, могущій вмѣстить въ двухъ ярусахъ до тысячи зрителей. Публики было немного, около 200 лицъ; всѣ туземцы, китайцы и на верху, во второмъ ярусѣ, нѣсколько китаянокъ. Сидятъ свободно; курятъ сигары. За заньвѣсью музыка издавала какой-то жалобный пискъ. Я отправился на сцену, за кулисы, къ актерамъ, которые приняли меня очень любезно. Одинъ изъ актеровъ предложилъ мнѣ стулъ и подозвавъ двухъ лицъ, одѣтыхъ въ женскіе костюмы, предложилъ дотронуться до ихъ груди. Оказалось, что женскія груди поддѣльныя изъ дерева и вмѣсто женщинъ играли замѣнявшіе ихъ подкрашенные мущины. Актеры всѣ уже были въ своихъ костюмахъ разноцвѣтныхъ съ мишурными украшеніями въ родѣ звѣздочекъ. Раздался звонокъ, я ушелъ на свое мѣсто и занавѣсъ поднялся. При слабой декораціи, напоминающей наши народные театры, при пискливыхъ зву-

кахъ двухъ скрипокъ и одного барабана вышли на сцѣну 14 пѣвцовъ, между которыми были двое наряженныхъ женщинами. Началось что-то въ родѣ оперы. Всѣ пѣли довольно мелодично, но въ униссонъ; лишь одинъ юноша пѣлъ въ октаву альтомъ. Спѣли двѣ пѣсенки: впечатлѣніе — хора пѣвцовъ въ лѣтнихъ садахъ. Затѣмъ началось второе, третье, четвертое дѣйствіе съ убійствомъ, выстрѣлами и проч. условіями сценическаго искуства. Мы не досидѣли до конца, разочаровались и уѣхали. Лично мнѣ хотѣлось видѣть индѣйскихъ фокусниковъ; В. Крестовскій въ своемъ произведеніи „*Въ дальнихъ водахъ и странахъ*“ очень расхваливаетъ ихъ; но мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось видѣть ихъ.

На другой день въ одиннадцать часовъ я вновь отправился въ Сингапуръ. На этотъ разъ я думалъ посвятить время для обозрѣнія города. Переправившись на томъ же даровомъ катерѣ вмѣстѣ съ другими пассажирами нашего парохода, я по городу пошелъ одинъ. Много улицъ прошелъ я, гдѣ была европейская стройка, но безъ растительности. По двумъ направленіямъ, по улицамъ, идетъ паровая узкоколейная желѣзная дорога. Маленькій локомотивъ везетъ вагонъ съ 45, приблизительно, пассажирами, изъ коихъ челолѣкъ 6 въ привиллегированномъ мѣстѣ, а остальные въ открытомъ вагонѣ. За два пенса, т. е. за 4 коп., везутъ такое же пространство, какъ и въ Москвѣ. Впрочемъ, я говорю не съ точностію, а приблизительно. Скорость ѣзды, какъ и конной дороги. Публика привыкла, — несчастныхъ случаевъ нѣтъ. По улицамъ видны во многихъ мѣстахъ чугунная рѣшетка, прекрасные висячіе мосты, чистыя канавы—араки, обложенныя дикимъ камнемъ, иногда европейскіе дворцы, мечети, кумирни.

Я посѣтилъ китайскій театръ, былъ въ кумирнѣ и осмотрѣлъ мечеть.

За входъ въ китайскій театръ взяли съ меня 1 шиллингъ, т. е. около 40 коп Вхожу и сажусь на стулъ одного изъ первыхъ рядовъ. Съ меня требуютъ еще денегъ за стулъ. Я не соглашался приплатить, и меня попросили сѣсть на лавку. Стулья навалены въ груду передъ сценой и сзади партера безъ всякаго порядка. Театръ въ два яруса. Сидящіе во второмъ ярусѣ, не смотря на присутствіе дамъ-китаянокъ, за-

дираютъ ноги на барьеръ. Музыка въ китайскомъ театрѣ сложнѣе, мелодичнѣе, лучше. Актеры поютъ по одиночкѣ; многіе изъ нихъ носятъ довольно неуклюже привешенныя бороды. Они въ типичныхъ китайскихъ костюмахъ. Въ этомъ театрѣ деннаго представленія я пробылъ не болѣе пятнадцати минутъ.

На обширномъ дворѣ стояло зданіе съ нѣсколькими куполами привлекательной архитектуры—это индѣйская кумирня. Въ стѣнахъ двора нѣсколько комнатокъ. Заглядываю сквозь рѣшотчатую дверь одной—родъ нашей часовни, только вмѣсто нашихъ иконъ, вырѣзанныя изъ дерева или сдѣланныя изъ папье-маше чучелы, раскрашенныя красками; передъ ними лампады съ масломъ. Посмотрѣлъ въ другую комнату—двѣ въ натуральную величину лошади изъ папье-маше, или что-то въ родѣ этого. Они бѣлыя; на нихъ краской нарисована збруя. Въ третьей комнатѣ — три громадныхъ размѣровъ коляски, на коихъ поставлены особыя кіосты съ идолищами. Въ четвертомъ мѣстѣ стоитъ голова идолища, — чертвертей пяти въ діаметрѣ. Въ самую кумирню не пускаютъ, даже на галлерею кумирни не пускаютъ, требуютъ, чтобы обувь была снята.

Мусульманская мечеть — обширное, прекрасное зданіе съ многочисленными колоннами и фонарями внутри; на дворѣ устроенъ водоемъ — для омовеніи. При мнѣ нѣсколько мусульманъ стояли въ мечети и усердно предавались молитвѣ.

Проходилъ мимо школы и слышалъ, какъ учителя обучали туземцевъ-школьниковъ счету по-нѣмецки: оказывается германецъ не дремлетъ на всемірномъ рынкѣ. О торговлѣ ничего особаго сообщить не берусь,—слишкомъ мало былъ въ Сингапурѣ. Скажу только, что цѣны на товаръ не есть точно установившіяся, опредѣленныя. Нѣтъ, каждый деретъ сколько ему въ душу влезетъ. Я говорю о европейскихъ магазинахъ. Азіатскіе народы ведутъ торговлю мелочно, поазіатски.

23 сентября.

Ровно въ 5 часовъ снялись съ якоря. Въ бухтѣ волненія никакого. Мы стояли носомъ судна къ городу. Налѣво масса островов: одни вблизи рельефно выдѣлялись своею зеленью;

другіе подальше, какъ бы покрыты легкимъ туманомъ и, наконецъ, совсѣмъ вдали много островов, какъ сѣрая масса или густая туча облаковъ, видны были то тамъ, то здѣсь. Направо—морскія суда съ многочисленнымъ числомъ мачтъ; вотъ, двухмачтовый, бѣлый, съ желтой трубою, англійскій мониторъ, далѣе, австрійское военное судно, съ четырьмя мачтами и двумя трубами; то въ въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ стоятъ корабли, не собравъ еще своихъ парусовъ. Между морскими судами шныряютъ мелкія китайскія лодки, однѣ подъ парусами, другія подъ веслами. За ними погруженный въ легкій туманъ, утопая въ зелени садовъ, стоялъ оставленный нами роскошный Сингапуръ. Холмистая поверхность близлежащихъ островов и береговъ придавала мѣстности очаровательный видъ картины природы. Рѣдкая картина, достойная кисти художника! Нашъ пароходъ, сдѣлавъ полукругъ, направился полнымъ ходомъ, оставляя за собою прямую свѣтлую полосу взбаломученнаго винтомъ моря. Къ кормѣ вновь прицѣпили механическій лагъ для измѣренія пройденнаго пространства; завертелась брошенная въ море веревка, закружилось колесо-регуляторъ, забилъ ударами вновь лагъ каждую пройденную четверть мили. Спустили торговый трехцвѣтный флагъ съ государственнымъ гербомъ. Пассажиры звонкомъ были приглашены къ обѣденному столу; я же долго сидѣлъ въ креслѣ на палубѣ, на особомъ возвышенномъ мѣстѣ, любуясь тѣмъ, что въ жизни увидѣть удается не всякому и при томъ съ большимъ трудомъ и лишеніями.

24 сентября.

По утру термометръ показывалъ 22° R. Мы плывемъ уже по Китайскому морю. Вчера вечеромъ держали путь подъ наклономъ угла въ 18° отъ сѣверной линіи, сегодня уклонъ въ 38°, значитъ, мы забираемъ къ востоку. Голова у меня что то не совсѣмъ свѣжа, какъ будто я угорѣлъ или спохмѣлья. Неужели это отъ двухъ чарокъ водки, что вчера пришлось выпить вечеромъ отъ 5 до 6 часовъ во время обѣда и ужина? или же это отъ сигаръ, купленныхъ мною въ Сингапурѣ? Я давно не курилъ, — какъ сѣлъ на пароходъ въ Одессѣ, такъ и бросилъ курить. Вы, читатель, можете мнѣ

подивиться: я курю тогда, когда надо курить для возбужденія умственной дѣятельности, а не по привычкѣ. Но, впрочемъ, голова моя ненормальна, по всей вѣроятности, отъ качки, которая началась, лишь только мы въѣхали въ открытое море. Выйдя на палубу, я сажусь на одно изъ купленныхъ въ Сингапурѣ пассажирами плетеныхъ креселъ. Черезъ нѣкоторое время подсаживается ко мнѣ одинъ изъ офицеровъ, ѣдущихъ на службу. — Какая жара, говоритъ онъ. Теперь, день ото дня мы будемъ подниматься прямо на сѣверъ, тамъ будетъ попрохладнѣе. Къ востоку мы будемъ уклоняться до самаго Владивостока не болѣе 500 верстъ.

— О, нѣтъ, говорю я. Намъ придется подняться къ сѣверу приблизительно отъ Сингапура на 40° и къ востоку градусовъ на 30.

— Какъ?! Что вы, что вы?! Этого быть не можетъ, мы должны плыть главнымъ образомъ на сѣверъ.

— По крайней мѣрѣ, такъ говоритъ карта *Ильина*, которой руководствуюсь, говорю я.

— Нѣтъ, это вздоръ! Погодите, я сейчасъ могу васъ убѣдить и принесу карту, говоритъ офицеръ, и направляется въ каюту, гдѣ висѣла карта, при входѣ въ общій залъ. — Вотъ посмотрите!

Стали разсматривать карту, и оказалось, что дѣйствительно къ сѣверу намъ придется подвигаться на 40°, къ востоку на 28°.

— Ну, право, я никакъ не могъ подумать, что намъ придется такъ много плыть на востокъ отъ Сингапура, говоритъ офицеръ.

— Да и я прежде никакъ не могъ предположить этого, но карта, къ которой я прибѣгаю, утверждаетъ въ этомъ. Такъ ложны представленія, оставленныя прежнимъ обученіемъ!...

Бюллетень въ полдень: G = 4° 10½′ N, L=105° 39′ O; отъ Сингапура пройдено 221 мили. Подулъ попутный вѣтеръ, мы раскинули паруса. Ночью температура была 23° R.

25 сентября.

Бюллетень дня: G = 7° 56′ N, L = 108° 40½′ O; суточное плаваніе 288 миль. Въ два часа дня былъ ливень-дождь при

сильномъ вѣтрѣ. Температура поутру 23° R., во время дождя 20° R., а потомъ, черезъ двадцать минутъ, спустилась до 19 градусовъ R.

Сегодня былъ въ люкѣ у палубныхъ; зашелъ къ нимъ по необходимости—наколоть сахаръ, взятый мною у артельщика. Это уже третій разъ я беру сахаръ: въ первый разъ взялъ 5 фунтовъ, второй—около 1½ фунта и третій разъ 2½ фунта. Такимъ образомъ, въ продолженіе мѣсяца, мнѣ выдано 9 фунтовъ сахару. Вхожу въ люкъ и по пріятельски здороваюсь съ пассажирами. Тѣ говорятъ, что очень сожалѣютъ разстройству компаніи въ обѣдѣ, въ столѣ, что всѣ артельщикомъ устроены въ разсыпную, врозь, отъ чего одинъ изъ пассажировъ даже ничего не ѣстъ, отказался отъ стола и только потому, что его заставляютъ ѣсть вмѣстѣ съ другими лоцманами-солдатами, а онъ не можетъ этого перенести и требуетъ, чтобы ему отдѣльно выдавали обѣдъ. Артельщикъ не соглашается, а тотъ не хочетъ брать стола и довольствуется однимъ чаемъ. Здѣсь, кстати, будетъ сказать, что отказывающійся отъ пищи ѣдетъ во Владивостокъ въ качествѣ помощника машиниста, не имѣя средствъ ѣхать на свой счетъ или, можетъ быть, желая съэкономничать. Онъ имѣетъ домъ во Владивостокѣ. Такъ ѣдутъ съ нами нѣсколько человѣкъ. Во первыхъ, тотъ, который сидѣлъ подъ арестомъ двое сутокъ; онъ ѣдетъ въ качествѣ угольщика, но занимается письмоводствомъ у морскаго офицера по канцеляріи парохода; жалованье ему идетъ 10 рублей золотомъ въ мѣсяцъ, дается столъ и каюта. Хорошъ угольщикъ!... Есть еще одинъ изъ домовладѣльцевъ Владивостока, который какъ-то задаромъ ѣдетъ,—говоритъ, что упросилъ командира, а столуется у ресторатора, заплативъ ему 43 рубля. Интереснѣе всего то, что эта личность везетъ въ видѣ багажа экипажи и сбрую и при этомъ ухитряется самъ проѣхать задаромъ. Женщина-прислуга тоже одна изъ тѣхъ лицъ, которой захотѣлось переѣхать во Владивостокъ. Кромѣ того, между каютными пассажирами насъ двое ѣдущихъ съ разрѣшенія Комитета: я и одинъ изъ агентовъ коммисіонеровъ, служившихъ прежде у Добровольнаго Флота.

26 сентября.

Бюллетень дня: G=11° 39′ N, L=111° 53′ O; суточное плаваніе 296 миль; температура по утру 21° R., среди дня и къ четыремъ часамъ—тоже. Сильная качка, не боковая, а вдоль судна. Пассажиры на половину болѣютъ, лежатъ въ койкахъ своихъ каютъ. Лежать въ койкахъ можно довольно спокойно, но лишь только я вставалъ на ноги или садился, какъ у меня кружилась голова. Обѣдать не могъ, пища казалась противной. Компаніонъ по каютѣ кормилъ меня бананами, которыя при морской качкѣ кажутся очень пріятными, легкими. Былъ сильный вѣтеръ. Мы распустили паруса, которые хотя надувались въ сторону, но все же сдерживали качку; къ вечеру, впрочемъ, паруса были вновь убраны. Я не могъ ужинать, а также не пилъ вечерняго чая. Почти все время пролежалъ въ койкѣ. Въ 11 часовъ ночи термометръ показывалъ тоже 21° R. Во весь день я могъ переписывать изъ записной книжки не болѣе 30 строкъ: силъ нѣтъ, голова кружится.

Непріятное, отвратительное состояніе испытываетъ человѣкъ отъ качки. Головная боль и головокруженіе, при чемъ подъ черепомъ, между затылкомъ и теменемъ, какое-то особое болѣзненное раздраженіе мозга. Иногда чувствуется непріятное сильное раздраженіе мозга по срединѣ становаго хребта. Сила воли парализуется. Всѣ чувства въ сонливомъ состояніи: нѣтъ обычной возбудительной силы ни въ зрѣніи, ни въ слухѣ, ни въ обоняніи. Во всемъ тѣлѣ чувствуется какая-то истома,—ну, что хочешь всякъ, то и дѣлай со мною. Вліяніе качки на головокруженіе и на раздраженіе мозга головы и спины прекращается почти совсѣмъ, если лечь въ койку, а не сидѣть или ходить. Вліяніе качки на дѣтей неизмѣримо меньше, чѣмъ на взрослыхъ. Дамы подвергаются наискорѣйшему вліянію качки; изъ мужчинъ менѣе крѣпкій, менѣе свѣжій, цѣльный,—подвергается скорѣе болѣзни, чѣмъ здоровый, хотя, кажется, сила привычки играетъ въ этомъ большую роль.

27 сентября.

Мы быстро плывемъ по Нанъ-Хаю, Южно-китайскому морю. Какія названія у китайцевъ: Бинъ-танъ-динъ, Бинъ-хоа-тань, Бинъ-динъ-тань, Куангъ-бинъ-динъ—вотъ приморскіе города, оставляемые нами влѣво на материкѣ. Море бушуетъ, какъ вчера. Качка не останавливается, хотя про Китайское море должно сказать, что у него нѣтъ громадныхъ въ версту длиною валовъ, какіе мы встрѣчали въ Индѣйскомъ океанѣ, но тѣмъ не менѣе качка въ данное время не меньшая. Говорятъ что не такъ давно, не менѣе мѣсяца, одинъ изъ иностранныхъ военныхъ мониторовъ вышелъ изъ Сингапура въ Хонгъ-конгъ, но попалъ въ штормъ, былъ отброшенъ неизвѣстно куда и до настоящаго времени объ немъ ни слуху, ни духу.

Температура въ 9 часовъ утра $21^1/_2$°R.; черезъ полчаса она уже поднялась на 1°. Сегодня по утру пилъ съ аппетитомъ чай, хотя не могъ ѣсть хлѣба. Чаю, очень сладкаго, выпилъ три стакана. Голова немного кружится, спинной мозгъ раздражается, но все же я въ состояніи сидѣть на палубѣ, гдѣ обдуваетъ вѣтеркомъ. Писать не удалось: написалъ не болѣе 20 строкъ и отложилъ работу. Приготовляются къ обѣденкѣ. Обтянули бортъ флагами съ крестами; поставили на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, икону, положили крестъ и свѣчи, повѣсили лампадку.

Бюллетень дня: G=15° $47^1/_2$'N, L=113° 50'O, суточное плаваніе 273 мили; термометръ въ два часа дня показывалъ 23°R.

Во время обѣда могъ ѣсть только третье такъ называемое блюдо, состоящее изъ вареной груши и яблокъ; съѣлъ кусочка два мяса и ложки три борща. За ужиномъ то же ограничился нѣсколькими ложками супа, не дотрогиваясь до мяса и хлѣба-галетъ. Вообще на водку и на галеты даже смотрѣть не могу: голова кружится, дѣлается тошно. Съ какимъ бы удовольствіемъ я съѣлъ кусочекъ рыбы тарани, что дается намъ на завтракъ! Но гдѣ ее теперь взять?

Мы убавили ходъ: вмѣсто 12 узловъ стали дѣлать въ часъ только 9 узловъ. Говорятъ, это потому — что иначе намъ

пришлось-бы маневрировать передъ Хонгъ-конгомъ ночью до разсвѣта; впрочемъ, мы туда пріѣдемъ еще черезъ полтора сутокъ, т. е. во вторникъ, 29 сентября, утромъ.

Качка постепенно увеличивается. Нашъ пароходъ то поднимаетъ носъ и опускаетъ корму, то обратно, поднимаетъ послѣднюю и опускаетъ носъ. На палубѣ, близъ кормы, нѣтъ возможности стоять и сидѣть: немедленно укачиваетъ, но по срединѣ парохода возможно, облокотясь на барьеръ, любоваться волненіемъ моря и качкой парохода.

Недавно одинъ изъ лоцмановъ поймалъ ястреба, который усталъ летѣть, сѣлъ на пароходъ и легко сдался въ плѣнъ. Это уже не первый разъ на пути мы ловимъ птицъ, уставшихъ летѣть, садящихся на пароходъ и охотно отдающихся въ руки человѣка: мы ловили ласточекъ, поймали чайку и еще какую то небольшую птичку съ перьями яркихъ разныхъ цвѣтовъ; послѣднюю птичку поймалъ іеромонахъ, когда мы плыли по Красному морю; она сидѣла возлѣ стола, за которымъ я писалъ, на разстояніи аршина отъ меня. Пойманнаго ястреба мы посадили въ клѣтку и везли съ собою, прикармливая его мясомъ.

28 сентября.

Качка уменьшилась. Термометръ по утру показывалъ 21°R. Бюллетень для G=19° 39¾'N, L=114° 8'O; суточное плаваніе 235 миль; до Хонгъ-конга осталось 170 миль; температура среди дня 22°R.

Сегодня, къ моему счастію, на завтракъ выдавали по рыбѣ тарани. Никогда, кажется, въ жизни я не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ по утру, какъ въ этотъ день, несмотря на то, что рыбу пришлось ѣсть безъ хлѣба, — твердыхъ галетъ я не ѣмъ. За обѣдомъ почти ничего не ѣлъ, по крайней мѣрѣ, борщъ и мясо, а также жаркое и галеты остались нетронутыми, лишь только могъ съѣсть нѣсколько ложекъ мятаго картофеля; за ужиномъ съѣлъ нѣсколько ложекъ супу и немного мяса.

Чувствую себя сегодня гораздо лучше, чѣмъ въ предъидущіе дни. Я даже имѣлъ силы дописать свою корреспонденцію въ нѣсколько сотъ строкъ. Голова менѣе кружилась, лишь чувствовалось, что въ желудкѣ что-то ненормально.

Около 11 часовъ ночи видно было нѣсколько лодокъ съ фонарями; говорятъ, что они очень далеко отплываютъ отъ берега и часто погибаютъ. Небо прозрачно, звѣзды такъ и блещутъ, такъ и свѣтятъ куда какъ ярче, чѣмъ у насъ въ Европѣ. Близъ парохода въ волнахъ замѣтно много фосфорическаго свѣта отъ особыхъ маленькихъ животныхъ, инфузорій, издающихъ этотъ свѣтъ. Это явленіе замѣтно во всѣхъ моряхъ, оно очень характерно и оригинально. Свѣтящіяся инфузоріи видны и въ морѣ и въ ваннѣ, если брать ее вечеромъ.

Въ полдень температура была $20^{1}/_{2}{}^{0}$R.

29 сентября. Въ Хонгъ-конгѣ.

Ровно въ 6 часовъ былъ восходъ солнца. Мы подплывали къ Хонгъ-конгу между десяткомъ маленькихъ островковъ, поднимающихся надъ поверхносію воды на значительное разстояніе, на значительную высоту. До сотни китайскихъ судовъ, распустившихъ свои крылообразные паруса, плавало по взморью. Механическій лагъ уже былъ собранъ. Стали поднимать флагъ. Температура 20^{0}R. Высокіе крутые берега острововъ покрыты травянистою растительностію. Они кажутся сплошь яркозелеными, лишь изрѣдка громадный камень, поросшій мхомъ, кажется темнымъ пятномъ на поверхности; изрѣдка можно замѣтить небольшія пространства, поросшія кустарникомъ. Мы въ ущельѣ между скалистыхъ горъ. Тамъ, гдѣ видны деревья или кусты, бѣлѣются зданія: очевидно, это рядъ садовъ или дачъ. Ущелье становится уже и уже. Каменистыя горы береговъ очень круты и высоки. Подошва ихъ, омываемая моремъ, представляетъ изъ себя ровный, голый камень. Уже виднѣется по сторонамъ ущелья разбросанная постройка. Вотъ стоитъ съ двумя колоссальными трубами семиэтажная фабрика, со всевозможными пристройками. Два великолѣпныхъ корпуса стоятъ горделиво на утесахъ. Видно стремленіе къ искусственному разведенію деревъ. Налѣво каменная приморская набережная, по коей видны телеграфные столбы. Виднѣются нѣсколько фабрикъ и заводовъ. Стоитъ англійскій бѣлый мониторъ; не вдалекѣ нѣсколько пароходовъ. Показался и городъ, укутанный весь

густымъ туманомъ, вѣрнѣе, впрочемъ, дымомъ отъ трубъ фабрикъ и заводовъ. Какая прекрасная гавань! Поверхность воды не шелохнетъ. Наконецъ, мы остановились въ ожиданіи, кажется, лоцмана, который долженъ намъ указать мѣсто среди другихъ судовъ. Бѣлый небольшой катеръ „Polive" не заставилъ себя долго дожидаться и доставилъ намъ лоцмана. Мы бросили якорь. Насъ окружили десятокъ китайскихъ лодокъ. Первыя явились на пароходъ прилично одѣтыя и роскошно причесанныя китаянки-прачки. За ними — мелкіе торговцы. Многіе изъ пассажировъ, между которыми былъ и я, отправились на берегъ, въ городъ. Роскошной растительности въ городѣ нѣтъ; даже простой обычной растительности мало,— съ этой точки зрѣнія городъ почти что безжизненъ. Расположенъ онъ по крутому склону горы, оттого въ городѣ отсутствуютъ извощики. Впрочемъ, англичане народъ безсердечный и запрегши въ колясочки китайцевъ, ѣздятъ на нихъ, какъ на животныхъ. Въ крутыя горы носятъ на носилкахъ. Городъ тѣсный; улицы узки; между домами заборовъ, промежутковъ мало. Дома каменные двухъ и трехъэтажныя. Почти весь городъ состоитъ изъ торговыхъ лавокъ. Цѣнность товаровъ большая, цѣны выше европейскихъ, несмотря на то, что многіе мѣстные, какъ издѣлія изъ слоновой кости, пушные товары и др. Городъ для своего благоустройства поглотилъ много англійскихъ денегъ, много милліоновъ рублей. Онъ превосходно укрѣпленъ и недоступенъ для конкурренціи въ торговлѣ. Идя по улицамъ, вы мало встрѣтите англичанъ и вообще лицъ въ европейскихъ костюмахъ: повсюду и въ торговыхъ лавкахъ, и на улицахъ— масса китайцевъ. Въ Гонгъ-Конгѣ я въ первый разъ увидалъ китаянку съ изуродованными ножками, ступня которыхъ болѣе походила на сжатый кулакъ, чѣмъ на обыкновенную ступню человѣка.

30 сентября.

Въ 7 часовъ утра мы снялись съ якоря. Былъ прекрасный день, солнце ярко свѣтило, хотя городъ утопалъ въ дыму отъ фабрикъ и пароходовъ. Температура 20°R. Пароходъ маневрировалъ и, заворачиваясь, сталъ бокомъ къ городу. Пассажиры вышли изъ каютъ полюбоваться одной изъ прекра-

снѣйшихъ мѣстностей, которую знатоки сравнивали съ Женевскимъ озеромъ и другими лучшими мѣстами. Городъ расположенъ, какъ я уже сказалъ, на полугорѣ. Его многоэтажныя зданія прекрасны. Вотъ изящное зданіе адмиралтейства, неподалеку — частный докъ; на противоположной сторонѣ—англійскій и французскіе доки. Идетъ коммерческій китайскій пароходъ. Онъ поровнялся съ нами. И какой пароходъ?!. Прекрасный, сильный, на мои глаза, ничѣмъ не отличающійся отъ нашихъ лучшихъ пароходовъ по величинѣ и конструкціи. Мы пошли полнымъ ходомъ.

Въ полдень бюллетень дня былъ таковъ: G=22°21′N, L=115°4′O, температура въ 2 часа дня 23°R. Мы плыли невдалекѣ отъ китайскаго берега; его видно съ палубы: видно также до десятка всевозможныхъ парусныхъ судовъ въ разныхъ мѣстахъ моря, вѣтеръ незначительный. Прошлую ночь спалъ на палубѣ, въ каютѣ душно было. Спалъ крѣпко. За завтракомъ ѣлъ съ большимъ удовольствіемъ рыбу тарань, какъ вчера вечеромъ ѣлъ съ удовольствіемъ привезенный изъ города Хонгъ-конга свѣжій огурецъ. Но тѣмъ не менѣе въ 9 часовъ утра я уже раздѣвшись лежалъ въ своей койкѣ и чувствовалъ въ головѣ какой-то угаръ, хотя качки совершенно не было и голова у меня не кружилась. Когда я вчера гулялъ по городу, то мнѣ казалось, что я нахожусь подъ вліяніемъ качки, бросающей меня изъ стороны въ сторону. Впрочемъ сегодня, лежа въ постелѣ, я свободно могъ читать книгу. Во время обѣда не могъ ѣсть мяса и не могъ выпить обычную чарку водки. Компаніонъ по каютѣ входитъ съ палубы ко мнѣ и, показывая на свой изъ черной матеріи костюмъ, испачканный бѣлою краскою, плачется, что нечаянно дотронулся гдѣ-то до мѣста, только что выкрашеннаго, и испачкалъ свой костюмъ. Я порекомендовалъ немедленно замыть испачканное мѣсто костюма и разсказалъ ему, какъ вчера вечеромъ, вернувшись изъ города, я, желая взглянуть на жизнь семьи въ лодкѣ, сталъ было спускаться по лѣстницѣ парохода, но запачкалъ свой костюмъ о черную краску только что выкрашеннаго парохода, а также и руки свои, и долженъ былъ вернуться въ каюту и замыть свое бѣлаго цвѣта платье. Странное распоряженіе администраціи

парохода: въ Севастополѣ, когда пароходъ чинили, вставляли въ винтъ потерянное перо, можно было и вычистить и выкрасить весь пароходъ; такъ нѣтъ, отложили всю эту работу до поѣздки, чтобы пассажиры пачкали свои костюмы, обоняли запахъ прогорклаго вонючаго масла...

Кстати о костюмахъ. У насъ обыкновенно сложилось мнѣніе, что если кто ѣдетъ въ теплыя мѣста, на югъ, то тотъ долженъ запастись бѣлымъ костюмомъ. Такъ всѣмъ скажутъ и морскіе офицеры. Но по личному опыту и наблюденіямъ могу засвидѣтельствовать, что дѣло не въ бѣломъ цвѣтѣ костюма, а въ его легкости, и нашимъ пассажирамъ не однажды, а нѣсколько разъ приходилось разочаровываться въ томъ, что у насъ костюмы бѣлаго цвѣта, а не сѣраго. Бѣлый костюмъ на морскихъ пароходахъ болѣе сутокъ, много двое, не проносите, обязательно выпачкаете, а мыть некому, а если и найдется простая женщина изъ палубныхъ пассажировъ, то плохо выстираетъ, такъ какъ морская вода не распускаетъ мыла. Между тѣмъ на пароходахъ пассажирамъ приходится находиться постоянно подъ тентомъ, т. е. въ тѣни, если они находятся не въ каютахъ, а на палубѣ. На пристаняхъ же имъ приходится быть и рѣдко и по немногу проводить время. Поэтому беру на себя смѣлость рекомендовать имѣть для путешествій костюмы всегда легкіе, но сѣраго цвѣта, обязательно сѣрые... Выгоднѣе, удобнѣе и приличнѣе.

Въ 10 часовъ вечера температура была 21°R.

1 октября.

Бюллетень дня: G=23°02′N, L=118°36′O; суточное плаваніе 226 миль; температура въ полдень 20½°R, такова же она была и по утру. На морѣ сильное волненіе, вся поверхность покрыта бѣляками. Насъ качаетъ вдоль судна, поднимая то носъ, то корму, сажени на три, на четыре. Я изрѣдка выхожу изъ каюты на палубу минутъ на пять, на десять; остальное время лежу въ койкѣ: мнѣ дѣлается тяжело, дурно, когда я не лежу. Обѣдать не могъ, лишь одинъ съѣлъ апельсинъ и два—три куска ананаса; впрочемъ, по утру выпилъ два стакана чаю и съѣлъ немного хлѣба.

Сегодня въ дамской рубкѣ была обѣденка: на палубѣ слиш-

комъ вѣтрено. Несмотря на 20° градусовъ тепла, когда я выхожу на палубу въ рубахѣ и пальто, то мнѣ отъ вѣтра и сырости холодно; боясь схватить лихорадку, я убѣгаю въ каюту.

Ходилъ къ палубнымъ посмотрѣть на японцевъ: изъ Хонгъ-конга мы взяли въ качествѣ палубныхъ пассажировъ 4 рабочихъ, возвращающихся въ Нагасаки; это рабочіе изъ дока. Они спокойно всѣ лежатъ и ничего не говорятъ съ русскими. Головы ихъ стрижены по европейски, волоса черные. Цвѣтъ лица смуглый. Кстати, говорятъ, что нашъ пароходъ на обратномъ пути не зайдетъ въ Хонгъ-конгъ, а также не будетъ въ Шанхаѣ, а предполагаетъ зайти, не въ счетъ росписанія, въ Сіамскій заливъ, въ г. Банкъ—кокъ, гдѣ возьметъ грузъ, состоящій изъ дерева. Нашъ пароходъ изъ Владивостока предполагаетъ возвратиться въ Одессу въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Мы плывемъ проливомъ между о. Формоза и материкомъ, такъ называемымъ проливомъ Фукіанскимъ. Отъ того и волненіе большое.

Сегодня у меня на полчаса были истерическія слезы, которыя начались во время службы церковной. Сильная качка производила боли въ головномъ и спинномъ мозгу, не только раздражая ихъ, но какъ бы потрясая. Я стоялъ возлѣ двери рубки, крѣпко держась рукою при богослуженіи. Представилось мнѣ, при болѣзни и головокруженіи, что вотъ, вотъ еще одинъ разъ наше судно взлукнетъ качка и я какъ снопъ упаду безъ чувствъ, а можетъ быть безъ дыханія, безъ признаковъ жизни; представилось, и я зарыдалъ отъ того, что оказываюсь безсильнымъ въ самозащитѣ... (пишу вамъ, сидя въ каютѣ, эти строки, а у самого вновь полны глаза слезъ, онѣ уже текутъ по щекамъ). Вечеромъ около 6 часовъ истерическій припадокъ былъ съ одной каютной пассажиркой.

Не могъ во время ужина не только ѣсть пищу изъ артели, но и смотрѣть на нее безъ отвращенія: до того однообразіе надоскучило. Спросилъ сегодня въ буфетѣ порцію икры и съѣлъ съ удовольствіемъ. Кусочекъ икры, достаточный для пяти буттербродовъ, стоитъ 44 коп., т. е. 1 франкъ по утвержденной таксѣ. Приблизительно столько же стоитъ всякая от-

дѣльно взятая порція. Полный завтракъ цѣнится въ 3 франка, а обѣдъ въ 8 франковъ. Цѣны весьма высокія. Въ мѣсяцъ плаванія каютному пассажиру приходится уплатить около 150 руб. за столъ. Можно смѣло утверждать, что рѣдкій пассажиръ когда-либо затрачиваетъ въ частной домашней своей жизни такую сумму на столъ; еще рѣже встрѣчаются пассажиры, которые получали бы отъ правительства столовыя деньги въ такомъ размѣрѣ. Такой цѣнный столъ удобенъ для всякаго гражданина только тогда, когда онъ дается задаромъ, какъ, напримѣръ, всей мѣстной пароходной администраціи, т. е. командиру, морскимъ офицерамъ, механикамъ и др. „чиновникамъ“, какъ они себя сами величаютъ.

2 октября.

Бюллетень дня: G=25°53′N, L=120°59′O; суточное плаваніе 173 мили; температура 20°R. Намъ дулъ сильный встрѣчный вѣтеръ, поэтому мы такъ мало и проплыли въ сутки, дѣлая около 7 узловъ въ часъ. Качка сильная. Большую часть дня и ночи провелъ въ койкѣ. Во время обѣда и ужина на артельную пищу и глядѣть не могъ: все надоѣло, опротивѣло. Купилъ вечеромъ коробку сардинокъ и взялъ порцію бѣлаго хлѣба,— съѣлъ рыбокъ пять, съѣлъ еще апельсинъ—вотъ и вся моя пища дня. По утру выпилъ два стакана чаю, вечеромъ не могъ пить чай. Вотъ уже третій день, какъ я не могу владѣть перомъ, нѣтъ силъ переписывать изъ записной книжки рукопись.

3 октября.

Термометръ по утру показывалъ тоже 20°R, какъ и въ предыдущій день. На палубѣ встрѣчаю одного изъ офицеровъ, ѣдущихъ въ Пріамурскій край, и выслушиваю отъ него претензію на судоваго врача.

— Представьте себѣ, говоритъ онъ, четвертый день болѣю животомъ; прошу доктора дать лѣкарства, онъ отвѣчаетъ, что завтра онъ пойдетъ въ аптеку и принесетъ. На другой день жду-подожду; лѣкарства нѣтъ какъ нѣтъ. На третій день подходитъ ко мнѣ докторъ и говоритъ: ну, какъ ваше здоровье? Меня, признаться, это взорвало,—просилъ его дать лѣкарства, онъ обѣщался и не далъ, а теперь еще спрашиваетъ—какъ, говоритъ, здоровье.

— Ничего, говорю, докторъ, скрывая отъ него уже правду. Вы что же обѣщались прислать лѣкарства и не прислали?

— Какъ?! я вамъ послалъ съ человѣкомъ.

— Я не получалъ его. — Оказалось, что лѣкарство было поставлено гдѣ-то, но человѣкъ мнѣ объ немъ — ни слова. Вотъ и извольте находиться здѣсь въ зависимости отъ всякаго холопа. Но это еще туда сюда. На третій день болѣзни докторъ обѣщался прислать новаго лѣкарства. На четвертый спрашиваетъ объ немъ.

— Да, докторъ, я вновь не получилъ лѣкарства, говорю я. Вотъ какой лѣнтяй у насъ докторъ, онъ не хочетъ доставить даже порошковъ, пилюль, несмотря на то, что паціентовъ у него ничтожное число. Изумительное невниманіе къ пассажирамъ, хоть умирай, такъ, кажется, никто не обратитъ вниманія. Вотъ если здѣсь имѣть протекцію, такъ, кажется, можно устроить все, а безъ нея ничего... странные порядки, кончилъ свою жалобу офицеръ.

Вечеромъ была маленькая тревога. Офицеръ, имѣющій двери vis-a-vis съ моимъ помѣщеніемъ, принявъ ванну, зашелъ къ себѣ въ каюту, замкнулъ дверь и уснулъ. Черезъ полчаса подходитъ къ каютѣ другой офицеръ и хочетъ войти туда. Но дверь заперта. Онъ начинаетъ стучать, предполагая разбудить своего компаніона, окликивая его. Но тотъ не подаетъ голоса Пришла прислуга—стучитъ и кричитъ,—опять ни слова. Явился морской офицеръ, командиръ, старшій механикъ, но на стуки и крики отвѣта никакого. Всѣ были увѣрены, что случилось несчастіе: или обморокъ, или смерть. Стали ломать дверь, подпиливать мѣдную задвижку. Подпилили, отворяютъ дверь, подносятъ руку къ носу лежащаго на диванѣ офицера и чувствуютъ дыханіе, – ну, слава Богу, живъ!—Доктора, распорядился командиръ! И докторъ разбудилъ крѣпко спавшаго офицера. У него въ каютѣ горѣла стеариновая свѣча: не знаю, чѣмъ бы кончилось, еслибы не потревожили мертвецки-крѣпкаго офицерскаго сна.

Нынѣ не завтракалъ, не обѣдалъ, не ужиналъ; съѣлъ по утру четыре рыбки сардинки съ бѣлымъ хлѣбомъ, выпивъ два стакана чаю, и среди дня съѣлъ апельсинъ,—вотъ и вся пища дня. Попробовалъ было ананасъ, купленный мною въ

Хонгъ-конгѣ, но онъ оказался кислымъ, недозрѣлымъ, непріятнымъ. Весь день, вечеръ и ночь провалялся въ койкѣ. Немного писалъ, имѣлъ силъ переписать около 200 строкъ изъ своей записной книжки, въ которую заношу карандашемъ, лежа въ койкѣ, или на палубѣ, сидя развалясь въ креслѣ. Бюллетень дня: G=28°27½′N, L=124°26′0; суточное плаваніе 243 мили; температура среди дня 21½°R; ночью температура была 20°R.

4 октября.

По утру термометръ R. показывалъ 18°, такой низкой температуры не было еще ни разу во все время нашего плаванія.

Бюллетень дня: G=31°40′N, L=128°4′0; суточное плаваніе 273 мили; до г. Нагасаки оставалось 112 миль; температура въ полдень 20°R.

Вчера и сегодня пароходъ приводится въ порядокъ, все чистится, подметается. Даже въ помѣщеніи 3-го класса, палубныхъ пассажировъ, и то подмели полъ. Нынѣ весь день чистятъ мѣдныя подѣлки и красятъ лѣстницу. Говорятъ, что въ Нагасакахъ стоитъ русское военное судно, на коемъ старшимъ офицеромъ одинъ изъ Великихъ Князей. Мы веземъ къ нему трехъ пассажировъ. Что добраго: пожалуй, и заглянетъ къ намъ на пароходъ?!

Въ Нагасаки пришли около 10 часовъ вечера. Полчаса одиннадцатаго термометръ показывалъ 17°R.

Сегодня, какъ и въ предъидущіе дни, я не обѣдалъ и не ужиналъ, если не считать кампота и порціи яичницы, которую я нарочно заказывалъ за франкъ.

5 октября. Въ Нагасакахъ.

По утру проснулся рано, очень манило посмотрѣть на природу и городъ. Термометръ показывалъ 15¼°R. Г. Нагасаки расположенъ въ самой живописной мѣстности, какія намъ пришлось видѣть на своемъ пути. Бухта находится между высокими холмами, покрытыми не сплошь деревьями, а только на половину, не исключая и самыхъ возвышенныхъ мѣстъ; другая половина холмовъ покрыта зеленѣющими полями, состоящими изъ маленькихъ клочковъ прекрасно куль-

тивированныхъ. Всѣ холмы, ихъ поверхности представляютъ изъ себя какъ бы лѣстницу: покатость холма срыта, площадь поля ровна и горизонтальна, при чемъ каждое поле оканчивается обрывами, такимъ образомъ каждый холмъ издали кажется лѣстницей съ нѣсколькими стами ступеней. Разбросанныя группы деревьевъ придаютъ мѣстности очаровательный видъ. Городъ растянулся по берегу на нѣсколько верстъ; строенія походятъ на русскую стройку, домики небольшіе, большею частію двухъ этажные, съ большими окнами.

Вскорѣ на пароходѣ появились разные торговцы, прачки-японцы, содержатели гостинницъ. Въ разныхъ мѣстахъ разложенъ товаръ изъ черепаховыхъ издѣлій, тканей и проч. Прачки предлагаютъ выстирать бѣлье по 6 коп за штуку, при чемъ и пиджакъ и носовой платокъ все идетъ въ одной цѣнѣ, хотя первый требуетъ не только стирки, но и глаженія. Я отдавалъ свое бѣлье,—выстирали недурно, сносно, если не позабывать, что находишься въ морскомъ плаваніи. Въ городѣ, который будемъ называть Нагасаки, а не Нангасаки, какъ значится въ нашихъ географическихъ учебникахъ и въ географическихъ картахъ Ильина, имѣется двѣ русскихъ гостинницы, содержатели коихъ ходятъ по пароходу и раздаютъ свои визитныя карточки. Одна гостинница *Европа* принадлежитъ еврейкѣ Е. И. Фельдманъ, другая *Кронштадтъ* одному изъ прибалтійскихъ гражданъ А. Нафтагіи. На карточкахъ обозначено, что гостинницы имѣютъ первоклассные семейные номера со столомъ русскаго приготовленія, со всѣми удобствами, съ напитками и проч. На самомъ же дѣлѣ это маленькіе скромные трактиры, гдѣ аристократы-гастрономы не могутъ проглотить ни одной ложки кушанья...

Около 12 часовъ дня я вмѣстѣ съ четырьмя другими пассажирами, за 10 центовъ, т. е. за 20 коп., переправился на японской лодкѣ на берегъ. Извощиковъ нѣтъ, а есть маленькія ручныя колясочки, въ которыхъ японцы возятъ желающихъ. Одинъ изъ пассажировъ нанялъ такую колясочку, сѣлъ и поѣхалъ, остальныхъ окружили японцы и предлагаютъ свои экипажи. Волей-неволей пришлось, какъ и другимъ, нанять японца. Ѣхать довольно удобно, японецъ бѣжитъ бѣгомъ. Мы остановились возлѣ почтамта и сдали

свои письма. У меня не было иностранной монеты—ни доллара, ни шиллинга, ни цента; я упросилъ другихъ заплатить за мое письмо. На другой день, когда мы находились на пароходѣ, изъ почтамта была доставлена корреспонденція для доставки въ Россію.

— А вѣдь онъ, мошенникъ, привезъ и нашу вчерашнюю корреспонденцію, сказалъ одинъ изъ тѣхъ, которые были вчера на почтѣ.

— По всей вѣроятности, замѣтилъ другой. Что же дѣлать?! У насъ осталось одно утѣшеніе, что наши письма будутъ доставлены въ Россію тѣмъ же пароходомъ, на которомъ мы ѣдемъ теперь.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я, наши письма, должно быть, возвратились обратно на нашъ пароходъ. Я на конвертѣ обозначалъ адресъ такъ: близь одного верхняго угла писалъ слово Rusland и подчеркивалъ его, близь другаго угла—*En Russie* и тоже подчеркивалъ, а по срединѣ конверта писалъ полный адресъ по-русски, обозначая городъ и домъ, куда должно быть доставлено письмо. Такимъ образомъ на почтамтѣ, прочитавъ нѣмецкую и французскую надпись, не будутъ знать, куда требуется направить письмо: на Одессу или на Владивостокъ.

— Полноте, говоритъ ревизоръ—морской офицеръ, вы напрасно представляете такими наивными чиновниковъ японскаго почтамта. Отправленныя вами письма изъ Нагасаки будутъ доставлены съ большей скоростію и аккуратностію, чѣмъ изъ Владивостока.

Находясь на берегу, мы были у Іезаки, черепаховыхъ дѣлъ мастера и оптоваго торговца издѣліями изъ черепахи. При магазинѣ находится мастерская, человѣкъ въ 15 рабочихъ. Работа высоко художественная. Находящійся въ дальнемъ плаваніи Великій Князь Александръ Михайловичъ заказалъ у этого мастера двѣ модели русскихъ военныхъ судовъ: „*Рынды*" и „*Бобра*". Каждая модель, четверти три длиною, сдѣлана вся изъ черепахи, за исключеніемъ канатовъ и веревокъ, для чего употреблены шелковыя нити. Каждая модель стоитъ 150 долларовъ. Таковой же цѣнности прелестная изъ черепахи клѣтка для птички. Маленькая рамочка для

кабинетнаго портрета стоитъ 6 долларовъ, небольшая мужская гребенка — 1 долларъ. Принимая долларъ за два русскихъ рубля, можно сказать, что цѣны на издѣлія не низкія. Хозяинъ магазина Іезаки говоритъ по-русски. Онъ встрѣтилъ насъ радушно и угостилъ чаемъ,—каждому изъ людей была подана маленькая чашечка — у насъ въ Россіи назвали бы ее игрушечною, дѣтскою—съ чаемъ почти что безцвѣтнымъ, но ароматичнымъ и крѣпкимъ. Іезаки получилъ въ подарокъ портретъ русскаго императора Александра III, — олиграфическая картина виситъ у него въ магазинѣ на видномъ мѣстѣ.

Побывалъ въ японскомъ магазинѣ столярныхъ издѣлій. Среди другихъ небольшихъ лавокъ восточнаго азіатскаго образца, магазинъ этотъ ничѣмъ не отличался по внѣшней своей стройкѣ отъ остальныхъ, онъ также трехстѣнный, четвертая наружная сторона вставлялась только на ночь. Десятокъ крупныхъ столовъ, нѣсколько рабочихъ дамскихъ столиковъ, сотни шкатулокъ, ящиковъ, коробочекъ и другихъ мелкихъ подѣлокъ — всѣ выкрашены черной краской и изящно отполированы. Многіе предметы разрисованы; всѣ отличаются полнѣйшей чистотой и гармоніей частей. Цѣны довольно высоки: круглый, напримѣръ, столикъ, доской въ діаметрѣ четыре четверти, съ одной ножкой, имѣющей три лапы,—стоитъ 4 рубля. Въ магазинѣ цѣны съ запросомъ, за вышесказанный столикъ запросили 7 рублей и только послѣ долгаго торга онъ былъ уступленъ за четыре рубля. Въ магазинѣ, въ жилыхъ комнатахъ, а также въ верхнемъ этажѣ, все просто, но изумительно чисто. Мебели — нѣтъ, я хочу сказать, креселъ, стульевъ, лавокъ и табуретъ нѣтъ, а также не видно кроватей, коекъ; стеколъ въ окнахъ тоже нѣтъ: они замѣняются японской бумагой; полы устланы чистыми прекрасными циновками. Одна комнатка служитъ молельней. Японка, хозяйка магазина, частенько накладываетъ табакъ въ трубочку и покуриваетъ; огонь для этого постоянно поддерживается на маленькой открытой печкѣ.

У одного изъ пассажировъ почему-то остановились золотые часы, что-то въ механизмѣ попортилось. Мы зашли въ часовой магазинъ, который также наполненъ всевозможными ча-

сами — стѣнными, золотыми и серебряными — карманными, какъ и въ нашихъ магазинахъ европейской Россіи. Входъ въ магазинъ, какъ и въ другія лавки, черезъ порогъ по поверхности земли; направо и налѣво деревянные помостки, четверти на полторы, на двѣ отъ земли. Помостки устланы чистыми циновками. На нихъ стоитъ нѣсколько витринъ съ вещами. По стѣнамъ развѣшано нѣсколько разныхъ размѣровъ и цѣнности стѣнныхъ часовъ. Въ проходѣ между помостками стоятъ нѣсколько деревянныхъ сандалій. Всѣ японцы и японки ходятъ въ сандаліяхъ. Японцы, находясь на помосткахъ своихъ лавокъ, имѣютъ на ногахъ чистые бѣлые, какъ мѣлъ, чулки, которые на подобіе нашихъ рукавицъ имѣютъ для большаго пальца ноги особое отдѣленьице—мѣстечко. Между большимъ пальцемъ и остальными проходитъ поверхъ бѣлаго чулка бичевка, придерживающая сандаліи и развѣтляющаяся на двѣ стороны по бокамъ ступни, охватывая ее и прикрѣпляясь по сторонамъ сандалій.—За починку часовъ запросили 3 руб.; нашъ компаніонъ не согласился отдать за такую цѣну въ починку своихъ цѣнныхъ часовъ и мы вышли изъ магазина.

Японскій фарфоровый магазинъ намъ не понравился: всѣ вещи хуже достоинствомъ, чѣмъ въ Китаѣ, а цѣнность ихъ большая: за вазу, напримѣръ, въ полтора аршина высоты, запросили 50 рублей. Разрисованая посуда, а также всѣ картины, находящіяся въ продажѣ, не только напоминали китайскія издѣлія, но на мои глаза ничѣмъ не отличаются отъ нихъ. Разсматривая рисунки и разспрашивая заказчиковъ, легко придти къ выводу, что *творческое воображеніе* у японцевъ такъ же мало развито, какъ и у китайцевъ, тогда какъ *подражательная* способность доведена до высшей степени,— дайте китайцу фотографическую карточку, и онъ вамъ черезъ нѣсколько часовъ принесетъ снимокъ съ нея любого размѣра, при чемъ весь рисунокъ будетъ подъ краскою и прекраснымъ выполненіемъ, сходствомъ съ оригиналомъ, вы останетесь всецѣло довольны, какъ бы ни былъ развитъ по европейски вашъ вкусъ, воззрѣніе. По пути заходили въ японскую фотографію, зало которой было увѣшано фотографическими карточками, снятыми съ моряковъ и съ туземцевъ. Фотографіи

японскихъ видовъ оказались слишкомъ цѣнны для того, чтобы мы ихъ закупили. Впрочемъ, я отложилъ это до обратнаго возвращенія въ Одессу морями.

Отправляемся въ „*Чайный домъ*". Такъ называется японскій храмъ, близъ котораго въ саду, подъ тѣнью растительности, разставлены чайные столики, гдѣ можно напится чаю и освѣжиться водами и пивомъ. *Чайный домъ* расположенъ на полугорѣ довольно высоко: къ нему ведутъ болѣе ста ступеней широкой каменной лѣстницы. Черезъ каждыя десять, пятнадцать ступеней — площадка. Лѣстница широкая, около трехъ саженъ; камни ступеней не полированы, но впрочемъ не дурно отесаны. По сторонамъ вывѣшено нѣсколько флаговъ. Предъ ступенями, на высотѣ храмъ-молельня, обведенная террасою. На деревянномъ помостѣ, скинувъ сандаліи передъ входомъ, стоя на колѣняхъ, молились двѣ японки. На стѣнѣ, въ родѣ иконостаса, нѣсколько большихъ рисунковъ и нѣсколько туземныхъ надписей. Мы поднялись нѣсколькими саженями выше *чайнаго дома* на маленькую террасу, среди вѣковыхъ деревъ, но съ открытымъ видомъ на море, на рейдъ. Тамъ — круглый столъ и нѣсколько табуретъ-пней, хорошо отполированныхъ. Видъ съ террасы прекрасенъ — море, суда, часть города, роскошныя горы, зеленѣющая растительность. По крутой тропинкѣ, дорожкѣ, а частью по лѣстницѣ изъ грунта и камня, мы спустились въ садъ къ чайнымъ столамъ, которые расположены близъ храма. Пили, должно сказать, плохой лимонадъ, по 20 центовъ за бутылку. Лимонадъ былъ тепелъ, оттого и дуренъ. Японка, угощавшая насъ, была любезна. Зубы ея были выкрашены въ черный цвѣтъ—признакъ, говорятъ, хорошаго тона.

Къ обѣду, къ 5 часамъ, мы поспѣшили на пароходъ. Обѣдалъ и ужиналъ я впрочемъ плохо, лишь съ аппетитомъ съѣлъ свѣжій огурецъ.

На рейдѣ стояло много судовъ; между другими была русская кононерская лодка „Бобръ", броненосцы американскіе, французскій и индѣйскій. Вечеромъ, при солнечномъ закатѣ, на одномъ изъ американскихъ броненосцевъ раздались звуки военной музыки. Былъ съигранъ, между прочимъ, и русскій гимнъ; выполненіе прекрасное, ничѣмъ не хуже русскаго

хора музыкантовъ. Говорятъ, что морскія военныя суда обязаны отдавать честь тѣмъ націямъ, военныя суда которыхъ находятся на одномъ рейдѣ, въ одной бухтѣ или гавани. Ночью было 15°R тепла.

6 октября.

По утру, когда мы еще стояли на якорѣ, нашъ „Бобръ" отправился къ берегамъ Кореи. Между нами слухъ прошелъ, что оттуда консулъ телеграфировалъ въ Нагасаки, что корейцы намѣрены провозгласить независимость и что жизнь консуловъ вообще нельзя считать въ эти дни безопасной.

Одно военное судно дѣлаетъ честь другому, стрѣляя изъ своихъ пушекъ. Оглушительный выстрѣлъ, порождая эхо за холмами, сотнею переливовъ раздается по окрестности. За однимъ изъ холмовъ, вблизи города Нагасаки, находится русская слободка, гдѣ можно встрѣтить много и японцевъ, говорящихъ по-русски. У насъ есть здѣсь свой военный лазаретъ. Говорятъ, что находящійся въ дальнемъ плаваніи Великій Князь Александръ Михайловичъ пожертвовалъ сумму на устройство шести коекъ для офицеровъ при этомъ лазаретѣ. Говоря вообще, въ этомъ городѣ можно частенько встрѣтить японца, немного говорящаго по-русски.

Удаляясь на пароходѣ изъ бухты, днемъ можно было полюбоваться живописной мѣстностію, предъ которой меркнетъ не только наша Ялта съ окрестностями, но даже Коломбо, Сингапуръ и Хонгъ-конгъ.

Спустя часъ послѣ отхода изъ Нагасаки поднялась сильная качка, насъ бросало и съ боку на бокъ, и носомъ, и кормой. Я ушелъ въ каюту и завалился въ койку, — единственное спасеніе.

7 октября.

По утру температура была 17°R. Виденъ былъ берегъ Кореи. Бюлленъ дня: G=36° 22′N, L=130° 30′O; отъ Нагасаки пройдено 245 миль; въ 2 часа дня температрра была тоже 17°R.; день былъ пасмурный. Около 2-хъ часовъ дня мы плыли не вдалекѣ отъ одного острова, отъ котораго считается, приблизительно, половина пути и завтра, очевидно, будемъ во Владивостокѣ. Прекрасно, быстро плывемъ. Намъ пособляетъ попутный вѣтеръ; мы раскинули четыре паруса.

Ночью мы проплыли проливъ Крузенштерна и проливъ Корейскій и лишь только выѣхали въ Японское море, какъ волненіе измѣнилось, и нынѣ съ ранняго утра плывемъ спокойно, безъ качки.

Сегодня тоже красили нѣкоторыя части парохода. Подхожу къ матросамъ и спрашиваю: почему это они такъ усердствуютъ? Отвѣчаютъ, что завтра, можетъ быть, встрѣтимъ русскую эскадру, такъ надо подкраситься. И то дѣло...

Отъ Нагасаки до Владивостока считаютъ 643 мили.

8 октября.

При солнечномъ восходѣ, около $6^1/_4$ часовъ, термометръ показывалъ 13^0R. Сильная качка съ уклономъ не менѣе 26 градусовъ. Со столовъ падаютъ разные предметы, неубранные во время. У меня въ каютѣ неубранная солонка съ такою быстротою покатилась, что я, вскочивъ съ койки, едва ее подхватилъ, впрочемъ поплатился ушибомъ: стукнулся лбомъ о верхнюю койку. Двѣ трети пассажировъ оказались больными—у всѣхъ желудочные спазмы съ поносомъ и рвотой. Меня, и еще четверыхъ, слава Богу, эта мучительная болѣзнь миновала. Вотъ, что значитъ быстрая и рѣзкая перемѣна въ воздухѣ. Въ $9^1/_2$ часовъ термометръ показывалъ еще меньше тепла: было только $11^1/_2$R. Ночью, говорятъ, два раза захлестывала вода на палубу.

Бюллетень дня: G=41°00′N, L=131°33′0; суточное плаваніе 282 мили; до Владивостока осталось 131 миля; температура около полудня—прежняя $11^1/_2{}^0$R.

Сегодня былъ въ машинномъ отдѣленіи парохода. На пароходѣ у насъ самая лучшая машина изъ всѣхъ судовъ Добровольнаго Флота, она въ 850 лошадиныхъ силъ. Она вертикальна, въ три этажа: тяжеловѣсна и крѣпка, но занимаетъ не много пространства. При ней — механикъ, два помощника и два практиканта. Шесть громадныхъ печей; съ одной стороны стоятъ 4 кочегара, съ другой пять; дежурятъ по 4 часа; жалованья имъ идетъ отъ 10 до 15 руб. въ мѣсяцъ. При мнѣ было измѣреніе солености воды въ котлахъ, что продѣлывается каждые четыре часа. Въ металлическую кружку черезъ кранъ наливали изъ котла кипятокъ и опускали туда сте-

клянный волчокъ съ дѣленіями. При помощи этого волчка и опредѣляютъ процентное отношеніе солей къ водѣ. Затѣмъ черезъ другой кранъ напускаютъ воду изъ моря и опредѣляютъ процентное отношеніе солей въ данной мѣстности моря. Всѣ наблюденія — манометрическія, термометрическія и другія, какъ вышесказанное, заносятся дежурящимъ механикомъ или его помощниками въ особый журналъ. Впрочемъ, виноватъ, — старшій механикъ рѣдко дежуритъ: онъ бываетъ при машинѣ, когда ее надо остановить или пустить, что на морѣ бываетъ очень рѣдко, только у станцій.

— Это земной адъ, говоритъ мнѣ старшій кочегаръ, показывая уходъ за печьми. Теперь еще сносно, при такомъ теплѣ можно работать, а въ жаркихъ странахъ эта работа едва выносима: всѣ желѣзныя вещи накаливаются до того, что до нихъ дотронуться невозможно и къ печамъ труденъ проходъ...

Около четырехъ часовъ дня мы увидѣли берега родной земли — мысъ Посьета. Температура поднялась еще выше, градусникъ Реомюра показывалъ $15^1/_2$. Въ 10 часовъ вечера мы были во Владивостокѣ. Термометръ R. показывалъ 9^0. Была темная ночь; города не видно, лишь изрѣдка то тамъ, то здѣсь мелькали огоньки фонарей и свѣтились окна; но какой контрастъ съ освѣщеніемъ, полнымъ блеска, въ другихъ городахъ, въ коихъ нашъ пароходъ останавливался прежде, какъ Константинополь, Портъ-Саидъ, Коломбо, Сингатуръ и другіе!... За позднимъ временемъ я остался ночевать на пароходѣ.

9 октября. Во Владивостокѣ.

Около шести часовъ утра я былъ уже на палубѣ, влекомый интересомъ взглянуть на нашъ городъ Владивостокъ. Было 6^0 R. Послѣ роскошной растительности юга, послѣ сформировавшихся, обстроившихся городовъ, полныхъ жизни, движенія, грустно было смотрѣть на нашъ новый городъ, растянувшійся на нѣсколько верстъ по берегу. Глубокая осень осыпала на половину листья деревьевъ, въ небольшомъ количествѣ находящихся по полисадникамъ. Большія пустыя пространства между домами поросли поблекшей уже высокой травой. Зданія въ большинствѣ случаевъ деревян-

ныя, лишь изрѣдка то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ возвышаются красныя кирпичныя зданія въ два, въ три этажа съ причудливой архитектурой; но такихъ зданій мало—десять — пятнадцать не болѣе; если даже считать и военныя казармы и другія казенныя зданія. Маленькая, деревянная церковь, похожая скорѣе на часовню, и небольшая кирка—занимаютъ мѣста по срединѣ города. Лодки конструкціи корейской; походятъ болѣе на корыта, чѣмъ на лодки. Полнѣйшее отсутствіе движенія на берегу, точь въ точь, какъ въ малыхъ уѣздныхъ городахъ Европейской Россіи. Мѣстоположеніе города красиво и напоминаетъ укрѣпленный англійскій городъ въ Китаѣ Хонгъ-конгъ. Вслѣдъ за растянувшимися по берегу зданіями возвышаются высокіе, крутые холмы. Ни каретъ, ни колясокъ на набережной не видно. Но вотъ наступаетъ девятый часъ, городъ начинаетъ пробуждаться; по улицамъ видны чиновники съ кокардами, морскіе офицеры, артиллеристы и др. Засуетилась прислуга—китайцы, показались пошеносы корейцы. Магазины и лавки отперты...

ГЛАВА III.

На дальнемъ востокѣ.

И такъ я во Владивостокѣ, проплывъ въ 44 дня болѣе 20,000 верстъ. Нашъ пароходъ доставилъ своихъ пассажировъ благополучно: мы всѣ здравы, цѣлы, невредимы. Не то было на другомъ пароходѣ, вышедшемъ изъ Одессы дней на 20 ранѣе насъ. Онъ плыветъ на Сахалинъ съ сыльно-каторжными. Мы его догнали во Владивостокѣ. У него было во время пути двадцать смертныхъ случаевъ! И не мудрено... Я не знаю, найдется ли такое лицо, которое, сдѣлавъ кругосвѣтное плаванiе на томъ или другомъ пароходѣ Добровольнаго Флота, осталось бы довольно всецѣло пароходной администрацiей. Я полагаю, что никто, положа руку на сердце, этого не сдѣлаетъ: слишкомъ много прорѣхъ, слишкомъ много грязи. Мнѣ пришлось ѣхать на одномъ изъ лучшихъ пароходовъ, администрацiя его одна изъ лучшей. Но и эти „*чиновники*", выражаясь языкомъ команды, „*слишкомъ мóлоды*". Я никогда не прощу, я возмущенъ, оскорбленъ, обиженъ отношенiемъ администрацiи къ палубнымъ пассажирамъ. Какъ еще Богъ ихъ спасъ отъ заразы! Грязь, вонь, полнѣйшее невниманiе! На пароходахъ царитъ полнѣйшiй произволъ, полнѣйшее отступленiе отъ устава. Администрацiя заботится только о своемъ карманѣ, о своихъ выгодахъ, ставя общество въ условiя необходимости обращаться за субсидiей къ правительству. Да вѣдь за какой субсидiей!

Ни болѣе, ни менѣе, какъ 600,000 руб. ежегодно! Пароходной администраціи вовсе не слѣдуетъ забываться потому только, что у насъ всего шесть коммерческихъ пароходовъ ходятъ въ дальнее плаваніе. Имъ никогда не слѣдуетъ забывать, что получаемое ими жалованье слишкомъ велико для такихъ маленькихъ лицъ, не слѣдуетъ забывать, что, благодаря искреннему, доброму отношенію къ дѣлу, у англичанъ, французовъ, нѣмцевъ уже сотни коммерческихъ пароходовъ! Вы ежедневно приказываете подметать и подмывать подъ скотомъ, подъ телками и дойными коровами, которыхъ везете для собственнаго продовольствія. Отчего же вы не хотите посмотрѣть на палубныхъ пассажировъ, по крайней мѣрѣ, какъ на дойныхъ коровъ? Вѣдь между ними были землевладѣльцы, домовладѣльцы, купцы, промышленники. Отчего вы у нихъ не хотите подметать, подмывать, вычищать даже, извините за откровенность. Посмотрите въ уголъ, гдѣ помѣщаются палубные пассажиры. Вѣдь вы сгноите судно!... Вѣть эти же пассажиры зарекутся ѣздить на вашихъ пароходахъ, да и другимъ закажутъ... Но, однако, довольно о флотѣ.

Я вышелъ на берегъ. За перевозъ съ парохода на берегъ взяли 10 коп. Лодки и мелкія суда корейскаго типа, но съ китайскими парусами, болѣе усовершенствованной системы, чѣмъ европейскіе. У меня было два рекомендательныхъ письма, одно къ секретарю Переселенческаго Управленія, другое къ русскому коммерсанту дальняго востока М. Г. Ш.; къ сожалѣнію, послѣдняго не было въ городѣ, онъ вернется изъ столицы не ранѣе года. Но заходить съ письмами было еще рано. Пользуясь досужимъ временемъ, я отправился вдоль *Свѣтланской* главной улицы по деревяннымъ, дощатымъ тротуарамъ. Улица не мощена камнемъ, она не отличается чистотой, укатанностію, какъ въ другихъ приморскихъ азіатскихъ городахъ, которые мнѣ пришлось посѣтить во время пути. Часто на дворахъ и между зданіями можно было видѣть дико растущую траву, въ родѣ полыни. Городъ пересѣкается нѣсколькими баераками, чрезъ которые переброшены прочные деревянные мосты. На протяженіи не менѣе трехъ верстъ по Свѣтланской улицѣ расположено очень

незначительное число лавокъ и два-три магазина, въ европейскомъ смыслѣ этого слова. По улицѣ ѣздятъ извощики на русскихъ парныхъ пролеткахъ съ верхомъ; цѣна за проѣздъ 40 коп. въ одинъ конецъ и 80 коп. за часъ. Изрѣдка стоящіе фонари освѣщаются ночью лампами, керосиномъ. Возлѣ маленькой деревянной церкви созидается изъ кирпича большой храмъ. Невдалекѣ стоитъ небольшая, деревянная кирка: между моряками и торговцами много нѣмцевъ. Всюду, куда ни посмотришь, снуютъ китайцы въ своихъ характерныхъ костюмахъ. Иногда встрѣчаются китайцы ношеносы. Въ нашемъ городѣ нѣтъ такихъ маленькихъ экипажей, ручныхъ, легкихъ, удобныхъ, о которыхъ я говорилъ прежде. Во Владивостокѣ у ношеноса на спинѣ деревянныя носилки, на которыя и кладется кладь; у насъ, въ европеской Россіи, такія носилки находятся у кирпичниковъ, когда они, созидая зданіе, переносятъ кирпичи. Свѣтланская улица самая ближайшая къ берегу; — набережной, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, во Владивостокѣ нѣтъ. Выше, къ холмамъ, идетъ нѣсколько незначительныхъ переулковъ. Зданіе мужской прогимназіи деревянное, одноэтажное, въ двадцать оконъ на улицу. Въ концѣ города, на берегу, воздвигнуто нѣсколько большихъ друхъэтажныхъ кирпичныхъ казармъ; за ними деревянные бараки для переселенцевъ. За вершиною холма—тоже строенія, заканчивающіяся къ берегу сѣннымъ и дровянымъ базарами. Сѣно продается въ снопахъ, за сотню цѣна стояла въ 1 руб. 80 коп. Сажень дровъ, 5—6 руб. На другой сторонѣ бухты, противъ города, находятся артиллерійскія казармы.

Иду въ Переселенческое управленіе, чтобы познакомиться съ секретаремъ. Небольшой деревянный домъ, въ два окна на улицу, какъ бы вросъ на половину въ землю, но высматриваетъ онъ довольно привѣтливо, выкрашенъ чистенько краской.

— Кто тамъ, окликнули меня, когда я вошелъ въ переднюю и сталъ раздѣваться.

— Могу видѣть господина секретаря, отвѣчаю я.

— Что вамъ угодно, выходя изъ боковой комнаты, заявилъ мужчина.

Я отрекомендовался и былъ приглашенъ въ кабинетъ.

Рабочій кабинетъ служитъ г. секретарю и спальней и вообще квартирой. Это небольшая комната въ одно окно, уставленная вся верстаками, инструментами слесарными, токарными, столярными; масса склянокъ, чертежные инструменты, даже подзорная труба. Въ одномъ уголкѣ стоитъ столикъ-конторка, въ другомъ за ширмами едва находитъ себѣ мѣсто койка. Словомъ комната, увѣшанная по стѣнамъ тоже всевозможными инструментами, представляла изъ себя кабинетъ дѣловаго человѣка, піонера. Г. секретарь преданъ всецѣло своему дѣлу. Онъ радушно меня встрѣтилъ и вскорѣ познакомилъ съ завѣдующимъ Переселенческимъ Управленіемъ. Послѣдній находился въ своемъ кабинетѣ, который также служилъ ему и спальней и вообще квартирой. И этотъ кабинетъ въ одно окно, небольшой. По рединѣ, близъ окна, стоитъ письменый столъ; въ углу койка. Комната, находящаяся между этими кабинетами, служитъ канцеляріею; она тоже небольшая, впрочемъ, вмѣщаетъ четыре большихъ письменныхъ стола, въ ней занимается бухгалтеръ и писецъ. Есть еще въ сторонѣ двѣ маленькія комнаточки, одна для служителя, другая для пріѣзжихъ гостей.

Сообщилъ я о цѣли своего пріѣзда и заявилъ, что мною послана просьба къ генералъ-губернатову о субсидіи для научной экскурсіи.

— Ну, на счетъ чего другаго вы можете разсчитывать, а въ деньгахъ у насъ нужда. Часто случается, что лицъ, командируемыхъ съ административною цѣлію, уговариваютъ не брать прогонныхъ денегъ, а обойтись какъ-нибудь безъ этого расхода. Можете смѣло предполагать, что вамъ въ ходатайствѣ откажутъ. А надолго вы къ намъ пожаловали?

— Да, если удастся пристроиться, такъ погостилъ бы съ годикъ, говорю я. Мнѣ хотѣлось бы устроиться съ квартирой, столомъ, а также кредитомъ до полученія мною изъ Москвы суммы. Не можете ли меня познакомить съ довѣреннымъ Ш., у меня къ послѣднему есть письмо.

— Сдѣлайте одолженіе.

И мы втроемъ всѣ направились въ стоящій рядомъ домъ.

Квартира Переселенческаго Управленія помѣщается въ домѣ Ш.

Меня устроили въ квартирѣ, въ столѣ и въ кредитѣ. Черезъ нѣсколько часовъ мнѣ была доставлена телеграмма отъ пріамурскаго генералъ-губернатора, доставленная во Владивостокъ за нѣсколько дней до моего пріѣзда. Генералъ-губернаторъ телеграфируетъ, что, не имѣя средствъ въ своемъ распоряженіи для удовлетворенія моей просьбы, онъ лишенъ возможности дать мнѣ какое-либо вспомоществованіе. Жаль! Приходится исключительно разсчитывать на свой литературный трудъ. Кстати о деньгахъ. Изъ Одессы выѣхалъ съ капиталомъ, весьма незначительнымъ, въ моемъ кошелькѣ всего было около 35 руб., которые во время пути я почти всѣ израсходовалъ. По пріѣздѣ во Владивостокъ мнѣ нечѣмъ было заплатить за артельный столъ, всего съ меня причиталось около 28 руб. Агентъ Добровольнаго Флота былъ настолько внимателенъ и любезенъ, что уплатилъ во Владивостокѣ за меня въ пароходную кассу причитающуюся сумму въ 28 руб.

Однажды, какъ-то по утру, отворяется дверь моей квартиры и появляется одинъ изъ прибывшихъ вмѣстѣ со мною пассажировъ на послѣднемъ пароходѣ.

— Какъ живете, можете, спрашиваю?

— Разсчитали!!..

— Что?!.

— На пароходѣ разсчитали меня. Теперь имѣю честь представиться—корректоръ мѣстной газеты „*Владивостокъ*“, которому положено по 5 р. сер. въ недѣлю, за каждый нумеръ. Пока на первый разъ и это хорошо, работать приходится только два раза въ недѣлю. А тамъ, поживемъ,—пообглядимся.

— Ну, и слава Богу, а тамъ, дѣйствительно поживемъ,— увидимъ. Гдѣ пристроились на квартирѣ?

— На квартиру приглашать пока не смѣю, она слишкомъ мала, неудобна. По рекомендаціи дали на время въ кредитъ пріютъ, а по мѣрѣ полученія заработка буду уплачивать. Спасибо нашему знакомому пассажиру,—который,

помните, везъ экипажи и сбрую,—онъ мнѣ пособилъ устроиться. Такимъ образомъ дальнее, продолжительное плаваніе не осталось безъ слѣда: я пріобрѣлъ добрыхъ, хорошихъ знакомыхъ.

— Это отрадно... Жизнь въ гостинницахъ здѣсь дорого обходится, въ лучшей изъ нихъ приходится платить по три рубля за помѣщеніе, за номеръ, да рубль стоитъ самый скромный обѣдъ. Впрочемъ, въ самой худшей гостинницѣ можно имѣть маленькій номерокъ рублей за тридцать въ мѣсяцъ, даже со столомъ. Но что это за комнатки, и что это за столъ, представляю судить вамъ?!.. Да и то уступаютъ комнатку за такую плату, при тѣхъ условіяхъ, если ее снять на болѣе продолжительное время. Свободныхъ помѣщеній, квартиръ въ городѣ немного и они очень цѣнны. Ну, какъ на счетъ свободныхъ мѣстъ, заработковъ для интеллигентныхъ силъ? Вы, полагаю, зондировали этотъ вопросъ!

— Мало свободныхъ мѣстъ; обыватели говорятъ, что имъ болѣе нужны руки, мускульный трудъ, чѣмъ голова. Говоря вообще, здѣсь всѣ канцеляріи и конторы переполнены служащимъ людомъ.

— Конечно, все наполнено. Здѣсь мы видимъ не только русскихъ, но и нѣмцевъ, американцевъ и другихъ. Но все же до меня дошелъ слухъ, что здѣсь въ рѣдкость найти трезваго человѣка, котораго, къ счастью, цѣнятъ по достоинству. Прикащики при готовой квартирѣ и столѣ получаютъ не менѣе шести сотъ рублей въ годъ.

— Да, кстати, я обѣщался вамъ разсказать, какъ моряки звѣрски расправлялись со мною въ г. Нагасакахъ, говоритъ гость. Меня администрація парохода не выпускала на берегъ ни въ одномъ изъ предъидущихъ городовъ,—это послѣ того, какъ я высидѣлъ въ карцерѣ за свою неопытность... Прошусь въ Нагакасахъ. Пускаютъ. Отправляюсь на берегъ вмѣстѣ съ другими матросами. Заходимъ въ одинъ японскій домикъ; выпили, разговорились. Двое матросовъ заспорили, завздорили. Я сталъ усовѣщивать болѣе сильнаго, защищая праваго, слабаго.—А тебѣ какое тутъ дѣло, говоритъ сильный? Ты что за судья?— За этимъ матросомъ послѣдовали на меня другіе, упрекая, что я слишкомъ высоко

держусь на пароходѣ, мало ровняюсь съ ними. Наконецъ, одинъ размахивается и бьетъ меня по лицу, даже искры изъ глазъ посыпались, а изъ носа хлынула кровь; другой матросъ сталъ наносить мнѣ ударъ за ударомъ по спинѣ, по бокамъ. Съ большимъ трудомъ я отъ нихъ вырвался и убѣжалъ. Мою шляпу съ меня сбили. Во время побѣга попалась мнѣ на землѣ чья-то старая шляпенка, я ее надѣваю и убѣгаю далѣе и далѣе. Вдругъ чувствую, какъ будто кто меня подъ локти подхватываетъ, поднимаетъ кверху, и я лечу куда-то въ темную пропасть. Одинъ моментъ—и я бултыхъ въ воду... Дна не достаю ногами; выныриваю на поверхность и—о, ужасъ!—я оказываюсь въ узкомъ колодцѣ. Упершись съ одной стороны спиною, съ другой ступнями ногъ въ срубъ колодца, я начинаю взывать къ помощи. Сбѣжался народъ. Бросили мнѣ веревку; я ухватился за нее руками; но едва подняли меня до половины сруба, какъ силы измѣнили мнѣ, веревка выпала изъ рукъ, и я упалъ вновь въ воду. Опустили вторично веревку. Укрѣпившись болѣе твердо, я былъ извлеченъ изъ колодца. Ночевалъ въ японской хатѣ, боясь показаться пароходной администраціи; а на другой день, возвратившись на пароходъ, завалился спать и показался только къ вечеру, въ сумерки,—совѣстно было, глаза были подбиты. Врачъ намазалъ мнѣ бока іодомъ, заявивъ въ шутку, что мало меня побили... Администрація парохода?—да ей какое дѣло до драки на берегу матросовъ, это относится къ мѣстной, туземной полиціи... Вотъ каковы наши моряки—нижніе чины!...

Контора агенства Добровольнаго Флота. Возлѣ оконъ стоятъ письменные столы. Въ задней части конторы наваленъ разный товаръ и багажъ. Работа кипитъ: на рейдѣ стоятъ два парохода флота. Дверь то и дѣло отворяется, въ конторѣ одни посѣтители смѣняютъ другихъ.

— Вотъ городокъ такъ городокъ, подходя ко мнѣ, говоритъ агентъ. Нельзя найти ни въ одномъ магазинѣ точныхъ, вѣрныхъ разновѣсовъ, а жизнь предъявляетъ требованія на точный вѣсъ. — Пишите, обратился агентъ къ бухгалтеру, что

очищенный рисъ для передвиженія морями неудобенъ, онъ окисаетъ.—У меня, обратился агентъ ко мнѣ, иногда спрашиваютъ о цѣнахъ на хлѣбъ; какъ видите—все это пробы, и агентъ указалъ на бумажные свертки, наполненные рисомъ. Въ нашихъ мѣстахъ удѣльнымъ вѣсомъ опредѣляется достоинство хлѣба.

— Ваше благородіе! отворяя двери обращается посѣтитель. Скажите, требуется ли мнѣ брать заграничный паспортъ для слѣдованія отсюда въ Одессу.

— Вы вѣдь будете имѣть предписаніе отъ морскаго министерства и ѣдете на его счетъ; какой же вамъ еще нуженъ паспортъ?

— Я только за этимъ и пришелъ; управленіе приказало спросить. До свиданья!

— Разъясните мнѣ, говорю я, на основаніи чего вы иногда съ пассажира требуете паспортъ заграничный, а иногда нѣтъ?

— Да однажды какъ-то было предписаніе по военному и морскому министерствамъ, разъясняющее, что моряковъ и военныхъ, а также переселенцевъ, стремящихся изъ Россіи въ отдаленный Южно-Уссурійскій край, можно перевозить безъ заграничнаго паспорта по предписаніямъ разныхъ управленій. А по другимъ вѣдомствамъ, хотя бы по духовному, мы требуемъ отъ пассажира, чтобы онъ имѣлъ заграничный паспортъ.

— Ваше благородіе, раздалось вновь. Затворилась дверь за вошедшими двумя рабочими, по лицамъ и костюму коихъ можно было причислить къ служащимъ на пароходахъ,—къ кочегарамъ или угольщикамъ. — Вы уже насъ, пожалуйста, переправьте въ Одессу. Что же намъ здѣсь съ голоду что-ли умирать?

— Зачѣмъ съ голоду умирать! Идите и работайте въ поденьщикахъ. Кто же вамъ велѣлъ оставаться въ Японіи, въ Нагасакахъ? Вѣдь командиръ парохода васъ не отпускалъ тамъ на большой срокъ!

— Ваше благородіе! Извѣстное дѣло, насъ отпустили на время погулять. Мы тамъ немного выпили... ну... загулявшись и прозѣвали пароходъ. Вы уже сдѣлайте божескую милость, примите вновь на пароходъ на службу...

— Ну, хорошо, хорошо. Къ отходу парохода приходите, мы васъ отправимъ.

— Вы намъ положите хотя какое либо жалованье до отхода парохода, а то ѣсть нечего, бѣлье и платье все потаскали, пріюту нѣтъ...

— Э, объ этомъ не разговаривайте. Идите въ поденьщики и заработывайте деньги; сыты и одѣты будете и пріютъ дадутъ вамъ. Съ Богомъ!...

Однажды какъ-то приходитъ ко мнѣ одинъ изъ бывшихъ пассажировъ нашего парохода. Онъ домовладѣлецъ и земледѣлецъ на дальнемъ востокѣ; имѣетъ неподалеку отъ города Владивостока участокъ земли около двухсотъ десятинъ. Закупивъ въ Европейской Россіи вѣялку, машину для очистки риса и проса, токарный станокъ и кое какія еще вещи по сельскому хозяйству, онъ сдалъ ихъ въ Одессѣ въ агенствѣ Добровольнаго Флота для доставки во Владивостокъ, получилъ коносаментъ и сѣлъ на пароходъ самъ, предполагая, что всѣ вещи будутъ отправлены на одномъ и томъ же пароходѣ, вмѣстѣ съ нимъ. И что же? По пріѣздѣ во Владивостокъ, по предъявленіи коносамента, вещей не оказалось. Оставили-ли ихъ по забывчивости въ Одессѣ, потеряли-ли во время пути — неизвѣстно. Потерпѣвшій пассажиръ, понятно, претендуетъ. Агентъ флота проситъ фактуру изъ магазина и говоритъ, что стоимость потерянныхъ вещей будетъ флотомъ уплачена. Утѣшилъ, говоритъ мнѣ пассажиръ! Во-первыхъ я ѣхалъ во Владивостокъ, намѣреваясь приложить къ дѣлу машины, а теперь хоть обратно возвращайся на зиму въ Одессу. Во-вторыхъ хотятъ уплатить по цѣнамъ европейскимъ, тогда какъ я зря проѣздилъ и потеряю съ полгода времени. Впрочемъ, я еще подумаю, можетъ быть ихъ къ суду притяну. — И въ самомъ дѣлѣ мой посетитель черезъ нѣсколько дней отправился обратно въ Одессу.

Сегодня разсказываю про этотъ случай въ обществѣ, гдѣ было человѣкъ двадцать представителей мѣстнаго торговаго міра, администраціи, военныхъ и моряковъ.

— У насъ еще не то бываетъ, — говорятъ мнѣ; — Добро-

вольный Флотъ только нынѣ, къ осени, доставилъ вещи, коносоментъ на которые былъ доставленъ еще въ прошломъ году. Вотъ какая медленность! А вотъ другой примѣръ. Одинъ изъ пароходовъ въ рейсъ прошлаго года доставляетъ во Владивостокъ почту, которую почему то заложили въ трюмо подъ прочій товаръ, кажется, въ третій нижній этажъ. Публика дальняго востока ждать - пождать почты, а ее не могутъ вынуть изъ подъ груза. Снимаютъ одинъ грузъ за другимъ и, наконецъ, на третій день разгрузки доставили почту, и жители Владивостока удовлетворили свое любопытство, коммерческую и иную необходимость... Или—еще примѣръ.—Одинъ изъ чиновниковъ выписываетъ себѣ экипажъ. Ему года два тому назадъ прислали оглобли и колеса, а кузова до настоящаго времени нѣтъ. Такихъ примѣровъ найдется не мало.

Осенью 1887 года былъ утвержденъ уставъ Общества изученія Амурскаго края. До утвержденія его Общество жило и дѣйствовало скромно, тихо съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора. Оно имѣетъ уже музей, находившійся пока, до построенія спеціальнаго зданія, въ одной изъ комнатъ мѣстной прогимназіи. Помѣщеніе для музея слишкомъ мало для собранныхъ коллекцій: многимъ, желающимъ принести въ даръ музею свои вещи, приходилось отказывать. Три шкафа, три витрины, всѣ четыре стѣны комнаты—все переполнено. Многое за отсутствіемъ правильнаго надзора поѣдается молью. Не лишена интереса сельско-хозяйственная коллекція; выставлены образцы древесныхъ породъ, каменнаго угля, желѣзной руды и другихъ металловъ. Въ краѣ много прекрасной бѣлой глины, годной для подѣлокъ посуды. Вотъ песокъ во Владивостокѣ такъ въ рѣдкость, онъ дорогъ, вблизи его нѣтъ. Известковыхъ горъ верстъ за сто отъ города много; известка продается во Владивостокѣ отъ 30—35 к. за пудъ. Изъ царства животнаго особаго вниманія при обозрѣніи музея заслуживаетъ, какъ рѣдкость, зародышъ кита; въ склянкахъ въ спирту много разныхъ змѣй, гадовъ, въ одной изъ склянокъ даже посаженъ цѣликомъ трехпалый перепелъ. Чу-

челъ птицъ, рыбъ и млекопитающихъ пока не было, ихъ не принимали въ музей, опасаясь большаго распространенія моли. Коллекціи чукчи довольно полная: части орудій, одежды, модель лодки, которыя обтягиваются шкурой моржа, а на самихъ чукчи одежда изъ рыбьей шкуры; изъ рыбьей кости разныя издѣлія, игрушки, трубки, шашки. Коллекція изъ Императорской гавани объ орочахъ—прекрасна по всей полнотѣ и разнохарактерности предметовъ. Много собрано въ музеѣ костей, череповъ; между прочимъ кости скелета морской коровы, которая переведена въ нашихъ моряхъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, и кости теперь составляютъ уже рѣдкость.—Музей вообще производитъ хорошее впечатлѣніе и достоенъ посѣщенія всякаго вновь прибывающаго во Владивостокъ лица.

Общество для изученія Амурскаго края имѣетъ уже свою библіотеку, помѣщающуюся при библіотекѣ морскаго клуба. Въ библіотекѣ около тысячи томовъ разныхъ книгъ. Она особенно пополнилась отъ приношенія въ даръ 416 томовъ книгъ 205 разныхъ названій, присланныхъ недавно М. И. Венюковымъ. Библіотека морскаго вѣдомства имѣетъ около десяти большихъ шкафовъ съ книгами и нѣсколько столовъ—съ газетами. Всѣ члены морскаго клуба и Общества имѣютъ право посѣщать библіотекѣ и брать при залогѣ книги на домъ для занятій. Кромѣ этого книгохранилища во Владивостокѣ можно видѣть въ родѣ книжнаго склада въ одномъ изъ магазиновъ, который, впрочемъ, кромѣ учебниковъ, книжекъ для народнаго чтенія фирмы „Посредникъ" и нѣсколько никуда негодныхъ азбукъ—ничего не имѣетъ. Книжки „Посредника" быстро расходятся: при получкѣ ихъ съ почты въ одинъ день было разобрано до 400 экземпляровъ.

Наши переселенцы, которые за немногими исключеніями почти всѣ прибыли изъ Черниговской губерніи, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ полеводствѣ много уступаютъ туземцамъ китайцамъ и корейцамъ, у которыхъ совершеннѣе обработка полей, а наши переселенцы придерживаются своихъ пріемовъ. Почти постоянно, говорятъ, урожай хлѣбовъ у переселенцевъ вдвое хуже, чѣмъ у китайцевъ и корейцевъ. И

при этомъ наши „европейцы“ оказываются большими рутинерами; они не хотятъ допускать, чтобы кто либо въ ихъ селеніи перенималъ хозяйство у туземцевъ. Разсказываютъ, что однажды въ одномъ селеніи было постановлено на сходкѣ, чтобы вытоптать все поле у одной односельчанки, осмѣлившейся обработывать свои поля туземнымъ способомъ.

Переселенческое Управленіе кромѣ долгосрочныхъ ссудъ, maximum въ 400 руб., выдаетъ крестьянамъ—переселенцамъ и ссуды краткосрочныя, въ размѣрѣ неболѣе 300 рублей на каждую семью. Для облегченія участи переселенцевъ, на особый спеціальный капиталъ, устроенъ складъ разныхъ предметовъ, которые могутъ быть пріобрѣтаемы крестьянами за цѣну дѣйствительной стоимости, безъ коммерческаго барыша. Въ складѣ находятся: жернова, инструменты для кузницъ, желѣзо всевозможныхъ сортовъ, топоры, пилы, напилки, долота, рубанки, наверточки, серпы, косы и другіе неграмоздкіе и неподдающіеся порчѣ предметы. Нельзя не порадоваться такой заботливости о хлѣбопашествѣ: во Владивостокѣ цѣны на всевозможные товары стоятъ высокія. Мясо тамъ продается отъ 5 до 6 руб. пудъ; при разновѣскѣ оно обходится до 8 руб. пудъ. Бѣлая мука — около 4 руб. 50 коп. за 50 англійскихъ фунтовъ. Охотничье ружье положительно въ три раза дороже, чѣмъ въ Европейской Россіи.

— Отчего у васъ во Владивостокѣ нѣтъ зданій, построенныхъ исключительно изъ дикаго камня, спрашиваю я у одного изъ жителей города.

— По очень простой причинѣ. Нашъ дикій камень не то, что въ Хонгъ-конгѣ или въ другихъ южныхъ городахъ,—онъ неудобенъ для построекъ, слишкомъ пористъ, собираетъ влагу; на немъ видны буроватые подтеки, когда его употребляютъ въ дѣло. Говоря вообще, нашъ Южно-Уссурійскій край хотя и имѣетъ богатыя сокровища въ нѣдрахъ земли и на ея поверхности, но путь для колонизаціи очень тернистъ. Весной и лѣтомъ до половины августа мошки, комары, слѣпни, шмели, всевозможныя мухи не даютъ спокойно жить и питаться скоту, который отдыхаетъ и очувствуется только осенью. Весною—частые дожди и туманы, въ зиму—холода градусовъ за 30. Нашъ прекрасный портъ

Владивостокъ почти на пять мѣсяцевъ лишается прямого сообщенія съ Одессой на пароходахъ Добровольнаго Флота. Да много и другихъ неудобствъ. Бывали уже случаи возвращенія обратно переселенцевъ—крестьянъ: въ 1884 году возвратилось на родину, разочаровавшись краемъ, 7 семействъ, въ 1885 году—тоже 7 семействъ.

Иногда разочаровываются мѣстностію и ходоки, присылаемые отъ крестьянъ для развѣдокъ.

ГЛАВА IV.

О проявленіи дурнаго, вреднаго хлѣбнаго зерна въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

Пріѣхавъ въ октябрѣ мѣсяцѣ изъ Европейской Россіи въ Южно-Уссурійскій край съ цѣлью предпринять рядъ научныхъ экскурсій по Амурскому краю, черезъ десять дней послѣ морской качки, я уже мчался по грунтовымъ дорогамъ края, предпринявъ поѣздку для обозрѣнія его съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія. Не удивляйтесь тому, что экскурсія по сельскому хозяйству предпринята въ глубокую осень, когда нельзя полюбоваться ни нивами, ни зеленѣющей травой, ни роскошною растительностію древесной: у насъ, у сельскихъ хозяевъ, есть пословица: „цыплятъ по осени считаютъ". Осенью видны результаты посѣвовъ, покоса; осенью видны запашки; въ глубокую осень вы не впадете въ обманъ въ опредѣленіи лѣса, обманчивая блестящая зелень травъ не введетъ васъ также въ обманъ. О результатахъ своихъ наблюденій я и поведу рѣчь. Не удивляйтесь тому, что мнѣ пришла потомъ въ голову мысль прочесть среди моряковъ и лицъ военнаго сословія о состояніи сельскаго хозяйства: послѣднее, удовлетворяя первѣйшимъ потребностямъ человѣка въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ, одинаково важно и интересно безъ различія націй, сословій и положеній *).

*) Публичное чтеніе было во Владивостокѣ, въ Хабаровкѣ, въ Благовѣщенскѣ, въ Читѣ, въ Красноярскѣ и другихъ городахъ Сибири.

Кто изъ васъ, мм. гг., не кушалъ сегодня чая со сливочками и бѣлымъ хлѣбомъ? Кто не имѣлъ завтрака и обѣда съ мясомъ, овощами, съ яйцами и масломъ? Да, полагаю, всякій. Одежда и обувь—тоже продукты сельскаго хозяйства; лѣсъ зданія, въ которомъ мы находимся,—относится къ тому-же; тепло, необходимое въ холодный сезонъ, мы получаемъ въ краѣ отъ древеснаго топлива; хорошіе кони извощика, ямщика могутъ быть только при хорошемъ хозяйствѣ, при хорошемъ уходѣ за ними. Такимъ образомъ, куда мы ни посмотримъ, куда мы ни взглянемъ, вездѣ во всемъ замѣтимъ отпечатокъ условій мѣстнаго сельскаго хозяйства; заморскимъ, иностраннымъ товаромъ не проживешь.

Южно-Уссурійскій край оригиналенъ, какъ въ климатическомъ отношеніи, такъ равно и въ другихъ. Въ глубокую осень тамъ суше, чѣмъ лѣтомъ; двери въ комнатахъ и рамы въ окнахъ свободно затворяется въ осеннее время, тогда какъ лѣтомъ они съ трудомъ могли входить въ условія затвора. Всякій прожившій въ краѣ хоть одно лѣто, хоть одну весну, убѣдился, что платье за періодъ времени не болѣе недѣли покрывается какой-то зеленой плесенью-паутиной, если его не провѣтривать, не чистить ежедневно. Та же оригинальность и въ распредѣленіи тепла, въ температурѣ. Всякій знаетъ изъ учебниковъ географіи и изъ личнаго опыта, что чѣмъ мѣстность южнѣе, тѣмъ она теплѣе. Здѣсь не то. Проѣзжайте отъ Владивостока по почтовому тракту на Раздольный, Никольское, Камень-Рыбаловъ, Турій рогъ. Возмемъ среднюю температуру села Никольскаго и окрестностей. Мы видимъ, что она соотвѣтствуетъ въ Европейской Россіи городу Владиміру. Проѣзжайте отъ села Никольскаго сѣвернѣе, вы въ правѣ предположить, что будетъ тамъ холоднѣе. Оказывается—нѣтъ. Средняя температура Камень-Рыболова, лежащаго сѣвернѣе Никольскаго верстъ на сто, соотвѣтствуетъ городу Козлову, Европейской Россіи, лежащему на 300—400 верстъ южнѣе города Владиміра. По географическому положенію Южно-Уссурійскій край соотвѣтствуетъ приблизительно нашему Крыму, тогда какъ по наивысшей холодной температурѣ приходится приравнять его къ Архангельской губерніи. Холмистая, гористая поверхность; бли-

зость морскихъ береговъ; хорошія рѣки, какъ Суйфунъ, Лэфу, Уссури, Сучанъ, — даютъ право предполагать, что Южно-Уссурійскій край — песчаный край. Оказывается въ дѣйствительности далеко не то. Песчаныя полосы близь рѣкъ и морскаго берега далеко не представляютъ собою широкихъ пространствъ, три—пять верстъ отъ берега подъ чернымъ слоемъ чернозема можно встрѣтить супесокъ. Остальное же громадное пространство подъ легкимъ слоемъ чернозема содержитъ въ себѣ слой красной или сѣрой глины. Въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто проѣзжаетъ только хотя бы по главному тракту, отъ Владивостока къ Камень-Рыболову, не вдаваясь въ стороны. Прорытые канавы, обрывы покажутъ вамъ и пластъ наслоеній, и ихъ размѣры. Высокія травы, въ ростъ человѣка, иногда и выше, какъ бы указываютъ на богатство почвы. Нимало! Пластъ чернозема далеко не великъ, онъ въ большинствѣ случаевъ на поляхъ доходитъ до двухъ — трехъ вершковъ. Дѣвственность, такъ сказать, края и мѣстныя климатическія условія — вотъ причины, почему травы достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. Но при своемъ большомъ ростѣ, онѣ мало вкусны, мало питательны, иногда даже вредны для скота. Въ Европейской Россіи мы воспѣваемъ березыньку, называя ее бѣлой, кудрявой, стройной. Здѣсь вы встрѣтите черную березу, которая, подъ вліяніемъ разныхъ вѣтровъ, не только не стройна, но часто представляетъ изъ себя наклонную корягу, не совсѣмъ удобную для дровъ, не только что для подѣлокъ, для построекъ. Но что оригинальнѣе всего, такъ это явленіе особаго пьянаго, вреднаго, ядовитаго хлѣбнаго зерна пшеницы, ярицы, ячменя и овса. Наши земледѣльцы, казаки, крестьяне и частные землевладѣльцы, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, посѣвами хлѣбовъ, получаютъ иногда зараженное хлѣбное зерно, не всякій, впрочемъ, годъ, но, тѣмъ не менѣе, частенько. Измоловъ зерно въ муку, употребляя пшеничный, яричный и ячменный хлѣбъ въ пищу, крестьяне и казаки подвергаются тошнотѣ, рвотѣ, головокруженіямъ и головнымъ болямъ. Экономическое положеніе этого трудящагося класса, ставитъ ихъ въ необходимость ѣсть такой хлѣбъ до тѣхъ поръ, пока онъ весь не выйдетъ, не будетъ замѣненъ греч-

кой, не смотря на то, что рвота и ненормальное состояніе головы бываетъ у нихъ ежедневно, въ продолженіе мѣсяца или двухъ, вообще пока они не съѣдятъ свою пшеницу и ярицу всю. Животныя: собаки, свиньи, разъ съ ними была однажды или дважды рвота отъ вреднаго хлѣба, отказываются отъ употребленія его, сколько бы дней вы ихъ не морили голодомъ. Такимъ образомъ, мм. гг., не только пѣсни Европейской Россіи не подходятъ подъ мѣстный край, но и пословицы: въ Европѣ часто грязныхъ лицъ, пожирающихъ все и всѣхъ, называютъ свиньями. Здѣсь приходится сказать: свинья стòитъ выше человѣка, она не ѣстъ вреднаго, ядовитаго хлѣба. Вотъ до какой степени своеобразенъ, оригиналенъ Южно-Уссурійскій край.

Поведемъ же рѣчь о вредномъ хлѣбномъ зернѣ. Во Владивостокскомъ музеѣ, принадлежащемъ Обществу изученія Амурскаго края, находится небольшая склянка, наполненная вредной пшеницей. Склянка поставлена въ одинъ изъ предъидущихъ годовъ. Многіе изъ посѣщавшихъ музей по всей вѣроятности видали эту склянку и находящуюся въ ней пшеницу. Встрѣтясь съ мѣстнымъ крестьяниномъ или казакомъ, спросите ихъ о дурномъ хлѣбѣ,—не слыхали ли они чего объ немъ, и вы навѣрно услышите что-нибудь объ этомъ оригинальномъ явленіи края. Проѣзжая почтовымъ трактомъ, задайте вопросъ ямщику: всегда ли кони ѣдятъ овесъ? и онъ отвѣтитъ, что бываютъ времена, когда лошадь не беретъ въ ротъ овса, сколько бы дней вы ее не морили голодомъ. Животныя обладаютъ инстинктомъ и не хотятъ ѣсть того, что вредно.

Командиръ Уссурійскаго полубаталіона, проживающій въ Камень-Рыбаловѣ, заявляетъ, что въ 1886 году у него было нѣсколько признаковъ отравленія хлѣбомъ съ нижними чинами, причемъ онъ созывалъ коммиссію, но врачъ отказался подписать протоколъ, въ виду того, что онъ не можетъ въ точности опредѣлить, отъ чего произошло отравленіе: отъ ядовитаго хлѣба, отъ испорченной рыбы, отъ мѣдной посуды, или отъ другихъ причинъ, хотя больные казаки заявляли—что отъ хлѣба. Интендантскій чиновникъ телеграммою извѣщалъ лично меня въ концѣ октября 1887 года, что въ

Рыбаловскомъ раіонѣ много ядовитаго прошлогодняго хлѣба, и просилъ заявлять крестьянамъ, что если кто либо изъ нихъ позволитъ себѣ подмѣшивать этотъ хлѣбъ къ новому, при продажѣ его въ интендантское вѣдомство, то онъ тѣхъ крестьянъ отдастъ подъ судъ.

Смотритель провіантскаго магазина продалъ крестьянамъ въ с. Ключи 9 мая 1887 года хлѣбъ для посѣва, отъ котораго голова кружилась и была рвота. Его супруга утверждаетъ, что зять ихъ, въ Никольскомъ, офицеръ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ по немногу, утверждаетъ, что выписанныя сѣмена моремъ придаются порчѣ. У А. П. эти сѣмена на огородѣ плохо взошли. Она же заявляла, что иногда и куры болѣютъ, голова кружится у нихъ и умираютъ.

Засѣдатель Хайканскаго участка заявляетъ, что однажды какъ-то, въ 1886 году, онъ былъ въ Григорьевкѣ; желая напиться чаю и закусить, онъ спросилъ хлѣба; ему отвѣчали: „Ваше Высоблагородіе ѣсть не будете“. Почему? спрашиваетъ онъ. „Да отъ хлѣба голова кружится“. Онъ же, заявляетъ, что въ прошлый годъ отъ хлѣба, который былъ взятъ отъ рыболовскаго продовольственнаго магазина, болѣла у него голова и кружилась.

Была коммиссія въ одинъ изъ прошлыхъ годовъ и въ селеніи Никольскомъ. Принималъ въ ней участіе и мѣстный исправникъ. Но коммиссія ни къ чему положительному почему-то не пришла.

Дурной хлѣбъ, вредный, ядовитый родится не только въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, но также и въ сосѣднихъ государствахъ, какъ Японія: интендантскій чиновникъ заявляетъ, что въ одно изъ предъидущихъ лѣтъ было выписано изъ Японіи интендантствомъ до 30 т. пудовъ пшеницы; въ ней много было дурнаго, охмѣляющаго вещества, вызывающаго рвоту. Образцы этого зерна можно видѣть и теперь во Владивостокѣ въ музеѣ.

Приведенныхъ данныхъ совершенно для меня было достаточно, чтобы приступить къ изслѣдованію столь оригинальнаго явленія въ сельскомъ хозяйствѣ Южно-Уссурійскаго края. Съ 20-го октября по 22-е ноября я провелъ время въ научной экскурсіи и проѣзжалъ отъ города Владивостока

на сѣверъ до послѣднято русскаго селенія Турьяго Рога, отъ селенія Вознесеновки, близъ рѣки Лэфы, на западъ до казачьей станицы Полтавки и даже далѣе — на Китайскую территорію. Болѣе чѣмъ въ 20-ти селеніяхъ созывалъ крестьянскіе сходы и опрашивалъ домохозяевъ о сельскомъ хозяйствѣ вообще и о дурномъ, вредномъ хлѣбѣ въ частности. Присутствовалъ на сборищахъ крестьянъ по продажѣ хлѣба, созывавшихся окружнымъ коммисіонеромъ, и могъ видѣть крестьянъ и изъ другихъ селеній, гдѣ лично не удалось побывать мнѣ. И что же? Крестьяне и казаки 21-го селенія заявляютъ или про свои хозяйства, или про хозяйства сосѣднихъ селеній, что въ Южно-Уссурійскомъ краѣ почти ежегодно, то въ одномъ селеніи, то въ другомъ, бываетъ хлѣбъ, отъ употребленія котораго въ пищу люди или дѣлаются бѣшеными (отъ коноплянаго сѣмени), или претерпѣваютъ рвоту съ головной болью и головокруженіемъ въ продолженіе полчаса, часа, двухъ часовъ и даже трехъ сутокъ, причемъ силы физическія ослабѣютъ, наступаетъ опатія къ труду. Всѣ селенія отъ ст. Раздольной до Турьяго-Рога включительно, конечно въ разные годы, имѣли у себя то у однихъ, то у другихъ домохозяевъ дурной, вредный, ядовитый хлѣбъ. Приведу для иллюстраціи нѣсколько примѣровъ.

Все населеніе Южно-Уссурійскаго края состоитъ изъ казачьихъ станицъ и поселковъ, изъ крестьянскихъ селеній старожилъ, изъ вновь созидаемыхъ селеній новоселовъ, изъ корейскихъ селеній и отдѣльныхъ китайскихъ фанзъ.

Крестьяне села Красноярскаго разсказываютъ, что однажды, въ 1877 году, когда у нихъ въ селеніи былъ „потопъ", они ходили ловить рыбу возлѣ Раздольнаго. Уставъ, зашли въ домъ къ Аверьяну Ануфріеву; сѣли закусывать и чай пить. Старушка дома, угощая гостей, принесши прекрасную, чистую, крупную, хорошую пшеницу, показывая ее гостямъ, говоритъ: „посмотрите-ка, какая у насъ хорошая пшеница, заглядѣнье, — а между тѣмъ зерно это съ дурманомъ; человѣкъ, поѣвши хлѣба, покраснѣетъ въ лицѣ, глаза наполняются кровью, на желудкѣ мутитъ, словно пьяный, препьяный дѣлается; собаки и свиньи не ѣдятъ этого хлѣба; утка и гусь ѣдятъ, не разбирая качества хлѣба". Такимъ обра-

зомъ, мм. гг., не подлежитъ сомнѣнію, что наши крестьяне при помощи личнаго опыта и жизни познакомились съ дурнымъ, вреднымъ зерномъ Южно-Усурійскаго края болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Но красноярцамъ пришлось убѣдиться въ дурнотѣ хлѣбнаго зерна и его ядовитости и на своей землѣ. Напримѣръ, въ 1886 г. была у нихъ вредная, ядовитая пшеница, причемъ самый кончикъ зернышка былъ розовый, цвѣтъ „бусовый" какъ бумага, т. е. блѣдный. Опредѣлить дурное зерно по цвѣту можно только въ тотъ же годъ по урожаѣ; на другой годъ полежалую пшеницу опредѣлить нельзя. Ядовитая пшеница въ селеніи Красноярскомъ была и въ 1884 году. Конопляное сѣмя постоянно ядовито. Наѣвшись его, человѣкъ смѣется, лицо наполняется кровью, какъ дурачекъ, какъ сумасшедшій какой дѣлается, причемъ преобладающія черты характера выступаютъ на первый планъ: бабы и дѣвушки поютъ пѣсни и пляшутъ; сильные мужчины лѣзутъ драться, засучивая рукава; дѣтишки плачутъ. Люди лишаются разсудка и живутъ исключительно памятнымъ воображеніемъ, представляя себѣ картины прежней жизни въ Европѣ. Въ 1885 году было много ядовитаго овса; въ селеніи Барабашъ было заказано 4 тысячи пудовъ, но у многихъ овесъ былъ не принятъ, — оказался плохаго качества. Въ 1878 году, на мѣстѣ, гдѣ теперь имѣніе г. Фика, было много ядовитаго овса, отъ котораго лошади отказывались. Запашки были крестьянина Григорія Матвѣева. Напрасно будетъ предполагать, что дурной хлѣбъ родится отъ дурнаго крестьянскаго хозяйства. Когда земля перешла во владѣніе фермера Фика, который ведетъ обработку манзовскимъ способомъ, то и у него въ 1881 году былъ дурной, вредный, ядовитый хлѣбъ: кончики пшеницы, особенно американскихъ сѣмянъ, были розоваты. Это было особенно на сырыхъ мѣстахъ. Хозяйство Фика въ 9 верстахъ отъ главнаго центра края, села Никольскаго. Это селеніе не одинъ годъ, а нѣсколько, подвергалось несчастію урожаевъ вреднаго хлѣба. Между прочимъ въ 1885 году переселенцамъ села ЛЯличи выдали муку, отъ которой крестьянъ рвало. По заявленіи объ этомъ, была дана сторожу булка-хлѣбъ изъ пшеничной муки; у него сдѣлалась дурнота; попробо-

вали другіе—тоже проявленіе рвоты, головной боли и головокруженія. Лялинскіе крестьяне, получивъ вредную муку и убѣдившись въ этомъ, возвратили ее обратно, а Переселенское Управленіе передало ее запродавцамъ. Прежде хлѣбъ былъ доставляемъ кругосвѣтнымъ путемъ, а въ 1885 году за долги денежныхъ ссудъ брали хлѣбомъ. Хлѣбъ сбирали въ уплату долговъ съ никольскихъ крестьянъ. Собрано было до тысячи пудовъ, а раздали обратно до сотни пудовъ. Вредный хлѣбъ въ Никольскомъ былъ въ 1886 году. Никольскіе крестьяне заявляютъ, что горячій хлѣбъ болѣе вреденъ, скорѣе получается дурнота, рвота, головная боль. Къ холодному хлѣбу можно и попривыкнуть, но этотъ холодный хлѣбъ все-таки не имѣетъ такого вкуса. Пробовалъ кр. Рѣмянскій давать хлѣбъ собакѣ, такъ та цѣлый годъ не ѣла этого хлѣба; когда давали супъ, она его ѣла, но до хлѣба не дотрогивалась. Свиньи тоже не ѣли этого хлѣба. Въ 1886 году въ Никольскомъ почти у всѣхъ крестьянъ пшеница и овесъ были ядовиты; крестьянинъ села Глуховки Тимофей Двонинъ заявляетъ, что купленныя его односельчанами пшеница и ярица въ 1886 году, въ селеніи Никольскомъ, были вредныя, ядовитыя. Отъ коноплянаго сѣмени въ селѣ Никольскомъ постоянно является дурнота. Крестьянинъ Шерстяковъ разсказываетъ, что когда онъ наѣлся сѣмя, то у него двое сутокъ голова кружилась,—„будто вся хата кружится“; легъ по утру спать, всю ночь проспалъ и на другой день къ обѣду только всталъ. Затѣмъ поѣхалъ на заимку, т. е. на свой хуторъ, и тамъ еще цѣлый день голова кружилась. Нѣкоторые изъ крестьянъ, наѣвшись коноплянаго сѣмени, ѣздятъ на быкахъ верхомъ и вообще дурачатся по разному.

Дурную пшеницу нѣкоторые изъ никольскихъ крестьянъ иногда отдѣляютъ такъ: они ее промываютъ, наполнивъ кадку водою и насыпавъ въ нее хлѣбныхъ зеренъ. Хорошее зерно падаетъ внизъ, а плохое поднимается вверхъ. Тогда плохое зерно вычерпываютъ изъ кадки, а хорошее разсыпаютъ по печи и сушатъ. Овесъ дурной узнать можно по запаху, онъ отзываетъ горечью. Что же касается коноплянаго сѣмени, то оно, по заявленію никольскихъ крестьянъ, на первый годъ посѣва при привозѣ его изъ Европейской

Россіи, или изъ Забайкалья, даетъ хорошій плодъ, здоровый, а затѣмъ перерождается и становится съ дурманомъ. Г-динъ Фалькенъ, мельникъ въ Никольскомъ мельницы Лингольма, при опредѣленіи качества привозимаго хлѣбнаго зерна беретъ обыкновенно послѣднее между ногтей и колетъ его; если зерно поддается, то оно дурнаго, вреднаго качества, а если нѣтъ,—то оно здорово. Кромѣ того, онъ же узнаетъ качество зерна по его цвѣту: зараженное, вредное зерно блѣдновато, съ красными пятнами, а иногда какъ бы съ наружными грибками.

Крестьянинъ селенія Тереховки, гдѣ 12 домохозяевъ, Д. Иванушко говоритъ, что онъ переселся на казенный счетъ въ 1883 году. Вначалѣ онъ поселился на рѣкѣ Мангугаѣ, въ селѣ Попова Гора, гдѣ было 24 дома. Въ 1884 и въ 1885 годахъ сняли съ полей ярицу, рожь, пшеницу и овесъ. Хлѣбъ получился дурной: ни люди, ни скотъ ѣсть его не могли. Эта мѣстность въ 12 верстахъ отъ бухты и въ 50 верстахъ отъ открытаго моря. Въ 1886 году 12 домовъ вышли съ мѣстности отъ неудобства запашекъ, а 12 семействъ и понынѣ живутъ тамъ, (селеніе Попова-Гора въ 90 верстахъ отъ Никольскаго). Кр. Иванушко, оставивъ Попову Гору, поселился съ 6-ю семействами въ Городешнѣ, а 6 семействъ въ Раковкѣ. Поселились было на лѣвомъ берегу рѣки Сухуна, но потомъ были переведены на правый. На лѣвомъ берегу осталась Городешня, а на правомъ Тереховка. На новомъ мѣстѣ пшеница стала родиться опять на половину плоха, она бѣлаго цвѣта, но безъ запаха съ розовыми пятнами; изъ 12 хозяйствъ въ 4-хъ былъ дурной хлѣбъ. Разъ пять укусишь хлѣбъ и сейчасъ же узнаешь, что, вредный для здоровья хлѣбъ, на животѣ мутитъ, дѣлается умопомраченіе, словно пьяный. Болѣзненное состояніе продолжается недолго—часа три. Въ пшеницѣ больше яду. Поздній посѣвъ порождаетъ болѣзнь, а ранній избавляетъ отъ этого. Посѣвъ былъ на ровномъ мѣстѣ, почва — глинистый черноземъ, четверти на двѣ, но не песчано-черноземная. На прежнемъ мѣстѣ села Попова Гора былъ черноземъ хорошій, по склонамъ горъ, возвышенностей не было. Крестьянинъ Д. Иванушко сѣялъ въ 1886 году 2 пуда ячменя, но и онъ былъ плохъ, ни одно

домашнее животное не ѣло его, даже чушки (свиньи) и тѣ отказывались ѣсть; птицы, впрочемъ клюютъ. Съ 2 пудовъ собрано 15 пудовъ ячменя. По пріѣздѣ изъ Черниговской губерніи на казенный счетъ кр. Иванушко было выдано на постройку дома 92 рубля. Иванушко закупилъ 2-хъ воловъ корейской породы, но они пали. Падежи скота въ Южно-Уссурійскомъ краѣ не рѣдкость. Когда одинъ бычекъ палъ, то было выдано изъ казенныхъ средстъ 72 руб. 82 коп. на покупку вола манджурской породы. Вообще же всѣмъ переселенцамъ выдавали по одной коровѣ русской породы, и нѣкоторыя сельскохозяйственныя орудія—5 косъ, 5 оселковъ, 5 серповъ, 3 топора, плита желѣза на 4 лемеха, пила продольная и поперечная, стали нѣсколько фунтовъ, ½ пуда желѣза прутоваго, листъ желѣзный, колесъ—полный станъ, четыре колеса. Крестьянинъ Иванушко самъ хотя не пробовалъ, но утверждаетъ, что урожай съ хозяйствъ манзовскихъ и корейскихъ бываетъ всегда лучшій. Наши сосѣди, китайцы и корейцы, ведутъ полеводство особымъ огороднымъ способомъ. Конопляное сѣмячко повсемѣстно, у всѣхъ домохозяевъ, ядовито. Урожаи конопли и льна хороши; русская конопля не родится, маленькая выйдетъ и не ростетъ. Разочарованіе крестьянъ мѣстностью полное.

Крестьяне селенія Борисовки, покупая хлѣбъ въ 1885 году мукою съ заимки крестьянъ села Никольскаго, пріобрѣли дурнаго вреднаго хлѣба, отъ котораго люди получали головныя боли, словно отъ угара. Въ Борисовкѣ конопляное сѣмя ядовито, при моей экскурсіи былъ случай бѣшенства. Крестьяне стѣснены, сравнительно съ другими селеніями, округленіемъ земли и по необходимости имѣютъ запашки по низочкамъ, часто покрытымъ дурною влагою съ ржавымъ водорослемъ.

Крестьяне села Глуховки пока еще должнымъ образомъ въ мѣстности не оріентировались; хлѣбъ они пока покупаютъ на сторонѣ. Но тѣмъ не менѣе пробовали сѣять коноплю и убѣдились горькимъ опытомъ, что сѣмячко его ядовито: человѣку голову крутитъ, онъ таращитъ глаза и смѣется.

Крестьяне селенія Покровки подраздѣляются на старожилъ и новоселовъ. Проживаютъ въ мѣстности 8 — 5 лѣтъ, а нѣ-

которые заселились только въ прошломъ году. Пріѣхали новоселы съ моря изъ Владивостока и занесли болѣзнь въ село. Новоселы переболѣли въ Покровкѣ и пошли далѣе въ Михайловку, Черниговку. Хлѣбъ американскихъ сѣмянъ въ 1887 году бросили сѣять. Вообще же подъ мочливый годъ— умолота нѣтъ, а подъ сухой — хорошій умолотъ. Ядовитый хлѣбъ не былъ въ послѣдніе 5—8 лѣтъ, а по сторонамъ бываетъ ядовитый. Покупая хлѣбъ, новоселы обращались къ своимъ русскимъ, или къ корейцамъ. Конопляное сѣмя ядовито въ Покровкѣ. Крестьянинъ Иванъ Чередининъ разсказываетъ, что въ 1886 году онъ наѣлся съ женой и дѣтьми коноплянаго сѣмени. Послѣ этого запрегъ себѣ лошадь и поѣхалъ по дрова въ лѣсъ. Въ моментъ рубки лѣса голова его закружилась, явились представленія прежней жизни изъ Европейской Россіи. Потерявъ сознаніе, онъ сталъ кружиться около дерева, а потомъ возлѣ своей телѣги. Долго онъ кружился около нея, наконецъ, кое какъ взобрался въ телѣгу и легъ, крикнувъ на лошадь, и та безъ управленія, сама, въ силу инстикта, доставила своего добраго хозяина до его хаты. Крестьянинъ взошелъ въ хату. Видитъ: жена стоитъ возлѣ печи и обливается слезами,—она чувствовала болѣзнь, подбѣливая свою печь. Сутки цѣлыя болѣла семья, „сило̀мъ пили чай: выпить чашку чая—казалось за три дня". На другой день голова тоже болѣла. Дѣтей болѣзнь не тронула. Маслобойщикъ селенія Покровки объѣлся конoплянымъ масломъ. Сталъ хлѣбъ макать въ масло и ѣсть, голова закружилась, появилась тошнота, вѣки на глазахъ больно. Цѣлый день и ночь такъ было. Это было весною 1887 года. У крестьянина В. Саусскаго — и самъ и работница нынѣ весной болѣли. Вообще болѣзни отъ конопляного сѣмени по селу много. Сѣмя по цвѣту, по внѣшнему виду двухъ родовъ — рябинькое вредное, синенькое — невредное. Оттого русскіе и не бросаютъ иногда ѣсть конопляного сѣмя.

Канцелярскій служитель, писарь Григорьевскаго общественнаго Правленія, Константинъ Андреевъ Лукьяновъ, на имя мое, какъ члена Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, письменнымъ заявленіемъ отъ 2 ноября 1887 года—доноситъ слѣдующее:

„Относя должность общественнаго писаря при Григорьев„скомъ общественномъ Правленіи, я усмотрѣлъ невозмож„ность употребленія въ пищу хлѣба изъ урожая нынѣшняго „года у крестьянъ Григорьевской волости (подъ хлѣбомъ я „разумѣю пшеницу, ярицу и ячмень) и, желая это довести „до свѣдѣнія высшаго начальства, какъ обстоятельство, вы„ходящее изъ ряда обыкновенныхъ вещей, могу объяснить „слѣдующее: посѣвъ въ нынѣшнемъ году былъ ранній, пашни „расположены около р. „Чехезъ", которые имѣютъ ржавую „почву; на болѣе низменной равнинѣ земля черноземъ, толщи„ною 3—4 верш., далѣе толстый глинистый слой; при большихъ „дождяхъ подъ корнемъ хлѣба бываетъ очень сыро, почему „на корнѣ образуется ржавчина, которая, по мнѣнію моему, „можетъ попадать въ зерно, почему въ таковомъ хлѣбѣ бы„ваетъ броженіе, подобное винному, но болѣе съ злокаче„ственными послѣдствіями; наѣвшись этого хлѣба, бываютъ „слѣдующія дѣйствія (какъ я испыталъ самъ): въ нижней „полости живота дѣлается отягощеніе, сердце начинаетъ со„сать, далѣе головокруженіе и рвота, продолжающаяся не „болѣе 15 — 30 минутъ, затѣмъ желудокъ требуетъ снова „пищи, хотя бы и былъ переполненъ; а потому я еще за„ключаю, что онъ (хлѣбъ) не имѣетъ и питательности. Вред„ность употребленія этого хлѣба я могу заключить изъ слѣ„дующихъ обстоятельствъ: по Уссури были случаи, что ка„заки косили сѣно послѣ потопленія водой, такъ что на „травѣ, которая обсыхала, оставалась ржавчина, и эту траву „они косили на сѣно, употребляли въ пищу лошадямъ, и та„ковыя пропадали. Изъ любопытства мнѣ пришлось вскрыть „одну изъ таковыхъ лошадей (объѣвшейся сказаннаго сѣна), „у которой я разсматривалъ только одно сердце и нашелъ, „что таковое болѣе обыкновеннаго, покрыто какой-то пере„понкой, мѣстами утолщенной, похожей на молодую сосно„вую кору; да и кромѣ предполагаемой мною вредности я „долженъ сказать, что питающіеся этимъ хлѣбомъ какъ-то „отмѣняются безжизненностью и блѣдностью въ лицѣ; кресть„яне полагаютъ, что такой хлѣбъ родится послѣ тумановъ.

„Докладывая объ этомъ, имѣю честь почтительнѣйше про„сить, ваше высокоблагородіе, обстоятельство это объяснить

„гг. членамъ ученаго Комитета. При чемъ нужнымъ считаю „присовокупить, что хлѣбъ этотъ не ѣдятъ даже собаки; за„тѣмъ въ минувшихъ годахъ, когда было менѣе дождей и „болѣе сухо, хлѣбъ былъ хорошій по доброкачественности".

Пріѣхавъ въ Григорьевку, созвавъ полный сходъ я нашелъ слѣдующее: подъ черноземомъ глина, не болѣе четверти до нея; вначалѣ бѣлая глина, а потомъ красная. Въ 1883 г. крестьяне заселились на этой мѣстности. Первые три года были хорошіе хлѣба, „дай Богъ, чтобы постоянно были таковы—вотъ какъ хороши", а послѣдніе два года худые посѣвы, хлѣбъ производилъ боль въ головѣ и рвоту немедленно послѣ потребленія. Собаки и чушки хлѣба не ѣдятъ. Первые три года дождей не было сильныхъ, а послѣдніе года $18^{86}/_{87}$ были сильные дожди. Въ 1887 году были сильные туманы, въ родѣ дыма, даже плохо можно было разсматривать предметы на большое разстояніе. Туманы продолжались три дня. Послѣ нихъ для крестьянъ стало ясно, что хлѣба попортились: убѣдились въ два дня. Та часть колоска, которая обращена была къ солнцу вся пустая, другая — обращенная къ сѣверной сторонѣ удержала зерно. Обращенная къ солнцу сторона колоса была бѣлая, а другая сторона начинала быть желтоватой. По срединѣ колоса были черныя мѣста. Это касается пшеницы, ярицы и ячменя. Антонъ Самуйленко заявляетъ, что прошлый годъ овсы были дурны, а нынѣшній—хороши.

Привожу подворный списокъ въ порядкѣ, принятомъ у крестьянъ, опроса ихъ о числѣ дней рвоты отъ употребленія вреднаго хлѣба *).

№№ по порядку.		Число дней рвоты. 1886 г.	1887 г.
1.	Михаилъ Мартиненко.		
	Хлѣбъ покупалъ въ Никольскомъ. Отъ своего хлѣба въ октябрѣ мѣсяцѣ жену и 3-хъ дѣтей рвало	—	1
	Бросили хлѣбъ, гречей питались. Сѣялъ пшеницу на скатѣ.		
2.	Прокофій Самуйленко.		
	1886 годъ въ декабрѣ мѣсяцѣ всѣ дни семью отъ пшеничнаго и ячменнаго хлѣба рвало	30	—
	Всѣхъ въ семьѣ 5 человѣкъ. Къ Рождеству купили хлѣба въ Никольскомъ и греча была—помололи. Скотъ на хлѣбъ попродали. Хлѣбъ сѣялъ по скату и въ низочкѣ. 1887 г. рветъ.	—	30
3.	Григорій Тарасенко.		
	Попробовали прошлый годъ пшеницу—плоха, гречиху всю зиму ѣли; въ рабочее время купилъ въ Никольскомъ хлѣба.		
	1887 года отъ яричнаго хлѣба рветъ .	—	30
4.	Семенъ Усенокъ.		
	1886 г. 6 душъ рвало отъ пшеницы и ячменя	10	—
	Греча была и ѣли ее.		
	1887 г. отъ пшеницы рвало	—	30
	За обѣдомъ дѣти не ѣдятъ хлѣба, мало		

*) По всей Сибири принято во время завтрака употреблять только теплый хлѣбъ съ кипяткомъ кирпичнаго чая. Рвота происходитъ только во время завтрака; въ обѣдъ и ужинъ, при употребленіи мяса, овощей, картофеля,—отъ хлѣба рвоты не получается.

№№ по порядку.		Число дней рвоты. 1886 г.	1887 г.
	ѣдятъ и за ужиномъ, а послѣ завтрака ежедневно рветъ. Сѣяли по скату.		
5.	Ларіонъ Ляхъ.		
	1886 г. 7 душъ рвало отъ пшеницы .	30	—
	Отъ ярицы только голова болѣла не рвало. Греча была.		
	1887 г. рветъ.	—	60
	Чай съ хлѣбомъ совсѣмъ нельзя пить, сейчасъ же будетъ рвать.		
6.	Анофрій Антонченко.		
	1886 г. 4 души рвало	60	—
	Питались картофелью и гречей.		
	1887 г. отъ ярицы, пшеницы и ячменя рветъ	—	60
	Сѣмена казенныя изъ Никольскаго, часть своихъ, часть изъ Благодатной.		
7.	Антонъ Самуйленко.		
	1886 г. 5 душъ отъ ячменя и пшеницы рвало	30	—
	1887 года ярица ломаетъ голову, за сердце тянетъ, но не рвало еще.		
8.	Борисъ Самуйленко.		
	1886 г. 4 души отъ пшеницы рвало .	6	—
	1887 г. отъ яричнаго хлѣба рветъ. .	—	30
	За завтракомъ рветъ.		
9.	Иванъ Живецъ.		
	1886 г. 2 души отъ пшеницы, ярицы и ячменя рвало	7	—
	1887 г. отъ ярицы и пшеницы рветъ.	—	14
10.	Андрей Клехъ.		
	1886 г. 4 души отъ пшеницы, ярицы и ячменя рвало	10	—
	1887 г. отъ пшеницы, ярицы и ячменя рветъ	—	14

№№ по порядку.		Число дней рвоты. 1886 г.	1887 г.
11.	Сельскій староста Григорій.		
	1886 г. 5 душъ отъ пшеницы, ярицы и ячменя рвало	60	—
	1887 г. нынѣ 4 десятины хорошаго хлѣба, и собака ѣстъ; 1 десятина ярицы плоха. Одинаковыя условія при посѣвѣ.		
12.	Иванъ Янченко.		
	1886 г. 8 душъ рвало отъ пшеницы и ярицы	60	—
	Сталъ мѣшать пшеницу и ярицу съ гречей, рвоты не было, но хватило ее до марта мѣсяца, затѣмъ рвота была отъ хлѣба; 2-хъ дѣтей хлопцевъ заложилъ въ работники, а для маленькихъ вола продалъ, да попитòвалъ, и то нельзя.		
	1887 г. отъ пшеницы и ярицы, пока греча поспѣла, рвало	—	60
	Мужикъ истощенный—53 лѣтъ.		
13.	Потапъ Шелуха.		
	1886 г. 6 душъ. Ѣли гречиху.		
	1887 г. голова болитъ, но не рвало—только послѣ обѣда полежать позывало.		
14.	Василій Антонченко.		
	1886 г. 3 души отъ пшеницы и ярицы рвало	30	—
	1887 г. рвало.	—	60
	Недѣли двѣ гречиху ѣдятъ.		
15.	Данило Заяцъ.		
	1886 г. 2 души. Отъ пшеницы только голова болѣла.		
	1887 г. отъ пшеницы голова болитъ, да въ родѣ мѣшка тѣло обвисаетъ.		

№№ по порядку.		Число дней рвоты. 1886 г.	1887 г.
16.	Дмитрій Яринин.		
	1887 г. 4 души отъ пшеницы и ярицы рветъ	—	14
17.	Деамидъ Лацинъ.		
	1887 г. 2 души. Отъ пшеницы и ярицы рветъ жену, а самъ выдерживаетъ, по двору ходитъ. Сѣмена мѣстныя.	—	14
18.	Сидоръ Зайченко.		
	1887 г. 8 душъ. Отъ пшеницы и ячменя рветъ, маленькихъ рветъ, а у большихъ голова болитъ	—	45
19.	Михаилъ Живецъ.		
	1886 г. 7 душъ рвало отъ пшеницы.	14	—
	Ѣли гречу и картофель.		
	1887 г. отъ ячменнаго хлѣба рвало .	—	14
	1887 г. отъ яричнаго хлѣба рветъ. .	—	30
	1887 г. отъ пшеницы только тошнитъ.		
20.	Максимъ Дрань.		
	1886 г. 6 душъ отъ ярицы, пшеницы и ячменя рвало . . . . отъ	90 до 120	—
	1887 г. рветъ отъ ярицы, пшеницы и ячменя.	—	60
	Разно сѣяли, и по скату, и по низочку.		
21.	Григорій Дроздъ.		
	1886 г. 8 душъ отъ пшеницы и ярицы рвало	60	—
	1887 г. отъ пшеницы, ярицы и ячменя рвало	—	30
	Употребляютъ картофель и капусту.		
22.	Тимофей Крутовъ.		
	1886 г. 4 души рвало отъ пшеницы и ярицы	30	—
	Была и греча.		
	1887 г. отъ пшеницы и ярицы тошнитъ, но рвоты не было; голова болитъ.		

№№ по порядку.		Число дней рвоты. 1886 г.	1887 г.
23.	Кириллъ Дыба.		
	1886 г. пшеницу не пробовали, а ѣли гречу.		
	1887 г. отъ ярицы и пшеницы голова болитъ и рветъ.		
24.	Марко Крутовъ.		
	1886 г. 5 душъ отъ пшеницы и ярицы рвало.	30	—
	1887 г. отъ пшеницы и ярицы мальчика рветъ.	—	6
25.	Евграфъ Лебедь.		
	1887 г. 2 души. Жену отъ пшеницы и ярицы рветъ, а у самого голова болитъ.	—	60
	На печкѣ сушу, мою въ водѣ въ кадушкѣ, дурная наверхъ всплываетъ. Опять сушу на печи хорошій хлѣбъ, и толчемъ въ ступкѣ; дурная истолкется, а хорошая остается; везу на мельницу, хлѣбъ бываетъ хорошій. Но это можно дѣлать при маленькомъ семействѣ. Немножко тогда тошнитъ.		
26.	Семенъ Антонченко.		
	1886 г. 6 душъ рвало отъ пшеницы, ярицы и ячменя	10	—
	1887 г. голову крутитъ, но не рветъ.		
27.	Емельянъ Таръ.		
	1886 г. 5 душъ отъ пшеницы, ярицы и ячменя рвало.	30	—
	Ячмень хотя и ободрали, но ѣсть нельзя было, пока гречи не дождались.		
	1887 г. отъ пшеницы рветъ дѣвочку.	—	60
	У самого около сердца заболитъ.		

№№ по порядку.		Число дней рвоты. 1886 г.	1887 г.
28.	Ѳедоръ Грица.		
	1886 г. 6 душъ рвало	7	—
	Ячмень былъ дурной, была греча, а пшеницу оставилъ на сѣмена.		
	1887 г. маленькихъ рветъ, и собака не ѣстъ.		
29.	Яковъ Барабашъ.		
	1886 г. 9 душъ. Чужой хлѣбъ былъ.		
	1887 г. голова болитъ, а дѣвочку 13 лѣтъ рвало.	—	60
30.	Емельянъ Мелонинъ.		
	1886 г. 7 душъ рвало отъ пшеницы.	60	—
	1887 г. отъ пшеницы, ярицы и ячменя рветъ	—	60
31.	Михаилъ Зенчикъ.		
	1887 г. 6 душъ отъ пшеницы, ярицы и ячменя рветъ.	—	60
32.	Василій Третъ.		
	1886 г. 3 души. Была греча.		
	1887 г. голова болитъ отъ пшеницы, но не рветъ.		
33.	Ѳедулій Ральченко.		
	1887 г. 2 души рветъ отъ ярицы, пшеницы и ячменя.	—	30
	Смѣсь съ гречкой на половину не рветъ.		
34.	Андрей Коловъ.		
	1887 г. 4 души рветъ отъ ярицы, пшеницы и ячменя	—	30
35.	Гордѣй Емаковъ.		
	1886 г. 8 душъ. Греча была.		
	1887 г. рветъ отъ пшеницы, ярицы и ячменя.	—	60
36.	Яковъ Васильевъ.		
	1887 г. 5 душъ рветъ отъ ярицы, пшеницы и ячменя.	—	30

№№ по порядку.		Число дней рвоты. 1886 г.	1887 г.
37.	Прокофій Чалый.		
	1887 г. 6 душъ рветъ отъ пшеницы.	—	60
38.	Петръ Ярышенко.		
	1887 г. 4 души рветъ отъ пшеницы и ярицы	—	60
39.	Захаръ Кравецъ.		
	1887 г. 2 души рветъ отъ пшеницы и ярицы	—	30
	У мужа постоянно шумъ въ головѣ.		
40.	Степанъ Ходько.		
	1887 г. 6 душъ рветъ отъ пшеницы, ярицы и ячменя	—	60
41.	Ѳедотъ Ющенко.		
	1887 г. 4 души рветъ отъ пшеницы и ярицы	—	60
42.	Игнатъ Каляда.		
	1887 г. 10 душъ рветъ отъ пшеницы, ярицы и ячменя	—	60
43.	Евтихій Клехъ.		
	1886 г. 4 души рвало отъ пшеницы и ячменя.	30	—
	1887 г. отъ пшеницы, ярицы и ячменя.	—	мало рвало.

Домохозяевъ новоселовъ я не привожу, они имѣли небольшія запашки.

Овсы прошлый годъ были таковы, что лошади не ѣли: по $1^1/_2$ сутокъ лошадей нарочно морили, и то не ѣли. Послѣ святаго причастія великимъ постомъ однажды, разсказываютъ на станціи Утесной, близъ Григорьевой, мы стали ѣсть буду, кашу съ конопляным масломъ. Съ нами сдѣлалось дурно, всѣ хохотали, сами того не зная надъ чѣмъ.

Вліяніе какъ ядовитой пшеницы, такъ равно и ярицы на взрослыхъ и на дѣтей одинаково вредно. Свиньи и собаки хлѣбъ изъ пшеницы, ярицы и ячменя не ѣдятъ. Изъ всѣхъ

63 домохозяевъ, можетъ быть, только три двора найдется такихъ, у которыхъ нѣтъ дурнаго хлѣба. Крестьяне поставлены экономической необходимостью ѣсть такой хлѣбъ.

Григорьевка не единственное селеніе, которое имѣло въ 1887 году дурной, вредный хлѣбъ. Таковымъ является еще селеніе Новожатское въ 32 двора. Это молодое, новое селеніе. Переселенцы переведены изъ Черниговской губерніи, прибыли на мѣсто въ 1885 году за трое сутокъ до Петрова дня. Прошлый 1886 годъ посѣвовъ было мало, почти что одна гречка. Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ почти повсемѣстно на землѣ новой, непаханой, по залежамъ, въ первый годъ сѣютъ гречку, которая даетъ хорошій урожай. Въ 1887 году хлѣбъ: пшеница, ярица и ячмень, едва не у всѣхъ домохозяевъ, вреденъ, ядовитъ. Исключеніе составляютъ немногіе домохозяева. Я не буду утомлять вниманіе ваше подворнымъ спискомъ съ вычисленіемъ количества дней рвоты отъ употребляемаго въ пищу хлѣба. Дни остаются тѣ же, что и въ селеніи Григорьевскомъ: крестьяне ѣдятъ хлѣбъ дурной до тѣхъ поръ, пока не обмолотятъ гречки. Тогда они пшеничную и яричную муку замѣняетъ гречневой. Приведу исключенія, у кого изъ 32 домохозяевъ былъ хлѣбъ хорошій, недурнаго качества. Этихъ исключеній немного, но они характерны.

1) Крестьянинъ Тимофей Артемьевъ, посѣявъ въ 1887 году купленную имъ ярицу въ Никольскомъ, получилъ урожай вреднаго ядовитаго хлѣба. А другой братъ его, живущій отдѣльно, староста селенія Новожатки, взявъ сѣмена изъ Григорьевки, посѣялъ въ одинъ день и часъ съ братомъ Тимофеемъ Артемьевымъ на сумежномъ полѣ и получилъ урожай хорошей, здоровой ярицы. За двое сутокъ до Ильина дня былъ туманъ и дождь. У обоихъ черноземный слой былъ въ четверть, а далѣе глина. Оба одинаково сѣяли послѣ гречи, т. е. по новой землѣ.

2) У Архипа Баранова была ярица хорошая. Сѣмена бралъ у казаковъ въ казачьемъ поселкѣ Нестеровкѣ. Но тѣ же сѣмена, посѣянныя Григорьемъ Барановымъ, дали въ результатѣ ядовитую ярицу. Григорій Барановъ ярицу сѣялъ послѣ гречи, вспахавъ землю весною, а

Архипъ сѣялъ прямо подъ борону, не вспахивая послѣ гречи. У Архипа Баранова посѣвъ по склону горы, обращенной на востокъ, а у другаго—на юго-западъ. У Архипа двѣ полосы: пораньше засѣянная дала (посѣвъ 2 мѣры) хорошій хлѣбъ, а другая по позднѣе засѣянная, на одинъ день по позднѣе, дала дурной хлѣбъ.

3) Пшеница въ 3-хъ дворахъ сносная: Тимофей Архиповъ бралъ сѣмена въ Никольскомъ; Григорій и Архипъ Босовы—въ Борисовкѣ. Другіе крестьяне, у которыхъ пшеница родилась дурная, вредная, вызывающая рвоту и головную боль съ другими вредными послѣдствіями, брали сѣмена въ Нестеровкѣ, въ Благодатной, Григорьевкѣ, Борисовкѣ и въ Барановкѣ.

Запашки производятся по склонамъ небольшихъ холмовъ (мѣстное названіе которыхъ—сопки). По разспросѣ домохозяевъ о ихъ поляхъ — направленіе солнечныхъ лучей на склонъ сопки не имѣетъ значенія, будетъ ли склонъ къ югу, западу, востоку или сѣверу. 1887 годъ соломой хлѣбъ рослый, а зерномъ плохъ. Ячмень въ Новожаткѣ уродился плохъ, вреденъ. 4 двора имѣютъ хорошій ячмень. Скажемъ и про эти исключенія.

4) Самуилъ Палусмакъ имѣетъ ячмень хорошій; посѣвъ былъ на полѣ, несумежномъ съ пашней вредной, дурной пшеницы и на версту отъ ярицы. Сѣмена ячменя взяты изъ Барановки. Въ четвергъ передъ Пасхой посѣяли пшеницу, а въ субботу на страстной недѣли посѣяли ячмень.

5) Григорій Борисовъ имѣетъ ячмень хорошій. У него на одной десятинѣ и ярица, и пшеница и ячмень. Ярица дурна, вредна, а пшеница и ячмень хороши. Сѣмена ячменя и пшеницы были взяты въ Борисовкѣ, а сѣмена ярицы въ сел. Нестеровой.

6) Абрамъ Самохваловъ ячмень имѣетъ хорошій. Поле посѣва ячменя сумежно съ ядовитой пшеницей. Сѣмена ячменя — изъ Нестеровой, а сѣмена пшеницы были взяты изъ Григорьевки, отъ григорьевскаго посѣва, для котораго были получены изъ казны.

7) Улита Самохвалова имѣла ярицу и ячмень хоро-

шіе. Сѣмена ярицы взяты въ Барановкѣ, а ячменя—въ Григорьевкѣ. У ней поля по склону сопки на востокъ. Около ея посѣвовъ три домохозяина, на сумежныхъ поляхъ, имѣютъ плохіе урожаи. Андрей Палусмаковъ бралъ сѣмена ярицы въ Нестеровѣ, сѣмена ячменя—въ Богословкѣ; Ульянъ Рѣшетовъ яричныя сѣмена бралъ въ Нестеровѣ; сѣмена ячменя — тоже; Петръ Лопуло сѣмена ярицы и ячменя бралъ въ Нестеровой. У Улиты Самохваловой отъ пшеничныхъ хлѣбовъ не происходитъ рвота ни у нея, ни у взрослыхъ двухъ женщинъ, ни у 3-хъ дѣтей, а сосѣди ея—по полянъ и по двору—заявляютъ, что ихъ хлѣбъ производитъ рвоту, головокруженія и головныя боли.

Женщины заявляютъ, что огороды въ одинъ день съѣдаетъ туманъ. Бываютъ въ мѣстности росы, желтыя по цвѣту. Рано по утру пойдешь за скотиной, и узнаешь, что роса желтая, — она осѣдаетъ на платьѣ, на рубахахъ, на передникахъ женщинъ и на штанахъ мужчинъ.

Кромѣ Григорьевки, Новожатково, есть еще два селенія, гдѣ въ 1887 году урожаи дали вредный, ядовитый хлѣбъ. Эти селенія — Новоселище, что въ 20 приблизительно верстахъ отъ Камень-Рыбалова, и Павловка Григорьевскаго Общества,—что за селомъ Никольскимъ. Земля крестьянъ Новоселища далеко не тучна черноземомъ. Пластъ его около 2-хъ вершковъ. Подъ этимъ чернымъ пластомъ лежитъ сѣрая глина. Песку подъ черноземомъ нѣтъ нигдѣ: крестьяне дѣлали поиски верстъ за 15 — вездѣ глина. Отъ хлѣба голова кружится; „наклонился, такъ и жить нельзя; поѣдешь въ лѣсъ, такъ Богъ знаетъ, что мерещится". У крестьянина Пузова хлѣбъ такой, что не ѣдятъ. То же самое и въ селѣ Павловкѣ.

Селеніе Воздвиженка прошлый годъ имѣла овесъ такой, что лошади не ѣли. Купленный въ Никольскомъ Дубинискимъ ямщикомъ овесъ лошади мало ѣли: обыкновенно на тройку лошадей даютъ пудъ овса и онѣ съѣдаютъ его; а тутъ давали по 10 фунтовъ — и лошади мало ѣли его, едва дотрогиваясь.

Въ казачьемъ поселкѣ Благодатная былъ дурной, ядовитый

хлѣбъ еще въ 1881 году, и съ тѣхъ поръ онъ не однажды родился у нѣкоторыхъ домохозяевъ. Экономическая необходимость заставляетъ иногда казаковъ скрывать правду и они не охотно говорятъ о дурномъ хлѣбѣ своихъ посѣвовъ, сбывая неудобные къ употребленію хлѣба крестьянамъ новоселамъ. Забавный случай былъ, напримѣръ, въ казачьей станицѣ Платоново-Александровской. Проѣзжая изъ Камень-Рыболова въ Турій-Рогъ, я во время смѣны лошадей остановился у мѣстнаго атамана. Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, предложенныхъ мною, конечно, былъ о томъ—каковы у нихъ хлѣба, и не родится ли иногда хлѣбъ у нихъ съ дурманомъ. „О, нѣтъ, отвѣчаетъ мнѣ атаманъ, у насъ, слава Богу, хлѣба постоянно хороши. У насъ не то, что у крестьянъ, военная дисциплина и казаки развитѣе мужиковъ, всегда аккуратны и хлѣбовъ съ дурманомъ, вредныхъ не бываетъ. „Прекрасно, думаю. Ѣду изъ станицы, разспрашиваю извозчика о томъ, о семъ и, между прочимъ, задаю вопросъ о дурномъ, вредномъ хлѣбѣ, разсказавъ ему предварительно о рвотѣ и головокруженіяхъ по другимъ селеніятъ. Ямщикъ-казакъ былъ словоохотенъ, разсказалъ мнѣ, что и у нихъ въ станицѣ Платоново-Александровской прошлый 1886 годъ было два случая, у двухъ домохозяевъ, гдѣ хлѣбъ нельзя было одобрить. На обратномъ пути изъ Турьяго-Рога я опять заѣзжаю къ атаману и прошу пригласить казаковъ, на которыхъ мнѣ указалъ извозчикъ. Являются. Для чего вы обманываете, говорю я имъ, своего атамана? Для чего скрываете отъ него, что у васъ прошлый годъ былъ дурной хлѣбъ? Чрезъ это вы ставите его въ условія очень нехорошія: онъ самъ обманываетъ, заявляя, что въ станицѣ никогда дурныхъ хлѣбовъ не было. Казаки сознались и разсказали мнѣ все относящееся до ихъ сельскаго хозяйства за 1886 годъ.

Казакъ Михаилъ Пичуевъ говоритъ слѣдующее: послѣ раздѣла посѣялъ пшеницу $1/2$ десятины вмѣстѣ съ овощами около Николина дня. Пашня весенняя, одинъ разъ пахали сохой. Сѣмена взяты у казака родственника 4 пуда; они получены съ его пашни, гдѣ хлѣба были хорошіе. Сжали пшеницу попозднѣе другихъ. На мельницѣ у Калугина мололи. Пекли хлѣбы; получались бѣлые, хорошіе на видъ. Поѣлъ я ихъ;

поѣхалъ въ лѣсъ по дрова; стало трясти, силы ослабли, тошнить стало, голова кружилась и въ глазахъ стало темнѣть и темнѣть. Пока рубилъ, ѣхалъ и когда проголодался, то лучше стало. Вначалѣ не могъ и подумать на хлѣбъ, но продалъ Маккавѣеву 1 пудъ. Тотъ, старикъ то, испекъ хлѣбы и самъ и старуха имѣли тошноту и рвоту. Самъ Пичуевъ прежде сушилъ хлъбъ на печкѣ, въ ступѣ деревянной истолокъ, чешую спустили и худое зерно истолклось, а лучшее осталось и было отвезено на мельницу. Хлѣбъ получился бѣлый и тошноты не давалъ, а Маккавѣевъ этого не дѣлалъ, хлѣбъ черный получился и была рвота отъ него. Хозяйка Пичуева и дѣтки мало чувствовали болѣзни. Послѣ заявленія Маккавѣева о дурнотѣ хлѣба, стали печь на молокѣ хлѣбы—лучше было, только маленькая тошнота. На сѣнокосѣ были сухари изъ того же хлѣба, только однажды сорвало отъ нихъ; въ другіе разы было немного тошновато. Охвостье, худой хлѣбъ, давали чушкамъ и тѣ не ѣли его, не смотря на то, что въ немъ много было зеренъ овса. Посѣвъ былъ возлѣ рѣчки Грязнухи въ 200 саженяхъ, по ровному мѣсту. Чернозема четверти полторы, а далѣе глина. Пахали на тройкѣ лошадей сохой. Боронъ: одна желѣзная и двѣ деревянныхъ. Посѣвъ—въ разбросъ. Послѣ посѣва были травы пырей и рѣдко полынь. Когда колосился и цвѣлъ хлѣбъ, были на покосѣ и ничего не усмотрѣли. На мельницу всего возили три куля, ядовитой пшеницы было немного. Земля старая, распаханная еще крестьянами; посѣвы были разные. Возлѣ были посѣвы пшеницы другихъ хозяевъ, но тѣ были хороши. Что пшеница была ядовита, такъ это доказывается помимо пробы хозяевъ, еще и тѣмъ, что чушки не ѣдятъ такой пшеницы, а если рядомъ насыпать овса или гречи, то чушки этотъ хлѣбъ ѣдятъ. Въ другіе годы чушки хорошо ѣдятъ пшеницу.

Услышавъ мои разспросы, жена атамана заявила мнѣ: а у меня только сейчасъ была одна казачка, которую рветъ отъ хлѣба уже третій день. Отпустивъ казаковъ, я пригласилъ больную казачку, Акулину Матвѣеву, которая разсказала, что 31-е октября она заняла булку-хлѣбъ въ семьѣ своихъ родныхъ Соловьевыхъ: Въ полдень сѣли съ дѣтьми (мальчикомъ 3-хъ лѣтъ, дѣвочкой 5 лѣтъ) за чай съ хлѣбомъ. Дѣтей

стало рвать, весь полъ изблевали. Пришла сосѣдка Афимья Мурзина, пришла съ дочкой 6-ти лѣтъ. Стали пить чай съ хлѣбомъ. Дѣвочку сорвало. Гостьи ушли домой. Дѣвочкѣ дома стало дурно, чаемъ ее попоили, стало полегче. Хозяйка же Матвѣева, поѣвши хлѣба, заболѣла, ее стало рвать, въ глазахъ сдѣлалось темно, тѣло ослабѣло. Проболѣла весь день; на другой и третій день рвало отъ одного представленія (женщина беременна). На первый день болѣзни вечеромъ бросили хлѣбъ собакѣ; та поѣла и ее стало рвать. У Соловьева сестра мужа Акулины Матвѣевой говоритъ, что въ ихъ семьѣ рветъ отъ этого хлѣба. Дѣти Акулины Матвѣевой 31 октября посинѣли, подъ глазами у нихъ сдѣлалось сине, ослабли. По утру на другой день они встали здоровешеньки.

Призываю казака Анисима Михайлова Соловьева. — Онъ разсказалъ слѣдующее. Посѣвы на ровномъ мѣстѣ, въ 5 верстахъ отъ о. Ханка, 2 десятины. Сѣмена домашнія. Лѣтъ пять какъ земля разработана. Подъ черноземомъ на четверть—земля поглинистѣе. Пшеницу до Пасхи за недѣлю сѣяли, и десятину послѣ Пасхи, т. е. послѣ 5 апрѣля. Пашня весенняя, плугъ въ 4 вола, бороны желѣзныя. Трава „стародубъ“ въ родѣ полыни и другая „дудкой“ растетъ, широколистая. Были дожди во время колосенья и цвѣтенія, были и туманы, отъ которыхъ, кажется, и получился плохой хлѣбъ. Тумановъ морскихъ было за лѣто штукъ десять. Было марево, въ родѣ дыму. Жали пшеницу вмѣстѣ съ другими домохозяевами, съ Ильина дня. Поставили въ сусноны по 10 сноповъ. Сохранно ставили сусноны. Молотили на своемъ току въ селѣ. Токъ чистый, пріемъ цѣпами. Съ тока въ мѣшки ссыпали, сушили на печи—и на мельницу. Съ 1 сентября, смололи 30 пуд. пшеницы, стали употреблять въ пищу. Рвота появилась какъ у казака, такъ у его жены и у его двухъ дочерей; старикъ же (отецъ казака) выноситъ, у него рвоты не бываетъ. Во время помола подмѣнить пшеницу нельзя было, хозяинъ самъ ухаживаетъ за нею.

Въ селеніяхъ: Нестеровкѣ, Жариковѣ, Троицкомъ, Ильинкѣ, Турьемъ-Рогѣ, Дубининскомъ, на Сундугаѣ бывали часто дурные хлѣба, негодные и вредные къ употребленію. Эти дур-

ные хлѣба были не только въ былые годы; нѣтъ, ихъ можно было видѣть и въ 1886 и въ 1887 годахъ.

Дурной хлѣбъ часто и въ большомъ количествѣ родится въ Астраханкѣ, близъ Камень - Рыболова. Въ прежніе годы, когда земля не была еще распахана, когда имѣли возможность запахивать залежи по склону сопокъ, хлѣба рожались лучше. Теперь такихъ мѣстъ нѣтъ, всѣ выпаханы. По неволѣ стали поднимать залежи по низочку, между сопками, на болѣе сырыхъ мѣстахъ, и хлѣбъ сталъ родиться съ дурманомъ, вредный, ядовитый, вызывающій рвоту, головныя боли и головокруженія. 1886 годъ во всѣхъ домахъ хлѣбъ былъ съ дурманомъ, какъ пшеница, такъ и ячмень. Только и жили гречневой крупой и просяной. Рвало всѣхъ по стольку, по скольку хватало хлѣба. Большая половина бѣдняковъ ѣдятъ этотъ хлѣбъ, хотя бы и рвало отъ него. Урожай 1887 г. тоже незавидный; хотя и хлѣба еще не измолотили, но нѣкоторые изъ крестьянъ пробовали хлѣбъ и находятъ его дурнымъ. Овсы съ половины полей дурны.

Въ селеніи Благодатномъ сѣмя конопляное, привезенное изъ Забайкалья, всегда перерождается и бываетъ ядовито. Въ 1881 году на половину домохозяевъ имѣли хлѣбъ съ дурманомъ. Казакъ поселка Комисаровки Павелъ Чумаковъ говоритъ, что онъ года три жилъ въ Благодатномъ. У него въ 1882 году былъ тамъ посѣвъ пшеницы 2½ десятины. Хлѣбъ родился и на цвѣтъ и умолотъ хорошій. Стали жать. Сжали 1½ десятины; затѣмъ стали жать другую полосу въ 1 десятину. Полдесятины сжали. Въ семьѣ, въ хозяйствѣ не хватило муки; стали молотить снопы съ этой полосы, такъ какъ она была ближе къ гумну. Пироги были вкусные, хорошіе. Въ то время, пока молотили хлѣбъ, возили на мельницу молоть и пекли пироги, пошелъ дождь, полилъ остальную часть полосы, и зерно все испортилось, появились красненькіе пятнышки, какъ бы сургучные, на зернѣ возлѣ пяточки его, и хлѣбъ испортился, ѣсть нельзя было, рвало отъ него.

Я не былъ въ селеніяхъ Посьетскаго участка. Но тѣмъ не менѣе позволяю себѣ заявить со словъ крестьянъ, жившихъ тамъ, а также многихъ лицъ, бывшихъ въ этомъ участкѣ на службѣ, что въ этой мѣстности хлѣба болѣе подверга-

ются порчѣ, чѣмъ въ остальныхъ Южно-Уссурійскаго края. Статистическія свѣдѣнія мѣстнаго интендантства, а также полиціи указываютъ на то, что посѣвовъ пшеницы и ярицы тамъ нѣтъ. Въ былые годы были попытки, но они не увѣнчались успѣхомъ, хлѣбъ рожался вредный и ядовитый. Посѣвы овса и теперь производятся, но онъ часто бываетъ дурнаго качества. Любой конный казакъ, проживавшій тамъ, можетъ вамъ объ этомъ засвидѣтельствовать. Не былъ я также и въ Сучанскомъ участкѣ, но знаю, что и тамъ бываетъ вредный, ядовитый хлѣбъ. Спросите тѣхъ, кто тамъ проживаетъ, но только разспрашивайте съ толкомъ, умѣючи, не запугивая лицо, которое вы спрашиваете, и наводя его соображеніе разсказами о дурномъ хлѣбѣ въ другихъ мѣстахъ, и вамъ всегда скажутъ правду въ глаза, не скрывая, что тамъ родится дурной хлѣбъ.

Но что же это значитъ? спросите вы. Неужели повсемѣстно родится дурной хлѣбъ? Нѣтъ! отвѣчу я вамъ: въ Южно-Уссурійскомъ краѣ есть и отрадныя мѣста для сельскихъ хозяевъ, гдѣ ядовитаго, вреднаго хлѣба нѣтъ, онъ тамъ неродится. Лично я самъ посѣтилъ болѣе десяти такихъ селеній. Жители счастливы тѣмъ, что грунтъ земли ихъ лучше, чѣмъ у остальныхъ; подъ легкимъ, тонкимъ вершка въ три—четыре слоемъ чернозема находится слой супеску. Мѣстности эти не имѣютъ той сырости, какою обладаютъ остальныя мѣста края, гдѣ подъ тонкимъ слоемъ чернозема находится жирный пластъ сѣрой, красной или бѣлой глины. Счастливыя въ сельскомъ хозяйствѣ песчаныя мѣста тянутся возлѣ береговъ нашихъ рѣкъ, на разстояніи, самое большое, двухъ—трехъ—пяти верстъ. Затѣмъ есть мѣстечко близъ Китайской границы, на коемъ находятся селенія: Полтавка, Константиновка, Синельниково, Крауновка, Корсаковка, Пуциловка, Покровка, Алексѣе-Никольское, Ѳаддѣевское, Барановка и Лѣсная—вотъ раіонъ, гдѣ подъ черноземомъ супесокъ, вотъ раіонъ, гдѣ никогда не родятся дурные хлѣба, по крайней мѣрѣ, наши казаки, наши крестьяне старожилы и новоселы, наши корейцы ни однажды не жаловались на дурной урожай хлѣбовъ, не встрѣчали на своихъ поляхъ зараженныхъ хлѣбныхъ злаковъ. Такимъ образомъ способность почвы уда-

лять съ ея поверхности влагу играетъ большую роль въ здѣшней мѣстности: одни поля (песчаныя) плодородны, другія - глинистыя мало плодородны, а иногда опасны, вредны. На то же указываютъ заявленія крестьянъ. Мною уже было сказано, что болѣе возвышенныя мѣста менѣе подвержены порчѣ хлѣба, чѣмъ низменныя: крестьяне, выпахавъ бугристыя мѣста, перешли къ запашкамъ на низочкахъ. Ядовитаго хлѣба стало болѣе родиться. Какъ легко понять, что бугорки болѣе сухи, чѣмъ низочки, а слѣдовательно, и причина уражаевъ вредныхъ хлѣбовъ сама собою понятна:—это сырость. Крестьяне заявляютъ, что въ дождливые годы болѣе порчи въ хлѣбѣ, чѣмъ въ сухіе. Комисаровскій казакъ намъ даетъ прекрасное указаніе порчи хлѣба отъ дождя. Поздній посѣвъ, говорятъ вамъ мною собранныя статистическія свѣдѣнія, болѣе подверженъ порчѣ, чѣмъ ранній. И это понятно почему. Сырости болѣе поддается зерно несовершенно созрѣвшее, а созрѣвшее поддается вліянію сырости съ большимъ трудомъ. Дождливое время въ нашемъ краѣ наступаетъ около начала лѣта. Но дѣло не исключительно въ этихъ дождяхъ и даже не исключительно въ нашихъ морскихъ туманахъ. Нѣтъ, сырость имѣетъ значеніе при рѣзкомъ переходѣ къ жаркимъ палящимъ лучамъ южнаго солнца. Это тепло юга при совмѣстномъ вліяніи влажности воздуха что-то такое порождаетъ въ зернѣ (и на соломѣ) хлѣбныхъ злаковъ.

Нѣкоторые предполагаютъ, какъ крестьянинъ села Никольскаго М. И. Мешлевскій, что во кремя уборки хлѣба въ снопы, дождь и росы, съ одной стороны, и теплые солнечные лучи, съ другой, ставятъ хлѣбъ въ условія, при которомъ онъ прѣетъ, дѣлается по цвѣту краснымъ. Не отрицая того, что, можетъ быть, иногда при такихъ условіяхъ и бываетъ въ зернѣ обычный химическій процессъ броженія (отчего крестьяне и называютъ хлѣбъ иногда пьянымъ), но позволяю себѣ при этомъ заявить, что тѣ же условія, самыя благопріятныя для развитія на хлѣбныхъ злакахъ зимующихъ споръ вреднаго грибка изъ семейства ржавчиковыхъ, Puccinia graminis. Припомнимъ сказанное крестьянами въ с. Григорьевкѣ. Во время порчи хлѣба, та часть колоска, которая была обращена къ солнцу, вся пустая; другая сторона, обращенная

къ сѣвернвй сторонѣ,—удержала зерно. Слѣдовательно, солнечные лучи въ нашемъ Южно-Уссурійскомъ краѣ играютъ очень видную роль въ урожаяхъ хлѣбовъ. Даже возьмемъ песчаный раіонъ, какъ селеніе Полтавка, и тамъ казаки заявляютъ, что хотя у нихъ и ни разу хлѣбъ не бывалъ съ дурманомъ, вреднымъ, ядовитымъ, но тѣмъ не менѣе въ продолженіе 8 лѣтъ 2 года хлѣбъ былъ пустоватъ, т. е. съ легкимъ удѣльнымъ вѣсомъ. Далѣе, — мы слышали, что плохіе сѣмена съ дурманомъ, будучи посѣяны въ удачный годъ, даютъ въ урожаѣ здоровый хлѣбъ безъ дурмана. Крестьяне пробовали сѣять не только своими сѣменами русскими разныхъ мѣстъ, но также американскими и китайскими—результаты одни и тѣ же.

Вы спросите, почему я называю хлѣбъ, производящій рвоту, головную боль и головокруженіе—вреднымъ, ядовитымъ хлѣбомъ, а не просто негоднымъ къ употребленію. Не я окрестилъ такимъ позорнымъ именемъ хлѣбное зерно Южно-Уссурійскаго края. Виноваты мѣстные врачи, которые всѣ заявляютъ, что все то, что вредно для организма человѣка, все то — считается ядовитымъ, вреднымъ. Отъ мѣстнаго хлѣба получается лишеніе разсудка, физическое ослабленіе, частыя рвоты, истощеніе, блѣдность, худоба, опасность для беременныхъ женщинъ. Впрочемъ, разбогатѣвшіе мѣстные крестьяне, имѣя возможность употреблять въ пищу болѣе мяса, рыбы, птицы, молока, яицъ, картофеля, капусты и другихъ огородныхъ веществъ, а также хлѣбъ высокаго качества, свой мѣстный и заграничный,—здоровы, крѣпки, цвѣтущи.

Для разъясненія такого явленія, какъ порча хлѣба, для уясненія причинъ заболѣванія, намъ приходится прибѣгнуть къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, къ спеціальнымъ книгамъ. Г-нъ Маакъ въ описаніи своего путешествія, совершеннаго по долинѣ рѣки Уссури по порученію сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго Общества, во II томѣ, на стр. 14-й, въ § 45 говоритъ о растеніи, которое у насъ называется барбарисомъ; это растеніе ботаники называютъ berberis vulgaris. Маакъ заявляетъ, что это растеніе онъ находилъ въ Хинганскихъ горахъ на Амурѣ и на сѣверо-восточномъ берегу озера Ханка, близъ истока р. Сун-

гачи; растетъ тамъ мѣстами въ лиственномъ лѣсу, невысокими кустарниками. Въ августѣ съ зрѣлыми плодами; ягоды продолговатыя, пурпурно-краснаго цвѣта, и совершенно такія же, какъ на основной формѣ, въ Европѣ. Многимъ проживающимъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ извѣстно, что барбарисъ одно изъ распространенныхъ растеній въ краѣ. Корреспондирующій въ Императорскую Академію наукъ, завѣдывающій казачьимъ населеніемъ Полтавскаго округа Н. А. Пальчевскій, прожившій продолжительное время близъ Камень-Рыбалова, утверждаетъ, что тамъ барбарисъ сильно зараженъ паразитнымъ грибкомъ красноватаго цвѣта, грибкомъ, который можетъ жить только, питаясь двумя разными растеніями: барбарисомъ—съ одной стороны, и хлѣбными растеніями (пшеницей и ярицей)—съ другой. *Присутствіе грибка на одномъ растеніи требуетъ умозаключенія, что онъ находится и на другомъ*. Изъ книги г. Сорокина — „Растительные паразиты человѣка и животныхъ"—мы видимъ (стр. 292), что нѣкоторые виды подкожнаго грибка изъ семейства Ржавчиковыхъ, Puccinia, требуютъ для своего цикла развитія нѣсколькихъ растеній. Puccinia graminis развиваетъ спермогоніи и Accidium на барбарисѣ (Accidium Berberidis), а лѣтнія и зимующія споры на низшихъ культурныхъ злакахъ. Такимъ образомъ главный врагъ ржавчины хлѣбовъ есть барбарисъ; съ его уничтоженіемъ не являлась бы возможность развитія первыхъ двухъ формъ паразита, и злаки не заболѣвали бы ржавчиной. Требованія на уничтоженіе барбариса были не разъ заявляемы за долго до научнаго изслѣдованія вопроса и приводили (въ Германіи и Америкѣ) къ процессамъ, для справедливаго рѣшенія которыхъ тогда еще не имѣлось твердыхъ основаній; процессы эти рѣшались сообразно съ тѣмъ, на сколько судьи или призванные эксперты раздѣляли господствовававшее убѣжденіе сельскихъ хозяевъ (Розановъ—„Болѣзни растеній, причиняемыя растительными паразитами". 1871, стр. 80). Одни виды Puccinia появляются на пшеницѣ и ярицѣ, другіе на овсѣ и ячменѣ. По цитатѣ Цюрна, ржавчины, именно Puccinia coranata и Puccinia graminis, принятыя внутрь нашими домашними животными, производятъ довольно сильныя страданія. Иногда замѣчали, что болѣзнь

напоминала припадки сибирской язвы (Руппрехтъ, Полэ), кровавую мочу (Девежанъ) и др. Поѣвшія солому, покрытую ржавчиною, страдали сильными коликами (Готье); употреблявшіе въ кормъ камышъ съ Puccinia arundinacae овцы и крупный рогатый скотъ умерли отъ воспаленія желудка (Гелеръ, Розенкранцъ); клеверъ съ ржавчиной произвелъ сильное слюнотеченіе у лошадей (Борнъ). Такимъ образомъ разсматриваемые паразиты принадлежатъ къ числу весьма опасныхъ. Опасность заключается въ томъ, что съ каждымъ годомъ вредъ, наносимой ржавчиной, увеличивается, а потому изысканіе средствъ для борьбы съ нею должно опережать увеличивающуюся мощь этого бича, которымъ еще Моисей грозилъ непослушному народу Израилеву (Розановъ—Болѣзнь растеній, стр. 117). Даже въ глубокой древности сознавали, что съ ржавчиной шутить нельзя и за защитой обращались къ богамъ. Такъ, мы знаемъ, какъ Нума Помпійскій, второй царь Рима, столь много заботившійся о внутреннемъ благоустройствѣ своего государства, учредилъ, въ числѣ прочихъ богослужебныхъ обрядовъ, жертвоприношенія богу Робигосу. Божество это, въ священныхъ рощахъ котораго закалывали каждое 23 апрѣля собакъ, телятъ и свиней, считалось у Сабинянъ, а потомъ и у Римлянъ, правителемъ растительныхъ болѣзней, и въ особенности, такъ называемой ржавчины хлѣбовъ. Такимъ образомъ болѣзнь эта вызывала уже 700 лѣтъ до Р. Х. общегосударственныя мѣры, по тогдашнимъ понятіямъ долженствовавшія препятствовать ея распространенію. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 2500 лѣтъ, а язва существуетъ по прежнему и даже приняла, съ распространеніемъ земледѣлія, еще гораздо большіе размѣры. Нерѣдко она разрушаетъ лучшія надежды земледѣльцевъ и наноситъ народному хозяйству громадные убытки. По Эрстеду, въ Даніи жатва уменьшается, вслѣдствіе появленія ржавчины, нерѣдко на нѣсколько милліонъ риксдалеровъ (Розановъ, стр. 64).

Но пойдемъ ближе къ жизни вреднаго, ядовитаго грибка, проявляющагося на хлѣбныхъ растеніяхъ. Прежде впрочемъ о подсолнечникѣ.

Ранней весной, когда только-что выходятъ первые листики

растеній, можно замѣтить появленіе красныхъ и оранжевыхъ точекъ. Точки эти увеличиваются, превращаются въ вздутія и открываются или весьма мелкими отверстіями, или же болѣе крупными стаканчиками. Первыя будутъ ничто иное, какъ *спермогоніи*, построенныя весьма просто: клубочекъ оранжевыхъ волоконъ имѣетъ въ своей центральной части полость, открывающуюся на верхушкѣ узкимъ каналомъ; стѣнки полости выстланы короткими ножками, отшнуровывающими мелкія продолговатыя клѣточки, которыя вмѣстѣ со слизью выходятъ изъ отверстія спермогоніи; отверстіе окружено болѣе или менѣе длинными волосками. Въ одно время со спермогоніями являются стаканчика, извѣстные уже давно подъ именемъ Accidium. Эцидіальная форма, если сдѣлаемъ продольный разрѣзъ черезъ грибокъ, представляется гораздо крупнѣе предъидущей и состоитъ изъ клѣтчатой оболочки (Peridium), разрывающейся зубчато на своей верхушкѣ; на днѣ вмѣстилища находимъ ножки, поддерживающія цѣпочки круглыхъ споръ, съ оранжевымъ содержимымъ. Кругомъ стаканчика всегда замѣтна грибница, распространяющаяся въ паренхимѣ кормящагося растенія. Постоянное нахожденіе спермогоніевъ съ Accidium даетъ право предполагать, что развитіе одной и другой формы зависитъ другъ отъ друга; кромѣ того, споры Accidium проростаютъ грибницу, клѣтки же спермогоній никогда не проростаютъ; въ силу этого послѣдняго обстоятельства, спермогоній считаютъ за мужской органъ оплодотворенія и предполагаютъ, что спермаціи изъ полости спермогоніи оплодотворяютъ волокно-грибницы, изъ которыхъ образуется уже Accidium. Послѣ появленія эцидіальной формы начинаютъ развиваться коричневатыя порошистыя возвышеньица на больныхъ частяхъ растенія. Происходитъ это вслѣдствіе появленія лѣтнихъ споръ. На короткихъ ножкахъ, сидящихъ на мицеліальныхъ волокнахъ, вздуваются коричневыя клѣтки съ оболочкой, усаженной тупыми отростками. Это — Uredo. Оно также проростаетъ въ видѣ длиннаго волокна грибницы, которое входитъ въ устьице растенія и тѣмъ заражаетъ его. Къ концу лѣта между лѣтними спорами показываются *зимующія* Puccinia. Иногда случается находить такую порошистую кучку, въ которой между Uredo

находится и Puccunia, т. е. одинъ и тотъ же мицелій производитъ лѣтнія и зимующія споры. Достигнувши зрѣлости, Puccidium, однако, не проростаетъ подобно Uredo или спорамъ Accidium; ей необходимъ извѣстный покой, ей необходимо подвергнуться вліянію зимняго холода. На самомъ дѣлѣ въ природѣ послѣ уборки сѣмянъ на полѣ остаются какъ зараженные стебли, такъ и высохшіе листья. Они закрываются снѣгомъ и лежатъ такимъ образомъ до весны. Когда же снѣгъ сойдетъ, зимующія споры начинаютъ проростать. При этомъ черезъ особенныя отверстія, находящіяся въ тѣльцѣ оболочки, выходитъ промицелій и на немъ развиваются споридіи. Споридіи легко отламываются вѣтромъ, разносятся иногда на большое разстояніе и попадаютъ на молодые всходы растенія, которое въ это время уже выгнало стебелекъ съ сѣменными долями. Здѣсь происходитъ зараженіе, и болѣзнь проявляется въ описанной формѣ, т. е.: 1) спермогоніи, 2) эцидіальная форма, 3) лѣтнія споры, 4) зимующія споры, а весною опять споридіи. Такъ появляется жизнь грибка на подсолнечникѣ. Мицелій пробѣгаетъ въ стеблѣ и листьяхъ кормильцевъ. Отъ него отходятъ особенныя спорообразующія вѣтки, которыя ослизняются и внутри себя даютъ начало органамъ размноженія. Какъ только процессъ образованія споръ кончился, мицелій весь исчезаетъ, а въ частяхъ цвѣтка и на другихъ органахъ растенія появляется черный порошокъ (головня). Порошокъ этотъ и есть споры. Если ихъ помѣстить въ воду, то черезъ нѣсколько часовъ оболочка ихъ лопается и изъ трещины выходитъ болѣе или менѣе короткая нить (promicelum), на которой отшнуровываются вторичные органы размноженія—споридіи (sporidia). Будучи чрезвычайно легки, споридіи легко разносятся вѣтромъ на большія разстоянія и попадая на зеленыя, здоровыя растеньица (преимущественно злаки) проростаютъ и даютъ начало грибницы. Грибница входитъ внутрь ткани листка, пробирается все выше и выше, пока не доберется до сѣменной почки, гдѣ, какъ и въ первомъ случаѣ, снова показываются спорообразующія вѣтви. Вотъ и весь незатѣйливый циклъ развитія вреднаго грибка головня (Ustelagineae).

Подъ общимъ видомъ *ржавчины* извѣстны паразиты, до-

вольно разнообразные по своему строенію. Мицелій ихъ нитевидный, раздѣленный перегородками и вѣтвистый, пробѣгаетъ между клѣтками кормящаго зеленаго растенія. Споры или голы, или же заключены въ особую клѣтчатую оболочку—перидій (peridium); развиваются подъ эпидермисомъ, который разрываютъ во время созрѣванія. Названіе получили оттого, что, представляясь коричневымъ порошкомъ, разсыпаннымъ мѣстами на стебляхъ и листьяхъ, грибки дѣйствительно напоминаютъ ржавчину металлическихъ предметовъ. Большинство представителей этой группы имѣютъ органы размноженія двухъ или больше формъ, появляющихся одни за другими въ извѣстной послѣдовательности (чередованіе поколѣній) на одномъ разстояніи, или же полный циклъ развитія проходитъ на различныхъ растеніяхъ.

Проѣзжайте отъ с. Астраханки по берегу озера Ханка къ рѣкѣ Уссури, и вы увидите массу барбариса, произростающаго по песчанистому берегу озера и его маленькимъ рѣчкамъ возлѣ р. Мо. Вглядываясь въ растеніе ближе, можно легко убѣдиться, что барбарисъ покрытъ особымъ грибкомъ на подобіе ржавчины. Всѣмъ извѣстно, что растенія для своего развитія имѣютъ такъ же, какъ и животныя, органы для своего оплодотворенія. У грибка, покрывающаго барбарисъ, развитіе одного органа происходитъ на этомъ растеніи, а другой органъ можетъ быть развитъ на другомъ растеніи, на злакахъ. Это обязательное условіе развитія грибка, который легко для своего оплодотворенія переносится съ одного растенія на другое силою вѣтра. Ржавчина хлѣбовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ болѣзни, при которой, по крайней мѣрѣ въ ея началѣ, изъ растительной ткани выступаютъ красноватыя, по большей части, сходныя съ ржавчиной кучечки пыли. Она чаще всего попадается на ячменѣ, пшеницѣ и овсѣ, рѣже на ржи и дикорастущихъ злакахъ. Такъ какъ она находится преимущественно на травянистыхъ частяхъ, листьяхъ или на сочныхъ стебляхъ и только рѣдко на сѣменахъ, то вредъ, причиняемый ею, состоитъ преимущественно въ уменьшеніи цѣнности соломы; однако и сѣмена развиваются не совсѣмъ хорошо, если только органы, содержащіе хлорофиллъ, а слѣдовательно ассимилирующіе, слишкомъ рано бываютъ по-

вреждены ею. Различаютъ главнымъ образомъ два вида ржавчины, заражающей злаки: Puccinia graminis и Puccinia coronata. Какъ извѣстно, тѣло гриба состоитъ изъ двухъ главныхъ составныхъ частей: изъ мицелія, или грибницы, и изъ плодоносной части, и представляетъ простыя нити или рыхлыя хлопковатыя массы, вѣтвистые пучки или косматыя пленки или, наконецъ, плотныя клубковидныя массы, такъ называемыя склераціи (какъ, напр., рожки спорыньи). Мицелій можетъ жить болѣе или менѣе короткое время, или въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и въ продолженіе своей жизни можетъ производить органы продолженія одинъ разъ или нѣсколько разъ. Плодоносные органы составляютъ вообще самую выдающуюся часть гриба и въ обыденной жизни часто принимаются за весь грибъ, какъ, напр., у шляпочныхъ грибовъ, по преимуществу называемыхъ грибами. Всѣмъ грибамъ для питанія необходимо уже образовавшееся органическое вещество, такъ какъ они лишены хлорофилла, а слѣдовательно и способности ассимилировать принятыя питательныя вещества, т. е. превращать ихъ въ вещества, могущія непосредственно служить для жизни. Большая часть грибовъ живутъ внутри другихъ организмовъ и называются эндофитами. Нѣкоторые грибы совершаютъ весь циклъ развитія на одномъ и томъ же субстратѣ; у другихъ же вышеупомянутая перемѣна генерацій связана съ извѣстною перемѣною среды, въ которой или на которой они живутъ. Покоящаяся спора ржавчинныхъ зимуетъ на соломинѣ злаковъ, ростковыя трубки ихъ споридіевъ, развивающіяся весною, проникаютъ въ клѣточки верхней кожицы барбариса (исключительно этого растенія и никогда на злакахъ) и тамъ быстро развиваются, превращаясь въ прежде упомянутый грибъ Accidium Berberidis, споры котораго, попавши въ устьица извѣстныхъ злаковъ и только въ нихъ, производятъ грибницу ржавчинника (Puccinia graminis), образующую уредо или покоящіяся споры.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что порча хлѣбныхъ зеренъ на корню—пшеницы, ярицы, ячменя и овса—происходитъ отъ ржавчины, проявляющейся не только на царствѣ растительномъ (какъ барбарисъ), но и на минераль-

номъ—на почвѣ, камняхъ, на поверхности воды. Всякій проѣзжающій по Южно-Уссурійскому краю можетъ въ этомъ легко убѣдиться или самъ непосредственно, или изъ разспросовъ жителей земледѣльцевъ края—крестьянъ и казаковъ.

Паразитные грибы, говоритъ Томе въ своемъ учебникѣ ботаники, производятъ разстройство въ нормальномъ развитіи организмовъ, ими пораженныхъ, и производятъ заразительныя нерѣдко смертельныя болѣзни. Такъ, напр., грибокъ Oidium albicans производитъ извѣстную болѣзнь у грудныхъ дѣтей. Грибокъ этотъ, приставая къ поверхности полости рта и быстро размножаясь, образуетъ бѣлую плѣсень, причиняющую разнообразныя разстройства. Болѣзнь Gavus, происходящая отъ гриба Achorion Schaenleinii, по большей части появляется на частяхъ человѣческой головы, покрытыхъ волосами, и производитъ на нихъ характеристическія корки соломеннаго цвѣта, имѣющія форму глаза рака, а такъ какъ грибовыя споры вростаютъ въ волосы, то эта упорная болѣзнь часто оканчивается продолжительностію и совершенною потерею волосъ. То же самое замѣчается и при Herpes tondens или tonsurans, болѣзни, которой также любимое мѣсто покрытыя волосами части головы. При этой болѣзни споры Trichophiton tonsurans въ большомъ количествѣ проникаютъ въ волосы, раздѣляютъ ихъ на волокна, дѣлаютъ ихъ ломкими, такъ что они отламываются вблизи основанія. *Всѣ эти болѣзни*, къ которымъ можно прибавить еще многія другія, *заразительны*. Извѣстны многія формы и виды грибовъ, живущихъ на тѣхъ живыхъ животныхъ, съ развитіемъ которыхъ связаны многія болѣзни и даже смерть. Ограничимся замѣчаніемъ, что Herpes tondens способенъ переходить съ людей на животныхъ и обратно; а другой грибъ Botrytis Bassiana причиняетъ пагубную для шелковичнаго червя болѣзнь—мускардину. Грибы, живущіе на гніющихъ веществахъ, къ которымъ примыкаютъ также шизосанцеты, производятъ различныя явленія броженія, гніенія и тлѣнія. Процессы разложенія, смотря по существующимъ организмамъ, даже одного и того же субстракта, различны, такъ какъ многіе, а можетъ быть и всѣ грибы возбуждаютъ совершенно специфическое разложеніе. При томъ несогласіи, которое въ насто-

ящее время существуетъ относительно этихъ практически-важныхъ вопросовъ, мы приведемъ только самое необходимое. Даже тѣла, въ высшей степени способныя разлагаться, какъ бѣлковина, кровь и молоко, весьма медленно обнаруживаютъ разложеніе, если они предохранены отъ доступа грибныхъ зародышей (споръ); при такихъ условіяхъ они остаются свѣжими даже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Если же вышеозначеннымъ организмамъ дать доступъ, то вмѣстѣ съ развитіемъ ихъ послѣдуетъ быстрое разложеніе. При обильномъ доступѣ воздуха наступаетъ тлѣніе и быстрое окисленіе, продуктами которыхъ являются вода, угольная кислота и болѣе простыя органическія соединенія. При менѣе обильномъ доступѣ воздуха разложеніе бываетъ совсѣмъ другаго рода, а именно: тогда образуются уже болѣе сложныя, по большей части зловонныя вещества; такой процессъ называется гніеніемъ. Другой родъ относящихся сюда явленій разложенія носитъ особенное названіе броженія, таковы броженіе спиртовое изъ сахарнаго раствора, броженіе молочно-кислое, слизистое и т. д. Если разлагающіе организмы находятъ свободный кислородъ, необходимый для ихъ роста, то они его жадно поглощаютъ, при чемъ они сильно размножаются. Не нашедши же свободнаго кислорода, они извлекаютъ таковой изъ соединеній, что и даетъ толчекъ къ дальнѣйшему разложенію.

Умѣстно будетъ заявить, что между спеціалистами-ботаниками систематика грибовъ до сихъ поръ еще не установилась. Не установилась также основная мысль о томъ,— есть ли родство между низшей формой грибка, растущаго на растеніяхъ, водорослемъ, покрывающимъ громадныя пространства въ Южно-Уссурійскомъ краѣ (большинство покосныхъ мѣстъ покрыты водорослями), и цвѣтными лишаями, покрывающими каменья.

Я буду счастливъ, если вы, мм. гг., усвоили изъ чтенія, что въ Южно-Уссурійскомъ краѣ находятся три фактора, производящіе вредное вліяніе на хлѣбъ, коимъ питаются крестьяне и казаки. Первый факторъ — это всевозможныя примѣси сорныхъ травъ; второй факторъ—проявленіе ржавчины и присущему ей ржавчиковому грибку; третій фак-

торъ—южное, прямое паденіе солнечныхъ лучей, производящихъ при сыромъ климатѣ химическій процессъ въ зернѣ на корню, отчего послѣднее становится пустоватымъ, съ легкимъ удѣльнымъ вѣсомъ.

Соотвѣтственно каждому фактору могутъ быть приняты разныя мѣры: вѣялка и рѣшето очистятъ хлѣбъ отъ разныхъ примѣсей сѣмянъ сорныхъ травъ. Уничтоженіе, болѣе или менѣе возможное, барбариса, стремленіе развить полеводство на мѣстахъ, гдѣ подъ слоемъ чернозема находится супесокъ—вотъ мѣры противъ втораго фактора—ржавчины. Такія мѣста, удобныя и неопасныя для сельскаго хозяйства, приходится считать тысячами квадратныхъ верстъ. Эти тысячи кв. верстъ, не опасныхъ для сельскаго хозяйства, могутъ вмѣстить не сотню селеній, нынѣ существующихъ, а пять, десять сотенъ селеній. Я не врагъ заселеній и другихъ мѣстъ, хотя въ нихъ урожай хлѣбовъ—есть дѣло счастія, случая: сухой годъ — вреднаго хлѣба нѣтъ, мочливый годъ—можетъ родиться вредный ядовитый хлѣбъ, тѣмъ болѣе, что Южно-Уссурійскій край даетъ возможность заниматься не только земледѣльческимъ промысломъ, но и другими: скотоводствомъ, сбытомъ лѣса, т. е. лѣсоводствомъ, рыболовствомъ и другими, требующими спеціальнаго приложенія труда и знаній. Съ третьимъ факторомъ, съ южнымъ направленіемъ лучей палящаго солнца—тоже можно считаться; крестьяне и казаки и теперь иногда прибѣгаютъ къ такому способу: убѣдившись опытомъ, что зерно теряетъ свой удѣльный вѣсъ отъ палящихъ лучей южнаго солнца, они, получивъ въ своемъ хозяйствѣ хлѣбъ пьяный, прежде чѣмъ отвозить его на мельницу для помола, промываютъ его въ водѣ, при чемъ дурное зерно всплываетъ на поверхность воды, а хорошее падаетъ внизъ на дно. Дурное зерно снимается съ поверхности воды, а хорошее просушивается на печи.

Послѣ прочтенія во Владивостокѣ вышеизложеннаго сообщенія о проявленіи дурнаго хлѣбнаго зерна въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, мною въ декабрѣ 1887 г. было послано въ Москву, въ канцелярію Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства восемнадцать образцовъ разныхъ

хлѣбныхъ зеренъ пшеницы, ярицы, ячменя, овса и конопли, для химическаго анализа и микроскопическихъ наблюденій. Посылка достигла назначенія благополучно, но ей суждено было дожидаться моего возвращенія изъ путешествія. Посланная изъ Хабаровки телеграмма была такъ извращена, что канцелярія Общества не знала, что требуется дѣлать съ присланными сѣменами. Я телеграфировалъ: „Послѣ экскурсіи высылаю для химіи и микроскопа Южно-Уссурійскія дурныя, вредныя хлѣбныя сѣмена съ докладомъ; прошу параграфомъ семнадцатымъ Устава Общества порученій для дальнѣйшихъ экскурсій сибирскихъ. Розовъ". Въ Москвѣ получена телеграмма за № 614 отъ 9 января 1888 г. слѣдующаго содержанія: „Послѣ экскурсіи высылай для химіи микроскопы Южно-Уссурійскіе бурныя вредныя хлѣбныя сѣмена съ докладомъ прошу телеграфомъ семнадцатомъ Уставѣ Общество порученію для дальнѣйшихъ экскурсій сибирскихъ. Итоговъ". Не смотря на всѣ заботы президента Общества, телеграфное вѣдомство не могло разъяснить, на какой станціи была совершена неправильная передача телеграммы и каковъ ея настоящій смыслъ. Такъ сѣмена и пролежали до моего пріѣзда, а затѣмъ, по совѣту г. секретаря Политехническаго музея, были переданы мною профессорамъ Петровско-Разумовской сельско-хозяйственной Академіи.

Ассистентъ при кафедрѣ ботаники С. Г. Навашинъ сдѣлалъ сообщеніе въ засѣданіи Отдѣла Ботаники Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, 11 декабря 1888 г.,—о ядовитой ярицѣ и др. хлѣбахъ, вывезенныхъ мною изъ Сибири. Приводимъ дословно его сообщеніе.

„Около 2 недѣль тому назадъ мнѣ были доставлены для изслѣдованія пробы сѣмянъ различныхъ хлѣбовъ, собранныхъ въ Сибири. Сегодня я считаю удобнымъ отвѣтить на заданный мнѣ вопросъ о ядовитости тѣмъ болѣе, что нашелъ при этомъ нѣчто интересное и въ ботаническомъ отношеніи. Мѣстное населеніе указывало на сѣмена жатвы этого года, какъ на негодныя въ употребленіе въ пищу, такъ какъ хлѣбъ, испеченный изъ муки этихъ сѣмянъ, оказался ядови-

тымъ: онъ производилъ разстройство пищеваренія, рвоту, судороги и другія явленія отравленія. Г. Розовъ, бывшій въ это время въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, на основаніи показаній поселянъ, собралъ большое число пробъ, одно изъ которыхъ я представляю здѣсь.

Пшеница и яровая рожь въ этихъ пробахъ представляются прежде всего чрезвычайно сорными, т. е. съ большой примѣсью сѣмянъ различныхъ сорныхъ травъ (о чемъ, впрочемъ, ниже); зерно пшеницы по наружному виду совершенно нормально, за исключеніемъ иныхъ зеренъ съ фіолетовымъ или розовымъ налетомъ; зерно ржи нѣсколько менѣе нормальнаго, чаще чѣмъ пшеница покрыта розовымъ налетомъ, и кромѣ того, часто почернѣвшее.

Мое вниманіе прежде всего обратилось на эти ненормальности зерна. При микроскопическомъ изслѣдованіи почернѣніе зерна ржи оказалось вызваннымъ темнымъ мицеліемъ микроскоилъ грибка, покрывающаго поверхность зерна и гнѣздящагося въ наружныхъ слояхъ его покрововъ, т. е. собственно въ стѣнкѣ плодника. Бѣлокъ оказался цѣликомъ неповрежденный; даже наружный его слой, такъ называемый клеберный, алейронный или азотистый, былъ совершенно нормаленъ. На вѣточкахъ мицелія замѣчались многоклѣтныя споры, конидіальной природы, въ которыхъ я узналъ споры весьма распространеннаго сапрофита, поселяющагося на отмершихъ тканяхъ всевозможныхъ растеній; въ данномъ случаѣ такой отмершей тканью представляется высохшая стѣнка плодника. Грибокъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ Cladosporium herbarum и былъ отнесенъ Тюлономъ въ качествѣ конидіальной формы къ циклу развитія пиреномицета Pleospora herbarum (Pese). По убѣжденію же Де-Бари эти споры не имѣютъ никакого отношенія къ названному пиреномицету и пока никому такъ и не удалось найти прочихъ стадій развитія такъ называемаго Cladosporium herbarum.

Какъ я уже сказалъ, кромѣ почернѣнія на нѣкоторыхъ зернахъ обнаруживался розовый налетъ. Подъ микроскопомъ онъ представлялъ розовый мицелій грибка, стелящагося по поверхности и внутри ткани и высылающаго вертикально короткія вѣточки съ конидіями удлиненно полулунной формы.

Эти конидіи совершенно прозрачны и раздѣлены поперечными перегородками на нѣсколько клѣтокъ. Подобныя полулунныя конидіи также весьма нерѣдки и встрѣчаются очень часто на поверхности больныхъ, или отмирающихъ листьевъ или коры различныхъ растеній (въ этомъ году на листьяхъ ивъ); можно догадываться, судя по ихъ формѣ, что онѣ принадлежать пиреномицету, можетъ быть, изъ рода Nectria. Какъ извѣстно, однако, опредѣленія по конидіальнымъ формамъ слишкомъ шатки и достижимы только путемъ цѣлаго изслѣдованія, т. е. культуры грибка. Вотъ всё, что я могъ найти на ядовитыхъ зернахъ изъ паразитовъ. Ни спорыньи Claviceps purpurea, ни какихъ-нибудь другихъ склероціевъ между зернами не оказалось.

Въ литературѣ существуютъ указанія на подобное наблюденному мною почернѣніе зеренъ ржи, то сопровождаемое ядовитостію послѣднихъ, то совершенно безвредное. Въ обоихъ случаяхъ почернѣніе вызывается мицеліемъ Cladosporium herbarum, какъ видно изъ наблюденій Eriksson'а въ Швеціи и Kuehn'а и др. въ Германіи. Въ Швеціи хлѣбъ изъ почернѣвшихъ зеренъ вызываетъ головокруженіе, ознобъ, рвоту, разстройство зрѣнія и др. припадки. Въ Германіи же почернѣніе (хлѣба) зеренъ нисколько не отзывается на свойствахъ хлѣба.

Мнѣ казалось, что при незначительности скопленій мицелія и споры на зернахъ и полной нормальности ихъ бѣлка совершенно нѣтъ повода искать причину ядовитости въ присутствіи какого-бы то ни было грибка, тѣмъ болѣе, что извѣстны случаи неядовитости зеренъ, пораженныхъ грибкомъ. Поэтому я обратилъ вниманіе на сорныя травы, сѣмена которыхъ въ обиліи примѣшаны къ пшеницѣ и ржи. Изъ пробы ржи вѣсомъ $5_{,55}$ ф. отобрано $0_{,45}$ ф. сорныхъ сѣмянъ (на 430 с. ржи пришлось 73 с. сорныхъ травъ), т. е. около 8% по вѣсу. Изъ пробы пшеницы отобрано изъ $7_{,5}$ ф. — $1_{,5}$ ф. сорныхъ сѣмянъ (на 290 с. пш. 200 сѣм. сорныхъ травъ), что составляетъ 20% по вѣсу. Это чрезвычайно высокое содержаніе сорныхъ травъ наводитъ уже на мысль, не заключается ли въ этомъ обстоятельствѣ причина ядовитости хлѣба, почему становится интереснымъ опредѣлить растенія, которымъ при-

надлежатъ сѣмена. Во ржи я нашелъ куколь (Agrosthemma Githogo) и сѣмена какого-то вида Polygonium, дикой гречи. Вредное вліяніе куколя достаточно извѣстно (содержаніе Рапонина и др.) (хотя послѣднее время есть опыты кормленія имъ свиней); дикая же греча безвредна. Извѣстною по ядовитости плевела solium temulentum ни во ржи, ни въ пшеницѣ не оказалось.

Иного рода примѣсь я нашелъ въ пшеницѣ. Кромѣ сѣмянъ куколя, обыкновенной гречи и мелкихъ сѣмянъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ растенія (въ ничтожномъ количествѣ), я нашелъ цѣлыя плоды одного растенія и выпавшія изъ нихъ сѣмена, составлявшія главную массу примѣси. Плоды эти представляютъ двухгнѣздныя овальныя коробочки. разверзающіяся по гнѣздамъ, въ каждомъ гнѣздѣ по 2 сѣмени, которыя помѣщены (сплюснутыми сторонами) одно на другомъ; сѣмена съ линейнымъ рубчикомъ на плоской внутренней сторонѣ; кожура сѣмени твердая, бурая, ячеистая; бѣлокъ мясистый, обильный, мучнистый съ большимъ количествомъ протеиновыхъ Bb.; зародышъ маленькій, горизонтальный. Мнѣ удалось опредѣлить родъ, къ которому принадлежитъ растеніе, оставившее въ пшеницѣ свои плоды. При опредѣленіи большую услугу оказала мнѣ прекрасная коллекція плодовъ и сѣмянъ, принадлежащая агрономическому музею Петровской Академіи. Это растеніе оказалось видомъ Commelina, какъ всѣ родовыя признаки, изложенныя въ Genera plantarum Benthania, такъ и признаки, которыя я замѣтилъ на экземплярахъ названной коллекціи не оставляютъ ни тѣни сомнѣнія въ томъ, что сорная трава въ пшеницѣ есть какой-то видъ Commelina. Это однодольное изъ одного семейства съ Tradescantia; виды его очень распространены въ умѣренныхъ, не теплыхъ поясахъ обоихъ полушарій, но не въ Европѣ, гдѣ нѣкоторые виды только воздѣлываются. Въ Китаѣ распространена также культура нѣкоторыхъ видовъ, ради ихъ крахмалистаго корня. Вещества, содержимыя этими растеніями совершенно не изучены (Husemann, Pflanzenstoffe). Въ Tf. rossica ledebaur'a ни одного вида не упоминается для Сибири ни въ качествѣ дикорастущаго, ни культурнаго. Очевидно это растеніе занесено въ Сибирь изъ Ки-

тая, или ради попытокъ культуры, или какъ сорная трава съ зернами хлѣба.

Итакъ вопросъ о причинѣ ядовидости ржи и пшеницы въ доставленныхъ мнѣ пробахъ остается почти открытымъ. Я считаю, что ботаническая часть вопроса мною исчерпана и прошу поставившаго этотъ вопросъ обратиться за дальнѣйшимъ разъяснeніемъ его къ другимъ спеціалистамъ".

Поблагодаривъ г. Навашина за сообщеніе, а также и за то, что имъ, главнымъ образомъ, обращено было вниманіе на сѣмена сорныхъ травъ, находящихся въ присланныхъ образцахъ, я тѣмъ не менѣе въ томъ же засѣданіи Общества заявилъ, что не могу съ докладчимъ согласиться въ томъ предположеніи, что будто нѣтъ повода искать причину ядовитости въ присутствіи какого-бы то ни было грибка. Собранныя мною статистическимъ путемъ свѣдѣнія говорятъ противное. Какъ статистикъ, я привыкъ вѣрить заявленіямъ крестьянъ, тѣмъ болѣе въ вопросѣ, близко касающемся жизни, згоровья, благосостоянія ихъ. А добытыя свѣдѣнія, какъ я говорилъ выше, указываютъ на то, что со стороны крестьянъ принимались разныя мѣры для опредѣленія качества хлѣба.

Профессоръ Московскаго университета г. Тихоміровъ находилъ, что, конечно, могутъ быть ошибки какъ со стороны крестьянъ, такъ равно и ученыхъ, и что время покажетъ, отъ какихъ причинъ хлѣбъ Южно-Уссурійскаго края вызываетъ рвоту, головокруженіе и проч.

Профессоръ Петровско-Разумовской Академіи г. Стебутъ находилъ возможнымъ допустить, что въ причинахъ болѣзненныхъ проявленій рвоты, головокруженія и проч. имѣютъ мѣсто оба фактора, какъ примѣси сѣмянъ сорныхъ травъ, такъ равно и ржавчина, т. е. ржавчиковый грибокъ.

Профессоръ Казанскаго университета Н. В. Сорокинъ письменно увѣдомляетъ, что если puccinia не настолько истощаетъ растеніе, чтобы помѣшать образованію завязи, то зерно наливается и на его поверхности можетъ показаться нѣсколько пятенъ ржавчины. Но имѣйте въ виду, пишетъ профессоръ, что puccinia никогда не проникаетъ глубоко въ ткань и всегда гнѣздится подъ кожицей; только мицеміальные нити пробираются въ подлежащую ткань.

ГЛАВА V.

Общій обзоръ современнаго состоянія сельскаго хозяйства на дальнемъ востокѣ.

Южно-Уссурійскій край.

Температура воздуха.

Южно-Уссурійскій край находится подъ тѣмъ же 45° сѣверной широты, что и Крымъ, но климатическія условія этихъ окраинъ Россіи совершенно различны. Крымъ находится на полуостровѣ небольшаго моря, окруженнаго сушей; Южно-Уссурійскій край тоже на полуостровѣ, но только на открытомъ морѣ, прилегающемъ къ океанамъ. Морскіе туманы, сырость, холода, рѣзкіе вѣтры — вотъ отличительная черта Южно-Уссурійскаго края. Посмотримъ на температуру мѣсяцевъ, выдающихся по своему вліянію, на жизнь растеній. Октябрь, напримѣръ, мѣсяцъ — переходный отъ жизни ко сну, къ спячкѣ растеній. Въ центральномъ селеніи Южно-Уссурійскаго края, въ селѣ Никольскомъ, 1 октября 1886 г. температура поутру была + 4° R., среди дня + 33° R., къ вечеру + 1° R; 9 го числа того же мѣсяца поутру было + 1° R, среди дня 0, къ вечеру + 2° R.; 31-го числа — поутру было — 1° R, среди дня + 9° R., къ вечеру + 4° R. Возьмемъ другой мѣсяцъ іюль — моментъ полной жизни растеній: 24-го числа поутру было + 13°, среди дня + 39°, вечеромъ + 14°; 28 числа — поутру + 13°, среди дня + 34°, вечеромъ + 16°. Въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ поутру бываетъ — 32°. въ іюнѣ мѣсяцѣ среди дня + 39°. Большая разница между холодомъ и тепломъ,

не только въ разныя времена года, но также въ продолженіе одного мѣсяца и даже дня указываетъ на неблагопріятныя условія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. При этомъ географически-характерное явленіе замѣчается въ Южно-Уссурійскомъ краѣ: чѣмъ мѣстность сѣвернѣе, тѣмъ она теплѣе, чѣмъ южнѣе — тѣмъ холоднѣе, не во всѣ впрочемъ мѣсяцы, а въ нѣкоторые. Такъ, возьмемъ апрѣль мѣсяцъ. Во Владивостокѣ средняя температура этого мѣсяца $+4,_5{}^0$, въ селеніи Никольскомъ, лежащемъ на 100 верстъ сѣвернѣе, $+6^0$, въ селѣ Камень-Рыболовѣ, лежащемъ на 100 верстъ сѣвернѣе Никольскаго, $+6,_2{}^0$ R. То же самое замѣчается и по выводамъ средней температуры по временамъ года: средняя температура весны во Владивостокѣ $+4,_1{}^0$ R., въ селѣ Никольскомъ $+6,_3{}^0$; средняя температура осени въ Никольскомъ $+2^0$, а въ Камень-Рыболовѣ $+5,_8{}^0$.

Населеніе.

Южно-Уссурійскій край занимаетъ пространство приблизительно 250 верстъ съ сѣвера на югъ и 350 верстъ съ востока на западъ. На этомъ пространствѣ проживаетъ 28,295 душъ обоего пола, изъ коихъ 9,203 мужчинъ работниковъ, 7,833 женщинъ-работницъ и 10,259 неспособныхъ къ труду — дѣтей и старыхъ. Всѣ селенія Южно-Уссурійскаго края въ административномъ отношеніи дѣлятся на шесть участковъ, въ коихъ 101 селеніе; кромѣ того, въ краѣ размѣщенъ Уссурійскій пѣшій казачій полубаталіонъ, имѣющій свое административное управленіе и 10 селеній станицъ и поселковъ. Причисливъ городъ Владивостокъ, будемъ имѣть на весь край 112 населенныхъ мѣстъ. Край только еще заселяется. Самое древнее селеніе, Турій Рогъ, основано въ 1866 году; остальныя крестьянскія селенія образовались въ послѣдующіе годы. Переселенцы ѣдутъ и теперь. Казачьи поселки и станицы образовались лѣтъ 8—9 тому назадъ. Въ Ханкайскомъ участкѣ, гдѣ 21 селеніе, въ среднемъ выводѣ приходится на каждый дворъ $1,_{82}$ мужчинъ работниковъ, $1,_{64}$ женщинъ работницъ и $3,_{68}$ неспособныхъ къ труду; въ общей сложности и въ среднемъ выводѣ на каждый дворъ приходится душъ

$+7,_{14}$. Въ Верхне-Уссурійскомъ участкѣ на каждый дворъ приходится $1,_{84}$ мужчинъ работниковъ, $1,_{63}$ женщинъ работницъ и $3,_{13}$ неспособныхъ къ труду; въ общей сложности на каждый дворъ приходится $6,_{60}$ душъ. Въ Суйфунскомъ участкѣ, гдѣ 17 селеній, на каждый дворъ приходится $2,_{02}$ мужчинъ работниковъ, $1,_{82}$ женщинъ работницъ и $1,_{29}$ неспособныхъ къ труду; въ общей сложности на каждый дворъ приходится $5,_{13}$ душъ обоего пола. Въ Посьетскомъ участкѣ, гдѣ 22 поселенія, на каждый дворъ $2,_{26}$ мужчинъ работниковъ, $1,_{91}$ женщинъ работницъ и $2,_{30}$ неспособныхъ къ труду, въ среднемъ выводѣ на каждый дворъ приходится $6,_{5}$ душъ. Въ 10 казачьихъ селеніяхъ въ среднемъ выводѣ на каждый дворъ приходится $1,_{98}$ мужчинъ работниковъ, $1,_{43}$ женщинъ работницъ и $3,_{45}$ неспособныхъ къ труду; въ среднемъ выводѣ на каждый дворъ $6,_{86}$ душъ обоего пола. Въ Ольгинскомъ участкѣ въ 8 селеніяхъ насчитываютъ 1,060 душъ обоего пола, изъ коихъ женщинъ только 156. Въ этомъ участкѣ болѣе проживаютъ китайцы, которые на нашей территоріи живутъ холостяками. Въ Сучанскомъ участкѣ, гдѣ 22 селенія, тоже изъ 3,130 душъ только 667 женщинъ работницъ, что указываетъ тоже на значительное число проживающихъ въ этомъ участкѣ китайцевъ. Кромѣ китайцевъ, цѣлыми селеніями живутъ въ краѣ корейцы. Изъ общаго числа 28,295 жителей крестьяне составляютъ $53,_{6}$% (15,176), корейцы и китайцы $36,_{3}$% (10,293), казаки $10,_{1}$% (2,826).

Посѣвы,—сѣвооборотъ.

Жители Южно-Уссурійскаго края преимущественно занимаются земледѣліемъ. Въ 1887 г. находилось подъ разными посѣвами $25,187,_{59}$ десятинъ земли, что на каждую душу мужскую и женскую составитъ $0,_{88}$ десятинъ. Подраздѣливъ живущихъ въ краѣ по категоріямъ, получимъ: у крестьянъ старожиловъ, переселившихся съ 1866 по 1880 г., запашки на каждый дворъ—$8,_{39}$ десятинъ; у казаковъ—$7,_{21}$; у корейцевъ—$5,_{80}$; у крестьянъ новоселовъ, переселившихся въ край съ 1880 по 1887 годъ, —$4._{56}$ десятинъ. Плодородіе почвы, степень урожая находится въ прямой зависимости отъ сѣво-

оборота, т. е. отъ того послѣдовательнаго чередованія засѣвовъ полей сѣменами гречи, пшеницы, ярицы, овса и др. на одной и той же пашнѣ, которая принята въ мѣстности. Прежніе жители края — корейцы, распахивая дѣвственную почву, залежи, въ первый годъ сѣяли гречу. Наши переселенцы, старожилы и новоселы, наши казаки, занявъ мѣста своими селеніями, поднимая плугомъ и сохой залежи, въ первый годъ разбрасываютъ по полю тѣ же сѣмена гречи. Возьмемъ, напримѣръ, селеніе Покровку. Тамъ землю для ярицы и пшеницы вспахиваютъ однажды осенью до Покрова, а для другихъ хлѣбовъ — по веснѣ, и посѣвы бываютъ до Николина дня. До сихъ поръ двойной перепашки еще не было. Послѣ гречи на слѣдующіе годы сѣется пшеница, года три, или четыре подъ рядъ, иногда пшеница замѣняется ярицей; затѣмъ сѣютъ вновь гречу или, овесъ, или послѣдовательно то и другое, и переходятъ вновь къ пшеницѣ и ярицѣ, не оставляя земли подъ паромъ, не бросая ее въ засѣвахъ. Покровка — крестьянское селеніе. Возьмемъ казачій поселокъ Комисаровку. Казаки заселили мѣсто въ 1879 году. По новой землѣ они сѣютъ гречу (нѣкоторые овсы, но плохи бываютъ); затѣмъ три, четыре года пшеницу (причемъ, понятно, урожай уменьшается); далѣе овесъ года два или три и, наконецъ, ярицу; нѣкоторые овесъ сѣютъ однажды, а потомъ переходятъ на гречу, пшеницу, овесъ. Весною пашутъ сохами на лошадяхъ и на волахъ. Гречу сѣютъ въ тотъ же годъ, а для пшеницы — земля пролежитъ вспаханной цѣлое лѣто. Послѣ гречи сѣютъ подъ борону, не вспахивая земли. Если сухая осень, то пашутъ по осени, а при дождяхъ отлагаютъ до весны. Подъ овесъ всегда пашутъ весной. Подъ гречу тоже по веснѣ и при томъ перепахиваютъ землю дважды: 15 — 20 мая въ первый разъ и 10 — 15 іюня другой разъ. Если на поляхъ пшеницы, ярицы и ячменя есть травы, то эти поля полютъ, при чемъ въ этой работѣ принимаютъ участіе и женщины, а иногда и дѣти. Этотъ обычай полоть хлѣбныя травныя поля относится ко всѣмъ селеніямъ края. Гречу и овесъ не полютъ. Ежегодно понемногу приходится полоть, то тотъ, то другой хлѣбъ. Бороны чаще встрѣчаются съ желѣзными зубьями, чѣмъ съ деревянными. Необходимость

экономическая заставляетъ пахать чаще на парѣ, чѣмъ на тройкѣ или на четверкѣ лошадей. Вводится батрачный способъ обработки земли, т. е. не личнымъ трудомъ домохозяевъ, а при помощи найма: корейцы-работники ежегодно жнутъ, молотятъ, косятъ. Это явленіе можно замѣтить повсюду. Жнутъ корейцы по 6 — 8 руб. съ десятины на хозяйскихъ харчахъ; молотятъ 3—5 р. съ 1000 сноповъ, тоже на хозяйскихъ харчахъ; косятъ по 50 коп. въ день. Во всемъ поселкѣ, Комисаровкѣ, приблизительно у половины всѣхъ домохозяевъ были корейцы за послѣдній годъ, и молотили хлѣбъ, но, конечно, не весь хлѣбъ вымолотили, часть осталась для личнаго труда домохозяевъ. Изъ общаго числа 37 домохозяевъ—7 домохозяевъ нанимали корейцевъ косить поденно. Какое бы селеніе въ краѣ вы ни взяли, вездѣ встрѣтите тотъ же сѣвооборотъ, тотъ же батрачный трудъ и черезъ десять лѣтъ приблизительно отдыхъ земли; тотъ же способъ захвата земли и тотъ же повсемѣстный обычай полоть поля, очищая ихъ отъ сорныхъ травъ. Крестьяне и казаки земель подъ пашни не дѣлятъ на сходахъ, а каждый беретъ себѣ землю тамъ, гдѣ ему вздумается. Изъ всей распахиваемой земли въ $25{,}187{,}_{,9}$ десятинъ на пшеницу, овесъ, ярицу и гречу приходится болѣе трехъ тысячъ десятинъ на каждый сортъ, на бобы и разныя проса — болѣе тысячи на каждый сортъ, на ячмень, чумизу, картофель—болѣе девяти сотъ десятинъ на каждый сортъ, буды — 609 десят., кукурузы—453¼ дес., конопли — 138 дес., льна—107 дес., подъ огородами—165 дес., ржи — 135 дес., кауляну — 95 дес., гороху—39 дес.

Количество засѣваемыхъ на десятинѣ сѣмянъ.

Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ двѣ системы хозяйствъ: Граппа (манзовская, китайская) и обыкновенная русская система посѣва въ разбросъ. Послѣдняя требуетъ большаго количества сѣмянъ на десятину, почти вдвое большаго сравнительно съ системой хозяйства китайской. Возьмемъ, напримѣръ, сѣверный пунктъ края, с. Турій Рогъ, гдѣ подъ тонкимъ слоемъ чернозема находится глинистый пластъ.

Наши крестьяне, конечно, ведутъ посѣвъ по русски въ разбросъ, измѣряя десятину 40 саж. ширины и 80 длины. Сѣютъ на десятинѣ пшеницы и ярицы по 12 пудовъ, овса—14 пудовъ, гречи 8—10 пудовъ. Въ станицѣ Полтавкѣ, гдѣ десятины измѣряются 40 и 80 саж., подъ легкимъ слоемъ чернозема находится супесокъ. На десятину пшеницы, ярицы, овса и ячменя высѣваютъ по 9 пудовъ сѣмянъ, гречи 5 пудовъ. Въ корейскомъ селеніи Синельниковѣ, гдѣ ведется хозяйство манзовскимъ, китайскимъ способомъ и десятины измѣряются 40 и 80 саж., и подъ легкимъ слоемъ чернозема находится также супесокъ, на десятинѣ высѣвается: пшеницы — 7 пудовъ, ярицы — 6 пудовъ, ячменя — 3 пуда, чумизы — 1 пудъ, бобовъ 2 пуда, гречи — 3 пуда. Говоря вообще, размѣры количества засѣваемыхъ сѣмянъ на единицѣ площади различны, что находится въ зависимости отъ качества почвы, отъ единицы измѣренія (казенная или экономическая десятина), отъ системы хозяйства, а также и отъ того — крѣпкая ли земля, залежь, или мягкая, прежде уже воздѣланная. Въ краѣ то въ однихъ селеніяхъ, то въ другихъ изъ года въ годъ проявляется на корню дурное, вредное, ядовитое хлѣбное зерно. Участокъ, гдѣ никогда не родится дурнаго, вреднаго хлѣба, отъ потребленія котораго съ крестьянами бываетъ рвота, головныя боли, головокруженія, упадокъ физическихъ силъ (въ 1887 г. болѣло отъ хлѣба до 900 душъ обоего пола), участокъ, гдѣ нѣтъ урожаевъ вредныхъ хлѣбовъ, не великъ: это земли селеній Алексѣе-Никольскаго, Ѳаддѣевки, Полтавки, Константиновки, Синельникова, Пуциловки, Кроуловки, Корсаковки, Барановки, Лѣсной и Комиссаровской. Остальныя мѣста Южно-Уссурійскаго края подъ легкимъ слоемъ чернозема имѣютъ красную, синюю или бѣлую глину. Послѣдняя почва не можетъ назваться благопріятной для сельскаго хозяйства. Влага, не проходя глинистаго пласта, порождаетъ сырость, отчего появляется паразитный, микроскопически малый, грибокъ на хлѣбныхъ злакахъ—*puccinia etc.* Дурные, вредные, ядовитые пораженные ржавчиковымъ грибкомъ хлѣбные злаки были въ краѣ и прежде. Это явленіе наблюдается и теперь. Ржавчина заражаетъ пшеницу, ярицу, ячмень и овесъ.

Урожай съ десятины или сколько самъ.

Урожай десятины не должно смѣшивать съ тѣмъ понятіемъ, какое мы имѣемъ отъ „самъ сколько". Часто въ Южно-Уссурійскомъ краѣ крестьяне говорятъ, что они съ десятины снимаютъ болѣе зерна, чѣмъ корейцы или китайцы. Иногда таковое заявленіе справедливо. Въ большинствѣ случаевъ, не смотря на разницу системъ въ хозяйствѣ, русскіе и корейцы съ китайцами съ единицы площади посѣва получаютъ одинаковое количество хлѣбныхъ зеренъ, но при этомъ не должно позабывать, что манзовская система требуетъ почти что вдвое меньше сѣмянъ при посѣвѣ, чѣмъ русская. Китайцы и корейцы хлѣбъ сѣютъ рядами на грядахъ, на 18 дюймовъ разстоянія одна гряда отъ другой, при чемъ хлѣбъ выпалываютъ, очищаютъ отъ сорныхъ травъ раза три въ продолженіе лѣта. Ясно, что хлѣбъ у нихъ родится сравнительно съ русскими посѣвами, чистый, безъ примѣсей, зерномъ крупнѣе, цвѣтнѣе, словомъ лучше. Наши крестьяне и казаки пока не хотятъ перенимать этотъ способъ обработки земли, они предпочитаютъ болѣе легкій, хищническій. Урожай хлѣбовъ въ краѣ вовсе нельзя назвать баснословно высокимъ, даже посредственнымъ. Посмотримъ на крестьянское селеніе Троицкое, образовавшееся въ 1867 году. Урожаи хлѣбовъ тамъ прежде были лучше. Съ копы, въ 60 сноповъ, вымолачивали до 10 пудовъ, а теперь съ тѣхъ же 60 сноповъ вымолачиваютъ 5 — 6 пудовъ. Прежде, когда была новая, дѣвственная земля, снимали 18—20 копенъ, а теперь иногда копенъ 5—4, т. е. прежде урожай съ десятины былъ 180—200 пудовъ, а теперь 30 — 40 — 50 пудовъ пшеницы. Соломой пшеница стала родиться мелкая, тонкая, колосъ мелкій, въ немъ три четыре зерна. Хотя и теперь ежегодно распахиваютъ залежи по 2 и по 1 десятинѣ, однако эта земля, какъ остатокъ, поплоше и родитъ хуже. Урожай овса на старой землѣ хуже. На новой землѣ бывало 18 –20 копъ, а въ 1887 году — 12 копъ, т. е. пудовъ 80 съ десятины. Гречи въ одномъ хозяйствѣ съ 4-хъ десятинъ сняли такое

количество, что 300 пуд. могли продать въ интендантское вѣдомство, кромѣ того, на сѣмена осталось и сами семьей ѣли и сыты были. У казаковъ въ ст. Полтавкѣ урожай пшеницы 1887 года — 60 пудовъ съ десятины; прежде были урожаи и въ 80 пудовъ, ярицы—60 пудовъ. Въ продолженіе 8 лѣтъ раза два пшеница была пустовата. Овесъ переростаетъ, падаетъ и даетъ 40 пудовъ съ десятины. На новыхъ земляхъ хлѣбъ часто падаетъ. Въ корейскомъ селеніи Синельниково, при посѣвахъ манзовской системы, пшеница и ярица въ урожайный годъ даетъ по 100 пудовъ съ десятины; въ среднiй годъ 50 — 60 пудовъ; въ неурожайный годъ 25 пудовъ. Ячмень въ урожайный годъ даетъ 90 — 80 пудовъ съ десятины; въ средній годъ 55 пудовъ, въ неурожайный годъ 15 пудовъ; чумиза въ урожайный годъ даетъ 160—170 пудовъ съ десятины; въ средній годъ 130 пудовъ, въ годъ плохаго урожая 80 пудовъ; греча въ урожайный годъ даетъ 40 пудовъ, бобы—70 пудовъ.

Каковы сѣмена пшеницы, ярицы, овса и др.

Въ хозяйствахъ какъ частныхъ землевладѣльцевъ, такъ и крестьянъ иногда встрѣчаются сельско-хозяйственныя машины (даже жнеи), выписанныя изъ Америки и Европы. На разныхъ участкахъ, у крестьянъ и казаковъ, пробовались сѣмена разныхъ странъ, привезенныя изъ Европейской Россіи, изъ Америки, изъ Забайкалья Азіи. Но результаты попытокъ весьма неутѣшительны: сѣмена перерождаются. Въ самомъ большемъ, лучшемъ, центральномъ селеніи Никольскомъ, пшеница прежде была и зерномъ лучше и соломой крупнѣе. До 80 года и не слыхали про дурную, вредную, ядовитую пшеницу (можетъ быть, скрывали). Для сѣмянъ посѣва оставляется хлѣбъ на зиму въ стогахъ, въ кладяхъ и молотятъ по веснѣ, при чемъ при вѣяніи отбирается крупное зерно. Прежде пахали повыше мѣста и не было дурной, вредной пшеницы; теперь повыпахали, на низу стали пахать, появилась пшеница дурная. „И у манзовъ, и у корейцевъ, при ихъ хозяйствѣ, бываетъ дурная, ядовитая пшеница“, говорятъ никольскіе крестьяне, когда имъ за-

являютъ про преимущества манзовскаго способа обработки земли. Выписывали сѣмена изъ Америки лѣтъ пять; года два сѣмена выдерживаютъ, даютъ хорошій урожай, а затѣмъ степень урожая уменьшается, пшеница для сѣмянъ дѣлается негодною. Въ селеніи Никольскомъ ярицу стали сѣять съ самыхъ первыхъ годовъ, со времени заселенія мѣстности. Сѣмена овса мѣстныя. Часто овесъ родится плохой и лошади отказываютэя его ѣсть. Перерождаются въ Южно-Уссурійскомъ краѣ не только сѣмена пшеницы, ярицы, овса, нѣтъ! перероду подвергаются также сѣмена конопли, которыя черезъ годъ, два дѣлаются ядовитыми настолько, что человѣкъ, наѣвшись сѣмени, страдаетъ галлюцинаціями въ продолженіе двухъ сутокъ. Перерождаются также сѣмена огородныхъ и бахчевыхъ растеній: были пробы, выписывали сѣмена изъ Москвы, но, къ сожалѣнію, хотя плодъ въ первый годъ бываетъ прекрасный, но сѣмена приходится обновлять ежегодно, выписывая ихъ кругосвѣтнымъ или сухимъ путемъ.

Сѣно, травы; ихъ урожай.

Достоинство травъ Южно-Уссурійскаго края невелико; травы сравнительно съ другими мѣстностями нецѣнны, низкаго качества. Ихъ косятъ по кочкамъ, по болотистымъ мѣстамъ, покрытымъ ржавчиной. Иногда травы бываютъ опасны, вредны для скота, причиняютъ болѣзни: поносъ, а иногда опухоли въ родѣ сибирской язвы. Крестьяне селенія Троицкаго говорятъ, что травы съ году на годъ дѣлаются болѣе съѣдобныя, мелкія, происходитъ, такъ сказать, „сбоина". Прежде травы были крупнѣе, скотъ ѣлъ только верхушки. Теперь снимаютъ съ десятины возовъ 10—12 сѣна. Въ продолженіе 18 лѣтъ былъ дважды неурожай травъ, — не было дождей, были засухи повсемѣстно по раіону. Рѣчка разливалась года два — три и подтапливала скошенную траву. Крестьяне оставались безъ сѣна, его уносило въ копнахъ, въ грядахъ, а иногда сѣно сгнивало, будучи подмочено. Въ другихъ селеніяхъ скашиваютъ иногда по 20 возовъ сѣна съ десятины, но всѣ покосы почти приходится имѣть по низменнымъ мѣстамъ, по водѣ, покрытой ржавымъ водорослемъ.

Лѣса и палы.

Большая часть холмистой поверхности Южно-Уссурійскаго края покрыта лѣсами. Впрочемъ, сѣверъ и западъ края нуждаются въ строевомъ лѣсѣ и покупаютъ его на китайской территоріи, за границей, при чемъ бревно въ 9 аршинъ длины съ доставкою обходится крестьянамъ и казакамъ по 1½, по 2 и даже по 2½ р. Сѣверъ и западъ—населеннѣйшія мѣста. Востокъ и югъ менѣе нуждаются въ лѣсѣ. Лѣсопромышленники утверждаютъ, что 70% лѣса на той или другой площади находится дупловатаго, подгнившаго, а потому и не привлекаются капиталы къ лѣсной промышленности. Мелкій кустарникъ, на дрова, по всѣмъ селеніямъ имѣется. Такихъ прекрасныхъ лѣсовъ, какіе находятся въ Московской, Смоленской, Тверской, Владимірской, Тульской и другихъ губерніяхъ центральной Россіи, мы не встрѣтимъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Сильные вѣтры часто изъ дерева дѣлаютъ карягу, неудобную не только для подѣлокъ, но иногда и для дровъ. Породы деревъ, впрочемъ, разнообразны: бѣлая и черная береза, дубъ и „бархатъ" (пробковое дерево), лиственница и др. Въ краѣ бываютъ ежегодные лѣсные пожары, *палы*. Палы всего болѣе причиняютъ вредъ лѣсамъ края отъ о. Ханка до Амурскаго залива, состоящимъ почти исключительно изъ бѣлаго и чернаго березняка и дубняка, произростающихъ рѣдкими насажденіями на почвѣ, густо покрытой травяной растительностію, гдѣ палы хотя и мало причиняютъ вреда старымъ деревьямъ, но за то уничтожаютъ весь молоднякъ; а такъ какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ происходитъ рубка старыхъ деревьевъ, то, за уничтоженіемъ огнемъ молодняковъ, уничтожаются и самыя лѣсныя пространства. Лѣсамъ края громадный вредъ причиняютъ также устраиваемыя тамъ китайцами засѣки для ловли *изюбрей*. Засѣки эти, т. е. срубленныя и поваленныя одно на другое деревья до такой высоты, чтобы не могъ черезъ нихъ перескочить звѣрь, тянутся иногда на десятки верстъ. Тѣми-же китайцами истребляются дубовые лѣса края для грибнаго промысла. Въ

Китаѣ одно изъ любимыхъ блюдъ — древесные грибы, для полученія которыхъ срубаются дубовыя деревья и на нихъ, на слѣдующій годъ, выростаютъ грибы, собираемые китайцами для сбыта въ Китай, гдѣ они продаются по 7 р. пудъ. Лѣсные палы, впрочемъ, приносятъ не исключительно вредъ, но отчасти и пользу. Они даютъ удобныя для земледѣлія поляны; уничтожая высокую, болѣе сажени высоты, траву, неудобосъѣдобную для скота, они порождаютъ травы болѣе мелкія, болѣе питательныя; уничтожаютъ сырость и мелкій паразитный, опасный для хлѣбныхъ злаковъ, грибокъ; уничтожаютъ въ громадномъ количествѣ находящуюся въ мелкихъ зарosляхъ мелкую мошкару, мѣшающую колонизаціи края (овцы не выдерживаютъ этихъ мошекъ и умираютъ, — говорятъ нѣкоторые крестьяне).

Каковъ скотъ, гдѣ покупаютъ.

Каждое хозяйство въ краѣ имѣетъ свои особенности по скотоводству: у казаковъ одно, у крестьянъ другое, у корейцевъ третье. Не подлежитъ сомнѣнію, что край нуждается въ лицахъ, которыя бы занялись скотоводствомъ: мясо нужно для войскъ. Въ казачьихъ станицахъ и поселкахъ, не смотря на то, что они заселились вдвое позднѣе крестьянъ старожиловъ, въ среднемъ выводѣ на каждый дворъ приходится больше скота, чѣмъ по селеніямъ остальныхъ участковъ, именно — $18_{,19}$; у крестьянъ и корейцевъ: въ Ольгинскомъ участкѣ — $17_{,96}$, въ Хайканскомъ — $11_{,74}$, въ Верхне-Уссурійскомъ — $8_{,41}$, въ Сучанскомъ — $7_{,96}$, въ Суйфунскомъ — $6_{,66}$, въ Посьетскомъ — $3_{,76}$. При этомъ принимаются въ соображеніе только лошади, волы, коровы и свиньи (овецъ ничтожное число: въ 111 селеніяхъ 561 овца). Казаки первенствуютъ, какъ по количеству лошадей, такъ равно по количеству коровъ, воловъ и свиней. Въ среднемъ выводѣ на каждый дворъ казака приходится $4_{,21}$ рабочихъ лошадей, $1_{,67}$ жеребятъ, $7_{,97}$ головъ рогатаго скота, изъ коихъ $0_{,33}$ воловъ и $4_{,28}$ свиней. Лошади и коровы повсюду распространены сибирской забайкальской породы, которая, впрочемъ, теперь уже смѣшивается съ мелкой корейской породой. Лошади цѣнны: сред-

няго достоинства, невзрачныя на видъ, стоятъ 100—150 руб.; коровы 50—60 руб.; волы — 100 руб. Уходъ за скотомъ у крестьянъ и казаковъ плохой: рѣдко въ селеніяхъ можно встрѣтить хлѣвъ, или сарай для скота; чаще они стоятъ подъ открытымъ небомъ, едва не по колѣна въ навозѣ, въ грязи. Коровы молока даютъ немного: ½ ведра въ сутки—это рѣдкость, а то обыкновенно гораздо меньше. Телята сосутъ коровъ едва не по году. Часто коровы телятся черезъ два года. Масла для покупки найти по всѣмъ селеніямъ не легко; лично мнѣ приходилось покупать по 60 к. за фунтъ. Мясо и свинина продается по 15 коп. за фунтъ, а иногда и дороже. Овчины и полушубки доставляются изъ Европейской Россіи моремъ: хорошая черная овчинная выкрашенная шуба стоитъ 25 руб.

Зданія: избы, церкви, школы и проч.

Южно-Уссурійскій край еще не богатъ постройками, которыя здѣсь по преимуществу строятся изъ дерева. Собственникомъ кирпичныхъ большихъ двухъ-этажныхъ зданій во Владивостокѣ, въ селеніи Никольскомъ, въ селеніи Раздольномъ и другихъ мѣстахъ является военное вѣдомство, воздвигнувшее нѣсколько прекрасныхъ корпусовъ казармъ. Изъ дикаго камня, котораго повсюду изобиліе, построекъ почти-что нѣтъ: нѣкоторые говорятъ при этомъ, что мѣстный камень неудобенъ для построекъ, слишкомъ пористъ и легко покрывается лишаями. Избы строятся изъ черной березы и кедра. Нѣкоторые крестьяне и казаки имѣютъ на своихъ земляхъ хутора; въ селеніи Никольскомъ, состоящемъ изъ 255 дворовъ, почти всѣ домохозяева имѣютъ свои хутора—заимки. Жилыя зданія крестьянъ и казаковъ очень не велики по размѣру, причемъ внутренность жилья у казаковъ отличается чистотою, уютностью; у крестьянъ болѣе грязи, сырости. Казаки преимуществуютъ предъ крестьянами и количествомъ зданій. Сравнимъ 10 селеній казаковъ съ 21 селеніемъ крестьянъ Ханкайскаго участка. Въ среднемъ выводѣ на каждый дворъ жилыхъ строеній у казаковъ $1,_{11}$, у крестьянъ—$1,_{09}$; амбаровъ: у первыхъ $0,_{48}$, у вторыхъ $0,_{39}$; мель-

ницъ: у казаковъ 27, у крестьянъ только 20; церквей по одной; школъ: у казаковъ 2, у крестьянъ 1; лавокъ: у казаковъ 3, у крестьянъ на 20 селеній—2 (кромѣ того, въ селеніи Камень-Рыболовѣ — 7 лавокъ торговыхъ). По этимъ цифровымъ даннымъ можно имѣть представленіе и объ остальныхъ селеніяхъ края, каковы тамъ постройки и сколько ихъ. Корейскія и китайскія зданія строятся изъ глины съ соломенною кровлею. Мною подмѣчено два типа жилыхъ строеній корейцевъ, отличающихся одинъ отъ другаго исключительно тѣмъ, что одни зданія кромѣ комнатъ мужской и женской, кромѣ кухни имѣютъ еще два стойла-комнаты: комната для коровы и комната для другихъ животныхъ; хлѣвы примыкаютъ къ кухнѣ съ противоположной стороны отъ комнатъ мужской и женской. Другой типъ меньшихъ по размѣру зданій не имѣетъ этихъ хлѣвовъ для скота. Кстати будетъ сказать, что корейцы и китайцы молокомъ коровы не пользуются.

Хорошая глиняная *фанза* изъ глиняныхъ кирпичей стоитъ до 300 руб. Конюшни и хлѣвы для коровъ у корейцевъ лучше устроены, чѣмъ у русскихъ жителей, у которыхъ вы этого не увидите. На дворѣ-же въ сараяхъ находятся конныя мельницы, ручныя машины, вѣялки, а также птичники. Дворъ у корейцевъ часто обносится высокимъ, тонкимъ, изящной работы плетнемъ, изъ тонкихъ, чистыхъ прутьевъ тальника (мы иногда имѣемъ подобнаго плетенія нашу мебель). Большинство нашихъ кирпичныхъ казармъ сооружено корейцами и китайцами, которые вмѣстѣ съ этимъ служатъ хорошими плотниками и столярами. Они-же по большой части ведутъ и мелочную торговлю, довольствуясь при торговлѣ самымъ ничтожнымъ процентомъ барыша. О количествѣ строеній у крестьянъ и казаковъ приведемъ болѣе подробныя данныя: въ Ханкайскомъ участкѣ: на 621 дворъ приходится 683 избы и 20 мельницъ, изъ коихъ 5 водяныхъ, 10 вѣтряныхъ, 2 конныхъ и 3 мутовки. Въ сел. Камень-Рыболовѣ находится небольшая деревянная церковь, съ причтомъ при ней; въ Турьемъ Рогѣ небольшая деревянная часовня съ причтомъ. Въ с. Камень-Рыболовѣ 7 торговыхъ лавокъ и въ с. Троицкомъ 2 лавки, въ остальныхъ 19 селеніяхъ нѣтъ ни одной

лавки. Въ Троицкомъ есть школа, съ 10 учениками, купленная за 100 руб. на средства, пожертвованныя Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ, во время пребыванія его въ краѣ, въ 1887 году. Въ Суйфунскомъ участкѣ на 1,514 дворовъ приходится 48 паровыхъ, водяныхъ, вѣтряныхъ и конныхъ мельницъ. Въ сел. Никольскомъ, Михайловкѣ, Корсаковкѣ есть небольшія деревянныя церкви съ причтомъ, а въ Красномъ Ярѣ и въ Борисовкѣ находится по маленькой часовнѣ, въ первомъ селеніи единовѣрческая. Школы находятся въ Корсаковкѣ, Никольскомъ, Покровкѣ, Пуциновкѣ, причемъ въ селѣ Никольскомъ имѣется спеціально приспособленное зданіе. Торговыя лавки имѣются въ селѣ Никольскомъ 54, въ Михайловкѣ 3, въ Покровкѣ 1 лавка. У Никольскихъ и Покровскихъ крестьянъ много заимокъ. Въ Ольгинскомъ участкѣ, въ постѣ св. Ольги, находится церковь и 2 торговыя лавки; по 2 лавки находится въ селахъ Калитнинскомъ и въ Новинкахъ. Въ Посьетскомъ участкѣ изъ 22 селеній церкви находятся только въ двухъ селеніяхъ, а школа въ одномъ селеніи; торговыя лавки: въ Богословкѣ 1 лавка, въ Посьетѣ 4 лавки, въ Новоневскомъ 3 лавки, въ Славчикѣ 4 лавки. Въ Сучанскомъ участкѣ находится 15 мельницъ, изъ нихъ 14 водяныхъ, 1 вѣтряная. Изъ 22 селеній только въ Шкотовѣ находится церковь, во Владиміро-Александровскомъ часовня; въ Цалухѣ школа и 6 торговыхъ лавокъ.

Охота, ягоды, огороды, грибы.

Главная цѣнная охота производится за границей, на Китайской территоріи. Но, впрочемъ, много охоты и на своей территоріи, особенно дичи, птицъ. Въ конечномъ сѣверномъ селеніи Турьемъ-Рогѣ крестьяне ежегодно продаютъ енота около 100 штукъ, лисицъ немного—около 5, барсуковъ до 50; енотовая шкурка продается по 2 руб., шкурка лисицы по 3 руб., барсука по 30 коп. Въ 1886 году убили тигра, продали китайцамъ и взяли за шкурку, кости и мясо 45 руб.; дикихъ козъ убиваютъ въ годъ до 200 штукъ, изюбръ немного, около 5; птицъ: фазановъ до 300, тетеревей до 100, гусей до 40, утокъ до 700, дрофъ до 30, всего 1,170. Въ сред-

немъ выводѣ на каждый дворъ приходится изъ охоты въ продолженіе года: 3 енота, $0_{,14}$ лисицы, $1_{,43}$ барсуковъ, $0_{,30}$ тигра, $5_{,71}$ дикихъ козъ, $0_{,28}$ изюбра, $0_{,14}$ кабановъ, $8_{,57}$ фазановъ, 3 тетерева, $1_{,14}$ гусей, 20 утокъ, почти 1 дрофа; всего на каждый дворъ приходится около 6 штукъ крупныхъ звѣрей, около 4 цѣнныхъ мелкихъ звѣрей и около 34 разныхъ птицъ. Рога изюбрей покупаются иногда китайцами за 100, 150, 300 рублей. Медвѣжья шкура продается на мѣстѣ за 7—10 рублей.

На озерѣ Ханка, имѣющемъ въ поперечникѣ около 60 верстъ, по рѣкамъ Сучану, Суйфуну и др. жители края охотятся за рыбой, особенно за *кэтой*; попадаются также осетръ, верхоглядъ, сазанъ, сомъ, калуга, ерши, лещи, угри, щука, касатки, карась, золотощечка, амуры (въ родѣ сазана). Ловлю рыбы нельзя назвать въ Южно-Уссурійскомъ краѣ промысломъ, нѣтъ, достаточно слова: охота. Въ большинствѣ случаевъ пойманная рыба идетъ для собственнаго употребленія. Для сбыта кэта большими партіями, послѣдняго привозятъ съ рѣки Амура, гдѣ ловля этой рыбы обращается въ промыселъ.

Въ краѣ были попытки разведенія садовъ, но они увѣнчались малымъ успѣхомъ. Только слива, резведенная отъ косточекъ, хорошо растетъ и даетъ плодъ въ селеніяхъ по берегу озера Ханка. Въ былое время роздавали виноградныя лозы, доставленныя изъ Европы. Частный землевладѣлецъ въ краѣ, г. Фикъ, получилъ 150 лозъ, но, посадивъ, на первый-же годъ остался лишь съ 15 лозами, на 2-й годъ—съ 3 лозами, а на 3-й осталось только 2 куста сомнительныхъ, маленькихъ въ три, четыре четверти. Есть мѣстами виноградъ въ дикомъ состояніи, но онъ плохо дозрѣваетъ, плохъ и на вкусъ. Возлѣ села Никольскаго и въ другихъ селеніяхъ находятся красная смородина, малина и клубника. Во многихъ мѣстахъ встрѣчается черемуха съ плодами хорошаго качества. Есть абрикосы возлѣ одного селенія—Константиновки. Дикая яблоня даетъ ничтожный плодъ, похожій по формѣ не на яблоко, а скорѣе на красную смородину, т. е. съ горошину по величинѣ. Вкусъ яблока также не представляетъ ничего цѣннаго. Европейскія яблоки не прививаются. Есть

мѣстами и твердая, сѣрая груша, но она не вкусна. Орѣшника много. Возлѣ Турьяго Рога иногда набираютъ орѣховъ цѣлыя возы. Грецкіе орѣхи не велики; скорлупа ихъ твердая, толстая, ядро незначительное. Кедровые орѣхи крупнѣе сибирскихъ, забайкальскихъ, но скорлупа ихъ значительно толще. Вообще, природа какъ-бы стремится защитить ядро отъ холодныхъ вѣтровъ и морозовъ и надѣляетъ орѣхи толстой скорлупой.

Огородничество распространено повсюду, но преимущественно въ Сучанскомъ и Посьетскомъ участкахъ, въ первомъ распахивается 77 десятинъ, а во второмъ 88 десятинъ, Огурцы, рѣдька, рѣпа, капуста, арбузы, дыни, тыквы—родятся хорошо. Сѣмена, впрочемъ, выписанныя изъ Европейской Россіи, вскорѣ перерождаются. Капуста снимается съ корня въ концѣ августа; если ее оставить долѣе, то на нее нападаетъ мелкая мошка, подтачиваетъ листки и портитъ кочанъ-вилокъ, который сложенъ плотнѣе европейскаго; онъ хотя меньше на видъ, но тяжелѣе. На арбузахъ и дыняхъ часто появляются особыя гнилостныя пятна. Картофель сажается въ большомъ количествѣ: во всемъ краѣ распахивается 934 десятины. Картофель привезенъ для сѣмянъ изъ Европейской Россіи, нѣсколько разныхъ сортовъ. Урожаи его хороши.

Крестьяне и казаки часто собираютъ грибы, которыхъ въ краѣ много. Грибъ *боровикъ* попадается такого достоинства, что въ Европейской Россіи пришлось-бы продать по 80 к. за фунтъ,—„самый хорошій грибъ“ говорятъ крестьяне. Иногда на зиму грибовъ насушиваютъ съ пудъ въ каждомъ семействѣ. Жители многихъ селеній занимаются добычею дикаго меда, котораго въ краѣ очень много. Дикихъ пчелъ сдѣлать домашними до сихъ поръ не удалось. Иногда изъ одного дерева, отъ одного роя пчелъ удается вырѣзать пуда $2^1/_2$ сотоваго меда. Въ продажѣ такой медъ около 15—17 к. фунтъ.

Рынки сбыта продуктовъ.

Центрами сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства въ Южно-Уссурійскомъ краѣ служатъ мѣста, гдѣ расположены на зим-

нихъ квартирахъ войска: г. Владивостокъ, Раздольное, Никольское, Камень-Рыболовъ, Анучино, Полтавка и прочіе. Обмѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на деньги или на товары не всегда происходитъ на мѣстѣ рынковъ. Иногда пріѣзжаютъ къ жителямъ селеній скупщики и покупаютъ продукты сельскаго хозяйства и охоты. Главнымъ скупщикомъ мѣстнаго хлѣбнаго зерна является интендантство. Чиновникъ особыхъ порученій ѣздитъ по селеніямъ, выдаетъ задатки, т. е. впередъ деньги подъ скупаемый хлѣбъ. Другихъ покупателей мѣстнаго хлѣбнаго зерна—нѣтъ, за исключеніемъ удовлетворенія небольшой иногда нужды между собою у крестьянъ или казаковъ. Рыночныя цѣны на хлѣбное зерно пшеницы и ярицы устанавливаются интендантствомъ; цѣны на овесъ—пока производителями. Невыгодное положеніе сельскихъ хозяевъ, имѣющихъ въ представителяхъ интендантства единственнаго скупщика, ясно само по себѣ, безъ комментарій. Продукты охоты: цѣнныя шкуры, цѣнные рога, кости, мясо—часто скупаются китайцами на мѣстѣ, въ селеніяхъ нашихъ крестьянъ и казаковъ. Кромѣ города Владивостока и села Никольскаго, гдѣ съ 1887 года открыты по воскреснымъ днямъ базарные дни, другихъ мѣстъ нѣтъ, куда народъ цѣлаго раіона съѣзжался-бы на обмѣнъ и продажу продуктовъ. Хлѣбное зерно, мясо, шкуры, овощи часто приходится вести за нѣсколько десятковъ верстъ; разстоянія селеній отъ главныхъ рынковъ сбыта очень значительны. Къ неудобствамъ относятся не только дальность разстоянія, но и неблагоустройство дорогъ. Грунтъ земли часто топкій и глинистый. Въ сырое время проѣзды затруднительны.

Санитарныя условія.

Санитарныя условія края никакъ нельзя назвать благопріятными. Морскіе туманы, иногда изобиліе дождей дѣлаютъ климатъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы слишкомъ влажнымъ. Самые рѣзкіе вѣтры въ зимніе мѣсяцы дѣлаютъ зимы, сравнительно съ другими мѣстностями, слишкомъ сухими. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ вредно отзывается на здоровьѣ и ростѣ излишняя сырость, которая присуща краю: въ лѣтнее

время даже костюмъ, платье, если его не чистить въ продолженіе трехъ-четырехъ дней, оно покроется зеленою плѣсенью. Но еще болѣе вреда отъ рѣзкихъ перемѣнъ въ температурѣ. Припомнимъ прежде сказанное объ октябрѣ мѣсяцѣ, о томъ, что 1-го числа по утру было $+4^0$R., среди дня $+33^0$R., а вечеромъ $+1^0$R. Такой замѣчательно рѣзкій переходъ отъ холода къ теплу и обратно, понятно, вредно отзывается не только на царствѣ растительномъ, но и на здоровьѣ человѣка. Порывистые, рѣзкіе сильные вѣтры, ломающіе 20-лѣтнія растенія и выдергивающіе ихъ съ корнемъ — служатъ третьимъ неблагопріятнымъ условіемъ санитарнаго состоянія края. Далѣе: мною уже было сказано, что всѣ почти покосы въ краѣ производятся по болотистымъ мѣстамъ, по маленькимъ кочкамъ, между которыми много воды, покрытой ржавчиной, водорослями. Отъ болотистыхъ мѣстъ во всемъ краѣ проявляются и свирѣпствуютъ лихорадки. Бываютъ иногда желудочныя и перемежающіяся лихорадки. Чесотки отъ нечистоплотности и ревматизмы отъ простуды— характерныя болѣзни Камень-Рыболовнаго участка. Эпидемическихъ болѣзней, чѣмъ-бы отличался край отъ мѣстностей Европейской Россіи,—нѣтъ.

Частное землевладѣніе.

Частныхъ землевладѣльцевъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ немного; всего наберется 13—15 лицъ, изъ коихъ каждый имѣетъ участокъ въ 100—150—200 десятинъ. Только одно лицо, г. Фикъ, арендуетъ 476 десятинъ казенной земли по условію на 24 года, причемъ въ первыя пять лѣтъ онъ платитъ по 10 коп., вторыя пять лѣтъ по 15 коп., остальные годы по 25 коп. за каждую десятину. Участки не болѣе 100 десятинъ раздаются даромъ. Хозяйство свое г. Фикъ ведетъ испольнымъ образомъ: на его дачѣ проживаетъ 11 китайцевъ, которые изъ половины урожая, пользуясь помѣщеніемъ и столомъ, обрабатываютъ землю по-китайски волами и лошадьми, принадлежащими г. Фику. Въ имѣніи 8 рабочихъ воловъ и 4 лошади. Первыя стоимостію отъ 75 до 100 руб., вторыя отъ 65—70 до 90 рублей. Орудіями служатъ: плугъ,

особый распашникъ, употребляемый китайцами и корейцами, катокъ для укатыванія, уравниванія почвы, подсѣйникъ для посѣва сѣмянъ по грядамъ, мотыжникъ для подмотыживанія и выдѣленія сорныхъ травъ. На гумнѣ, при молотьбѣ, орудія: каменные катки, которые лошадьми приводятся въ вращательное движеніе по колосьямъ хлѣба и обмолачиваютъ его; особыя грабли для сниманія соломы съ тока, китайскія вилы, сито и лотокъ. Залежъ въ имѣніи пашется въ маѣ и іюнѣ, около Петрова дня (отъ 15 іюня до 6 іюля) сѣется греча, въ концѣ августа ее косятъ (обыкновенно $^1/_2{}^0$ холода можетъ повредить ее). На той землѣ, гдѣ была греча, сѣется пшеница и притомъ обязательно по-русски въ разбросъ, такъ какъ система китайская требуетъ, чтобы хлѣбъ подмотыживали, а земля послѣ гречи, какъ новая земля, неудобна для этого, можно порвать корни. Во второй годъ, хотя пашется по-русски, но уже проводятъ бороздки на 18 дюймовъ разстоянія одну отъ другой, и хлѣбъ обмотыживается. На третій годъ посѣвъ уже вполнѣ по системѣ Граппа. Пшеница первый годъ даетъ приблизительно 140 пуд. съ десятины, второй годъ посѣва на той-же землѣ родится приблизительно 120 пудовъ, третій годъ—100 пудовъ, четвертый—80—60 пудовъ. Г. Фикъ находитъ, что ярица лучше родится, когда ее сѣютъ по-русски, въ разбросъ, чѣмъ бороздами; овесъ и ячмень даютъ лучшій урожай, когда сѣютъ бороздами; клеверъ при посѣвѣ бороздами не пойдетъ; греча требуетъ посѣва въ разбросъ; для конопли и льна посѣвъ въ разбросъ неудобенъ. Такимъ образомъ, для посѣва бороздами предназначаются: пшеница, просо, бобы, масляныя трабы, овесъ и ячмень.

Краткій обзоръ современнаго состоянія сельскаго хозяйства по р. Уссуры.

Поднимаясь сѣвернѣе Южно-Уссурійскаго края отъ озера Ханка по рѣкѣ Уссуры къ Хабаровкѣ, мы встрѣтимъ до двадцати казачьихъ селеній, расположенныхъ по берегу рѣки Уссуры, на границѣ съ Манджуріей; кромѣ того, одинъ поселокъ расположенъ по притоку Уссуры, Кію, другой по при-

току той же рѣки, Викину, и третій по рѣкѣ Сунгачѣ. Все остальное пространство къ востоку отъ р. Уссуры къ морскому берегу — не имѣетъ селеній и лишь изрѣдка можно встрѣтить отдѣльно стоящее жилье—фанзу-гольда. Холмистая поверхность, покрытая лѣсомъ, на протяженіи 200—250 вер. до морскаго берега почти что не обитаема.

Во всѣхъ казачьихъ поселкахъ и станицахъ насчитываютъ 438 дворовъ, въ коихъ 1,562 душъ мужскаго пола и 1,441 душъ женскаго, а всего 3,003 души. Изъ общаго числа селеній въ четырехъ находится по одной церкви, въ пяти—по часовнѣ, въ трехъ — по одной школѣ, въ четырехъ — по запасному хлѣбному магазину. Во всехъ селеніяхъ насчитываютъ 3,060 лошадей и 3,275 коровъ, а въ двухъ селеніяхъ есть и овцы, въ одномъ—28, въ другомъ—12. Въ среднемъ выводѣ на каждый дворъ приходится $6,_8$ душъ обоего пола, $6,_9$ лошади и $7,_4$ коровъ.

Не смотря на близость лѣса, большая часть избъ не велики по размѣру, кровля кое-какая; дворы чаще загорожены слѣгами, или низкимъ изъ досокъ заборомъ; сараи, хлѣвы въ рѣдкость; скотъ стоитъ подъ открытымъ небомъ.

Всѣ казаки занимаются хлѣбопашествомъ, и огородами. Мышь, бурундукъ, нападая на поля большими стадами, много мѣшаетъ земледѣлію, поѣдая зерно, колосья; домашнія собаки, изъ породы китайской, любятъ есть свѣжіе огурцы, забѣгаютъ на огороды и портятъ гряды. Урожаи хлѣбовъ не велики, не болѣе самъ 6—8; травы также мало питательны, часто покрыты ржавчиною. Одна изъ доходныхъ статей—содержаніе почтовыхъ лошадей, что казною сдается жителямъ каждаго селенія: обыкновенно за это берутся два, три, четыре домохозяина въ каждомъ селеніи, получая по 600 и по 800 рублей ежегодно на каждую тройку лошадей, содержимыхъ для почты. Въ лѣтнее время доходною статьею служитъ нагрузка дровами пароходовъ, свершающихъ свои рейсы по рѣкѣ Уссуры, Сунгачѣ и озеру Ханка, отъ селенія Камень-Рыболовъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ до Хабаровки на Амурѣ. Хороша также доходная статья отъ охоты: козуль (дикихъ козъ) и кабановъ множество; иногда до сорока, до пятидесяти штукъ ежегодно набиваетъ каждый домохозя-

инъ, питаясь мясомъ съ своимъ семействомъ и продавая избытокъ шкуръ дохами, цѣнностію отъ 8 до 15 рублей; мяса, дичи-птицъ ѣдятъ много; рыбы въ краѣ тоже изобиліе. У всѣхъ теплая одежда хорошая, на головахъ цѣнныя десятирублевыя изъ лисьихъ лапокъ шапки.

Хороша бы жизнь, да рынковъ сбыта продуктовъ нѣтъ, или они находятся далеко; сбытъ произведеній затруднителенъ: всего, кажется, много, да денегъ нѣтъ, трудно ихъ достать, а нужда въ нихъ чувствуется,—то скотинку купи, то соли и разной кухонной посуды и приправы, то краснаго товара, то желѣзнаго, шепнаго и пр. Зимній путь—по льду рѣки Уссуры. Въ 1887 году снѣгу было аршина на два. Козули и кабаны, проваливаясь въ пушистомъ снѣгу, часто убивались не пулей ружья, а палками охотниковъ, легко догонявшихъ свою жертву на лыжахъ. Хлѣбныя сѣмена теперь уже мѣстныя, но первоначально были привезены изъ Забайкалья. Хлѣбныя и огородныя сѣмена вскорѣ перерождаются,—выписанныя изъ Москвы пригодны только на первый годъ. Скотъ мелокъ и дорогъ. Коровы дики; безъ телка не даются доить; молока въ удоѣ немного; телятся чаще черезъ два года. Сибирская язва и чума нерѣдко проявляются въ этихъ селеніяхъ, нанося хлѣбопашцамъ значительный убытокъ. Навозомъ для удобренія полей не пользуются; земли распахиваютъ на правѣ захвата, выкорчевывая пни. Затѣмъ обработанная земля засѣвается изъ году въ годъ до тѣхъ поръ, пока она не перестанетъ давать плода. Рожь нигдѣ не сѣется; въ употребленіи — пшеница, ярица, греча, овесъ и ячмень.

Краткій обзоръ современнаго состоянія сельскаго хозяйства по р. Амуру.

Болѣе удобствъ для земледѣлія представляетъ мѣстность по рѣкѣ Амуру отъ Хабаровки вверхъ по теченію, въ Амурской области. Послѣдняя въ настоящее время заселена главнымъ образомъ по берегамъ рѣкъ: Амура, Зеи и Буреи. Урожаи хлѣбовъ хороши, падежа скота меньше, чѣмъ въ Уссурійскомъ краѣ, всякій переселенецъ скорѣе находитъ себѣ мѣсто, приписывается къ крестьянскому обществу и

получаетъ въ надѣлъ сто десятинъ на семью, сколько бы душъ въ ней ни было. Въ настоящее время въ Амурской области насчитываютъ: 17,660 душъ городскаго населенія, 18,186 душъ—казачьяго, 17,255—крестьянскаго, 6,160—пріисковыхъ рабочихъ, 14,500 манджуръ, китайскихъ подданныхъ, оставленныхъ по Ангуйскому договору на нашей территоріи подъ управленіемъ китайскихъ властей, и до 2,000 душъ бродячихъ инородцевъ—орочанъ, тунгусовъ, манегровъ, гольдовъ. Такимъ образомъ, все населеніе области достигаетъ до 75,764 душъ. Въ области до 6 тысячъ сектантовъ: духоборцы и молокане составляютъ 4,436 душъ, старообрядцы—1,532 души. Сельское хозяйство, какъ полеводство, скотоводство, такъ равно и домоводство лучше поставлено у сектантовъ, чѣмъ у крестьянъ православныхъ или казаковъ.

Земледѣліе составляетъ основу экономической дѣятельности населенія Амурской области. Привольныя дѣвственныя земли новаго края способны къ воздѣлыванію многихъ зерновыхъ хлѣбовъ и масличныхъ растеній, и при обработкѣ земледѣльцы не обращались еще къ искусственному удобренію воздѣлываемыхъ полей. Точно также при изобиліи удобной земли, въ средѣ крестьянскихъ поселеній не возникало еще ни одного случая раздѣла общественной пахатной земли: каждый обрабатываетъ тотъ участокъ, который облюбуетъ. Размѣры посѣвовъ съ году на годъ увеличиваются, такъ, въ 1880 году было посѣяно разныхъ хлѣбовъ 169,989 пудовъ, въ 1882 году—239,759 пудовъ, въ 1886 г,—290,024 пуда на 30 тысячахъ десятинъ. Обработка полей производилась лошадьми и волами. При содѣйствіи администраціи въ средѣ хлѣбопашцевъ распространяются болѣе усовершенствованныя земледѣльческія орудія въ видѣ плуговъ, жней, молотилокъ и вѣялокъ, которыя населеніе считаетъ удобопримѣнимыми и охотно ихъ пріобрѣтаетъ и примѣняетъ. Если въ Уссурійскомъ краѣ мы видимъ, что рожь весьма мало засѣвается, то въ Амурской области обратно — рожь преимуществуетъ, посѣвы ея какъ у крестьянъ, такъ и у казаковъ большіе: на 164 тысячи пудовъ посѣянныхъ сѣмянъ у крестьянъ — 58 тысячъ приходится на рожь, 47 тыс. на овесъ, 30 тыс. на пшеницу, 15 тыс. на гречу, 11 тыс. на картофель и около 1 тыс. на

ячмень; на 111 тысячъ пудовъ, посѣянныхъ сѣмянъ у казаковъ, 35 т. приходится на рожь, 22 т. на картофель, 21 т. на овесъ, 18 т. на пшеницу, 11 т. на гречу, около 1 т. пудовъ на ячмень. Есть въ области одно русское корейское селеніе, Благословенное, гдѣ обработка полей производится китайскимъ манзовскихъ способами, и урожай хлѣбовъ отъ этого у нихъ получается сравнительно самый большой, въ общей совокупности у нихъ получается самъ $13,_7$, у крестьянъ—самъ $8,_5$, у казаковъ—самъ $5,_4$. Если принять круглымъ числомъ на пропитаніе человѣка въ годъ 20 пудовъ хлѣба, то окажется, что въ среднемъ выводѣ все населеніе области имѣетъ излишка по 8 пудовъ и 10 фунтовъ на душу, что идетъ на продажу.

Сѣнокосной земли въ Амурской области немного; луга, находящіеся по берегамъ рѣкъ, большею частію затопляются, или во время самаго сѣнокошенія, или вскорѣ послѣ онаго; поэтому болѣе цѣнными считаются покосы по отдѣльнымъ полянамъ и падямъ. Мѣстныхъ породъ злаки, по общему мнѣнію хлѣбопашцевъ, считаются малопитательными. Мѣстная администрація выписываетъ изъ Москвы сѣмена лучшихъ сортовъ кормовыхъ травъ и роздаетъ ихъ для посѣва.

Огородничествомъ казаки и крестьяне занимаются, главнымъ образомъ, для домашняго своего обихода. Только немногіе занимаются продажею овощей на золотые пріиски для продовольствія рабочихъ и въ Хабаровку, сосредоточившую въ послѣднее время въ себѣ много чиновничьяго и военнаго сословія. Крестьяне разводятъ арбузы и дыни, но главная трудность въ культурѣ ихъ состоитъ въ быстромъ вырожденіи сѣмянъ, которые необходимо обновлять ежегодно выпиской изъ внутреннихъ губерній.

Скотомъ область не слишкомъ богата, въ ней насчитываютъ около 35 тысячъ рогатаго скота, около 32 т. лошадей, около 8 т. свиней, около 4 т. овецъ и козъ и незначительное число, около 40 штукъ, верблюдовъ, служащихъ для перевозки тяжестей на золотыхъ пріискахъ. Лошади томскія и забайкальскія: первыя большею частію крупныя и сильныя, употребляются на пріисковыхъ работахъ и у крестьянъ, а послѣднія, какъ болѣе легкія и выносливыя, держатся вообще

казаками. На мясо для продажи въ Благовѣщенскѣ и на золотыхъ пріискахъ покупается скотъ въ сосѣдней съ нами Манджуріи, отъ которой пріобрѣтается въ годъ до 6,000 головъ. Лошади цѣнятся отъ 50 до 200 руб., рогатый скотъ отъ 30 до 70, мясо отъ 4 до 6 руб. пудъ.

Нѣкоторые крестьяне начинаютъ заниматься посѣвами конопли и льна; изъ послѣдняго ткутъ для продажи холстъ, сумма таковаго производства простирается до 3,000 руб. Занимаются также гонкою дегтя и смолы, выдѣлкою точильнаго и жерновнаго камня, продаютъ сѣно, поставляютъ на пароходы дрова, занимаются рыболовствомъ, звѣроловствомъ, сплавомъ лѣса, извознымъ промысломъ и содержаніемъ почтовыхъ лошадей. По всей области доходность отъ промысловъ доставляетъ жителямъ приблизительно 416 тыс. руб., при чемъ 342 тыс. у казаковъ и 74 т. у крестьянъ. Самая плодородная, самая удобная для заселенія мѣстность по рѣкѣ Амуру— это пространство между рѣками Зеей и Буреей.

ГЛАВА VI.

Къ переселенческому вопросу.

Мы, русскіе, обладая громадной территоріей, до настоящаго времени въ разговорной и литературной рѣчи не прибѣгаемъ еще къ точному наименованію мѣстностей, употребляя слова собирательнаго значенія какъ Сибирь, Кавказъ, Крымъ, Туркестанскій край, чрезъ что получается у насъ сплошь и рядомъ сбивчивыя представленія, неправильныя сужденія, неудачныя предпріятія, неправильныя мѣропріятія. Пора въ жизни отбросить такую терминологію, пора прибѣгнуть къ наименованію каждаго губернскаго и уѣзднаго городка, къ точному обозначенію мѣстъ губерніи, области, округа, уѣзда—и тогда мы въ правѣ ожидать болѣе разумнаго примѣненія силъ, познаній, энергіи, капитала, мы въ правѣ ожидать наискорѣйшаго развитія, обогащенія, прогресса. Въ жизни изъ устъ лучшихъ нашихъ представителей часто можно услышать огульное сужденіе о Сибири, что это хлѣбороднѣйшая страна, что она богатѣйшая, что въ горахъ тамъ много золота и другихъ цѣнностей, въ лѣсахъ неисчислимое количество пушныхъ звѣрей, въ водахъ — рыбъ. Слыша такія рѣчи, движнтся въ Сибирь десятками тысячъ рабочій — крестьянскій людъ, какъ переселенцы; сотни разныхъ предпринимателей съ капиталами и житейской опытностію стремятся ежегодно туда же, желая приложить свой трудъ. Но, увы! безъ знаній условій мѣстности получается полнѣйшее разочарованіе, непроизводительная затрата вре-

мени и капитала и въ результатѣ получается ежегодно многомилліонный дефицитъ не только у частныхъ предпринимателей, но и у правительства даже отъ такихъ богатыхъ мѣстъ, какъ приамурское генералъ-губернаторство.

Въ послѣдніе годы Сибирь привлекла всеобщее вниманіе: вопросъ о постройкѣ сибирской желѣзной дороги уже рѣшенъ, инженеры на громадномъ пространствѣ ведутъ развѣдки, просѣки; вопросъ объ избавленіи Сибири отъ порочныхъ лицъ стоитъ на очереди въ правительственныхъ сферахъ и у общества; переселенческій вопросъ и массовое движеніе крестьянъ въ Сибирь въ полномъ ходу; по всей Сибири идетъ административное преобразованіе; наконецъ, осуществилась давнишняя мечта—въ Сибири открытъ университетъ. Словомъ, Сибирь изъ прежняго „пугалища", какъ мѣста ссылки и каторги, выдвигается въ мнѣніи русскаго общества, какъ колонія, богатствами которой каждый желалъ бы воспользоваться по своему. Но, къ сожалѣнію, это дается съ большимъ трудомъ, при чемъ главнымъ тормазомъ служитъ недостатокъ рабочихъ силъ. Кому не извѣстно, какъ рѣдко населеніе Сибири?! На громадное ея пространство болѣе чѣмъ въ 12 милліоновъ кв. верстъ приходится менѣе 5 милліоновъ жителей, при чемъ губерніи Западной Сибири населены гуще восточной. Отношеніе густоты населенія приблизительно таково: въ Томской губерніи на 1 кв. версту приходится $1,_{36}$ жителей, въ Семипалатинской области — $1,_{22}$ жителей, въ Акмолинской области — $0,_{94}$, въ Тобольской губерніи —$0,_{92}$, въ Забайкальской — $0,_{89}$, въ Иркутской губерніи — $0,_{54}$, въ Енисейской—$0,_{19}$, въ Якутской—$0,_{07}$, въ Амурской—$0,_{06}$, въ Приморской—$0,_{04}$. Ясно, что мы воспользуемся богатствами Сибири только тогда, когда урегулируемъ такъ называемое *переселенческое движеніе*, когда предоставимъ земледѣльцамъ возможность передвинуться изъ предѣловъ Европейской Россіи въ Сибирь, давъ такимъ образомъ послѣдней болѣе рабочихъ рукъ.

Перемѣщенія крестьянъ, ихъ переселенія съ одной мѣстности на другую, свойственно русскому народу. Припомнимъ нашъ историческій *Юрьевъ день*, увѣковѣченный русской пословицей—„Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день". Во время

крѣпостнаго права крестьяне переселялись по усмотрѣнію своихъ помѣщиковъ изъ одной губерніи въ другую. Въ селахъ Самарской губерніи можно встрѣтить церковные приходы, состоящіе изъ нѣсколькихъ деревень, образовавшихся изъ выселенцевъ разныхъ губерній; одна деревня называется—Орловкой, такъ какъ жители ея пришли изъ Орловской губерніи, другая — Тамбовкой, третья — Пензяткой и проч. Переселеніе крестьянъ въ Сибирь началось тоже съиздавна, но особенно оно приняло большіе размѣры въ послѣдніе годы.

Краткое историческое обозрѣніе переселенія крестьянъ въ Южно-Уссурійскій край.

Присоединеніе Приамурскаго края къ нашему государству совершилось путемъ мирнаго договора съ китайскимъ правительствомъ. Наши войска въ этомъ фактѣ служили піонерами, но не завоевателями: пріобрѣтеніе громадной территоріи не стоило намъ ни одной капли крови. Фактическое обладаніе краемъ выразилось занятіемъ пограничной линіи по Амуру и Уссури казачьимъ населеніемъ, нарочно передвинутымъ на счетъ казны изъ состава конныхъ и пѣшихъ округовъ Забайкальскаго казачьяго войска. Такимъ образомъ начало колонизаціи Приамурскаго края было положено правительствомъ и составляло результатъ необходимости закрѣпить окончательно за государствомъ присоединенную пустынную территорію. Въ теченіе послѣдующихъ затѣмъ лѣтъ правительство предоставило свободу переселенія въ него для всѣхъ желающихъ, ограничивъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ лишь денежными воспособленіями на первоначальное домообзаводство и устройство хозяйства водворяющимся въ областяхъ Амурской и Приморской. Подобныя пособія назначались переселенцамъ, прибывавшимъ на Амуръ изъ Россіи по усмотрѣнію генералъ-губернатора въ неопредѣленномъ размѣрѣ или деньгами изъ экстраординарныхъ источниковъ, или въ видѣ провіанта и рабочаго скота, пріобрѣтаемыхъ изъ того же источника, а частію изъ бывшаго такъ называемаго военнаго капитала. Пособія въ опредѣленномъ размѣрѣ 130

рублей изъ государственнаго казначества назначены были лишь только отставнымъ нижнимъ чинамъ, изъявившимъ желаніе водвориться въ краѣ навсегда. Впрочемъ въ 1861 году на усиленіе приамурскихъ поселеній были отправлены до 15 тысячъ порочныхъ нижнихъ чиновъ бывшаго корпуса внутренней стражи, съ зачисленіемъ прибывшихъ изъ нихъ на Амуръ въ составъ Амурскаго казачьяго войска. Затѣмъ правительство регламентировало изданнымъ въ 1861 году положеніемъ порядокъ свободнаго заселенія Приамурскаго края, какъ запасной территоріи, предоставляемой естественному росту и развитію въ предѣлахъ своихъ собственныхъ средствъ и природныхъ болатствъ. Хотя законъ 1861 года предоставлялъ широкія льготы водворяющимся въ Приамурскомъ краѣ, освобождая какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, пріобрѣтающихъ участки земли во временное пользованіе или полное владѣніе, на 20 лѣтъ отъ всякихъ государственныхъ повинностей и податей, но тѣмъ не менѣе увеличеніе населенія двигалось медленно, такъ что съ 1860 по 1880 годъ число свободныхъ переселенцевъ въ Приморской области, не считая лицъ торговаго сословія разныхъ національностей и инородцевъ—оборигеновъ кочевниковъ, китайцевъ — манзъ, бродягъ, и корейцовъ эмигрантовъ—составляло только 5,660 душъ обоего пола. Причины такого медленнаго движенія колонизаціи въ краѣ нужно искать не только въ свойствахъ самаго края, сколько въ иныхъ условіяхъ.

Южно-Уссурійскій край—край не бѣдный. Онъ примыкаетъ къ морю и потому производительность его слѣдуетъ разсматривать съ двухъ сторонъ, отдѣливъ природныя богатства внутренней страны отъ береговой полосы. Страна перерѣзывается отъ сѣверо-востока на юго-западъ хребтомъ Сихота-Алинъ, который на югъ соединяется съ пограничною цѣпью, составляющею нашу границу съ Китаемъ. Рѣки, сбѣгающія съ этихъ горъ, принадлежатъ частію бассейну Амура, частію впадаютъ въ море. Хребты покрыты лѣсомъ, а долины между ними обильны черноземомъ. Уже такая общая характеристика даетъ поводъ разсматривать богатства края въ трехъ разныхъ направленіяхъ, а именно: относительно удобства условій для земледѣленія, лѣсныхъ промы-

словъ и богатствъ ископаемаго царства. Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ произростаютъ всѣ хлѣба южной полосы европейской Россіи. Русское населеніе, а равно живущіе въ краѣ корейцы и китайцы производятъ: пшеницу, ярицу, ячмень, овесъ, просо, буду, гречиху, горохъ, кукурузу, бобы, каулянъ, сузу. Обработка земли у китайцевъ производится съ особою тщательностію, съ иными пріемами, указывающими на высокую степень культурнаго развитія китайца по сельскому хозяйству. У русскихъ урожаи хлѣбовъ значительно меньше, можно утверждать, что вдвое меньше сравнительно съ китайцами. Впрочемъ урожаи въ краѣ часто бываютъ хороши и при русскомъ хозяйствѣ. Удобство почвы для хлѣбопашества доказывается почти повсемѣстными слѣдами древней запашки по китайскому способу и опытомъ поселившихся крестьянъ. Лѣса Южно-Уссурійскаго края состоятъ изъ разнообразныхъ породъ: на вершинахъ горъ растутъ хвойныя породы—ель, пихта, сосна, кедръ; нѣсколько ниже лѣсъ состоитъ изъ бѣлой и черной березы, ольхи, тополя, осины; у подошвы горъ встрѣчаются дубъ, липа, кленъ, ильма, ясень, грабъ, орѣховое дерево, пробковый дубъ. Лѣса изобилуютъ животными: промыселъ пушныхъ звѣрей — соболя, лисицы, энота, бѣлки и другихъ даетъ населенію цѣнную статью дохода; другіе же, какъ олени, козы, фазаны, утки, гуси улучшаютъ пищу окрестныхъ жителей; а иногда служатъ предметомъ сбыта. Между ископаемыми богатствами главное мѣсто занимаютъ золотыя розсыпи и каменный уголь. Главное богатство Японскаго моря — кэта (родъ семги), которая массами входитъ во всѣ рѣки для метанія икры. Осенью ловятъ сельдь. Промыселъ тюленій, сивучій и другихъ животныхъ у Татарскаго берега пока не обиленъ, но, съ постройкою небольшихъ каботажныхъ судовъ, обѣщаетъ хорошую выгоду у береговъ о. Сахалина. Каботажъ важенъ и для сообщенія съ многочисленными бухтами Татарскаго берега, гдѣ китайцы ловятъ морскую капусту, трепанговъ, крабовъ, раковъ.

Нѣтъ, причину медленнаго движенія колонизаціи въ краѣ еще въ 1880 году видѣли въ слѣдующемъ: 1) Водвореніе первыхъ переселенцевъ—казаковъ совершилось съ крайней по-

спѣшностію, не позволившею не только произвесть необходимыя предварительныя развѣдки мѣстностей, предназначенныхъ для первоначальнаго заселенія, но даже опредѣлить хотя бы наглядно болѣе удобныя мѣста для расположенія селеній. Тотъ же самый пріемъ практиковался и при водвореніи первыхъ добровольныхъ переселенцевъ въ низовьяхъ Амура, между Хабаровкой и Николаевскомъ. Неосмотрительность въ этомъ дѣлѣ повела къ прискорбнымъ результатамъ для экономическаго положенія переселенцевъ, что сдѣлалось извѣстнымъ на мѣстахъ ихъ родины и, распространившись въ массѣ народа въ преувеличенномъ видѣ, подорвало довѣріе ко всему краю. 2) Насильственное водвореніе добровольныхъ переселенцевъ въ мѣстахъ, не соотвѣтствующихъ по характеру угодій ихъ привычкамъ и роду занятія. 3) Долговременное, иногда болѣе чѣмъ трехгодичное пребываніе переселенцевъ въ пути, разорявшее ихъ матеріально и вредно вліявшее на ихъ физическія силы и нравственность: полносильные зажиточные крестьяне-работники приходили въ край изнуренными, отвыкшими отъ труда кочевниками, дѣти ихъ усвоивали привычку къ бродяжничеству, а большинство изъ нихъ вымирало дорогой. Изнуренные и разоренные въ конецъ переселенцы въ большинствѣ не достигали края, въ который привлекали ихъ обширныя льготы, и разсѣивались по всему громадному пространству западной и восточной Сибири. На Амуръ попадала незначительная часть и въ такомъ видѣ, что для нихъ льготы и неограниченное землевладѣніе служили не пользой, но лишь поощреніемъ къ лѣни и къ удовлетворенію дурныхъ инстинктовъ, развившихся въ теченіе долговременнаго бродяжничества. 4) Административное противодѣйствіе водворенію въ краѣ европейцевъ-фермеровъ, изъ которыхъ многіе желали вложить въ нашу землю, независимо опытнаго труда, весьма солидные капиталы. Не допуская фермеровъ изъ европейцевъ, мы въ то же время отдали всю нашу торговлю въ руки тѣхъ же иностранныхъ купцовъ, а землю въ полное и безконтрольное владѣніе китайскихъ бродягъ, изъ пребыванія которыхъ въ нашихъ предѣлахъ мы сами для себя сложили трудный къ разрѣшенію вопросъ. 5) Систематическое стѣсненіе предпріимчивости огра-

ниченіемъ для русскихъ разныхъ промысловъ, какъ, напр., лѣснаго, каменноугольнаго, винодѣлія и другихъ. Но главныя препятствія къ развитію въ этомъ краѣ собственно русской колонизаціи заключались въ неимѣніи точныхъ свѣдѣній о приамурской окраинѣ нъ средѣ русскаго населенія, и въ полномъ отсутствіи организаціи переселенцевъ съ мѣста отправленія, при которой движеніе переселенцевъ было бы сознательно, самый процессъ переселенія былъ бы поставленъ внѣ случайности и ближайшее будущее ихъ въ краѣ являлось бы не въ гадательной, но въ строго опредѣленной формѣ.

Съ 1866 г. мѣстная администрація, убѣдившись на опытѣ въ несостоятельности системы обязательнаго водворенія переселенцевъ въ предназначенныхъ для того мѣстностяхъ, допустила для прибывающихъ вновь въ край свободный выборъ мѣстъ подъ поселенія по всей территоріи области. Мѣра эта принесла существенную пользу въ томъ отношеніи, что, во 1-хъ, этимъ путемъ было положено начало колонизаціи самой существенной для насъ по своему значенію части приамурскихъ владѣній, именно Южно-Уссурійской окраины, которая своими естественными богатствами привлекала не только всѣхъ новыхъ переселенцевъ, но и тѣхъ, которые до 1866 года были поселены въ низовьяхъ Амура; и во 2-хъ, что администрація слагала съ себя всѣ обязательства за послѣдствія принудительнаго водворенія въ мѣстностяхъ, не по волѣ переселенцевъ избранныхъ, но навязанныхъ имъ мѣстнымъ правительствомъ. Никакъ нельзя сказать того, чтобы мѣстности по Амуру и Уссури были неудобны для поселенія; напротивъ, природа щедро надѣлила побережья рѣкъ и рѣчекъ, составляющихъ Амурскій бассейнъ, и если нѣкоторыя изъ этихъ побережій представляютъ затрудненія для хлѣбопашества, требуя приложеній значительнаго и при томъ разумнаго труда для ихъ первоначальной разработки, то этотъ недостатокъ возмѣщался съ избыткомъ и разнообразіемъ промысловъ, присущихъ дѣвственнымъ лѣсамъ, и громаднымъ нетронутымъ воднымъ пространствомъ. Но мѣстности эти, несмотря на всѣ ихъ богатства, не нравились переселенцамъ, потому что были имъ навязаны и при томъ безъ соображенія съ природными ихъ свойствами и привычками; такимъ

образомъ, землепашцамъ пришлось сдѣлаться лѣсовщиками или рыболовами и проч. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что Правительство, преслѣдуя извѣстныя государственныя цѣли, могло встрѣтить надобность въ заселеніи такихъ мѣстностей, которыя по своимъ почвеннымъ или инымъ условіямъ не представляютъ къ тому необходимыхъ данныхъ; но въ такомъ случаѣ, факту заселенія долженъ бы предшествовать договоръ съ переселенцами, точно опредѣляющій колонизаціонныя условія ихъ личнаго и имущественнаго положенія. Произволъ, употребленный въ этомъ дѣлѣ вмѣсто договора, обошелся правительству очень дорого. Расходы на пособіе деньгами, хлѣбомъ и скотомъ казакамъ и нижне-амурскимъ поселенцамъ, не упускавшимъ случая пользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, представляютъ въ итогѣ настолько крупную цифру, что, употребивши ее болѣе разумно и разсчетливо на тѣ же колонизаціонныя надобности, можно было бы достигнуть весьма существенныхъ результатовъ для всего края. Израсходованная сумма доходила до милліона рублей,—такъ, по крайней мѣрѣ, гласитъ записка военнаго губернатора Приморской области отъ 6 декабря 1880 года.

По присоединеніи Амурскаго края къ Россіи, первою заботою графа Муравьева-Амурскаго было привлеченіе туда русскихъ переселенцевъ. Въ 1858 году онъ составилъ проектъ привлеченія въ этотъ край русскихъ добровольныхъ выходцевъ. Весною 1859 года, согласно вызова желающихъ идти на Амуръ, двинулось въ край изъ европейской Россіи 290 семействъ, въ числѣ 2,383 душъ обоего пола, изъ нихъ 48 семействъ вышли изъ Воронежской губерніи, 50 семействъ изъ Тамбовской, 140 изъ Вятской и 52 семьи изъ Пермской. До предѣловъ восточной Сибири достигло 264 семейства, изъ нихъ 230 поселены въ 1860 году на низовьяхъ Амура, начиная съ Хабаровки до Софійска; 17 семействъ остались зимовать въ Забайкальской области и отправлены на Амуръ въ 1861 году; остальныя же 17 семействъ, потерявъ всѣхъ работниковъ, водворены въ Иркутской губерніи и Забайкальѣ. На 247 семействъ, достигшихъ береговъ Амура, правительство израсходовало до 140,000 руб., или до 566 руб.

на семью. Переселенцы 1859—1860 годовъ передвигались замѣчательно быстро, и совершивъ безостановочно путь въ 8000 верстъ, достигли мѣста назначенія въ $1^1/_2$ года; тѣмъ не менѣе они потеряли для производительнаго труда два лѣта или два урожая. Недостаточность кормовыхъ денегъ, по $3^1/_2$ копѣйки въ день, въ то время когда арестанты получали по 6 коп., вела къ плохому питанію. Одежда ихъ была несоотвѣтственна для зимняго движенія, какъ можно заключить по выдачѣ имъ полушубковъ и обуви. Всѣ эти условія привели къ болѣзненности и большей смертности, такъ что не мало семействъ лишились большаго числа своихъ работниковъ. Переселенцы на Амуръ пришли изнуренными и не могли во время устроиться и запастись сѣномъ. Мѣста для заселенія были имъ указаны мѣстными властями и весьма скоро оказались совершенно неудобными, какъ по несоотвѣтственности для земледѣлія, такъ и по частымъ наводненіямъ. Начались переселенія едва устроившихся селеній съ луговаго лѣваго берега Амура на гористый правый; хозяйство не прививалось и явилась необходимость выдачи хлѣба изъ казенныхъ складовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Одновременно съ переселеніемъ на Амуръ, на счетъ казны, государственныхъ крестьянъ, долженствовавшихъ положить начало сельскому населенію, предпринято было, тоже на счетъ казны, принудительное переселеніе на Амуръ и Уссури забайкальскихъ казаковъ и порочныхъ нижнихъ чиновъ корпуса внутренней стражи. Забайкальцевъ переведено на Амуръ 3,095 семействъ, въ числѣ 13,889 душъ обоего пола—7,140 мужчинъ и 6,749 женщинъ. Нижнихъ чиновъ переведено 2,233 и при нихъ 281 женщина. Всего въ составъ Амурскаго войска до 1862 года переселено на Амуръ и Уссури 16,403 души обоего пола. Къ 1 января 1881 года въ этомъ войскѣ числилось 3,344 двора, 10,594 мужчинъ и 9,741 женщ., всего 20,335 душъ. Амурскіе казаки тоже подверглись сперва несоотвѣтственному разселенію по берегамъ Амура и Уссури, а потомъ частымъ перемѣщеніямъ станицъ съ одного мѣста на другое. Послѣ переселенія 264 семействъ, новыхъ переселенцевъ въ 1860 году не послѣдовало, а съ 1861 года начали дѣйствовать правила для поселенія русскихъ и иностранцевъ въ Амурской

и Приморской областяхъ восточной Сибири. Съ апрѣля 1861 года по конецъ того же года къ министру государственныхъ имуществъ изъ одной Самарской губерніи подано было 22 прошенія о переселеніи 3,140 ревизскихъ душъ. Подобныя же просьбы поступали и изъ другихъ мѣстъ, въ особенности изъ губерній Вятской, Воронежской, Тамбовской, Астраханской. Губернаторъ Амурской области съ 1861 года по 1864 г. получилъ прошеніе отъ довѣренныхъ 7,000 крестьянъ. Кромѣ того, крестьяне обращались съ просьбами по тому же предмету къ мѣстнымъ властямъ европейской Россіи. Всѣ вновь прибывающіе въ Амурскій край осѣдали въ окрестностяхъ г. Благовѣщенска, въ бассейнѣ рѣки Зеи и въ немногихъ селеніяхъ на верховьяхъ Амура. Въ первые года движенія число приходящяхъ колебалось между 1,000 и 1,500 душъ ежегодно; затѣмъ эти цифры стали значительно понижаться и переселеніе ограничивалось едва нѣсколькими семействами, получавшими однако пособія изъ экстраординарныхъ суммъ генералъ-губернатора, безъ чего достиженіе ими не только Амура, но и предѣловъ восточной Сибири, было бы немыслимо. На постепенное уменьшеніе числа переселенцевъ имѣло вліяніе и то обстоятельство, что многіе изъ нихъ, истощивъ всѣ денежныя средства на пути, оставляли свое намѣреніе идти на Амуръ, и осѣдали въ болѣе близкихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ: въ Оренбургской губерніи и въ западной Сибири. Выгодныя для поселенія мѣста въ Минусинскомъ краѣ, Енисейской губерніи, тоже привлекали къ себѣ переселенцевъ. Какое число подобныхъ лицъ осталось въ Оренбургской губерніи и западной Сибири — неизвѣстно, но въ Енисейской губерніи съ 1874 по 1879 г. поселилось 1,649 чел. Съ занятіемъ нами южныхъ губерній восточнаго океана, гдѣ въ 1860 г. былъ основанъ нынѣшній Владивостокъ, переселенцы потянулись съ Амура въ Южно-Уссурійскій край. Сперва перешли туда 915 человѣкъ съ низовьевъ Амура, а потомъ съ 1866 года направились крестьяне, осѣвшіе было уже на р. Зеѣ. Туда же въ послѣдніе годы переведена и часть казачьяго населенія съ рѣки Уссури; эти казаки образовали десять станицъ, съ населеніемъ въ 2,688 душъ обоего пола.

Переселеніе государствнныхъ крестьянъ, казаковъ, по-

рочныхъ нижнихъ чиновъ и добровольныхъ переселенцевъ, на льготныхъ правилахъ 1861 года, дало разнымъ частямъ Приамурскаго края слѣдующее населенiе: въ Амурской области 14,825 казаковъ и 7,749 крестьянъ, въ Приморской— 2,892 казака и 2,417 крестьянъ, въ Южно-Уссурiйскомъ краѣ — 2,688 казаковъ и 3,030 крестьянъ. Если къ этому числу переселенцевъ прибавить число жителей гг. Благовѣщенска, Хабровки, Софiйска, Николаевска и Владивостока, то все пришлое населенiе въ Приамурскiй край можно было считать къ восьмидесятымъ годамъ въ 48,472 души обоего пола. Вся масса сельскаго населенiя Приамурскаго края прибыла преимущественно изъ губернiй Астраханской, Воронежской, Вятской, Оренбургской, Тамбовской, Самарской, Пензенской и Пермской; были переселенцы и изъ другихъ внутреннихъ губернiй и даже изъ Лифляндiи, Финляндiи и съ Кавказа.

1-го iюня 1882 года Высочайше воспослѣдовало утвержденiе мнѣнiя Общаго Собранiя Государственнаго Совѣта объ организацiи переселенiй въ Южно-Уссурiйскомъ краѣ. Для болѣе успѣшной организацiи переселенiй учредилось Южно-Уссурiйское переселенческое управленiе и отпускались изъ государственнаго казначейства большiя суммы. Рѣшено было отправлять для заселенiя края съ 1883 года въ теченiе трехъ лѣтъ, изъ губернiй европейской Россiи, морскимъ путемъ, по двѣсти пятидесяти семействъ, съ отнесенiемъ всѣхъ расходовъ по перевозкѣ переселенцевъ, снабженiю ихъ продовольствiемъ и орудiями и устройству ихъ быта въ мѣстахъ водворенiя, безвозвратно, на счетъ казны. Относительно порядка переселенiя и устройства тамъ переселенцевъ были установлены временныя правила. Выборъ надлежащаго числа переселенцевъ и всѣ распоряженiя относительно прибытiя ихъ въ Одессу возлагались на министерство внутреннихъ дѣлъ. Завѣдыванiе препровожденiемъ переселенцевъ, а равно заготовленiемъ и отсылкою всѣхъ предметовъ продовольствiя и обзаведенiя возлагалось на одесскаго генералъ-губернатора, на котораго возлогалось и попеченiе о переселенцахъ до отплытiя къ мѣсту назначенiя. При оставленiи переселенцами ихъ обществъ, числящiяся на нихъ недоимки въ

податяхъ и выкупныхъ платежахъ слагались вовсе и упомянутыя общества освобождались отъ всякой за переселенцевъ въ этомъ отношеніи отвѣтственности; мірскія недоимки, а также недоимки въ земскихъ сборахъ, которые не будутъ сложены земствами, не подлежали взысканію съ пересенцевъ. Переселенцы слѣдуютъ изъ мѣстъ прежняго жительства до пунктовъ, назначенныхъ для препровожденія ихъ моремъ, на собственный счетъ. Всѣ распоряженія по выдачѣ переселенцамъ продовольствія и орудій и по устройству ихъ быта въ мѣстахъ водворенія возлагались на военнаго губернатора Приморской области и на завѣдывающаго переселеніемъ. Переселенцамъ водворяемымъ отводится въ пользованіе не менѣе 15 десятинъ удобной земли на каждую душу, мужскаго пола, и не болѣе 100 десятинъ на семью. Земля, отведенная переселенцамъ въ пользованіе, можетъ быть во всякое время пріобрѣтена ими въ собственность покупкою по 3 руб. за десятину. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ со времени водворенія въ краѣ, переселенцы освобождаются вовсе отъ государственныхъ податей и повинностей и несутъ однѣ повинности общественныя. По истеченіи же указаннаго срока переселенцы, пріобрѣтшіе землю въ собственность, облагаются особою поземельною податью, а не выкупившіе отведенныхъ имъ земель, кромѣ того, и оброчною податью. На расходы по переселенію въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1883 года, положено было вносить въ надлежащія смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ по 322,200 рублей, при чемъ 8200 руб. на содержаніе управленія, 10,000 руб. на покупку коровъ для переселенцевъ, 50,000 руб. на покупку быковъ или лошадей, 5,000 руб. на прогонъ скота, 25,000 на заготовку матеріаловъ для постройки жилищъ переселенцамъ, 10,000 р. на заготовку сѣна, 105,195 р. на перевозку переселенцевъ изъ Одессы, 109,875 р. на пріобрѣтеніе и доставку во Владивостокъ хозяйственныхъ и ремесленныхъ орудій и проч.

Въ періодъ времени съ 1880 по 1883 годъ переселеніе крестьянъ изъ предѣловъ Европейской Россіи въ Южно-Уссурійскій край пріостанавливается, если не считать небольшаго числа отдѣльныхъ лицъ. 1-го марта 1883 года прибыла въ край кругосвѣтнымъ путемъ на пароходѣ первая

партія переселенцевъ крестьянъ Черниговской губерніи, въ количествѣ 126 семействъ съ 794 д. обоего пола. 10 марта того же года на другомъ пароходѣ прибыло изъ той же Черниговской губерніи 128 семействъ съ 806 душъ обоего пола. Съ 13 апрѣля по 12 мая 1884 года изъ Черниговской же губерніи на трехъ пароходахъ прибыло 248 семействъ съ 1,499 д. обоего пола. Всѣ эти переселенцы прибыли на казенный счетъ. Въ то же время на иномъ пароходѣ „Царица" прибыло 48 семействъ переселенцевъ съ 252 душами обоего пола *на свой счетъ*. Всѣ прибывшіе на казенный счетъ были распредѣлены по 23 селеніямъ, отъ 2 семействъ до 38 на каждое; прибывшіе на свой счетъ ратпредѣлены по 15 селеніямъ, отъ 1 до 13 семействъ на каждое селеніе. 6 апрѣля 1885 года прибыли на пароходѣ на казенный счетъ 126 семействъ съ 785 душами; 12 и 26 апрѣля того же года на двухъ пароходахъ прибыло на свой счетъ 130 семействъ съ 904 душами; 2 мая прибыла новая партія на казенный счетъ— 124 семейства съ 835 душами. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1886 года на четырехъ пароходахъ прибыло 222 семейства съ 1701 д. изъ Европейской Россіи и 29 семействъ съ 145 душами изъ сѣверныхъ портовъ, изъ Николаевскаго, окрестностей Петропавловска и др. Въ осенней партіи того же года прибыло 231 семейство съ 1,002 душами обоего пола. Въ 1887 году со 2 марта по 16 апрѣля на трехъ пароходахъ прибыло: на одномъ 63 семейства съ 530 душами, на другомъ 45 семействъ съ 333 душами и на третьемъ 7 семействъ съ 71 душой. Изъ общаго числа переселенцевъ за послѣдній годъ 8 семействъ, въ количествѣ 47 душъ, вернулись обратно въ Россію.

Съ 1886 года переселеніе производится уже на собственный счетъ крестьянъ, которые по прибытіи пользуются отъ правительства не субсидіями, а ссудами, высшій размѣръ которыхъ — 400 руб. Съ того же года Переселенческое Управленіе не пользуется уже той широтой кредита, какова была прежде: въ 1886 году въ его распоряженіи было около 120 т. руб., въ 1887 году — около 70 т. рублей. Всякій переселенецъ пока не лишенъ возможности пріобрѣтать во Владивостокѣ отъ Управленія, изъ склада, устроеннаго при немъ,

за цѣну болѣе дешевую, чѣмъ изъ магазиновъ разные инструменты и посуду: топоры, косы, серпы, чугуны, ухваты и проч. До 1893 года въ распоряженіе Переселенческаго Управленія ежегодно имѣетъ поступать по 120 тысячъ рублей на выдачу ссудъ крестьянамъ изъ 6% послѣ выдачи представляемыхъ ежегодно, при чемъ 2% идутъ въ погашеніе, — ссуды выдаются срокомъ не болѣе 30 лѣтъ; часть капитала изъ 120 тыс. р. идетъ на поддержаніе бараковъ для переселенцевъ и на другія нужды по этому вопросу.

Условія жизни переселенцевъ въ Южно-Уссур. краѣ.

Двинулись переселенцы въ Южно-Уссурійскій край, не зная ни условій климатическихъ и почвенныхъ его, ни условій рынковъ сбыта продуктовъ и пріобрѣтенія орудій труда и всего необходимаго для жизни. А условія эти весьма своеобразны, обременительны для крестьянина земледѣльца, привыкшаго съ дѣтства къ условіямъ той мѣстности, среди которой онъ жилъ до переселенія.

Резюмирую прежде сказанное.

Южно-Уссурійскій край, находясь подъ тѣмъ же 45° с. ш., подъ которымъ находится и Крымъ, по *средней* температурѣ ближе подходитъ къ мѣстностямъ Владимірской губерніи, а по наивысшей холодной температурѣ приходится приравнять его къ Архангельской губерніи. При этомъ бываютъ рѣзкіе переходы температуры отъ тепла къ холоду и обратно не только въ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, хотя бы недѣльный, но и въ продолженіе одного дня. Бываютъ, осенью, напримѣръ, дни когда поутру температура воздуха — 1° R., среди дня + 33° R., вечеромъ + 4° R. Кромѣ того, лицу, занимающемуся сельскимъ хозяйствомъ, приходится принять въ соображеніе, что мѣстности Южно-Уссурійскаго края, вопреки обычнымъ географическимъ понятіямъ, чѣмъ сѣвернѣе — тѣмъ теплѣе, чѣмъ южнѣе — тѣмъ холоднѣе. Такъ, напримѣръ, центральное селеніе Никольское соотвѣтствуетъ городу Владиміру, а селеніе Камень-Рыболовъ, находящееся верстъ на сто сѣвернѣе, — городу Козлову. Послѣднее явленіе объясняется холодными морскими теченіями и

направленіемъ вѣтровъ, иногда достигающихъ такой силы, что двадцатилѣтнія растенія вырываются съ корнемъ.

Климатическія условія становятся еще болѣе своеобразными отъ большой влажности воздуха. Морскіе туманы, достигающіе города Благовѣщенска на Амурѣ, обычное явленіе въ краѣ. Мы, жители Европейской Россіи, привыкли видѣть въ веснѣ и осени сырое время года, а въ лѣтѣ—жаркое, сухое. Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ какъ разъ—обратно: тамъ въ глубокую осень суше, чѣмъ лѣтомъ; двери въ комнатахъ и рамы въ окнахъ свободно затворяются въ осеннее время, тогда какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, лѣтомъ, онѣ, отъ сырости разбухнувъ, съ трудомъ могли входить въ условія затвора. Носимое ежедневно платье, даже обувь, если ихъ не чистить въ продолженіе недѣли лѣтомъ, то они покроются зеленой плѣсенью. Товары въ магазинахъ города Владивостока приходится въ то же лѣто перекладывать пропускной бумагой и перетирать черезъ каждые три, четыре дня. Большая сырость порождаетъ паразитный грибокъ, развивающійся на деревьяхъ, травахъ и хлѣбныхъ злакахъ, грибокъ иногда вредный, опасный, ядовитый.

Восточная часть холмистой, волнообразной поверхности края имѣетъ болѣе лѣсовъ, чѣмъ сѣверо-западная, гдѣ уже чувствуется недостатокъ въ нихъ, гдѣ крестьяне и казаки поставлены въ необходимость покупать лѣсъ за-границей для своихъ общественныхъ построекъ, какъ церкви, школы, хлѣбные магазины, а также и на частныя свои нужды. Иногда дерево въ четыре сажени длины вывозится изъ предѣловъ владѣній китайскихъ, возлѣ ст. Полтавки, за два рубли съ половиною, иногда, возлѣ расположеннаго на сѣверѣ селенія *Турій Рогъ*, вывозится оттудаже за полтора рубля. Но и въ мѣстностяхъ, гдѣ лѣса много, послѣдній не отличается своими качествами и не выдерживаетъ конкурренціи даже на китайскихъ рынкахъ. Отъ излишней сырости дерево, во-первыхъ, дупловато, а потому становится непригоднымъ для построекъ, для подѣлокъ. Лица, экскурсировавшія по краю для опредѣленія его съ точки зрѣнія эксплоатаціи лѣса, утверждаютъ, что 70% деревьевъ той или другой площади—негодныхъ для продажи, сбыта лѣса, такъ какъ онъ или ду-

пловатъ, или коряжистъ отъ сильныхъ вѣтровъ. Кромѣ того, лѣсъ—мягче, будучи зараженъ паразитнымъ грибомъ. Орѣховое дерево по сравненію съ европейскимъ, американскимъ и китайскимъ не выдерживаетъ конкурренціи. Лѣсъ въ подѣлкахъ хрупокъ, мягокъ.

Пластъ чернозема, покрывающій поверхность волнообразную края, не великъ, всего вершка два-три: въ рѣдкихъ случаяхъ онъ достигаетъ четверти или двухъ четвертей. Покосы снимаются преимущественно между возвышенностями, между сопками. Но эти мѣста сыры, болотисты, покрыты кочками, между которыми много воды, покрытой ржавчиной, водорослями. Травы высокія, крупныя, жесткія. Онѣ мало вкусны, мало питательны для скота. Пробовали вывозить сѣно на Китайскій рынокъ въ Шанхай, но нашимъ травамъ предпочитаются мѣстныя, свои, мелкія, болѣе цѣнныя. Не рѣдко травы покрыты ржавчиной, паразитнымъ мелкимъ грибкомъ, отчего скотъ болѣетъ и умираетъ.

Отъ паразитнаго грибка заражаются и хлѣбныя зерна пшеницы, ярицы, ячменя и овса. Крестьяне и казаки, а также частные землевладѣльцы, занимаясь посѣвами хлѣбовъ, получаетъ иногда, въ сырой, мочливый годъ, вредное хлѣбное зерно. Это случается въ мѣстностяхъ, гдѣ подъ легкимъ слоемъ чернозема находится пластъ сѣрой, красной или бѣлой глины, и никогда не бываетъ тамъ, гдѣ почва супесчаная. Но послѣдней почвы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ мало. Измоловъ зараженное зерно въ муку, употребляя пшеничный, яричный и ячменный хлѣбъ въ пищу, крестьяне и казаки подвергаются тошнотѣ, рвотѣ, головокруженіямъ и головнымъ болямъ. Паразитные мелкіе грибки puccinia graminis и puccinia coronata, а также нѣкоторые другіе, весьма опасны. Такая ржавчина грибовъ присуща многимъ мѣстностямъ, находящимся близъ морей. Этотъ страшный бичъ человѣчества извѣстенъ издревле. Имъ грозилъ еще Моисей непослушному народу израилеву. Противъ этого бича принимались мѣры еще при второмъ царѣ римскомъ Нумѣ Помпійскомъ, что было за семь сотъ лѣтъ до Р. Х. Бѣдствія народныя отъ этихъ микроскопически малыхъ паразитныхъ грибковъ встрѣчались и въ Германіи и въ Америкѣ. Эта язва нерѣдко раз-

рушала лучшія надежды земледѣльцевъ и наносила народному хозяйству громадные убытки. Эрстетъ заявляетъ, что въ Даніи жатва уменьшается, вслѣдствіе появленія ржавчины, не рѣдко на нѣсколько милліоновъ риксдалеровъ. Дурной, вредный хлѣбъ родится и въ Японіи. Не такъ давно нашимъ интендантствомъ было выписано изъ Японіи до 30 т. пудовъ пшеницы, въ которой оказалось много дурнаго, охмѣляющаго вещества, вызывающаго рвоту. Нашъ Южно-Уссурійскій край не представляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. Въ 1887 году, по распоряженію губернатора, мѣстный исправникъ и уѣздный врачъ объѣзжали тѣ селенія, жители коихъ поголовно страдали отъ больнаго хлѣба: рвота и головокруженіе были и съ мужиками и съ бабами, и съ стариками и съ дѣтьми. Съ болѣзнью хлѣбовъ наши крестьяне познакомились еще лѣтъ десять тому назадъ, но особенно чувствительно становится имъ теперь, когда повыпахавъ лучшія мѣста, болѣе возвышенныя, они перешли въ пашняхъ по низменнымъ мѣстамъ, обладающимъ большею сыростію и способностью къ развитію паразитнаго вреднаго грибка на соломѣ и зернѣ хлѣбныхъ злаковъ. Въ Посьетскомъ участкѣ, обладающемъ большею сыростью сравнительно съ остальными, почти перестали сѣять пшеницу, ярицу и ячмень. Овесъ часто родится такой, что лошади отказываются отъ его употребленія. Отъ употребленія хлѣба, вызывающаго рвоту и головокруженіе, отказываются свиньи и собаки. Конопляное сѣмя подъ вліяніемъ климатическихъ условій скоро перерождается и дѣлается ядовитымъ. Наѣвшись его, или коноплянаго масла, люди бѣсятся и бываютъ въ такомъ страшномъ состояніи сутокъ полтора или двое.

Переселенцы, пріѣхавъ въ край, выбирали для заселенія главнымъ образомъ поляны низменныя, ровныя, не обращая вниманія на то, что находится подъ пластомъ чернозема—глина или же супесокъ. Но проживши два—три года, заявляютъ о неудобствахъ къ земледѣлію занятыхъ ими мѣстъ: хлѣбъ родится вредный, дурной, хотя по внѣшности онъ хорошъ, крупенъ, чистъ. Старожилы, повыпахавъ удобныя земли, бросивъ ихъ и перейдя въ силу этого къ низменнымъ мѣстамъ, тоже разочаровываются мѣстностію. Вмѣсто прежнихъ уро-

жаевъ самъ двадцать, пятнадцать, они часто получаютъ теперь самъ шесть—семь.

Со ржавчиной хлѣбовъ легче бороться, перенявъ систему полеводства у китайцевъ и корейцевъ, проживающихъ на нашей территоріи и составляющихъ около 35% всего населенія края. Во-первыхъ, они ведутъ полеводство такъ, что никогда не бросаютъ разъ распаханной земли. Во-вторыхъ, ихъ система отличается тѣмъ, что они сѣютъ хлѣбъ не въ разбросъ горстью по всей распаханной полянѣ, а по узкимъ грядамъ, тонкою въ четверть вершка бороздою, при чемъ борозда отъ борозды находится на разстояніи восемнадцади дюймовъ, а всѣ хлѣбныя сѣмена на одинаковомъ разстояніи отъ поверхности. Свои хлѣба они дважды или трижды въ лѣто полютъ отъ сорныхъ травъ. Такимъ образомъ посѣвъ одновременно всходитъ, одновременно созрѣваетъ, не имѣетъ сорныхъ примѣсей, зерномъ бываетъ чище и крупнѣе, чѣмъ при русской системѣ въ разбросъ. Снявши хлѣбъ серпомъ, распахиваютъ землю вновь, при чемъ гряды устраиваютъ не на старомъ мѣстѣ, а передвигаютъ ихъ дюймовъ на пять отъ прежнихъ мѣстъ; на слѣдующій годъ еще передвинутъ на пять дюймовъ и т. д. Обработавъ гряды, имѣющія пять—шесть вершковъ высоты и къ верху съуживающихся въ узкую полоску, китайцы особымъ распашникомъ производятъ по гребню гряды бороздку, по которой и разбрасываются сѣмена. Посѣвъ рѣдкими грядами даетъ вѣтрамъ возможность осушать солому и колосъ, а чрезъ это уничтожать сырость и причину появленія ржавыхъ грибковъ.

Кромѣ борьбы съ климатическими и почвенными условіями края, съ которыми нашему переселенцу приходится знакомиться на мѣстѣ, когда онъ переѣдетъ уже тысячныя пространства, а потому волей не-волей долженъ привыкать къ нимъ, ему предстоятъ большія лишенія отъ недостатка рынка сбыта продуктовъ. Единственный скупщикъ хлѣбовъ—это мѣстное интендантское вѣдомство. Захочетъ купить оно хлѣбъ—купитъ, не пожелаетъ—не гнѣвайся: другихъ покупщиковъ пока нѣтъ. Отъ этой монопольной закупки въ полной зависимости находятся и цѣны на хлѣбъ. Захотѣлось интендантству покупать болѣе ржи, чѣмъ пшеницы, поста-

новили покупать по рублю за пудъ рожь и по восьмидесяти копѣекъ пудъ пшеницу, — и пріобрѣтали прошлый годъ по этой цѣнѣ. Ясно, что крестьяне и казаки будутъ стремиться болѣе имѣть запашекъ ржи, а не пшеницы. Такимъ образомъ, условія сбыта, цѣна на хлѣбъ въ краѣ совершенно иныя, чѣмъ гдѣ либо; всемірныя условія рынковъ сбыта совершенно иныя: обыкновенно рожь цѣнится несравненно дешевле пшеницы, а въ Южно-Уссурійскомъ краѣ обратно. При этомъ, впрочемъ, нашъ переселенецъ несетъ *внѣшнія* льготы: у него берутъ въ одной цѣнѣ всякій хлѣбъ—и хорошаго зерна и худаго, и подсѣяный и съ большими примѣсями разныхъ сорныхъ травъ. Я говорю, что это *внѣшнія* льготы, ибо на самомъ дѣлѣ эта мѣра ведетъ только къ ухудшенію сельскаго хозяйства, къ его упадку, такъ какъ у всякаго хозяина не будетъ экономическаго разсчета пріобрѣтать лучшія сѣмена и очищать свой хлѣбъ отъ примѣсей сорныхъ травъ, на что требуются и лишнія денежныя затраты и лишній трудъ.

Но вотъ пала у переселенца лошадь, корова. Ихъ надо замѣнить иными. Привыкши къ цѣнамъ въ 25—30—40 рублей за одну корову и лошадь въ Черниговской губерніи и въ другихъ, крестьянамъ трудновато пріобрѣтать скотъ за сто или полтораста рублей за голову. Да и гдѣ взять денегъ, если скотъ въ цѣнѣ стоитъ въ три раза большей, а хлѣбъ въ той же цѣнѣ при продажѣ, что и въ Европейской Россіи?

Вздумалось кому либо пріобрѣсть сельскохозяйственную машину; высылаетъ деньги въ Америку, въ Санъ-Франциско. И что же? Машина въ покупкѣ не дорогà, но перевозъ увеличиваетъ цѣнность ея въ четыре раза. Положимъ кто-либо пріобрѣтаетъ сельско-хозяйственную жатвенную машину за 250 руб.; эта машина съ доставкою въ Южно-Уссурійскій край обойдется въ 1000 рублей.

То же самое должно сказать и объ остальныхъ предметахъ первой необходимости: керосинъ, стеариновыя свѣти, сахаръ, мануфактурныя и заводскія издѣлія—все стоитъ въ высокой цѣнѣ, ибо все доставляется изъ Одессы, Москвы, Европы, Америки за десять и болѣе тысячъ верстъ.

При такой дороговизнѣ вопросъ о деньгахъ, о заработ-

кахъ — вопросъ наипервѣйшей важности. Но гдѣ ихъ взять? Фабрикъ и заводовъ въ краѣ нѣтъ; городовъ, за исключеніемъ Владивостока, еще мало населеннаго, — тоже. Въ постройкахъ изъ кирпича, камня, а также въ подѣлкахъ изъ дерева предпочитаются китайцы, корейцы, съ которыми конкуррировать нашимъ переселенцамъ невозможно. Мелкая торговля тоже находится въ рукахъ корейцевъ и китайцевъ, которые удовлетворяются ничтожнымъ процентомъ барыша. И вотъ является разочарованіе краемъ не только у крестьянъ переселенцевъ, но и у частныхъ землевладѣльцевъ. Лишь извозъ одинъ да ямщики выручаютъ нашихъ крестьянъ. У этихъ лицъ можно встрѣтить залежные деньжонки, иногда въ тридцать, сорокъ тысячъ рублей; у нихъ можно увидѣть просторную, удобную избу съ пристройками; у нихъ достатокъ во всемъ, полное хозяйство.

Сибирскій черноземъ и условія сельскаго хозяйства.

Намѣреваясь сказать нѣсколько словъ о переселенческомъ вопросѣ по Сибири вообще, мы остановимъ прежде всего вниманіе на вопросѣ о сибирскомъ черноземѣ.

Сибирскій черноземъ, подобно чернозему Россіи и Кавказа, залегаетъ на всевозможныхъ высотахъ, то выше, то ниже сосѣднихъ солонцовъ, болотъ и озеръ. Составъ и строеніе сибирскаго чернозема столь же разнообразенъ, какъ и у черноземовъ Европейской Россіи; и тотъ и другой залегаютъ безразлично на глинахъ, пескахъ известнякахъ и на породахъ массивныхъ, какъ граниты. Очевидно, и качество сибирскихъ черноземовъ должно быть далеко не одинаково. Подъ черноземомъ въ Сибири нерѣдко разумѣютъ почвы, ничего общаго не имѣющія съ настоящимъ черноземомъ; понятно, такимъ образомъ, площадь сибирскихъ черноземовъ можетъ разрастись до безконечности. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ сибирскій черноземъ имѣетъ очевидную генетическую связь съ почвами несомнѣнно болотными, солонцовыми и озерными; вслѣдствіе этого и самъ степной черноземъ не рѣдко пріобрѣтаетъ невыгодныя особенности почвъ не черноземныхъ. Сибирскій черноземъ далеко не

представляетъ такихъ сплошныхъ площадей, какъ черноземъ европейскій: какъ въ восточной, такъ и въ западной Сибири участки настоящаго степнаго чернозема, безплодные пески и солонцы, а равно и болотныя и озерныя отложенія, безпрестанно перемежаются между собою, представляя безконечные переходы: гдѣ оканчивается одна почва и начинается другая—вопросы еще далекаго будущаго въ своемъ разрѣшеніи. Если даже ограничиться однимъ типичнымъ степнымъ черноземомъ, то и тогда оказывается, что мощность, толщина черноземныхъ почвъ Сибири значительно меньше, чѣмъ въ Европейской Россіи. Баснословно богатая растительность въ нѣкоторыхъ частяхъ Сибири, ея мѣстами необыкновенно быстрый ростъ объясняется не столько богатствомъ и силою тамошнихъ почвъ, сколько ихъ дѣвственностью, такъ сказать, и сравнительно большимъ количествомъ лѣтней теплоты. Почти повсемѣстно въ Сибири *переложный* способъ земледѣлія, при чемъ земля отдыхаетъ 6, 10, 15, 20 и болѣе лѣтъ, сравнительно быстрое выпахиваніе, истощеніе сибирскихъ почвъ, славившихся прежде своимъ богатствомъ, баснословнымъ плодородіемъ, незначительная, въ большинствѣ случаевъ, мощность тамошнихъ почвъ, наконецъ, имѣющіеся уже отчасти въ литературѣ анализы ихъ, все это даетъ право утверждать, что почвы Сибири далеко не такъ богаты питательными веществами, какъ привыкли думать объ нихъ. Если принять все это во вниманіе, если припомнить крайне континентальный климатъ Сибири, недостатокъ мѣстами прѣсной воды, ея засухи, сибирскую язву и саранчу, то сдѣлается вполнѣ понятнымъ, что, не смотря на все желаніе, какъ можно скорѣе заселить Сибирь, подобное заселеніе Сибири крестьянами изъ Европейской Россіи должно быть совершаемо съ величайшими предосторожностями, послѣ самаго тщательнаго обслѣдованія имѣющихся тамъ свободныхъ земель.

Но помимо почвы причиною неустойчивости сибирскаго сельскаго хозяйства служитъ и климатъ,—жаркій лѣтомъ и холодный зимою. Особенно пагубна весна, когда, напримѣръ, въ степныхъ мѣстностяхъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ бываетъ до 20° тепла днемъ и до 20° холода ночью. Подобное состояніе

температуры, очевидно, вліяетъ не на корни, а на самыя растенія. Потому въ черноземной полосѣ Сибири нѣтъ фруктовыхъ деревьевъ, но лѣтомъ на поляхъ вызрѣваютъ дыни и арбузы, а въ огородахъ растетъ табакъ. Въ лѣсахъ нѣтъ ни дуба, ни клена, ни ясени, ни даже липы, но на лугахъ цвѣтутъ піоны, лиліи, барская спѣсь и т. п. Озимые хлѣба не всегда удаются, а потому засѣваются въ ничтожномъ количествѣ сравнительно съ яровыми. Пшеница и рожь сѣются преимущественно яровыя. Независимо отъ этого нѣкоторыя мѣста, какъ юго-востокъ Алтая со своими долинами, слишкомъ высоко подняты надъ уровнемъ моря. Въ нихъ сельское хозяйство неудобно. Въ степныхъ же черноземныхъ мѣстностяхъ присутствіе болотъ и солончаковъ ведетъ къ тому, что крестьянскіе земледѣльческіе участки должны быть весьма обширны. Этого же требуетъ обычный по Сибири экстензивный способъ обработки полей, основанный на переложной системѣ, и еще болѣе экстензивное скотоводство. Ожидать въ Сибири введенія интензивнаго хозяйства, при отсутствіи отдѣльныхъ большихъ хозяйствъ и при значительномъ количествѣ необработанныхъ земель — напрасно. Къ тому же есть свѣдѣнія прошлаго вѣка о томъ, что около Томска пробовали унаваживать черноземъ, но хлѣбъ пошелъ въ трубку и урожая не далъ. То же самое недавно повторялось около Каинска и Минусинска. Сельское хозяйство въ Барабѣ далеко не признается выгоднымъ. Бараба страна сырая и считается гнѣздомъ сибирской язвы. Населеніе въ ней около большаго сибирскаго тракта, какъ извѣстно, насильственно было водворено въ прошломъ вѣкѣ Чичеринымъ. Крестьяне зажиточны тамъ далеко не отъ одного сельскаго хозяйства, а потому, что пользуются еще выгодами отъ торговаго движенія и проѣзда по тракту. Въ свою очередь крестьяне около озера Чаны, кромѣ сельскаго хозяйства извлекали доходъ изъ рыбной ловли, а когда рыба перевелась частью отъ высыханія озеръ, частью отъ хищническаго способа улова, то они стали выселяться на другія мѣста.

Пользуясь данными Рупрехта, Палласа, Гагемейстера, Гмелина и другихъ, можно представить слѣдующую картину распредѣленія чернозема по Сибири. На восточномъ склонѣ

Урала черноземъ распредѣленъ между 54° и 57° сѣверной широты, отъ р. Тобола до р. Ницы, особенно большіе участки чернозема наблюдались между Міяскомъ и Троицкомъ, а равно и у Каменска. Подвигаясь на востокъ въ Тобольскую губернію, мы встрѣтимъ тотъ же черноземъ и здѣсь, но только черноземная полоса, повидимому, нѣсколько съузилась, распространяясь отъ 56 до $54^1/_2$ параллели. По той же приблизительно 56 параллели проходитъ сѣверная граница черноземной полосы и въ сосѣдней Томской губерніи; напротивъ, южная граница чернозема отодвинулась здѣсь значительно южнѣе, до Семипалатинска и даже Устькаменогорска, т. е. приблизительно до 50′ с. ш. На этомъ участкѣ особенно тучный черноземъ встрѣчается по верховьяхъ р. Томи, близъ г. Кузнецка, и по Оби. Въ губерніи Енисейской южная граница чернозема, повидимому, снова отступаетъ на сѣверъ въ 52 — 53 параллели; на сѣверѣ же она по старому идетъ по 56°; здѣсь черноземъ находится въ округахъ Красноярскомъ, Каинскомъ, Минусинскомъ, частію въ Ачинскомъ. Затѣмъ черноземъ переходитъ въ Нижнеудинскій округъ, Иркутской губерніи; далѣе онъ расположенъ по рѣкамъ Окѣ, Бѣлой, вплоть до Иркутска и нѣсколько сѣвернѣе. Манзуровская степь на верховьяхъ Лены, нѣсколько южнѣе Верхнеленска и Балаганска, имѣетъ много черноземной почвы. Въ Нерчинскомъ округѣ черноземная почва встрѣчается по берегамъ Селенги, Хилки, р. Чинкой, и вообще вся страна между Байкаломъ и Становымъ хребтомъ на отлогихъ сѣверныхъ склонахъ покрыта черноземомъ. Далѣе черноземъ расположенъ по рѣкамъ Аргуни, Урукманѣ, Газимурѣ и Уидѣ. По Амуру хорошая черноземная мѣстность находится между рѣками Зеей и Буреей.

Подпочвою сибирскаго чернозема служатъ три существенно различныхъ материнскихъ горныхъ породы: глина, пески и известняки. Толщина слоя чернозема варіируетъ отъ нѣсколькихъ дюймовъ до $1^1/_2$ фута и болѣе. Хотя черноземъ встрѣчается и на возвышенностяхъ и на перевалахъ, но maximum его толщины находится исключительно въ падяхъ, низинахъ и по склонамъ. Черноземъ встрѣчается на самыхъ разнообразныхъ высотахъ, съ разностію до 569 футъ.

Такая значительная черноземная площадь въ Сибири не указываетъ еще на то, что послѣдняя можетъ быть житницею Россіи и обогатить своимъ хлѣбомъ рынки другихъ государствъ. Мы часто судимъ о сибирскомъ сельскомъ хозяйствѣ по двумъ, тремъ губерніямъ, близлежащимъ къ Россіи. Не слѣдуетъ позабывать, что въ большинствѣ случаевъ сибирскія рѣки вскрываются весною только около 1-го мая, что первый зеленый листъ травы и дерева показывается только около 10—15 мая. Такимъ образомъ посѣвы хлѣбовъ поздніе; созрѣваютъ хлѣбы тоже поздно, въ первой половинѣ августа мѣсяца, когда повсемѣстно по Сибири начинаются уже морозцы, не рѣдко разрушающіе розовыя надежды земледѣльцевъ на обильный урожай,—хлѣбъ замерзаетъ на корню. Не слѣдуетъ позабывать, что черноземныя полосы находятся въ большинствѣ случаевъ подъ сплошнымъ, густымъ лѣсомъ, часто въ Сибири называемымъ тайгою. Чтобы расчистить мѣсто, требуется вырубить лѣсъ, выкорчевать пни, на что тратится много силъ, много времени, много средствъ. Но и уничтоженіе лѣсовъ можетъ не плодотворно повлiять на сельское хозяйство, могутъ чрезъ это измѣниться климатическія условія. По крайней мѣрѣ, въ областяхъ Забайкальской и Амурской подмѣченъ тотъ фактъ, что съ уничтоженіемъ лѣсовъ отъ *пала*, климатическія условія измѣняются, чаще бываютъ засухи, а съ ними вмѣстѣ чаще повторяются неурожайные годы.

Баснословно высокія цѣны на хлѣбъ по нѣкоторымъ мѣстамъ Сибири, очевидно, указываютъ на недостаточность развитія сельскаго хозяйства, на трудность введенія его. Такъ, въ Якутской области и въ Нерчинскомъ округѣ хлѣбъ иногда стоитъ въ цѣнѣ по 3½, по 4 р. за пудъ; въ Иркутскѣ 2½ руб. пудъ пшеничной муки и 2 руб. пудъ ржаной. Но не слѣдуетъ позабывать, что, поселивши переселенцевъ на этихъ мѣстностяхъ, мы не можемъ гарантировать ихъ благосостоянія, подвергнувъ ихъ общей по Сибири участи — подрыва хозяйства отъ падежа скота. А матеріальные убытки отъ этого бича достигаютъ иногда колоссальныхъ размѣровъ. Такъ, въ одномъ Минусинскомъ округѣ, Енисейской губерніи, года три тому назадъ пало скота на сумму до трехъ мил-

ліоновъ рублей. Въ прошлую зиму въ томъ же округѣ пало болѣе ста тысячъ головъ. Подобные падежи скота случаются часто и по другимъ мѣстамъ Сибири.

Разочарованіе переселенцевъ.

Двигаются ежедневно обозы переселенцевъ изъ предѣловъ Европейской Россіи въ Сибирь все большими и большими партіями. Не то гнететъ нашихъ крестьянъ нужда, экономическая необходимость, не то въ переселенческомъ движеніи должно усматривать пробужденіе русскаго человѣка отъ вѣками сложившейся рутинной жизни, неподвижной, мало предпріимчивой,—разобраться въ этихъ вопросахъ трудно. На ряду съ крайней бѣдностію большинства переселенцевъ, оставляющихъ предѣлы Европейской Россіи изъ за малаго земельнаго надѣла, скитающихся по Сибири нищенствуя, выпрашивая кусокъ хлѣба милостынею и не гнушаясь правительственныхъ пособій въ три, въ пять рублей, на ряду съ этими измозженными, исхудалыми крестьянами можно встрѣтить переселенцевъ — крестьянъ зажиточныхъ, съ году на годъ все болѣе и болѣе богатѣющихъ по Сибири, ищущихъ себѣ льготной жизни, освобождаясь отъ рекрутской и денежной повинности. Часто въ одномъ и томъ же обозѣ, въ одной и той же партіи переселенцевъ, можно встрѣтить тѣхъ и другихъ. Десятилѣтнія льготы, продоставленныя переселенцамъ въ предѣлахъ Западной Сибири, привлекли въ послѣднюю большія массы рабочаго люда, съ охотой приписывавшихся въ этихъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Большая часть переселенцевъ и до нынѣ остается въ предѣлахъ этихъ губерній. Нѣкоторые изъ нихъ, проживши льготный срокъ, идутъ далѣе на Амуръ и Уссури, желая продлить свои льготы.

Достигаютъ переленцы большими партіями и Енисейской губерніи, пріѣзжаютъ и въ Минусинскій округъ, слывущій за сибирскую Италію. Но будучи малограмотны и невѣжественны, съ трудомъ могутъ устроиться въ новыхъ мѣстахъ, не похожихъ на мѣста Европейской Россіи. Горы да холмы; лѣса да кустарники; болота и камень; полезныя и вредныя травы; особо сложившаяся жизнь сибирскихъ селеній, гдѣ

скотъ пасется безъ пастуха самостоятельно, земли пашутся по стольку и тамъ, гдѣ и сколько кому вздумается; гдѣ смѣтливый, болѣе разбитной, развязный, свѣдующій сторожилъ-крестьянинъ; гдѣ особый климатъ—поздняя весна иногда съ половины мая и ранніе морозы—съ первыхъ чиселъ августа; гдѣ пластъ, верхній слой чернозема не слишкомъ великъ, въ лучшемъ округѣ Минусинскомъ 5—6 вершковъ; гдѣ свирѣпствуетъ страшно опустошительная чума и сибирская язва вмѣстѣ съ голодной смертію скота отъ сильныхъ снѣговъ при отсутствіи заготовки корма на зиму въ разсчетѣ на подснѣжный, подножный кормъ; при отсутствіи правильно организованныхъ путей сообщенія — желѣзныхъ дорогъ и водяныхъ сообщеній—гдѣ отсутствуетъ легкій сбытъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ къ хлѣбородныхъ лучшихъ мѣстностяхъ и страшно высокія цѣны въ нехлѣбородныхъ округахъ (до 3 и 4 руб. пудъ хлѣба); гдѣ требуется въ однихъ мѣстахъ искусственное орошеніе, какъ Верхнеудинскій, Иркутскій, Минусинскій и другіе югозападные округа, и мѣропріятія и защита отъ сырости, отъ развивающагося вреднаго микроскопически малаго грибка—по Амуру и Уссури; гдѣ требуется оріентироваться, какими орудіями требуется обрабатывать землю, какія сѣмена сѣять, какую выбирать почву и исключительно почти для центральныхъ округовъ разсчитывать на собственныя силы, игнорируя трудъ наймомъ,—въ такихъ странахъ нашему неграмотному, неразвитому крестьянину приходится очень трудно.

Переселенцы переѣзжаютъ изъ предѣловъ Россіи съ своими мѣстными традиціями, которыя и удерживаютъ въ новыхъ занимаемыхъ ими мѣстахъ. Переселенцы Черниговской губерніи пашутъ и въ Сибири плугомъ въ 4—5 паръ воловъ, хотя иногда мѣстность требуетъ легкой сохи; самарцы пашутъ по степному: годъ, два попашутъ землю и бросаютъ ее, хотя она требовала большихъ трудовъ при расчисткѣ отъ дерева; екатеринославцы стремятся какъ можно больше захватить и вспахать земли, хотя обработка большихъ полей семьямъ не подъ силу. Одни переселенцы горды, не хотятъ даже разспросить старожиловъ объ условіяхъ сельскаго хозяйства; другіе отличаются хитростію и лицемѣріемъ; третьи

лѣнивы, не расторопны; четвертые склонны къ раздорамъ; пятые имѣютъ особое пристрастіе къ вину.

Въ Сибири мѣста свѣжія, природа сильна и непокорна; человѣкъ, желающій воспользоваться ея дарами, прежде всего долженъ вступить съ ней въ дѣятельную борьбу и побѣдить, а при этомъ нужна не одна физическая сила, а нуженъ и практическій здравый смыслъ, безъ котораго ничего не подѣлаешь. Если отдѣльный домохозяинъ и даже цѣлый поселокъ не способны къ борьбѣ съ природой, то сила растительности земли не дастъ имъ ходу, одолѣетъ на всѣхъ пунктахъ. Въ пашнѣ усилится пырей и кипрей; покосы начнутъ заглушать тальникъ, шиповникъ, и вмѣсто мелкой кормовой травы вырастутъ негодныя травы, высотою иногда въ три аршина; на выгонѣ всѣ лучшія мѣста займетъ молодой березнякъ; изъ огорода выживетъ всѣ овощи и займетъ мѣсто лисохвостникъ и другія сорныя травы. Дворъ будетъ представлять непроходимое болото; амбары займетъ армія мышей; погреба и подвалы будутъ посѣщать крысы; хлѣвы и загоны неожиданно посѣтитъ волкъ; курятникъ будутъ тайно посѣщать хорьки, горностаи, а пожалуй, и лисички; зайцы будутъ портить молодые всходы овса; въ избѣ, пожалуй, стѣны и потолокъ займутъ тараканы, за печкой запоетъ сверчокъ, и тогда хозяинъ будетъ не свободнымъ селяниномъ свободной сибирской земли, а какимъ то жалкимъ тружеником, вѣчно начинающимъ работу съ одного конца, тогда какъ съ другаго она разрушается и требуетъ, чтобы ее начинали вновь.

Большая часть переселенцевъ движется въ своихъ телѣгахъ сухимъ путемъ, чѣмъ воднымъ къ Иртышу и Оби. Предварительно посылаются въ Сибирь ходоки. Большинство изъ нихъ, выбравъ земли для поселенія, не возвращаются обратно на родину, а остаются зимовать въ избранномъ мѣстѣ и на слѣдующее лѣто вызываютъ къ себѣ письмами свои семьи и земляковъ. При этомъ должно замѣтить, что такъ называемые ходоки пріискиваютъ земли лишь для своихъ собственныхъ семействъ и только изрѣдка одинъ ходокъ идетъ отъ 2-хъ или 3-хъ семействъ. Случаи же посылки ходоковъ отъ цѣлаго общества или отъ большаго числа се-

мействъ весьма рѣдки. Часто ѣдутъ пересенцы въ Сибирь, не посылая предварительно ходоковъ, по однимъ слухамъ, что въ Сибири много свободныхъ земель, или по письму дальнаго родственика или знакомаго. Такимъ переселенцамъ приходится претерпѣть очень много лишеній и горя, они не находятъ свободныхъ удобныхъ для заселенія земель, ихъ не принимаютъ старожилы. Облюбуютъ переселенцы мѣстечко, подаютъ заявленіе въ казенную палату. Та спрашиваетъ мѣстнаго исправника, который въ свою очередь дѣлаетъ запросъ къ старожиламъ-крестьянамъ: могутъ ли они по сосѣдству съ собой допустить новый поселокъ переселенцевъ. Крестьяне по Сибири пользуются землею на правѣ захвата,— разъ вспаханная земля считается собственностію того лица, который ее расчистилъ отъ лѣса, обработалъ. Понятно, что на запросъ исправника старожилы всегда отвѣчаютъ, что избранныя поляны новоселами переселенцами есть ихъ собственность, ими обработанная земля, которую уступить они не могутъ, опасаясь стѣснить свое хозяйство. Иногда старожилы требуютъ съ переселенцевъ взноса въ общественную казну по 20—30 рублей съ бойца, т. е. съ работника. Въ большинствѣ случаевъ у переселенцевъ такихъ денегъ не находится, въ силу чего они разъѣзжаютъ отъ селенія къ селенію, отъ волости къ волости, изъ одного округа въ другой. Часто, уѣхавъ изъ Томскаго округа за тысячу верстъ въ предѣлы Енисейской губерніи, въ Минусинскій округъ, или иной, переселенцы, проведя годъ—два тщетно въ поискахъ свободныхъ, удобныхъ земель, возвращаются вновь въ предѣлы Томской губерніи, надѣясь, что тамъ ихъ скорѣе примутъ на землю, скорѣе устроятъ и предоставятъ жить спокойно, прилагая свой трудъ къ землѣ.

Одно изъ главнѣйшихъ требованій для облегченія переселенія есть безспорно вопросъ о надѣлѣ землею крестьянъ существующихъ въ Сибири селеній, выдѣленіе казенной земли и указаніе, такимъ образомъ, движущемуся переселеніемъ люду тѣхъ мѣстъ, кои могутъ быть заселены. Въ настоящее время, говорятъ, нашли возможнымъ, въ предѣлахъ, напримѣръ, Минусинскаго округа, нарѣзать земли 21 десятину на душу. Прирѣзавъ къ каждому селенію нѣсколько лишнихъ

десятинъ можно легко удовлетворить запросъ переселенцевъ: размѣщать ихъ въ образовавшихся уже по Сибири селеніяхъ среди старожиловъ—удобнѣе, производительнѣе,—скорѣе новоселы переймутъ то, что требуется мѣстными условіями: климатомъ, почвою, поверхностію земли, лѣсами, травами и мѣстными обычаями сибиряковъ. Бываютъ, напримѣръ, случаи, что переселенцы поживутъ годъ, два, разочаруются и уходятъ въ другія мѣста. Это случалось и съ Минусинскимъ округомъ, и съ Уссурійскимъ краемъ, и съ другими лучшими мѣстами Сибири. Понятно, что такое передвиженіе пагубно вліяетъ на экономическое положеніе и нравственность переселенцевъ. Такимъ образомъ, однимъ размежеваніемъ нарѣзкою земли не должно ограничиваться. Требуется опредѣлить качество почвы, чтобы переселяющійся людъ заранѣе могъ выбрать болѣе подходящую для себя мѣстность: такъ пермяки, очевидно, будутъ избирать болѣе лѣсистыя мѣста, самарцы—степныя и проч. Чрезъ таковое опредѣленіе мѣстности мы сохранимъ экономію въ государствѣ, обществѣ и у частныхъ лицъ. Опредѣленіе это далеко не трудно для спеціалистовъ сельскаго хозяйства.

ГЛАВА VII

Гужомъ

(*Изъ сибирской жизни*).

Однако мнѣ пора вернуться къ изложенію собственнаго положенія. Я слишкомъ засерьезничался и боюсь, читатель, вамъ надоскучить. Я знаю вѣдь васъ, читатель, прекрасно: кто-бы вы ни былъ—ученный ли, коммерсантъ, графиня или княжна, всѣ вы ищете легкаго чтенія, мало читаете серьезныхъ статей, еще менѣе путешествій. Почему? Да потому, что у васъ мало развито стремленіе жить идеей пользы для русскаго крестьянина, для рабочаго. Вы живете и стремитесь жить субъективно: ученый разрабатываетъ излюбленную имъ науку для науки, позабывая, что онъ какъ русскій гражданинъ, обязанъ прилагать научныя данныя на пользу *русскаго* народа, не закупориваться въ книгахъ до идіотизма и не стремиться къ личному обогащенію, скупая акціи, облигаціи и другія цѣнныя бумаги; коммерсантъ не краснѣя деретъ рубль на рубль, созидая себѣ дворцы и нисколько не заботясь ни о правильной постановкѣ русской торговли, ни объ улучшеніи положенія нашихъ поселянъ, рабочихъ; графиня и княжна... да, впрочемъ, лучше помолчать, „гусей не дразднить“, авось порекомендуютъ мою книжку, не такъ ли?...

Вы, помните, конечно, что я выѣхалъ изъ Москвы въ дальнѣе путешестіе, болѣе 31,000 верстъ, съ капиталомъ въ сто рублей, занятыхъ мною у московскаго коммерсанта Б. Садясь

на пароходъ Добровольнаго Флота, послѣ небольшаго воіяжа по Крыму, у меня было въ кошелькѣ только около 35 руб. Во Владивостокъ прибылъ безъ копѣйки, какъ говорится. Послѣ экскурсіи по Южно-Уссурійскому краю Общество изученія Амурскаго края пособило мнѣ выдачею 150 руб. на кои я доѣхалъ до Хабаровки. Продаю мѣстному губернатору рукопись своего изслѣдованія за сто руб. и устраиваю платное публичное чтеніе, по 1 рублю за входъ. Публики было около ста человѣкъ. Проживъ въ Хабаровкѣ около двухъ недѣль, ѣду въ Благовѣщенскъ, гдѣ также прожилъ около десяти дней и устроилъ платное публичное чтеніе, давшее мнѣ около 50 р. чистаго дохода. Затѣмъ ѣду въ Читу, въ Верхнеудинскъ, въ Кяхту, наконецъ, въ Иркутскъ, гдѣ также устраивалъ платныя публичныя чтенія. Почтовое вѣдомство возило меня въ качествѣ сопровождающаго почту безплатно. Почти вся выручаемая съ публичныхъ чтеній сумма шла на покрытіе расходовъ за квартиру, за столъ, что въ Сибири цѣнится очень дорого. Васъ, безъ сомнѣнія интересуетъ описаніе жизни въ сибирскихъ городахъ, но объ этомъ я говорить въ настоящей книгѣ не буду, объемъ ея не позволяетъ.

Изъ Иркутска я вышелъ къ Томску въ прекрасный апрѣльскій день. То было около 15 числа. Мои обстоятельства такъ сложились, что я отправился пѣшкомъ. На мнѣ былъ легкій городской костюмъ, легкое весеннее пальто, щиблеты на ногахъ съ легкими резиновыми галошами, мѣховая шапка на головѣ и въ рукахъ небольшой узелокъ съ бумагами и одной парой бѣлья. Переправившись чрезъ Ангару на паромѣ, я бодро зашагалъ по направленію мужскаго монастыря. Селеніе, въ которомъ онъ находился, меня порадовало своею порядочностію, чистотой и величиною зданій, — это что-то въ родѣ подмосковной дачной мѣстности. Есть двухъэтажные дома; много лавочекъ съ вывѣсками; высокая колокольня прекрасной монастырской церкви идетъ въ параллель съ уличными зданіями. Селеніе большое, не менѣе пяти сотъ дворовъ. Яркій, теплый весенній день такъ и манилъ меня пройти еще нѣсколько верстъ. Иду далѣе по тракту. Снѣгъ уже сошелъ съ полей; его изрѣдка можно было видѣть возлѣ того или другаго дерева или въ канавахъ, идущихъ по обѣ-

имъ сторонамъ дороги. Зеленой, молодой травы еще не было; листья деревъ не распускались: въ Сибири зелень появляется весной позднѣе, чѣмъ у насъ въ Европѣ и по осени морозы наступаютъ рано, въ августѣ мѣсяцѣ, нерѣдко убивая хлѣбъ на корню, не давая ему созрѣть. Изрѣдка на маленькихъ полянахъ между лѣсомъ видны были пашни озими, блѣдновато зеленѣвшія на поверхности еще не оттаявшей земли. Иногда воздухъ оглошался крикомъ дикихъ гусей, утокъ; мелкой птицы мало въ полѣ; галка имѣетъ часть шейки и брюшка не сѣрыми, а бѣлыми. На встрѣчу ѣдутъ съ возами крестьяне, везя разные продукты на градскій рынокъ. На канавѣ сидятъ два уставшихъ пѣшехода. Подхожу къ нимъ, здоровываюсь и подсаживаюсь. Они совѣтуютъ не идти одному по тракту, много можно встрѣтить бродягъ, случаются грабежи и разбои. Особенно не совѣтовали идти поздно вечеромъ, ночью и рано утромъ. Я поторопился въ ближайшее селеніе для ночлега; уже наступилъ вечеръ; отъ города пройдено было тридцать верстъ. На улицѣ встрѣтившійся паренекъ отвелъ меня въ свой домъ для ночлега. Квартирантка дома, снимая его по одному рублю въ мѣсяцъ, часто пускаетъ на ночлегъ прохожихъ. Заплативъ пять копѣекъ за чай, я имѣлъ право переночевать въ избѣ. Мужъ хозяйки служитъ ямщикомъ на ближайшей почтовой станціи. Бѣдная жена его, имѣя маленькую дочку, едва перебивалась съ куска на кусокъ, купленный на заработанныя деньги ямщикомъ. А хлѣбъ подъ Иркутскимъ дорогой, по 5 коп. фунтъ. Къ ночи подошли въ избу на ночлегъ еще шесть человѣкъ: трое мужчинъ и три женщины; они идутъ на заработки, на золотые пріиски. Вошли въ избу, сѣли пить чай, условившись заплатить за самоваръ съ ночлегомъ по двѣ копѣйки съ души: у нихъ свой чай. Идутъ они изъ Томской губерніи наугадъ, гдѣ придется пристроиться, послужить. Всѣ они народъ бывалый, не впервые идутъ за тысячи верстъ. Вскорѣ сальная свѣча была погашена, мы улеглись на ночевую. Всѣ спали на полу, за исключеніемъ меня: я легъ на лавкѣ, положивъ подъ голову свое легкое пальто. Узко было на лавкѣ, жестко безъ подстилки, но усталость послѣ прогулки и ночное время взяли перевѣсъ и я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

При солнечномъ восходѣ мы поднялись на ноги, расплатились за ночлегъ и безъ чая и завтрака отправились въ путь. Какъ и вчера, день былъ яркій,—весенній, веселый. Отрадно было идти. Дорога сухая. Вхожу въ одно изъ богатыхъ большихъ селеній, гдѣ находятся и суконная фабрика, и стеклянный заводъ, кожевенный и водочный заводы, хорошая красивая церковь, большіе дома. Мнѣ вновь припомнились подмосковныя селенія съ фабриками, заводами,—просторъ, удобства, широкія улицы, большіе пятиоконные дома съ крашеными ставнями и рѣзными наличниками. Это селеніе Кимильки. Я зашелъ на постоялый дворъ напиться чаю и поѣсть хлѣба. Цѣна та же, что и вчера: пять копѣекъ чай и пять копѣекъ фунтъ чернаго хлѣба. Хозяйка дома бѣлила стѣны, припасаясь къ празднику Пасхѣ. Устала она, рада отдохнуть. Жалуется на мужа, что тотъ пьянствуетъ; по осени, говоритъ она, даже послѣднюю корову зарѣзалъ, мясо продалъ, а деньги пропилъ; „оставила, было, я себѣ грудинку да голову, такъ и то стащилъ и пропилъ". Хозяйствомъ не занимается, лишь постоялый дворъ держитъ. Черезъ часъ отдыха я уже шелъ далѣе. Ѣхавшій крестьянинъ-поселенецъ—полякъ подвезъ меня верстъ пять, шесть, весело разговаривая со мною о томъ и о семъ. Онъ привыкъ къ Сибири, давно живетъ въ ней, но говоритъ, что, кто побогаче, всякъ стремится вернуться въ Европейскую Россію. Селеніе, гдѣ онъ проживалъ и куда направлялся ссадивъ меня, имѣетъ соловаренный заводъ, при коемъ соль продается по 70 к. пудъ; тамъ же есть заводы, гдѣ идетъ приготовленіе посуды изъ глины; вблизи кирпичный заводъ. Селеніе тоже богатое. Пройдя въ день верстъ тридцать и утомившись, я въ четыре часа по полудни уже остановился на ночевую въ одномъ характерномъ селеніи: одна сторона улицы заселена православными, имѣющими свою церковь, другая — татарами, у коихъ между другими строеніями видна мечеть. Избы въ селеніи хорошія, большія; есть двухъэтажныя; иногда видны полисадники. Татары и православные живутъ дружно между собою. Ночевалъ я въ большой избѣ казака; верхній этажъ зданія былъ не отстроенъ; хозяинъ занемогъ, умеръ не достроивъ избы. Внутренность нижняго этажа проста, но чиста.

Въ ней четыре комнаты: проходная, гдѣ стоитъ маленькая печь-голандка; изъ этой комнаты входъ въ спальню, и другой входъ въ общую комнату, обставленную по стѣнамъ обычными у русскихъ крестьянъ скамьями; въ одномъ углу кровать, въ другомъ — столъ, въ третьемъ громадная русская печь, въ четвертомъ шкапчикъ съ посудой. Кухня отдѣлялась перегородкой. Полъ и стѣны съ лавками начисто вымыты. У меня почему то при сравненіи этой просторной русской избы казака съ китайской фанзой, тоже часто просторной, удобной, — все преимущество падало на сторону русской избы: такъ была чиста, уютна и просторна новая ночлежная моя квартира, хотя частенько я отдаю при сравненіи преимущественно китайскимъ фанзамъ. На этой ночлежной квартирѣ мнѣ также не совѣтовали идти одному по тракту, а пристроившись къ какому либо обозу идти вмѣстѣ съ нимъ. „А то долго ли до грѣха? Изъ одного костюма, изъ одного паспорта и то могутъ убить: бродягамъ все нужно". На другой день, выходя съ квартиры рано утромъ, я имѣлъ уже твердое намѣреніе присоединиться къ какой либо партіи, къ какому либо обозу. Это мнѣ вскорѣ удалось

Иду путемъ-дорогою и встрѣчаю обозъ, ѣдущій изъ Иркутска въ Томскъ съ чаемъ. Обозъ большой—въ 45 подводъ. На каждой телѣгѣ 7—8 мѣстъ чая, т. е. около 28—32 пудовъ. Цибики ушиты въ кожи, возы покрыты тщательно циновками. Болѣе чѣмъ на полверсты растянулся обозъ. Медленно двигался онъ. Шагъ за шагомъ выступаетъ впередъ тяжелой поступью передовая лошадь. Возлѣ нея идетъ пѣшкомъ передовой извощикъ. Я подошелъ къ нему и слегка вкрадчиво сталъ съ нимъ разговаривать, опасаясь того, чтобы какъ нибудь не затронуть самолюбіе извощика и не оттолкнуть самого себя отъ обоза, съ которымъ вмѣстѣ могъ идти большое пространство, будучи всецѣло гарантированъ отъ опасности встрѣтиться съ бродягами.

Передовой извощикъ, Иванъ, коренастый, лѣтъ подъ тридцать, мужчина, блондинъ, почти что безъ бороды и усовъ: крѣпкое тѣло его не пропускало какъ бы волосъ на лицѣ. Короткая шея придерживала на широкихъ плечахъ мужественную голову съ выразительнымъ, энергичнымъ лицомъ.

На головѣ грязный, суконный картузъ, на плечахъ кафтанъ когда то желтаго цвѣта, а теперь весь въ дегтю, въ грязи. Полы кафтана подоткнуты подъ кушакъ, такъ что видны грязные, всѣ въ дегтю, изъ толстаго солдатскаго сукна шаровары. Тихо шелъ Иванъ, заложивъ руки за спину.

— Кони нашего обоза принадлежатъ тремъ хозяевамъ-ямщикамъ. Одинъ изъ нихъ ѣдетъ съ нами, у него здѣсь тридцать лошадей. Вонъ онъ верхомъ на конѣ, указывая рукою, сказалъ Иванъ. У моего хозяина въ обозѣ только десять лошадей, а у третьяго—всего пять. Ступайте, переговорите съ хозяиномъ, можетъ быть онъ васъ и приметъ къ обозу. Мы веземъ товаръ по 10 руб. съ мѣста, т. е. 70—80 руб. съ воза отъ Иркутска до Томска.

Идутъ извощики возлѣ возовъ партіями,—гдѣ въ два, гдѣ въ три человѣка; идутъ и разговоры ведутъ между собою, совѣтуются. Хозяинъ верхомъ на конѣ объѣзжаетъ обозъ, покрикиваетъ на извощиковъ, — кому поводъ подтянуть, кому чеку поправить, кому черезсѣдельникъ подвязать. У каждаго извощика пять упряжекъ, пять коней съ телѣгами. Онъ вѣдаетъ ихъ, онъ отвѣтствуетъ за нихъ. У всѣхъ загорѣлыя, обвѣтренныя лица, и мощныя, грубыя часто въ дегтю руки.

Подошли къ намъ двое изъ нихъ. Завязался разговоръ. Съ разрѣшенія Ивана я положилъ ему въ бесѣдку, т. е. въ сидѣнье, свой маленькій узелокъ, вѣсившій не болѣе 6 — 7 фунтовъ, но тѣмъ не менѣе обременявшій меня. Всѣ извощики служатъ у ямщиковъ по 14 руб. въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ. Извозомъ занимаются уже давно, кто пять, кто десять лѣтъ. Одежда и обувь свои. На обувь, говорятъ они, выходитъ около двадцати рублей въ годъ. Въ Иркутскъ они везли изъ Тюмени красный товаръ, взявъ за доставку по три рубля съ пуда и наложивъ на каждый возъ по 20 пудовъ. Доставили благополучно. Въ среднемъ выводѣ на каждую лошадь съ извощикомъ вышло расхода 47 рублей. т. е. за исключеніемъ всѣхъ расходовъ по содержанію по 13 руб. чистаго барыша съ воза, или на 45 возовъ 585 руб. Шли только 33 дня. Теперь, говорятъ извощики, несмотря на то, что каждый возъ имѣетъ на 70—80 руб. выручки, по

всей вѣроятности получится убытокъ, благодаря разливу рѣкъ и плохой весенней дорогѣ. Во время разговора извощики внезапно направились каждый къ своей телегѣ: оказалось, что насъ догоняетъ самъ хозяинъ ямщикъ, дядя Петръ, верхомъ на буланомъ конѣ плохенькомъ, худенькомъ, въ сѣдлѣ поношенномъ, ободранномъ, безъ подушки. Одѣтъ онъ просто, въ костюмѣ грязноватомъ, какъ и извощики. На головѣ недорогая шапка, на ногахъ дырявыя, когда-то щеголеватые смазные сапоги. Ему лѣтъ подъ сорокъ. Лицо правильное, чистое, съ умно смотрящими глазами, обрамлено густою окладистой бородою. Кланяясь со мною, онъ скинулъ шапку и показалъ мнѣ свою большую лысую голову.

— Здравствуйте Петръ Кузьмичъ! Я иду по тракту одинъ, да побаиваюсь, чтобы кто не обидѣлъ. Не позволите ли мнѣ идти вмѣстѣ съ обозомъ? Я могъ бы вамъ иногда пособить: присмотрѣть за обозомъ, подогнать лошадь, или еще чѣмъ нибудь пособить. У васъ расходовъ излишнихъ не будетъ, а мнѣ то спокойно. Если пожелаете я передамъ вамъ свой паспортъ.

— Такъ что же, съ Богомъ, идите, говоритъ дядя Петръ. А далеко идете? — И узнавъ откуда я иду, куда и зачѣмъ, продолжалъ: — что же идите, а гдѣ уже очень пріустанете такъ присядьте на бесѣдку то къ одному извощиву, то къ другому.

Такъ я и пристроился къ обозу.

Привалили въ одномъ селеніи на кормежку. Не доѣзжая верстъ пять до селенія, дядя Петръ ускакалъ отъ обоза впередъ, чтобы пріискать постоялый дворъ и приготовить кормъ для лошадей и завтракъ для извощиковъ. Лишь только мы въѣхали въ село, онъ насъ уже встрѣтилъ и показалъ мѣсто возлѣ забора постоялаго двора на улицѣ. Возы поставлены въ три ряда; лошадей распрягли; привязали къ телѣгамъ; дали сѣна и, оставивъ одного караульнымъ, остальные извощики направились всѣ въ избу пить чай. Хлѣбъ и рыба омуль составляли завтракъ, къ кирпичному чаю дали извощикамъ по одному куску сахара. Самъ ямщикъ, дядя Петръ, съ сыномъ и сопровождавшимъ ихъ татариномъ, заплатившимъ ямщику 21 руб. за доставку его изъ Иркутска до Томска —

сидѣлъ вмѣстѣ съ извощиками, болтавшими безъ умолку во время завтрака, видимо закусывая при большомъ аппетитѣ. Хозяинъ ямщикъ кормитъ своихъ извощиковъ дважды въ день — рано утромъ и поздно вечеромъ, — кормитъ хорошо, до сыта. Тогда разнообразный, вкусный столъ: щи или супъ съ рыбой, предварительно рюмка или двѣ водки; мятая картофель и каша съ масломъ, чай съ калачами. Среди же дня дается легкая закуска. — Закусили. Идутъ лошадей поить. Дядя Петръ положивъ подъ голову свой армякъ ложится въ сѣнцахъ на голомъ полу отдохнуть. Одна изъ лошадей заболѣла: ее раздуло, она не хочетъ стоять на ногахъ, постоянно ложится. Говорятъ, что обозъ такимъ образомъ потерялъ трехъ лошадей, когда шелъ съ товаромъ изъ Томска въ Иркутсъ. Приняли мѣры, стянули животъ веревкой, дали слабительнаго, подмазали дегтемъ кишку, пригласили коновала кровь пустить,—и лошадь черезъ двѣ, три станціи поправилась. Тихо, медленно шелъ обозъ, но все же дѣлалъ 50—60 верстъ въ сутки. Уже наступалъ Георгіевъ день, но въ полѣ ни травинки зеленой, ни кустика, распустившаго свои листочки. Лишь изрѣдка птичка, напѣвая свои веселыя пѣсенки, напоминала о веснѣ. Вотъ и скворцы, предвѣстники весны... А вотъ стая утокъ, сидящихъ на болотѣ. Одинъ изъ извощиковъ, бывшій солдатъ, хорошій стрѣлокъ. Онъ частенько беретъ ружье изъ телѣги хозяина ямщика и охотится двухстволкой не безъ результата: то утку, то селезня приноситъ къ кибиткѣ дяди Петра. А вотъ и тетерьки, расположившіяся на верхушкѣ деревъ. Трахъ-трахъ, раздается выстрѣлъ, и подстрѣленная жирная тетерка падаетъ съ высоты дерева едва не къ ногамъ охотника.

Праздникъ Пасхи мы встрѣтили въ селѣ Куйтумѣ, находящемся на 301-верстѣ отъ Иркутска. Мы пріѣхали въ селеніе наканунѣ праздника. Куйтумъ большое селеніе, въ коемъ черезъ каждые, приблизительно, десять дворовъ стоитъ большой двухъ-этажный или пяти-оконный домъ, съ большими хорошими окнами, сквозь стекла которыхъ виднѣются кисейныя занавѣски. Семейство дворника высматриваетъ интеллигентно—такъ сказать, хозяинъ грамотей и его въ былое время обыкновенно приглашали въ субботу передъ Пасхой

въ церковь какъ лучшаго чтеца. Нашъ ямщикъ, дядя Петръ, съ сыномъ и извощики въ церковь не ходили, спали: послѣ дороги сильно утомились, ноги устали. Отдыхалъ и я, мои ноги уставали сильнѣе чѣмъ у извощиковъ: мнѣ приходится идти пѣшкомъ почти весь путь, изрѣдка изъ 8 верстъ одну проводить сидящимъ на мѣстѣ того или другаго изъ нихъ, когда они слѣзали съ своихъ телѣгъ. Ночью я сплю въ избахъ на деревянныхъ лавкахъ безъ всякой подстилки, подложивъ подъ голову свое пальто. Такъ же спитъ и нашъ хозяинъ-ямщикъ; извощики обыкновенно подстилаютъ подъ себя дохи, войлоки, или какую-либо другую одежду. Въ ночь передъ Пасхой мнѣ плохо спалось, больно было лежать безъ подстилки, жестко. Но всеже уснулъ и только при разсвѣтѣ, около 5 часовъ, при звонѣ церковныхъ колоколовъ, проснулся. Раздался возлѣ церкви пушечный выстрѣлъ. Извощики пробудились, встали, и слегка умывъ руки и лица, перекрестившись, стали немедленно садиться за столъ розгавляться. Всѣмъ дали по яйцу. Хозяинъ-ямщикъ для праздника поставилъ три бутылки водки. Столъ былъ установленъ кушаньями: чашка съ холоднымъ (квасъ и мясо), чашка со щами, чашка съ жаренымъ мясомъ, чашка съ пирожками съ мясомъ и подъ масломъ, чашка съ мятымъ картофелемъ улитымъ масломъ. На столѣ давно уже шипѣлъ большихъ размѣровъ самоваръ; кирпичный чай въ чайникѣ давно уже напрѣлъ. Извощики послѣ завтрака обыкновенно пьютъ по чашкѣ, по двѣ чаю; нынѣ всѣ пили чай съ молокомъ, но безъ сахара,—по утрамъ его не выдаютъ. Я ѣмъ вмѣстѣ съ извощиками; дядя Петръ съ сыномъ—въ другой половинѣ избы съ дворникомъ и его семействомъ.—Въ шестомъ часу утра двинулись въ путь и шли 41 версту не останавливаясь до семи съ половиною часовъ вечера, дѣлая такимъ образомъ около трехъ верстъ въ часъ. Дорога была тяжелая, съ большими колеями, мѣстами грязная. Мѣстность такая же, что и въ предъидущіе дни: направо и налѣво отъ дороги—канавы, часто наполненные водою, которая, благодаря сѣверному холодному вѣтру, весь день была покрыта легкимъ слоемъ льда. Возлѣ канавъ на пять, на шесть сажень лѣсъ срубленъ, остальное же пространство покрыто березнякомъ, сосной, лиственницей; лишь изрѣдко

попадались небольшія поляны, обращенныя въ запашки; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зеленѣетъ озимь Нынѣ на пути не встрѣчалось ни одной заимки. Я шелъ въ дохѣ почти весь день,—было холодно, дядя Петръ сжалился надо мною и далъ мнѣ свою доху. Верстъ за шесть до привала—села, онъ по обыкновенію ускакалъ впередъ нанять постоялый дворъ. Пріѣхавъ вечеромъ въ большое богатое селеніе, гдѣ видны двухъэтажныя и многооконныя зданія, распрягши лошадей на постояломъ дворѣ, извощики идутъ въ избу и немедленно садятся за столъ: имъ подаютъ холодное (студень съ квасомъ) и творогъ со сметаной; хлѣба — сколько хочешь; послѣ закуски чай съ сахаромъ Пища вообще питательна и ѣшь, сколько хочешь. Для хозяина-ямщика содержаніе на постояломъ дворѣ каждаго извощика съ пятью лошадьми обходится въ рубль, въ полтора, если не принимать въ соображеніе овса, цѣнность котораго въ то время была 1 р. 50 к. пудъ; 45 подводъ—лошадей и 10 человѣкъ работниковъ обыкновенно на каждый постоялый дворъ обходятся въ 32 — 42 рубля. Дворникъ, какъ большинство изъ нихъ, толстъ какъ бочка; для перваго дня пасхи онъ и его работники пьяны; послѣдніе видимо бродяги. Дворъ и стройка въ порядкѣ.

Вчера иду я за обозомъ, осматриваю его, чтобы не отстала лошадь, не свернула съ дороги, не выскочила чека и проч., и завожу разговоръ съ извощиками о томъ, что вскорѣ по Сибири поведутъ желѣзную дорогу, такъ надо бы выяснить себѣ: будетъ ли она полезна для мѣстныхъ крестьянъ.

— Ну для насъ то прямой убытокъ. Извощики и ямщики лишатся тогда заработковъ,—а ихъ не мало. Такихъ обозовъ, какъ нашъ, не менѣе тысячи подъ Томскомъ; слѣдовательно, около 10,000 человѣкъ извощиковъ и до 1,000 ямщиковъ, да столько же возлѣ Иркутска и за нимъ. Кромѣ того въ каждомъ селеніи не менѣе 15—20 дворниковъ; намъ на пути предстоитъ сорокъ пряжекъ, — вотъ уже 700—800 дворниковъ и есть. А сколько народа кормится возлѣ нихъ: необходимо припасти овса, сѣна, мяса, хлѣба, масла, дегтю и проч., и проч. Когда пройдетъ желѣзная дорога, то всѣ эти заработки прекратятся. Десятки тысячъ крестьянъ должны будутъ искать приложенія своего труда на иномъ поприщѣ. Положимъ,

напримѣръ, я, говоритъ извощикъ, занимаюсь сейчасъ хлѣбопашествомъ и сѣю овесъ, который теперь стоитъ въ цѣнѣ 1 руб. 40 к. или 50 коп. пудъ. На овесъ спросъ большой: только изъ подъ Томска идетъ не менѣе 50,000 лошадей по тракту, да изъ подъ Иркутска не менѣе того. Каждая лошадь обернется четыре—пять разъ, то есть сдѣлаетъ восемь—десять концовъ по тракту. Такимъ образомъ въ каждомъ селеніи требуется припасти около 100—200 т. пудовъ овса, столько же сѣна, почти на такую же сумму хлѣба, мяса, рыбы, масла и проч. А будь желѣзная дорога, ѣзда гужомъ падетъ; спросъ на овесъ прекратится и посѣвы его—тоже, потому что отправка его по чугункѣ не мыслима, въ другихъ мѣстахъ, въ Европейской Россіи онъ дешевъ. То же самое будетъ и съ мелочнымъ торговцемъ, дѣла его пойдутъ плохо, онъ броситъ торговлю.

— Говори ты вздоръ-то, отвѣчаетъ другой извощихъ. Какія такія барыши для насъ отъ гужа? Были мы бездомовыми хозяевами, ничего не имѣли, и теперь таковы, хотя служимъ по извозу около 20 лѣтъ. Большія ли деньги 14 руб., которые мы получаемъ въ мѣсяцъ? Вѣдь въ пути то сколько одежи, обуви износишь! А ты думаешь, отчего это мы безлошадны, бездомовы, едва прокармливаемъ жену и дѣтей? Сколько нынѣ не работай, всегда мы будемъ бѣдняками, барыши всѣ останутся у хозяина. Когда будутъ строить желѣзную дорогу, по крайней мѣрѣ, при постройкѣ ея немного можно будетъ поналиться; говорятъ, будутъ платить рабочимъ по 30 руб. въ мѣсяцъ. Потомъ зимнее дѣло: подулъ вѣтеръ, выпалъ снѣгъ, занесло дорогу и иди отгребать—опять заробокъ. Взять еще въ соображеніе, что на каждой верстѣ будетъ будка и нужны будутъ караульные — опять доходъ: тамъ платятъ по 25 руб. въ мѣсяцъ. А теперь что? Положимъ, харчи хозяйскіе, да денегъ не остается... Ну и работай на хозяина, да на дворниковъ!..

— Ты говоришь дѣло, отвѣчаетъ первый извощикъ. Но все же пойми: въ годъ у меня выйдетъ 20 руб. на обувь, 20 руб. на одежду и бѣлье; допустимъ, что я 40 р. въ годъ пропью въ дорогѣ;—все же 60 руб. чистыми деньгами я доставлю въ годъ своей семьѣ. А другой кто не пьетъ; и всю

сотню доставитъ. Теперь намъ все же хорошо: жизнь, какъ машина, заведена; а тогда походи, да поищи постоянныхъ-то мѣстъ. Ну, много ли бабы выручатъ тогда на станціяхъ желѣзной дороги на курахъ, да яицахъ, продавая ихъ?

Распутица увеличивалась. Обозъ день ото дня шелъ все тише и тише, дѣлая 20, 15 и даже 8 верстъ въ сутки. При такихъ условіяхъ оставаться при обозѣ для меня было неудобно. Я взялъ тройку почтовыхъ лошадей и ускакалъ въ первый стоящій на пути городокъ, навихлявъ за недѣлю пути съ обозомъ свои ноги. Но впрочемъ я былъ всецѣло доволенъ своей прогулкой. Мнѣ приходилось въ былое время изслѣдовать экономическое состояніе крестьянъ, живущихъ между Москвою и Петербургомъ, видѣть селенія, гдѣ прежде до построенія Николаевской желѣзной дороги шелъ товаръ гужомъ и крестьяне занимались извозомъ. Я видѣлъ остатки прежнихъ прекрасныхъ крестьянскихъ построекъ, остатки ихъ благосостоянія, къ сожалѣнію, нынѣ упадающаго за отнятіемъ у нихъ главнаго источника дохода отъ извоза и гужа. Мнѣ пришлось затѣмъ проѣхать чрезъ г. Тюмень, гдѣ повсюду слышалъ отъ крестьянъ, что съ проведеніемъ желѣзной дороги чрезъ Уральскій хребетъ, отъ Перьми къ Тюмени, крестьянамъ живется хуже, труднѣе, бѣднѣе. И я невольно задумался надъ положеніемъ сибиряковъ, живущихъ въ селеніяхъ по главному тракту: прекрасныя постройки, ихъ благосостояніе дѣйствительно падутъ, имъ будетъ жить труднѣе съ проведеніемъ желѣзной дороги, важность которой съ политической и вообще съ государственной точки зрѣнія мы не отрицаемъ. Пожалѣемъ только, что наши юристы и политико-экономы не произнесли ни одного слова, ни одного звука за участь крестьянскихъ селеній, гдѣ проводится желѣзная дорога, за вознагражденіе ихъ, такъ сказать, тѣмъ или другимъ въ силу отнятія главнаго источника заработка хотя и въ видахъ государственной пользы. Отчужденіе земель подъ полотно желѣзной дороги происходитъ не безъ уплаты той или другой суммы за эту землю. Государство въ видахъ проведенія желѣзнодорожнаго пути не отнимаетъ чужой собственности, а выкупаетъ ее, не разоряетъ

владѣльцевъ, а даетъ имъ соотвѣтствующую сумму денегъ. Въ правѣ ли государство разорять, ставить въ болѣе тяжелыя условія жизни ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ, отнимая у нихъ главный источникъ заработка, направляя дѣятельность на менѣе доходный трудъ и ничемъ не возмѣщая ихъ за убытки? Справедливо ли и выгодно ли таковое отношеніе для государства? Полагаемъ, что нѣтъ... Не подумайте при этомъ, что я не принимаю въ соображеніе того, что перевозка предметовъ не есть ихъ производство, а потому извозный промыселъ менѣе производителенъ, чѣмъ земледѣльческій, фабричный, ремесленпый и мн. др. Но мнѣ кажется, что громадность территоріи и природныя богатства, которыми мы, русскіе, обладаемъ, ставятъ насъ въ необходитость заботиться, главнымъ образомъ, о болѣе или менѣе равномѣрномъ распредѣленіи труда и капитала между гражданами, а не о большемъ производствѣ товаровъ, что должно быть свойственно государствамъ, обладающимъ меньшей территоріей и меньшими богатствами природы.

ГЛАВА VIII.

По „Сибирской Италіи".

Мнѣ пришлось проѣзжать чрезъ г. Читу, что въ Забайкальской области, въ зимнее время; не смотря на холодный вѣтеръ и морозы, тамъ ѣздятъ на колесахъ, снѣга нѣтъ. Въ Кяхтѣ и возлѣ нея—то же самое. Въ Забайкальской области вы встрѣтите много роскошныхъ, цѣлебныхъ, теплыхъ ключей. Въ Иркутской губерніи въ весеннее и лѣтнее время травы и полевые цвѣты поражаютъ своею роскошью, своимъ соотвѣтствіемъ природѣ южныхъ странъ. Здѣсь множество цѣлебныхъ травъ. Проѣзжая по югу Сибири, можно видѣть много весьма живописныхъ возвышенностей и ущелій сибирскихъ горъ. Минусинскій округъ, Енисейской губерніи, названный однимъ изъ путешественниковъ „Сибирской Италіей", вмѣстѣ съ прилегающими округами: Бійскимъ, Барнаульскимъ, Кузнецкимъ и др. по справедливости носитъ названіе житницы Сибири и поражая разнообразіемъ картинъ природы, роскошной травой и цвѣтами, цѣлебными источниками, большой производительностію земли для хлѣбопашца, хорошими травами для скотоводства, надолго горделиво удержитъ за собою названіе „Сибирской Италіи". Я уже и не говорю объ Алтайскомъ краѣ, имѣющемъ преимущества во всѣхъ отношеніяхъ предъ остальными мѣстами южной Сибири.

Въ половинѣ мая я выѣхалъ изъ г. Красноярска по рѣкѣ Енисею въ г. Минусинскъ на одномъ изъ пароходовъ, при-

надлежащихъ г. Гадалову. Пароходикъ чистенькій, уютный, хорошо съ удобствомъ обстроенный и обставленный. Пароходы въ Сибири не рѣдкость: ихъ можно встрѣтить по Уссури, Амуру, Ленѣ, Енисею, Оби, по Иртышу, на о. Байкалѣ и по др. р. Быстро течетъ въ половодье рѣка Енисей, почти вдвое быстрѣе рѣки Волги. Медленно движется нашъ пароходъ противъ теченія, едва пробѣгая двѣнадцать — тринадцать верстъ въ часъ и изрѣдка останавливаясь близъ селеній для нагрузки дровами. Текущей весной было много воды отъ большихъ зимнихъ снѣговъ по Сибири. Разлился Енисей; затопилъ онъ селенья и нивы, что находятся по низовьямъ береговъ. Вотъ виднѣются кровли однѣ, да жердины. Православный народъ переѣзжаетъ на лодкахъ съ кровли на кровлю. На вершинахъ крутыхъ береговъ по зеленой травѣ пасутся стада. Вотъ обрывы, утесы крутыхъ береговъ; а вонъ тамъ показался букетъ бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ распустившейся подъ водой черемухи. Чѣмъ дальше на югъ— зеленѣе трава, ее больше и гуще она. Въ Красноярскѣ распустился первый листъ деревъ лишь за два дня до моей поѣздки. Въ Минусинскѣ за недѣлю раньше.

— А что, братцы, небось теперь на пароходахъ-то поспокойнѣе ѣздить изъ Красноярска въ Минусинскъ, чѣмъ трястись, какъ въ былое время, на телѣгахъ цѣлую недѣлю, говоритъ ѣхавшій съ нами владѣлецъ парохода, обращаясь къ пассажирамъ-крестьянамъ.

— Что и говорить, Николай Ивановичъ, отвѣчаютъ рабочіе: бывало за недѣлю-то пути всѣ суставы разломитъ, телѣги тряскія, колеи большія; пріѣдешь въ городъ, дней пять валяешься больнымъ и только тогда примешься за работу. А сколько расходу-то было? Теперь — благодать: ѣдешь и отдыхаешь, да и денегъ менѣе расходуется. Спасибо, спасибо вамъ за пароходы!..

Подплываемъ мы къ г. Манусинскому. Небольшой городокъ! Онъ менѣе тѣхъ уѣздныхъ городовъ, которые мнѣ пришлось видѣть по Сибири. Но онъ имѣетъ преимущество предъ всѣми городами, даже губернскими: въ немъ находится прекрасный музей, какихъ я не встрѣчалъ на всемъ пути. Впрочемъ, по линіи главнаго тракта отъ Томска къ

Владивостоку только три пока музея: во Владивостокѣ, въ Иркутскѣ и Тобольскѣ. Иркутскій музей — тоже довольно хорошъ и имѣетъ спеціальное зданіе въ мавританскомъ стилѣ. Но онъ уступаетъ, какъ по количеству предметовъ, коллекцій, такъ равно и по распредѣленію ихъ въ зданіи, въ системѣ Минусинскому музею. Особенно въ послѣднемъ мнѣ нравится то, что въ музей мѣстные крестьяне округа обращаются иногда за разными совѣтами; такимъ образомъ, онъ служитъ не игрушкой праздношатающагося люда, не мѣстомъ справки для того или другаго „кабинетнаго" сморчка, а полезнымъ учрежденіемъ, прямо и непосредственно прилагаемымъ къ жизни. Въ городѣ находятся городское училище, женская прогимназія и городская безплатная библіотека. Всѣхъ зданій около 1100, изъ коихъ только десять каменныхъ. Число жителей—4162 муж. и 3265 жен.

Остановимъ свое вниманіе на округѣ.

Къ сѣверу отъ горъ Саянскихъ, по теченію р. Енисея и впадающимъ въ него рѣчкамъ, мѣста большею частію гористыя, покрытыя лѣсомъ. Почва земли только на степныхъ равнинахъ и по скатамъ горъ черноземная, а въ другихъ мѣстахъ суглинистая и супесчаная съ подпочвою каменистою и песчаною. Глубина плодороднаго слоя различна—отъ 2 вершковъ до $^2/_3$ арш., смотря по мѣстности. Земли на степныхъ равнинахъ и по теченію рѣчекъ тяжелыя и немного легче по покатостямъ горъ. Зерновые хлѣба выносятъ здѣсь довольно сильную стужу, если только земля покрывается на соразмѣрную глубину снѣгомъ. Въ посѣвахъ яровымъ отдаютъ преимущество предъ озимовыми хлѣбами, потому что крестьянскія пашни расположены большею частью по покатостямъ горъ и на степныхъ равнинахъ, гдѣ снѣгъ зимою удерживается не долго; мѣста, прилегающія къ лѣсамъ, хотя способны къ разведенію озимовой ржи, но они слишкомъ холодны, потому что покрываются глубокимъ снѣгомъ, который долго остается весною и при таяніи снѣговая вода, не имѣя свободнаго протока, превращаетъ эти мѣста въ трясины и болота.

Къ сѣверу, по берегу р. Енисея и впадающимъ въ него рѣчкамъ до р. Тубы, мѣста большею частью открытыя и

ровныя, послѣднія лежатъ преимущественно по теченію р. Тубы. Почва земли болѣе супесковатая и черноземная, съ подпочвою песчаною, хрящеватою и въ низменныхъ мѣстахъ глинистою. Въ посѣвѣ яровымъ тоже отдается преимущество предъ озимымъ хлѣбомъ. Земли здѣсь жирныя и сильно способствуютъ развитію сорныхъ травъ, но при всемъ томъ чрезвычайно плодородныя.

Далѣе, отъ р. Тубы до р. Сады и Хабыка мѣста большею частью ровныя, за исключеніемъ хребтовъ, отдѣляющихъ долины одной рѣчки отъ другой. Восточная часть здѣсь болѣе лѣсистая, западная представляетъ волнистую степь, койгдѣ только пересѣкаемую лѣсными полосами. Почва земли на степи — супесокъ съ подпочвою глинистою; въ горахъ и по долинамъ рѣчекъ—черноземная съ подпочвою каменистою и глинистою.

Отъ р. Сады до Ачинскаго округа мѣста то гористыя, то совершенно степныя; лѣса попадаются только по правую сторону Енисея. Обширныя степныя равнины разстилаются съ лѣвой стороны Енисея, и пересѣкаясь въ разныхъ направленіяхъ возвышенностями, представляютъ мѣста болѣе удобныя для скотоводства, чѣмъ хлѣбопашества. Почва земли здѣсь преимущественно песчаная и каменистая и только въ логахъ черноземная. Берега Енисея скалистые, высокіе. Мѣста по правому берегу рѣки болѣе способны къ хлѣбопашеству и изобилуютъ почвою черноземною. Въ посѣвѣ хлѣбовъ отдается преимущество тоже яровымъ хлѣбамъ предъ озимыми.

На громадномъ пространствѣ Минусинскаго округа проживаетъ 63,733 муж. и 56,088 жен., изъ нихъ между инородцами: осѣдлыхъ—1,065 муж. и 1,942 жен.; кочевыхъ—14,332 мужчинъ и 12,973 жен.; раскольниковъ — 2,270 м., 2,063 ж. Всѣ жители размѣщаются въ 24,142 зданіяхъ, изъ коихъ 5,692 юрты. Жители округа занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и промыслами.

Въ 1887 году было посѣяно разнаго хлѣба количество десятинъ: ржи озимой—7,207 дес., ржи яровой 29,185 дес., пшеницы—27,092 дес., ячменя—4,067 д., овса—22,357 д., гречи—787 д., проса 551 д., гороха—398 д., льна—251 д., конопли—

1,446 д., картофеля—1,972 д.—Рожь родится озимая отъ 4 до самъ 15; яровая отъ 4 до самъ 10; пшеница отъ 4 до самъ 10; ячмень отъ 4 до самъ 9; овесъ отъ 5 до самъ 11; гречиха отъ 2 до самъ 12; просо отъ 2 до самъ 10; горохъ отъ 4 до самъ 9; ленъ отъ 2 до самъ 6; конопля отъ 4 до самъ 8; картофель отъ 21 до самъ 58. Лучшими хлѣбородными волостями можно назвать Кураминскую, Ермаковскую и Бійскую.—По всему округу родится хорошая свекла, приблизительно, около 8,436 мѣшковъ. Поговариваютъ объ устройствѣ сахарнаго завода: свекловица содержитъ большой процентъ сахара. Табакъ тоже родится хорошій, его въ годъ снимаютъ не менѣе 3 тысячъ пудовъ. Табакъ на мѣстѣ цѣнится около трехъ рублей пудъ. Въ 1887 году собрано сѣна около 6½ милліоновъ пудовъ. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ каждой волости округа развито пчеловодство. Въ настоящее время насчитываютъ до 8,623 ульевъ; но это количество ульевъ далеко не велико сравнительно съ сосѣдними округами Томской губерніи, гдѣ въ Барнаульскомъ округѣ — около 35 тысячъ ульевъ, въ Кузнецкомъ болѣе ста тысячъ, а въ Бійскомъ—около 265 тысячъ ульевъ.

Въ округѣ распространены промыслы: звѣриный. рыбный и кустарный. Въ 1887 г. было убито 265,805 бѣлокъ, 3,059 зайцевъ, 1,834 козъ, 621 красныхъ лисицъ; нѣсколько менѣе — хорьковъ, горностаевъ, волковъ, соболей, выдръ, медвѣдей, рысей.

Уловъ рыбы 1887 г. былъ таковъ: ханрузовъ было поймано 3,747 пуд., сорожины—1,448 пуд., тайменей—892 пуда, щукъ—1,047 п., окуней—780 п., налимовъ—639 п. и проч. Изъ кустарныхъ промысловъ въ 1887 году выдѣлялись слѣдующія: холста было приготовлено 146,420 арш., овчинъ — 31,476 шт., крестьянскаго сукна—21,066 арш., кожъ—болѣе 6,000 шт., шерсти болѣе 5 тыс. пуд., оглоблей—19 тыс. шт., саней—1,888 шт., деревянной посуды—3,180 шт. и проч.

Въ округѣ есть фабрики и заводы: салотопные и свѣчные, мыловаренные, кожевенные, воскобѣлильные, крупчатные, маслобойные, канатные, винокуренные, водочные, пивоваренные, паточные, желѣзнодѣлательные и чугуноплавительные, стеклодѣлательные, кирпичные, гончарные, солеварен-

ные и содовый; всего 139 фабр. и завод., на коихъ 908 рабочихъ; сумма оборота всѣхъ—586,125 руб.

Скотоводствомъ округъ богатъ: лошадей насчитываютъ 173,730, рогатаго скота—79,573, овецъ простыхъ—399,861, свиней—23,840, козъ—10,024; итого 687,028.

Скотъ мѣстный—хорошій, рослый, крупный, молочный скотъ. Если бы скотъ кормили зимою припасеннымъ кормомъ, то онъ былъ бы рослѣе. А то обыкновенно онъ ходитъ въ „дикомъ состояніи", безъ ухода, самъ изъ подъ снѣга добывая себѣ кормъ; къ іюню мѣсяцу только лишь едва отдохнетъ, къ сентябрю едва откормится, а тутъ вновь наступаютъ морозы, холода, и кормъ вновь приходится добывать себѣ скоту самому на поляхъ, не имѣя теплыхъ загоновъ. Въ зиму большихъ снѣговъ, овцы, коровы и лошади, не имѣя силъ разгрести копытами снѣгъ до травы, лежащей подъ нимъ, буквально умираютъ съ голоду. Такъ въ 1887/8 году пало отъ голода, какъ извѣстно по оффиціальнымъ даннымъ, болѣе ста тысячъ овецъ, болѣе десяти тысячъ лошадей и около трехъ тысячъ коровъ. Коровы въ Минусинскомъ округѣ дики; приблизительно изъ 15 коровъ только 5 могутъ быть пріучены давать молоко неподпуская предварительно теленка, остальныя же требуютъ, чтобы предварительно былъ подпущенъ сосунъ теленокъ. Это, впрочемъ, повсемѣстно по Сибири. Травы болѣе питательны въ степяхъ, чѣмъ въ подтаежныхъ, лѣсныхъ мѣстностяхъ. Мелкая степная трава *пырей* очень питательна и удобна для разведенія скота. Скотъ обыкновенно не нагуливается въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Овца нагуливаетъ курдюкъ до 16 фунтовъ, при чемъ сало прекрасно. Шерсть въ округѣ дешева, сбыта нѣтъ.

Цѣны на хлѣбъ въ 1888 г. въ маѣ были таковы: пшеница и мука—1 руб. 30 коп. и 1 руб. 40 коп. пудъ; рожь—90 коп. и 1 руб. пудъ; овесъ—90 коп. и 1 руб. пудъ: коровье масло 80 коп. безмѣнъ (т. е. 2½ фунта); солонина—2 руб. 20 коп. пудъ; телятина 12 коп. фунтъ.

Цѣны на рабочія силы таковы. Годовая цѣна работнику на хозяйскихъ харчахъ—отъ 50 до 75 руб.; работницы—отъ 20 до 36 руб. Въ лѣто: работнику—отъ 30 до 45 руб.; работницѣ—отъ 15 до 25 руб. Во время посѣва хлѣбовъ мѣ-

сячная плата работнику отъ 5 до 15 руб.; работницѣ—отъ 3 до 8 руб.; поденная плата работнику съ лошадью отъ 75 коп. до 1 руб. 20 коп.; пѣшему—отъ 25 до 65 коп.; работницѣ—отъ 15 до 50 коп. Во время сѣнокошенія: мѣсячная плата работнику отъ 6 до 16 руб., работницѣ отъ 3 до 14 руб.; по десятинно отъ 2 до $3^1/_2$ руб.; поденно, работнику съ лошадью—отъ 70 до 1 руб. 40 коп., пѣшему—отъ 30 до 70 коп., работницѣ—отъ 25 до 55 коп. Во время уборки хлѣбовъ по десятинно отъ 5 руб 20 коп. до 14 руб.; мѣсячная плата—работнику отъ 8 до 20 руб., работницѣ отъ 4 руб. 50 коп. до 15 руб.; поденно работнику съ лошадью отъ 80 коп. до 1 руб. 50 коп., пѣшему—отъ 50 до 90 коп., работницѣ—отъ 35 до 80 коп.

Въ день отъѣзда изъ Минусинска я посѣтилъ обозъ переселенцевъ, расположившійся въ двухъ верстахъ отъ города. Не смотря на богатства „Сибирской Италіи", на обширность Минусинскаго округа, „самарцы" въ числѣ 48 подводъ, промаявшись около двухъ лѣтъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, отъ селенія къ селенію, не нашли себѣ пристаница, и теперь возвращаются изъ богатой мѣстности въ другіе округа искать себѣ удобныхъ мѣстъ. Пріѣхали они въ Минусискій округъ на „авось" изъ Бугульминскаго уѣзда, Богоявленской волости изъ селенія Михайловки. Ихъ землякъ Афонасій изъ сосѣдняго селенія Надеждиной, проживая въ Минусинскомъ округѣ, прислалъ къ своимъ роднымъ въ Самарскую губернію въ д. Надеждину письмо, разхваливая Сибирь и сообщая, что земля тамъ плодородная, мѣстъ свободныхъ много, „хоть вся Самарская губернія переѣзжай". До крестьянъ Михайловскихъ дошелъ слухъ объ этомъ, выправили они себѣ паспорты и двинулись въ Сибирь. Пріѣзжаютъ къ земляку, а старожилы - сибиряки ихъ и не принимаютъ. Толкнулись въ одно селеніе, въ другое — отказы. Поснимали они себѣ на зиму плохенькія хаты; по веснѣ просятъ себѣ земли, даютъ имъ отбросокъ, не удобную землю, или отводятъ верстъ за двадцать отъ селенія, а въ общество не принимаютъ. Михайловцы и на водку даютъ сходу, и предлагаютъ сумму съ бойца, но сибиряки не поддаются, и бѣдные „самарцы" чрезъ два года принуждены были покидать „Сибирскую Италію".

Плыву изъ Минусинска по р. Енисею обратно въ Красноярскъ. На одной изъ пристаней пароходъ причалилъ въ 5 часовъ вечера и нагружаясь предполагаетъ простоять до разсвѣта. Съ трапа парохода вижу въ полѣ костры, пылающіе возлѣ обозовъ, и разузнавъ, что это переселенцы, направляюсь къ нимъ. Версты за три отъ пристани стоятъ тринадцать крестьянскихъ телѣгъ, всѣ съ особыми кузовами, въ родѣ кибитокъ. Лошади пасутся по зеленому лугу. Народъ возлѣ кибитокъ: кто на кострѣ варитъ что-то въ котлѣ, кто съ дѣтьми возится, кто занятъ возлѣ телѣги, кто колитъ дрова.

— Зравствуйте, братцы! Откуда Богъ несетъ, подходя спрашиваю?

— Добро жаловать, отвѣчаютъ, и крестьяне кружкомъ становятся возлѣ меня.

— Не переселенцы ли?

— Да, пріѣхали было сюда, да обратно возвращаемся; ѣдемъ къ Томску; думаемъ, тамъ скорѣе найдемъ удобную землю.

— А что же здѣсь не нашли что ли?

— Нѣтъ—не то. Мы посылали прежде Тараса, ходока изъ своей земли. Онъ пришелъ сюда, выхлопоталъ намъ межуганокъ и увѣдомилъ. Отправились мы 70 дворовъ. Пріѣзжаемъ. Предложили намъ къ деревнѣ Березовкѣ приписаться. Крестьяне-то той деревни съ неохотой насъ пустили: мы, видишь, новоселы, ихъ можемъ, старожилъ, стѣснить. Поселились. Хочешь пахать поляну, является кто нибудь изъ старожилъ и заявляетъ, что это мѣсто прежде имъ было занято; ѣдешь на другую,—является другое лицо — и то же самое. Такъ бьешься, бьешься и плюнешь: хорошихъ мѣстъ пахать нельзя, они уже заняты, а на плохомъ сѣять не стоитъ. Остаются для насъ, новоселъ, только низменныя мѣста, гдѣ хлѣбъ или вымерзаетъ, или же заглушается травою. Стали мы было упирать на то, что намъ межугранокъ высшимъ правительствомъ отведенъ,—подавалъ ходокъ-то нашъ телеграмму къ правительству,—да гдѣ тутъ!

— А изъ какихъ губерній вы?

— Изъ Полтавской, Екатеринославской и Пензенской.

Насъ здѣсь тринадцать телѣгъ, да восемь телѣгъ вонъ за версту стоятъ.

— Что же вы имѣете увольнительные паспорты отъ своихъ обществъ?

— Нѣтъ, по билетамъ ѣздимъ, а когда пристроимся, то возьмемъ и увольнительные приговоры отъ общества.

— Легко ли васъ отпустили изъ вашихъ мѣстъ, спрашиваю?

— Когда ходокъ прислалъ телеграмму, то легко; обратились въ уѣздъ, и насъ отпустили.

— А посмотри-ка у меня вотъ эту расписочку, говоритъ одинъ изъ переселенцевъ.

Въ квитанціи значилось, что означенный крестьянинъ въ Томскѣ у завѣдующаго Переселенческимъ Управленіемъ занялъ 30 руб., кои обязуется уплатить. Этого крестьянина приписали къ Ивановской волости въ Амурской области, а онъ, увлекшись товарищами, заѣхалъ въ Минусинскій округъ.

— Да что же ты дѣлаешь, говорю?! Вѣдь тебя приписали къ Амурской области, а ты ѣдешь, Богъ знаетъ, куда!

— Знакомыхъ встрѣтилъ и пошелъ съ ними. Вотъ уже два года здѣсь маюсь, говоритъ тщедушный крестьянинъ.

— Ну, а теперь куда же путь держите?

— Идемъ въ Маріинскій округъ; тамъ насъ года два какъ приглашали. Думаемъ, что встрѣтятъ радушно и дадутъ мѣстечка. Слухъ ходитъ, что тамъ десять свободныхъ межуганковъ есть.

Поговоривъ съ полчаса, я распрощался съ переселенцами, и далъ слово себѣ написать для нихъ настоящую книжку.

Насъ здѣсь тринадцать телѣгъ, да восемь телѣгъ уѣхали за версту стоять.

— Что же вы имѣете увольнительные паспорты отъ своихъ обществъ?

— Нѣтъ, по билетамъ ѣдимъ, а когда пристроимся, то возьмемъ и увольнительные приговоры отъ общества.

— Легко ли васъ отпустили изъ вашихъ мѣстъ, спрашиваю?

— Когда ходокъ прислалъ телеграмму, то легко, обратились въ уѣздъ, и насъ отпустили.

— А посмотри-ка у меня вотъ эту росписку, говоритъ одинъ изъ переселенцевъ.

Въ квитанціи значилось, что означенный крестьянинъ въ Томскѣ у завѣдующаго Переселенческимъ Управленіемъ занялъ 30 руб., кои обязуется уплатить. Этого крестьянина приписали къ Ивановской волости въ Амурской области, а онъ, увлекшись товарищами, заѣхалъ въ Минусинскій округъ.

— Да что же ты дѣлаешь, говорю? Вѣдь тебя приписали къ Амурской области, а ты ѣдешь, Богъ знаетъ, куда!

— Знакомыхъ встрѣтилъ и пошелъ съ ними. Вотъ уже два года здѣсь маюсь, говоритъ тщедушный крестьянинъ.

— Ну, а теперь куда же путь держите?

— Идемъ въ Маріинскій округъ; тамъ насъ года два какъ приглашали. Думаемъ, что встрѣтятъ радушно и дадутъ мѣстечко. Слухъ ходитъ, что тамъ десять свободныхъ межугранковъ есть.

Поговорилъ съ полчаса, и распрощался съ переселенцами, и далъ слово себѣ написать для нихъ настоящую книжку.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ТАРИФЫ

на перевозку пассажировъ и грузовъ по морямъ и рѣкамъ Амуру и Уссуры.

1) Тарифъ платы за проѣздъ пассажировъ по линіи Одесса—Владивостокъ.

2) Предмсты принимаемые къ перевозкѣ по морямъ и провозная плата.

3) Такса Товарищества Амурскаго Пароходства по р. Амуру и Уссуры.

УМЕНЬШЕННЫЙ ТАРИФЪ

платы за проѣздъ пассажировъ по линіи Одесса — Владивостокъ на пароходахъ Добровольнаго Флота.

ДО	Константинополя.		Суэца.		Адена.		П. де-Галь и Коломбо.		Сингапура.		Хонгъ-конга.		Шангая.		Нагасаки.		Ханькоу.		Владивостока.	
	Каютные пассажиры.	Палубные пассажиры.	Каютные пассажиры.	Палубные пассажиры.	Каютные пассажиры.	Палубные пассажиры.	Каютные пассажиры.	Палубные пассажиры.	Каютные пассажиры.	Палубные пассажиры.	Каютные пассажиры.	Палубные пассажиры.	Каютные пассажиры.	Палубные пассажиры.	Каютные пассажиры.	Палубные пассажиры.	Каютные пассажиры.	Палубные пассажиры.	Каютные пассажиры.	Палубные пассажиры.
Отъ Одессы.	24	6	81	19	147	34	236	58	295	72	342	85	367	94	383	97	400	100	400	100
Константинополя.			63	14	129	31	221	54	281	68	331	83	357	89	372	94	389	97	389	97
Суэца.					83	19	183	44	245	60	300	74	326	81	341	85	357	89	357	89
Адена.							130	30	191	47	249	60	281	67	300	74	317	78	317	78
П. де-Галль и Коломбо.									94	22	161	39	196	47	214	52	326	58	236	58
Сингапура.											91	22	128	30	151	37	175	41	175	41
Хонгъ-конга.													54	13	81	19	108	25	108	25
Шангая.															33	9	48	11	67	16
Нагасаки.																	81	19	47	11
Ханькоу.																			115	26

Примѣчаніе. При обратныхъ рейсахъ пароходовъ черезъ Ханькоу или Шангай, съ пассажировъ, принимаемыхъ до прихода въ эти порты, взыскивается добавочная плата за продовольствіе: съ каютныхъ пассажировъ по 50 рублей, а съ палубныхъ по 10 рублей за каждый полный билетъ и соразмѣрно этому за половину и четверть билета.

Предметы, принимаемые къ перевозкѣ.

Пароходы Добровольнаго Флота принимаютъ товары и грузы съ нижеслѣдующими ограниченіями:

А) Не принимаются вовсе:

а) предметы, перевозка которыхъ по существующимъ правиламъ предоставлена исключительно почтовому вѣдомству, а именно: русскія золотыя и серебряныя монеты, государственныя денежныя бумаги, письма, документы, газеты и т. п., а равно золото, серебро, платина, ювелирныя издѣлія, дорогія кружева, драгоцѣнные камни, картины и т. п.;

б) взрывчатыя вещества, угрожающія взрывомъ при перевозкѣ, какъ-то: динамитъ, нитроглицеринъ, огнестрѣльные снаряды, чиненные сими веществами, фейерверки и т. п.,

и в) мясо и другіе съѣстные припасы, имѣющіе явные признаки порчи.

Б) Допускаются къ перевозкѣ лишь съ соблюденіемъ опредѣленныхъ требованій:

а) скипидаръ, нефть и всякія вещества, опасныя по своему горючему свойству, принимаются не иначе, какъ помѣщенныя въ мѣста малаго вѣса (не свыше 2 пудовъ) и объема (не свыше 4 куб. фут.), въ металлической, герметической укупоркѣ и безъ отвѣтственности со стороны Добровольнаго Флота въ случаѣ необходимости выбросить ихъ за бортъ. Но предметы эти принимаются, вообще, только на пароходы, отправляемые безъ большихъ партій воинскихъ чиновъ или переселенцевъ;

б) *табакъ* принимается не иначе, какъ безъ всякой со стороны Добровольнаго Флота отвѣтственности за порчу его во время перевозки моремъ;

в) *спиртъ* принимается, одинаково, только на пароходы безъ большихъ партій людей, въ желѣзныхъ банкахъ и бочкахъ, или же въ деревянныхъ бочкахъ съ желѣзными обручами, при чемъ желѣзныя бочки должны быть не болѣе 65, а деревянныя — не болѣе 40 ведеръ вмѣстимостью; кромѣ того, въ случаѣ опасности морской или отъ огня, мѣста со спиртомъ могутъ быть выброшены за бортъ безъ всякой со стороны Добровольнаго Флота отвѣтственности;

г) *птицы и собаки принимаются только въ клѣткахъ, а звѣри— также въ клѣткахъ, но въ прочныхъ желѣзныхъ* и лишь въ случаѣ возможности помѣстить ихъ. Всѣ означенныя животныя, а равно и прочій скотъ, принимаемый, одинаково, лишь въ случаѣ возможности, снабжаются кормомъ отъ отправителя и сопровождаются проводниками, на которыхъ и лежитъ полное о нихъ попеченіе; за проводниковъ платится по пассажирскому тарифу;

д) *зеркальныя стекла, фарфоровыя, стеклянныя и другія хрупкія издѣлія* принимаются безъ отвѣтственности за ихъ цѣлость;

е) *экипажи, тяжеловѣсныя и громоздкія вещи* принимаются на пароходъ только тогда, когда представляется къ тому возможность,

и ж) *поврежденныя мѣста* принимаются, если отправитель согласится подписать на коносаментѣ замѣчаніе о поврежденіяхъ и оговорку, что Добровольный Флотъ не отвѣчаетъ за растрату и порчу товара.

Провозная плата.

За перевозку грузовъ изъ Одессы во Владивостокъ, Николаевъ, на Амуръ и порты о-ва Сахалинъ: Корсаковскій и Дуэ, туда или обратно, взимается слѣдующая плата:

За перевозку: От Одессы до	Владивостока.		Портовъ: Корсаковскій и Дуэ.		Николаевска на Амурѣ.	
I. Грузовъ, особо здѣсь непоименованныхъ:						
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
а) *Легковѣсныхъ*, т. е. содержащихъ въ одномъ кубическомъ футѣ объема менѣе одного пуда—*съ каждаго кубическаго фута по* . . . . б) *Нелегковѣсныхъ*, т. е. имѣющихъ въ одномъ кубич. футѣ объема болѣе одного пуда—*съ каждаго пуда по*	—	70	—	80	1	05

От Одессы до	Владивостока.		Портовъ: Корсаковскій и Дуэ.		Николаевска на Амурѣ.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
II. *Металловъ не въ дѣлѣ, алебастра, веревокъ, извести, крахмала, обоевъ, смолы, соды, соли, хлѣба въ зернѣ или мукѣ и цемента — съ пуда по*	—	60	—	70	—	90
III. Съ кубическаго фута или пуда, согласно опредѣл. ст. I. съ товаровъ:						
1. Благовоннаго товара.						
2. Вина, спирта съ ведра и ликеровъ						
3. Домашнихъ вещей.						
4. Зеркалъ и стеколъ						
5. Инструмент.: астрономическихъ, геодезическихъ, механическихъ, оптическихъ, ремесленныхъ и т. п. принадлежностей къ нимъ.						
6. Канцелярскихъ принадлежностей, за исключеніемъ писчей бумаги.						
7. Кожаныхъ издѣлій						
8. Мануфактурнаго, за исключеніемъ парусины, холста и полотна.	—	80	—	90	1	15
9. Металлическихъ издѣлій, за исключеніемъ чугунныхъ						
10. Моднаго и галантерейнаго товара.						
11. Мѣховъ всякихъ и ихъ издѣлій.						
12. Обуви всякой						
13. Оружія.						
14. Платья и бѣлья, въ томъ числѣ аммуничныхъ, солдатскихъ вещей и другихъ предметовъ обмундированія.						
15. Табака						
16. Разныхъ товаровъ въ общей укупоркѣ.						
IV. Тяжеловѣсныхъ предметовъ, или имѣющихъ въ одной штукѣ болѣе 120 пудовъ.	По особому соглашенію.					
V. *Громоздкимъ*, но не тяжеловѣсныхъ, или имѣющихъ въ одной штукѣ болѣе 120 куб. футовъ—*съ каждаго куб. фута по*.	1	40	1	60	2	10

Примѣчаніе. Земледѣльческія орудія,

От Одессы до	Владиво-стока.		Портов: Корсаковский и Дуэ.		Николаевска на Амурѣ.	
какъ-то: молотилки, плуги, бороны, культиваторы, грабли, сѣялки, косилки, жатвенныя машины, вѣялки, соломорѣзки и зернодробилки признаются громоздкими и оплачиваются по этой статьѣ только при объемѣ свыше 200 куб. футовъ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
VI. *Птицъ и собакъ* въ клѣткахъ — съ каждаго куб. фута объема клѣтки по	1	40	1	60	2	10
VII. *Скота*: а) лошадей, рогатаго скота и ословъ — съ головы по	120	—	130	—	160	—
б) жеребятъ и телятъ — по	60	—	65	—	80	—
в) свиней, овецъ и козъ — по	30	—	32	50	40	—

Примѣчаніе 1. Приведенный здѣсь тарифъ примѣняется, однако, съ тѣмъ условіемъ, чтобы провозная плата по каждому отдѣльному коносаменту составляла сумму не менѣе *десяти рублей*, при чемъ сумма эта представляетъ собою наименьшій размѣръ провозной платы, допускаемой по каждому коносаменту, какъ бы незначительно ни было количество груза.

Правило это не распространяется на отправки казенныхъ вѣдомствъ, грузы которыхъ отправляются въ малыхъ мѣстахъ лишь въ видѣ исключенія и почти всегда сдаются съ пароходовъ непосредственно.

Примѣчаніе 2. При разсчетѣ фрахта, части кубическихъ футовъ, пудовъ или копѣекъ принимаются за цѣлые.

За перевозку товаровъ между промежуточными портами линіи Одесса, Владивостокъ, Николаевскъ фрахтъ устанавливается каждый разъ по особому соглашенію.

За провозъ товаровъ въ порты Камчатскаго или Охотскаго морей, или обратно, взимается собственно за провозъ отъ Владивостока до каждаго изъ вышеозначенныхъ портовъ, или обратно во Владивостокъ, однообразная плата по 30 коп. съ пуда.

Такса по р. Амуру и Уссуры.

За провозъ товаровъ, предназначенныхъ въ Хабаровку, Благовѣщенскъ или Срѣтенскъ, по соглашенію съ Товариществомъ Амурскаго пароходства, взимается:

а) За перевозку на буксирныхъ несрочныхъ пароходахъ Амурскаго Товарищества:

Отъ Николаевска	до	Хабаровки.	по	— р.	35	к.	съ	пуда.
„ „	„	Благовѣщенска . .	„	— „	45	„	„	„
„ „	„	Срѣтенска.	„	1 „	40	„	„	„

б) За доставку грузовъ срочными почтовыми рейсами взимается:

Отъ Николаевска	до	Хабаровки.	по	— р.	50	к.	съ	пуда.
„ „	„	Благовѣщенска . .	„	— „	70	„	„	„
„ „	„	Срѣтенска.	„	1 „	75	„	„	„

Въ эту плату входитъ плата за выгрузку съ морскихъ судовъ въ Николаевскѣ, нагрузку и выгрузку на рѣчныхъ судахъ и храненіе грузовъ до отправки, которая производится рейсами пароходовъ въ одинъ разъ:—не болѣе 3,000 пуд. на почтовыхъ пароходахъ и 40,000 на буксирныхъ.

За перевозку пассажировъ отъ Николаевска до Хабаровки, на разстояніи 939$^3/_4$ вер., съ пассажировъ I класса взимается 28 руб. 19 коп., II класса—16 руб. 45 коп., III класса—4 руб. 70 коп. Отъ Хабаровки до г. Благовѣщенска, на разстояніи 845 верстъ, взимается съ пассажиръ I класса — 25 руб. 35 коп., II класса—14 руб. 79 коп., III класса — 4 руб. 23 коп. Отъ г. Благовѣщенска до с. Срѣтенска, на разстояніи 1,171$^3/_4$ версты, взимается съ пассажировъ I класса 35 руб. 15 коп., II класса—20 руб. 51 коп., III класса—5 руб. 86 коп.

За перевозку по р. Уссуры пассажировъ и товаровъ, на разстояніи 766 верстъ, отъ Хабаровки до Камень-Рыболова, что въ двухъ стахъ верстахъ отъ г. Владивостока, пароходная такса такова: съ пассажировъ I класса взимается 22 руб. 95 коп. II класса—13 руб. 39 коп., III класса — 3 руб. 83 коп.; за пудъ багажа—77 коп., за пудъ частнаго груза—47 коп.

Таксы по р. Амуру и Уссури.

За провозъ товаровъ, предназначенныхъ въ Хабаровку, Благовѣщенскъ или Срѣтенскъ, по соглашенію съ Товариществомъ Амурскаго пароходства, взимается:

а) За перевозку на буксирныхъ несрочныхъ пароходахъ Амурскаго Товарищества:

Отъ Николаевска до Хабаровки. . . . по — р. 35 к. съ пуда.
„ „ Благовѣщенска . . . „ — „ 45 „ „ „
„ „ Срѣтенска. . . . . . „ 1 „ 40 „ „ „

б) За доставку грузовъ срочными почтовыми рейсами взимается:

Отъ Николаевска до Хабаровки. . . . по — р. 50 к. съ пуда.
„ „ Благовѣщенска . . . „ — „ 70 „ „ „
„ „ Срѣтенска. . . . . . „ 1 „ 75 „ „ „

Въ эту плату входитъ плата за выгрузку съ морскихъ судовъ въ Николаевскѣ, нагрузку и выгрузку на рѣчныхъ судахъ и храненіе грузовъ до отправки, которая производится рейсами пароходовъ въ одинъ разъ:—не болѣе 3.000 пуд. на почтовыхъ пароходахъ и 40.000 на буксирныхъ.

За перевозку пассажировъ отъ Николаевска до Хабаровки, на разстояніи 939 3/4 вер., съ пассажировъ I класса взимается 28 руб. 19 коп., II класса—16 руб. 45 коп., III класса—4 руб. 70 коп. Отъ Хабаровки до г. Благовѣщенска, на разстояніи 845 верстъ, взимается съ пассажиръ I класса — 25 руб. 35 коп., II класса—14 руб. 79 коп., III класса — 4 руб. 23 коп. Отъ г. Благовѣщенска до с. Срѣтенска, на разстояніи 1.171 3/4 версты, взимается съ пассажировъ I класса 35 руб. 15 коп., II класса—20 руб. 51 коп., III класса—5 руб. 86 коп.

За перевозку по р. Уссури пассажировъ и товаровъ, на разстояніи 766 верстъ, отъ Хабаровки до Камень-Рыболова, что въ двухъ стахъ верстахъ отъ г. Владивостока, пароходная такса такова: съ пассажировъ I класса взимается 22 руб. 95 коп., II класса—13 руб. 39 коп., III класса — 3 руб. 83 коп.; за пудъ багажа — 77 коп., за пудъ частнаго груза—47 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Общество для пособія нуждающимся сибирякамъ и сибирячкамъ, учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы.

Общество имѣетъ цѣлью оказывать матеріальную помощь сибирякамъ и сибирячкамъ, обучающимся въ учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы.

Если позволятъ средства Общества, то дѣйствія его могутъ распространиться и на лицъ, окончившихъ курсъ ученія, но еще не защищавшихъ диссертаціи.

Сообразно съ своею цѣлью, Общество:

1) выдаетъ означеннымъ лицамъ единовременныя денежныя пособія.

2) доставляетъ имъ постоянное содержаніе въ продолженіе курса ученія;

3) принимаетъ, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, мѣры къ улучшенію матеріальныхъ условій жизни учащихся;

4) заботится какъ о пользованіи заболѣвшихъ на дому, такъ и о помѣщеніи ихъ въ больничныя заведенія,

и 5) пріискиваетъ нуждающимся во время ихъ курса ученія занятія, могущія доставить имъ средства къ жизни.

Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа совершеннолѣтнихъ и правоспособныхъ, не опороченныхъ судомъ, лицъ, обоего пола, всѣхъ состояній и званій, за исключеніемъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ. Члены Общества раздѣляются на:

1) учредителей, внесшихъ при основаніи Общества не менѣе 200 рублей единовременно;

2) почетныхъ, вносящихъ единовременно 500 рублей, или ежегодно не менѣе 50 рублей;

3) дѣйствительныхъ—съ годичнымъ взносомъ въ 10 рублей;

4) постоянныхъ и временныхъ членовъ-соревнователей, которыми могутъ быть лица, оказывающія Обществу содѣйствіе въ достиженіи его цѣли.

Члены, не платившіе своего взноса въ теченіе 2-хъ лѣтъ, считаются выбывшими изъ Общества.

ОТЧЕТЪ КОМИТЕТА

Общества для пособія нуждающимся сибирякамъ и сибирячкамъ, учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы.

ЗА ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

Съ 1-го Октября 1887 года по 1-е Октября 1888 года.

ПРИХОДЪ.

Оставалось на 1-е Октября 1887 года:		
наличными деньгами у казначея		667 р. 03 к.
процентными бумагами по номинальн. стоимости на 13.250 р., кои въ покупкѣ обошлись Обществу на 12.979 р. 51 к.		
Въ теченіе года поступило:		
отъ 4 членовъ почетныхъ	200 р. — к.	
» 180 » дѣйствительныхъ	1.100 » — »	1.300 » — »
Пожертвовано разными лицами	3.789 р. 47 к	
» со спеціальнымъ назначеніемъ. .	1.600 » — »	5.389 » 47 »

Выручено отъ даннаго 11 февраля музыкально-литературнаго вечера . . . . 2.177 р. — к.

Поступило процентовъ по текущему счету изъ Московскаго Торговаго Банка. . . . . 14 р. 99 к.

Поступило по срочнымъ текущимъ купонамъ отъ процентныхъ бумагъ, принадлежащихъ Обществу . . . . 389 » 50 » 404 » 49 »

Поступило обратно изъ внесенныхъ за ученіе . . . . 97 » 25 »

Итого въ приходѣ . . . . 10.035 р. 24 к.

РАСХОДЪ.

Куплено процентныхъ бумагъ по номинальной стоимости на 900 р., кои обошлись. . . . . 885 р. 93 к.

Выдано въ пособіе учащимся (4.252 руб. 90 к.) и внесено за ученіе (3.204 р. 50 к.) по:

216 прошен.	44	студентовъ университета . .	4.254 р. 10 к.
8 »	3	» и слушателей Петровской Академіи.	152 » 30 »
7 »	6	воспитан. Техническ. училищ.	380 » — »
41 »	7	слушател. акушерск. курсовъ.	603 » — »
2 »	2	» фельдшерск. » .	30 » — »
2 »	1	ученика живописи, ваянія и зодчества	55 » — »
2 »	2	учениц школы Филармоническаго Общества.	125 » — »
2 »	1	ученика мужской гимназіи . .	55 » — »
3 »	2	учениц женской » . .	150 » — »
2 »	1	ученика реальнаго училища .	130 » — »
2 »	1	ученицы частнаго женскаго пансіона.	120 » — »
1 »	1	ученика драматическ. классовъ.	25 » — »
4 »	2	воспитан. ремесленной школы О. Р. Т. З.	173 » — »
1 »	1	ученика счетоводн. курсовъ .	5 » — »

Итого по 293 прош. для 74 лицъ . 6.257 р. 40 к.

Кромѣ того, по спеціальному пожертвованію поступило на пособіе 16 лицамъ. . . . . . . 1.200 » — »

Издержано Комитетомъ . . . . 554 » 68 »

Итого въ расходѣ . . . . 8.888 р. 01 к.

Членскіе взносы и пожертвованія принимаются казначеемъ и другими членами Комитета: **Адресы:** Н. В. Баснинъ (*Калашный пер., близъ Никитскихъ воротъ, д. Серіъевой*), В. М. Михеевъ (*Малая Полянка, д. Сердобинскаго*), Е. И. Носковъ (*Большая Бронная, д. № 4*), В. И. Дрейеръ (*3-я Мѣщанская, д. Ивановой* (Н. М. Чукмалдинъ (*Мясницкая, д. Художественнаго Музея, кв. № 4*), А. Г. Каменскій (*Страстной бульваръ, свой домъ*), Ф. А. Деньгинъ (*Малый Власьевскій пер., д. Заводовскаго*), Н. Г. Сахаровъ (*Волхонка, д. Воейковой*), Ю. И. Базанова (*Моховая, свой домъ*), М. М. Зензиновъ (*Малая Дмитровка, д. Алексѣева*).

ЗОЛОТОШВЕЙНОЕ ДЕПО ШАДРИНА ЦЕРКОВНЫХЪ и ПРИДВОРНЫХЪ ВЕЩЕЙ въ МОСКВѢ.

Тверская, д. Маттейсенъ.

Церковныя вещи въ стиляхъ: византiйскомъ, старинногреческомъ, русскомъ и проч.

Портреты Государя Императора и Государыни Императрицы во весь ростъ—отъ 250 руб. до 2,000 руб.; грудные отъ 50 р. до 300 руб.; рамы отъ 3½ арш. до 4 арш. отъ 100 р. до 300 рублей.

Напрестольная одежда: невышитая — отъ 60 руб. до 500 р. и выше; вышитыя золотомъ отъ 300 до 2,000 руб. и выше.

Воздухи: невышитыя — отъ 10 до 20 руб. и выше; вышитыя — отъ 25 до 1.000 руб. и выше.

Плащаницы бархатныя—отъ 40 до 100 руб.; съ предстоящими евангелистами—отъ 75 до 150 руб.

Плащаницы напрестольныя — отъ 20 до 50 руб.; съ предстоящими евангелистами—отъ 40 до 100 руб.

Плащаницы по бархату, вышитыя золотомъ — отъ 150 до 8,000 руб. съ предстоящими евангелистами отъ 300 до 10,000 руб.

Пелены для покрытiя плащаницъ—отъ 25 до 200 р.; вышитыя отъ 300 до 1,000 р.

Покровы парчевые и вышитые, разныхъ цѣнъ отъ 50 до 5,000 руб. и выше.

Гробница подъ плащаницы—отъ 40 до 1,000 руб. и выше.

Хоругви невышитыя—отъ 50 до 200 руб.; вышитыя золотомъ и съ камнями—отъ 300 до 8,000 руб. и выше.

Хоругви металлическiя—отъ 100 до 1,000 р. и выше; серебряныя—разн. цѣнъ.

Облаченiе: ризы, сшитые, весь приборъ — отъ 50 до 100 р.; парчевыя, золотыя или серебряныя отъ 120 до 1,000 руб.; вышитыя золотомъ и съ камнями отъ 450 до 8,000 руб. и выше.

Оплечья: священническiя и дiаконскiя отъ 150 до 500 руб. и выше.

Саккосъ изъ парчи, глазета, муара—отъ 300 до 1,000 руб. и выше; вышитый золотомъ и съ камнями отъ 600 до 8,000 руб. и выше.

Митра, шитая золотомъ—отъ 100 до 2,000 и выше.

Панагiи для архiереевъ — отъ 50 до 1,000 руб. и выше; кресты для архимандритовъ отъ 40 до 800 руб. и выше.

Парча золотая отъ 3 до 75 руб. за арш. и выше; мишурная золоч. отъ 1 до 3 р. 50 коп. за арш.

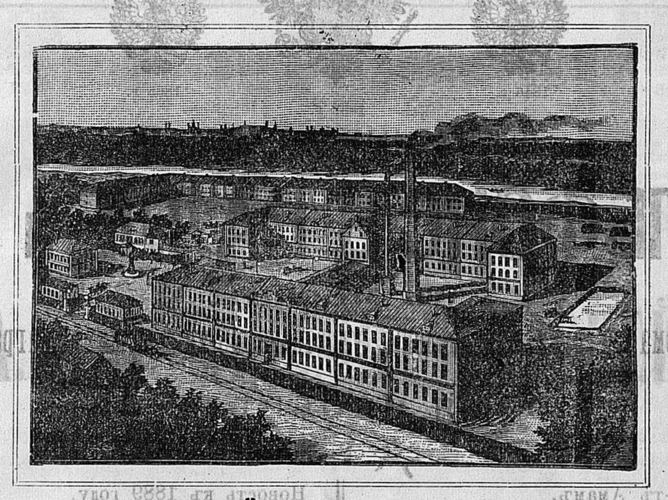
Гасъ золотой отъ 15 коп. до 10 руб. за аршинъ; мишурный золоч. отъ 5 до 75 коп. за арш.

Бахрома и кружева—отъ 25 к. до 15 руб.; миш. золоч. отъ 10 до 1 р. 50 к.

Кисти золотыя—отъ 1 до 15 руб. за штуку; миш. золоч. отъ 20 к. до 3 руб.

Шитье придворное, военное и статское: мундиры, петлицы, шляпы, кафтаны, цѣпи.

И. Шадринъ.



ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ

МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ.

МОСКВА.

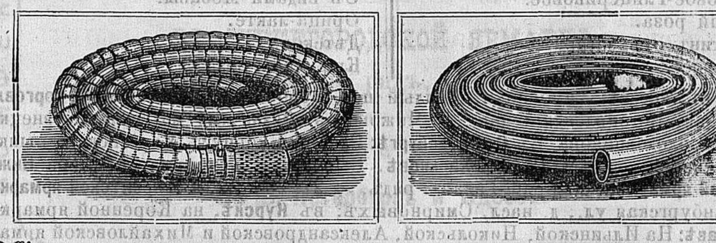
Принимаемъ заказы на **Резиновые предметы** всякаго рода: **Полотно, пластины, клапаны, рукава и пр.** для **фабрикъ, заводовъ, пароходовъ**, пожарныхъ коммандъ, ассенизаціи, больницъ и аптекъ.

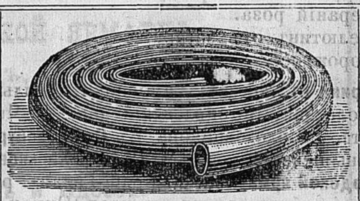
Исполняемъ заказы въ кратчайшіе сроки.

Прейсъ-куранты и смѣты высылаются по востребованію.

Правленіе и Контора Мясницкая, д. Фирсановой.

Адресъ для телеграммъ: **„РЕЗИНА" Москва.**





Книжный Магазинъ **Н. И. Мамонтова,** по требованіямъ Гг. иногородниxъ, высылаетъ всѣ вообще книги, ноты и учебныя пособія, публикуемыя въ газетахъ, и принимаетъ подписку на всѣ русскія періодическія изданія по цѣнамъ редакцій. На почтовую высылку книгъ прилагается отъ 10% до 20% — по разстоянію.

Всѣ требованія Гг. иногороднихъ исполняются безъ замедленія и съ аккуратностію.

Легкія посылки высылаются по почтѣ, а вѣсомъ болѣе одного пуда могутъ быть высылаемы черезъ транспортныя конторы; въ послѣднемъ случаѣ при заказѣ можетъ быть высылаема приблизительно половина стоимости его; уплата остальныхъ денегъ переводится на транспортную контору.

Книги могутъ быть высланы также съ наложеннымъ платежемъ чрезъ почту, деньги за которыя уплачиваются получателемъ на мѣстѣ, почтовой конторѣ, при полученіи книгъ.

По отправкѣ посылки, съ слѣдующей почтой высылается счетъ; въ случаѣ, если за исполненіемъ порученія останутся деньги, то послѣднія по желаланію покупателя, остаются въ Магазинѣ и записываются на его текущій счетъ, или высылаются обратно на счетъ покупателя.

Желающіе получить письменные отвѣты на свои запросы по книжному дѣлу или каталоги Магазина благоволятъ высылать на то соотвѣтствующія почтовыя марки.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
„НАРОДНОЙ БИБЛІОТЕКИ".

Москва, Петровскія линіи, № 15.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ „НАРОДНОЙ БИБЛІОТЕКИ":

1 Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири А. И. Розова, ц. 1 р.
1 Букварь, ц. 2 к., (сотнями 1 р.).
2 Толстого Л. Н. Чѣмъ люди живы, разсказъ ц. 5 к.
3 Толстого Л. Н. Богъ правду видитъ, разсказъ ц. 3 к.
4 Толстого Л. Н. Кавказскій плѣнникъ, разсказъ, ц. 5 к.
5 Андерсена сказки, съ картин., 1 вып., ц. 3 к.
6 Тоже вып. 2, ц. 3 к., тоже вып. 3, ц. 3 к.
7 Тоже вып. 4, ц. 3 к.
8 » » 5, ц. 3 к.
9 » » 6, ц. 3 к.
10 » » 7, ц. 6 к.
11 Разсказы стараго матроса, 1 вып., ц. 5 к.
12 Тоже, вып. 2, ц. 5 к.
13 » » 3, ц. 5 к.
14 Сельское огородничество, 3-е изд., одобрен. Учен. Ком. Минист. Народ. Просв. и Учебн. Ком. при Свят. Синодѣ, ц. 10 к.
15 Индійскія повѣсти, вып. 1. Наль и Дамаянти, ц. 10 к.
16 Тоже, вып. 2. Сакунтала, или узнанная по кольцу, ц. 8 к.
17 Г. Флобера, Юліанъ Милостивый, ц. 8 к.
18 Арабскія сказки съ картинами, ц. 15 к., вып. 2, ц. 25 к.
19 Послѣдній изъ Могиканъ, ц. 12 к.
20 Эдгаръ По. Золотой Жукъ, ц. 10 к.
21 Русскія народ. сказки, в. 1, ц. 5 к.
22 Русскія сказки, вып. 2, ц. 5 к.
23 Тоже вып. 3, ц. 6 к.
24 Малороссійскіе разсказы, (юмористич.) для народа, ц. 3 к.
25 Полѣсье и Полѣшуки. Чтеніе для школъ, ц. 15 к.
26 Робинзонъ. Изъ «Ясной Поляны» съ карт., ц. 10 к.
27 Ночь подъ Рождество, ц. 5 к.
28 Иродіада, ц. 8 к.
29 Иванъ Гусъ, ц. 5 к.
30 Хижина Дяди Тома съ картинк., ц. 15 к.
31 Объяснительный словарь иностранныхъ словъ, 2-е изд., ц. 8 к.
32 Маракуева В. Н. «Рѣчь о школьныхъ библіотекахъ», ц. 5 к.
33 Ѳедоръ Коробейнинъ, ц. 3 к.
34 Смерть пьяницы, разсказъ Диккенса, ц. 3 к.
35 Мальчикъ Геркулесъ, (случай въ американскомъ циркѣ), ц. 5 к.
36 Кириллъ и Меѳодій, первоучители Славянъ, ц. 6 к.
37 О холерѣ и предохраненіи себя отъ нея, ц. 5 к.
38 Возвращенный преступникъ, ц. 3 коп.
39 Максимъ самоучка, разсказъ изъ народной жизни, ц. 8 к.
40 Первая помощь въ несчастн. случаяхъ до прих. лѣкаря, ц. 6 к
41 Король Лиръ, Шекспира, съ большими карт., 2-е изд., ц. 8 к.
42 Какъ люди научились писать, ц. 8 к.
43 День въ римскомъ циркѣ, ц. 7 к.
44 Одюбона. Приключенія въ американскихъ лѣсахъ. 1—8 вып. по 3 к. за экз., за всѣ ц. 24 к.
45 Бунтъ въ океанѣ или Питкернскіе заговорщики, ц. 6 к.
46 Первое плаваніе капитана Форстера, ц. 7 к.
47 Малорусскія сказки, вып. 1, ц. 3 к.
48 Тоже, вып. 2, ц. 3 к.
49 » » 3, ц. 5 к.
50 Кокорева, Саввушка, ц. 20 к.

51 Успенскаго, Сельскій портной, ц. 7 к.

52 Его же, Пономарь Савельичъ или деревенскія сироты, ц. 6 к.

53 Русскіе хлѣба, ц. 10 к.

54 Несгораемыя постройки, ц. 10 к.

55 » » крыши, ц. 10 к.

56 Простое сердце, раз. Флобера, ц. 10 к.

57 Загадки русскаго народа, ц. 6 к.

58 Между добрыми и злыми (изъ Диккенса), ц. 10 к.

59 Разведеніе ивы и плетеніе корзинъ, ц. 10 к.

60 Русское плодоводство, съ рис., ц. 30 к.

61 Уходъ за скотомъ, съ рисун., ц. 15 к.

62 Могучій Самсонъ, Елиз. Оржешко, ц. 7 к.

63 Крылья Мужества, соч. Жоржъ Зандъ, ц. 15 к.

64 Донъ Кихотъ, съ рис., ц. 15 к.

65 Разсказы Андерсена, вып. 8, 9 и 10, по 5 к.

66 Миньона, соч. Гёте, ц. 10 к.

67 Плутархъ—Александръ Македонскій съ порт., ц. 30 к.

68 Плутархъ — Юлій Цезарь съ карт., ц. 25 к.

69 Взятіе Константинополя (Царь-Града) Магометомъ II-мъ, соч. Гиббона, ц. 15 к.

70 Завѣщаніе Мавра (Араба), соч. В. Ирвинга, ц. 10 к.

71 Разсказы изъ Миѳологіи для дѣтей: 1) Голова Горгоны, 2) Золотое Прикосновеніе, 3) Дѣтскій Рай, 4) Чудесная Кружка (Филимонъ и Бавкида), 5) Похожденіе Прозерпины, 6) Золотое Руно, ц. по 10 к.

72 Сказки Перро, съ предислов. И. С. Тургенева, ц. 30 к.

73 Грибоѣдова «Горе отъ ума» съ примѣч. и статьями Гоголя и Пушкина, ц. 10 к.

74 Котъ въ сапогахъ, съ карт., ц. 10 к.

Письма адресовать на имя В. Н. Маракуева.

ОПЕЧАТКИ.

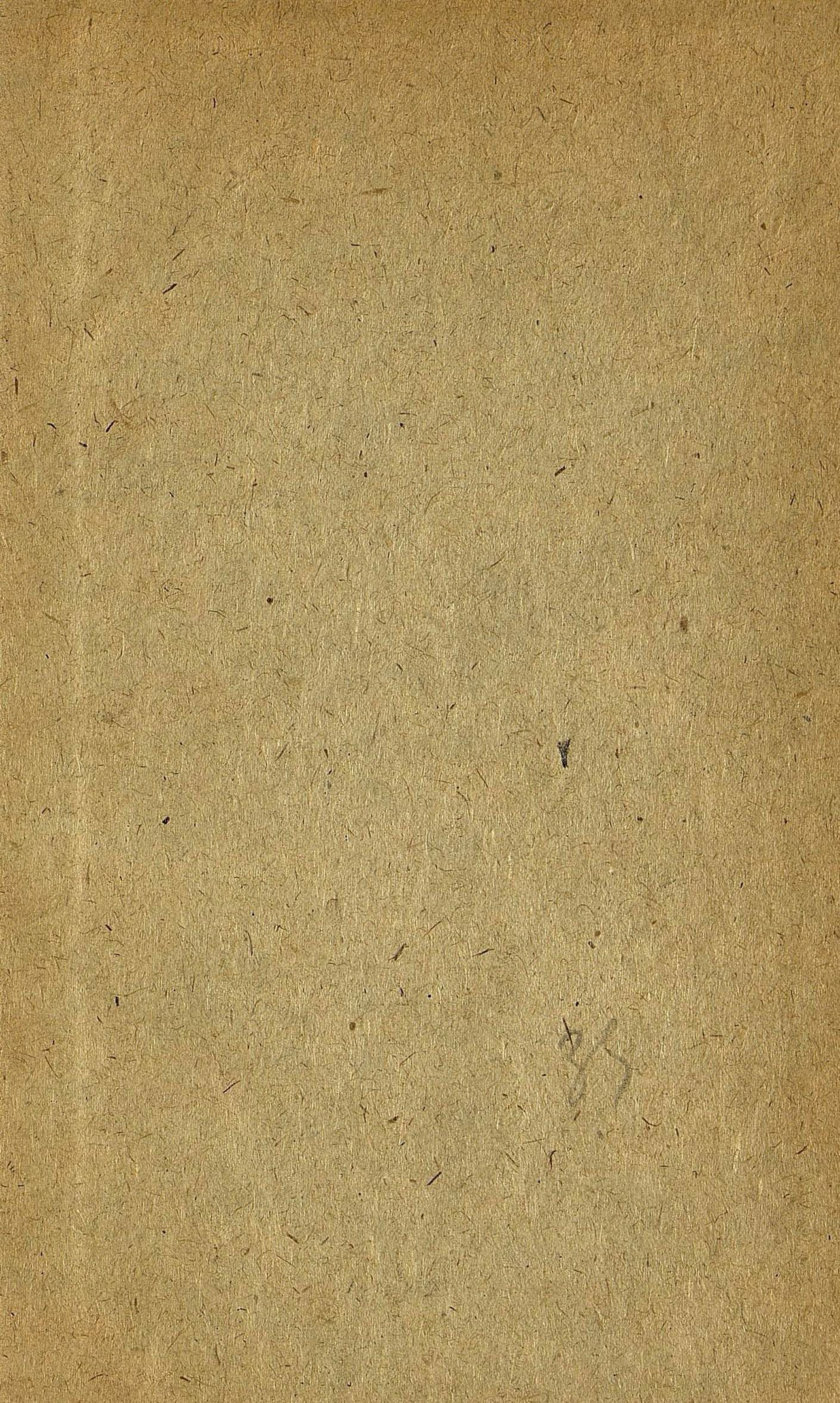
Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читай.*
10	19	параходной	пароходной
17	18	нѣсколко	нѣсколько
26	22	калосальныхъ	колоссальныхъ
29	25	нѣтъ;	нѣтъ,
74	11	не модъ	не могъ
122	23	библіотекѣ	библіотеку
187	въ оглавленіи	Уссури	Уссуры.

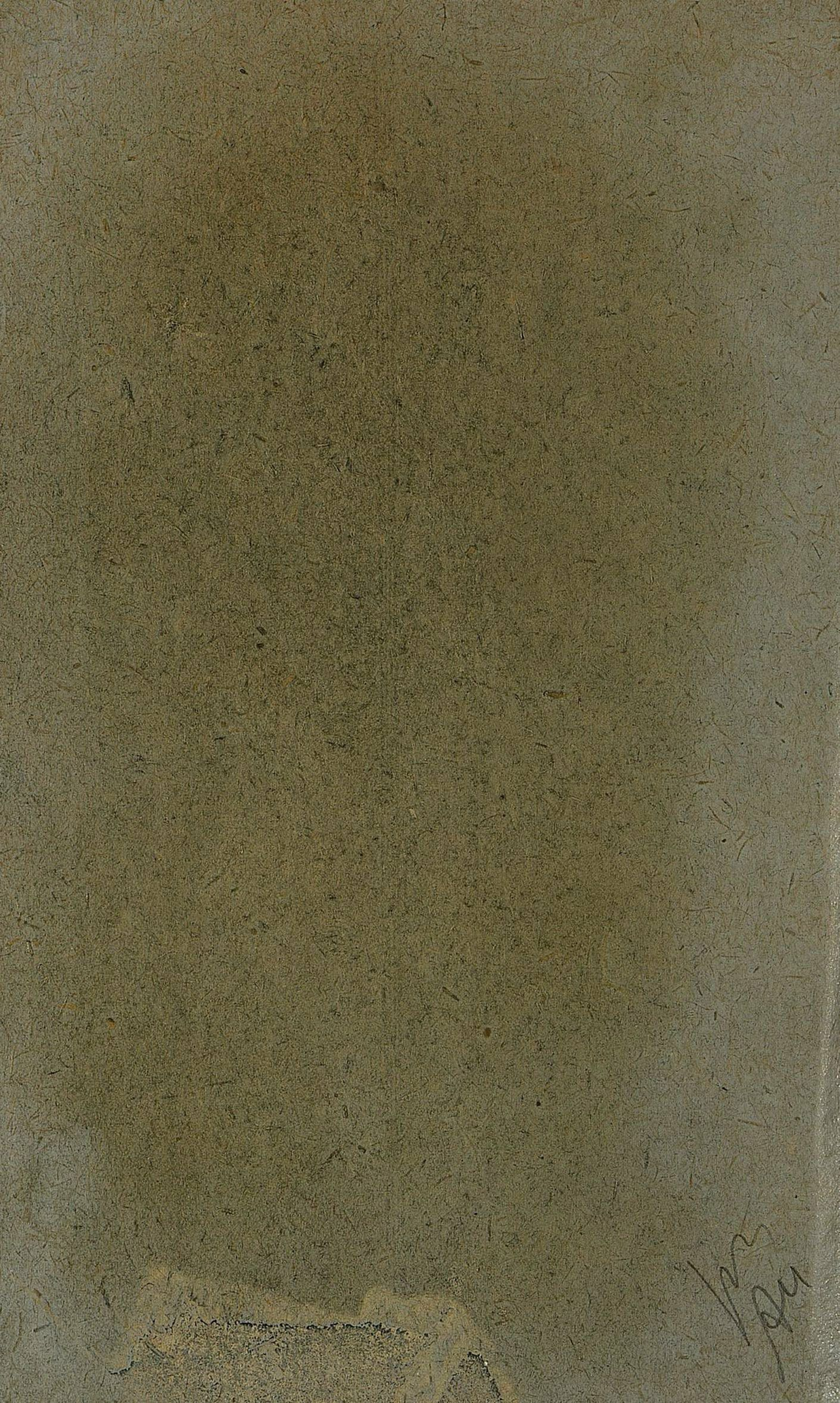
17л

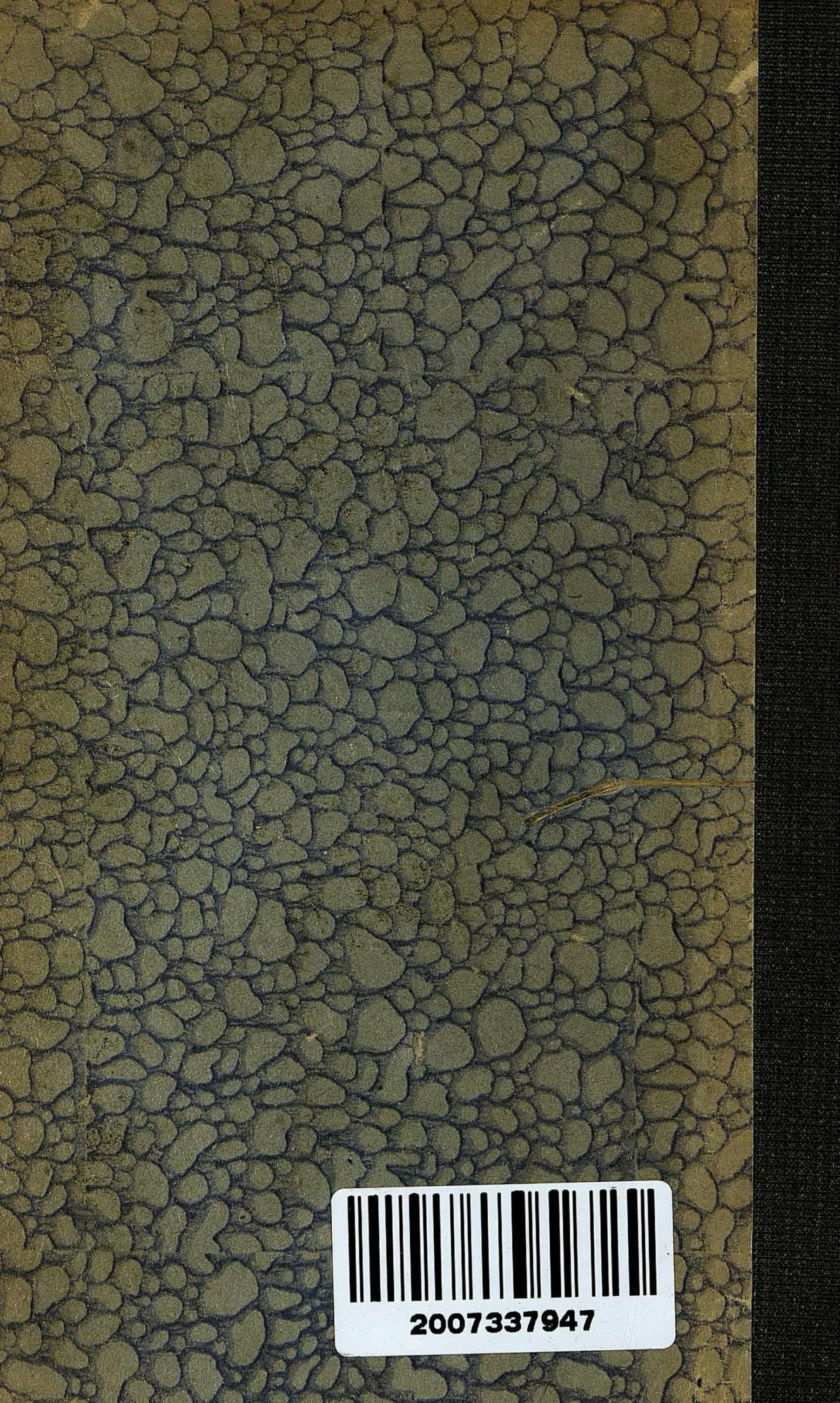
+

КНИГА продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга и Москвы.

Главный складъ при книжномъ магазинѣ *Н. И. Мамонтова*, въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсановой.






2007337947